

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XXII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Редакция:

*Азбелев С. Н., Выходцев П. С. (отв. редактор), Горелов А. А.,
Еремина В. И., Коргузалов В. В., Некрылова А. Ф. (секретарь)*

Рецензенты:

Л. С. Шептаев, В. И. Жекулина

ОТ РЕДАКЦИИ

В основу XXII выпуска «Русского фольклора» положены материалы (доклады и сообщения) Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора, состоявшейся 23—27 октября 1979 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Эти материалы свидетельствуют о современном состоянии традиционных и новых форм народного творчества. Читатель почерпнет в них информацию о различных сторонах деятельности фольклористов во многих районах страны, многочисленные сведения о результатах их собирательской работы, об опыте фольклорной практики в вузах, о состоянии архивного хранения произведений народной художественной культуры и т. п. И хотя эти данные не претендуют на исчерпывающую полноту, они позволяют увидеть не только масштабы проведенной собирателями работы, но и трудности, и задачи, стоящие перед ними на современном этапе.

Обмениваясь опытом своей деятельности, анализируя современное состояние фольклора и методы собирательской работы, участники конференции поставили и ряд актуальных проблем фольклористики, решение которых поможет успешному осуществлению новых неотложных практических и теоретических задач, стоящих перед наукой. Среди них на первое место выступают задачи объединения усилий всех ученых страны по подготовке многотомного Свода русского фольклора, предпринимаемого АН СССР, координации сплошного регионального обследования русского фольклора в стране, выяснения межнациональных фольклорных связей и др.

Публикуемые материалы конференции со всей очевидностью подтверждают также, что работа фольклористов в настоящее время (подготовка Свода, упорядочение архивохранилищ и систематизация их материалов, издание фольклорных сборников и связь с художественной самодеятельностью, обучение и воспитание многотысячных студенческих масс в фольклорной практике и т. п.) приобретает важное значение в общекультурном строительстве и далеко выходит за пределы узкоспециальных научных задач.

Учитывая особенности современного состояния фольклора как исторического этапа его бытия и особую ответственность собирателей перед будущей фольклористической наукой, а также осознавая важность повышения научного уровня современной собирательской работы, редколлегия «Русского фольклора» предполагает ближайшие выпуски посвятить про-

блемам практической фольклористики, в том числе и продолжению публикации материалов конференции.

В настоящем выпуске печатаются лишь доклады и сообщения, непосредственно посвященные характеристике современного состояния народного творчества по регионам и судеб отдельных жанров русского фольклора в иноязычном окружении. В следующем (XXIII) томе «Русского фольклора» будет продолжена публикация докладов по вопросам межнациональных фольклорных связей, вузовской фольклорной практики, методики собирательской работы и архивного хранения материалов народного творчества.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

П. С. ВЫХОДЦЕВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА НА БЕЛОМОРЬЕ

(ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Среди многих задач и проблем, которые стоят перед фольклористами-собираателями, важнейшей является проблема систематического регионального освоения фольклора.

В прошлом, при всех достижениях фольклористов, собирательская работа велась стихийно и избирательно. Задачи фронтального обследования определенных районов (не говоря уже о России в целом) не ставились. Но только систематическое освоение регионального материала позволяет не просто с максимальной полнотой узнать и записать фольклор, получить более или менее целостное представление о его жизни в том или ином районе, но и дает важнейшие источники для решения научных проблем принципиального значения — о судьбах фольклора в целом и отдельных жанров, миграции сюжетов, своеобразия и многообразия художественной культуры этнических районов и ее исторического развития.

Региональное систематическое изучение фольклора позволяет глубже и конкретнее увязать словесное творчество народа с другими видами народной художественной культуры — языком, этнографией, социологией, музыкой, хореографией.

Наконец, региональный принцип открывает новые возможности для изучения собственно эстетического содержания фольклорных жанров. Убедительным подтверждением плодотворности такого подхода в осмыслении русской свадьбы, обрядовой и необрядовой лирики является опыт работы экспедиций последних лет под руководством Д. М. Балашова и А. М. Мехнецова в Мурманской, Архангельской и Вологодской областях.

Остановлюсь на примере экспедиционной работы Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Архангельской области за пять лет (1975—1979).

Начиная с прошлого века Русский Север, в частности обширный Архангельский край, довольно интенсивно обследовался учеными-фольклористами и собирателями пародного поэтического творчества. В общенациональную сокровищницу русской пародной словесности этот край внес неоценимый вклад. Благодаря усилиям многих собирателей-энтузиастов и подвижников, среди которых были такие выдающиеся фольклористы, как Н. Е. Ончуков, А. Д. Григорьев, А. В. Марков, О. Э. Озаровская, вплоть до крупнейших знатоков и собирателей фольклора нашего времени (Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. М. Астахова и др.), мы узнали талантливейших сказителей — М. Д. Кривополенову с Пинеги, А. М. Крюкову с Зимнего берега, А. М. Пашкову из Прионежья, А. Ф. Пономарева

и Т. С. Кузьмина с Печоры и многих других. Были обнаружены целые родовые династии мастеров народного искусства слова, бережно хранивших и передававших из поколения в поколение драгоценное народное духовное наследие (Крюковы на Зимнем берегу, Чупровы и Носовы на Печоре и т. п.).

Однако собирательская работа фольклористов в этом крае велась неравномерно. Наиболее обследованными оказались районы рек Печора, Мезень, Пинега, а также Зимний берег. Ряд научных экспедиций, проведенных на Мезени, Пинеге, Печоре фольклористами Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 20-е—60-е гг., а также фольклористами Ленинградской консерватории и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 50-е—60-е гг. на Мезени, Пинеге и Северной Двине, пополнили национальные фонды устного народного творчества богатейшими материалами.¹ Неоценимая заслуга собирателей 20—50-х гг., особенно А. М. Астаховой, состоит в первую очередь в том, что они успели записать и тем самым сохранить для русской культуры расцветавший когда-то в этих краях, а теперь уже живший в последней своей стадии классический народный эпос. «Былины Севера» в двух томах А. М. Астаховой занимают в истории фольклористики принципиально важное место.

Среди малоизученных районов Северного края до самого последнего времени оставалось Беломорье (Абрамовский, Летний и Онежский берега) с прилегающими к ним бассейнами рек. Так, район р. Кулой, протекающей почти параллельно р. Мезени по заболоченным местам и также впадающей в Белое море, после А. Д. Григорьева, прошедшего по ней дважды (в 1899 и 1901 гг.), и О. Э. Озаровской, почти повторившей его путь в начале 20-х гг., по существу никто не обследовал. Абрамовский берег вообще оказался обойденным (делал попытку пройти по нему Григорьев, но дальше д. Нижя, ближайшего населенного пункта от Долгощелья, не смог пробраться). На Летнем берегу побывали в конце XIX в. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, в 20-е гг. — О. Э. Озаровская, в 30-е — Н. Рождественская. Онежский берег также обследовался случайно, а отдельные его районы оказались «забытыми». Если к тому же учесть, что А. Д. Григорьев интересовался в первую очередь эпосом (былиной), а О. Э. Озаровская свои записи лирики и обрядовой поэзии так и не издала, что Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, как впоследствии и Н. Рождественская, производили записи весьма выборочно, не ставя перед собой задачи выяснения состояния всех фольклорных жанров, не охватывая все населенные пункты, то можно сказать, что по существу в этих районах, к сожалению, ни разу не было проведено сплошного обследования состояния фольклора и картина жизни народно-поэтических жанров в их, так сказать, историческом движении и вообще народной духовной культуры оставалась неизвестной.

Сектор народного творчества Института русской литературы поставил перед собой задачу систематического и по возможности всеохватывающего обследования современного состояния фольклора на Беломорье.²

В 1975 г. была организована большая научная экспедиция в составе 13 человек в бассейн р. Кулой, на Абрамовский и Зимний берега Белого

¹ Наиболее значительными изданиями являются сборники, вышедшие в серии «Памятники русского фольклора»: Былины Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961; Песни Печоры. М.; Л., 1963; Песенный фольклор Мезени. М.; Л., 1967; значительная часть свадебных песен и причитаний этих районов вошла в книгу «Лирика русской свадьбы», вышедшую в серии «Литературные памятники» (Л., 1973).

² В экспедициях принимали участие сотрудники Института русской литературы АН СССР: Азбелев С. Н., Выходцев П. С. (нач. экспедиции), Коргузалов В. В., Лобанов М. А., Мартынова А. Н., Морохова Л. А., Мальцев Г. И., Розов А. Н., Смирнов В. А., Троицкая А. Д., Фролов С. В., Хомчук Н. И., инженеры Матвеев Г. В., Осипов А. А., Шифф В. П.

моря. Тремя группами она обследовала все населенные пункты по Кулою, Абрамовскому и частично Зимнему берегам (Кулой, Совполье, Чижгора, Соколово, Карьеполье, Сояна, Долгощелье, Сёмжа, Нижа, Койда, Майда, Мегра, Ручьи).

В 1976 г. экспедиция работала тремя группами на Летнем и Онежском берегах, а также на р. Кулой (последней была поставлена задача добирания материалов и более детального изучения кулойской свадьбы). Были обследованы все деревни по Летнему берегу (Нёнокса, Сюзьма, Красная Гора, Луда, Уна, Лопшеньга, Яреньга, Пертоминск, Летний Наволок (Дураково)) и Онежскому (Летняя Золотица, Пушлахта, Пурнема, Лямца, Тамица, Кянда, Покровское, а также частично г. Онега и с. Порог), проведена дополнительная работа в Кулое, Карьеполье и Долгощелье.

В 1977 г. две группы фольклористов работали в нижнем течении р. Онеги и на Поморском берегу. Всестороннее изучение состояния фольклора было проведено в населенных пунктах: Ворзогоры, Вонгуда, Камениха, Порог, Подтаболье, Гора, Грибаниха (р. Онега), Воронжа, Лапино, Хвойное, Сумпосад, Вирма, Шижня, Беломорск (Поморский берег).

Наконец, в 1978 г. одна группа продолжала обследование нижнего течения Онеги, а другая работала на Поморском берегу западнее г. Онеги. Собраны материалы в Малошуйке, Кушереке, Нименьге, Усть-Коже, Карамиино, Карельском, Петровском, Каменном, Чижикове, Макарьино, Семеновской. Кроме того, было совершено несколько целевых выездов небольшими группами в некоторые деревни для добирания материалов.

К сказанному следует добавить, что, ставя перед собой задачу собирания главным образом произведений классических фольклорных жанров, участники экспедиции считали необходимым изучать и современные формы и виды народного творчества, включая и художественную самодеятельность, а также собирать материалы, позволяющие судить об общем состоянии культурной жизни северной деревни в ее историческом развитии.

Таким образом, впервые, можно сказать, фронтально охвачен обширный и малоизученный район Белого моря. Разумеется, столь небольшой срок работы в географически огромном районе, в 57 населенных пунктах, многие из которых (Долгощелье, Нёнокса, Онега, Лопшеньга, Беломорск и др.) могут и должны стать объектом самостоятельного и длительного обследования, неизученность самого собранного материала не позволяют еще делать окончательные выводы и прогнозы. Однако даже самое общее знакомство с материалами, наблюдения над характером бытования фольклора, сравнение этих материалов между собой по отдельным районам и особенно с записями, сделанными полвека и более тому назад Григорьевым, Озаровской, Рождественской и др., дают основания высказать некоторые предварительные соображения, касающиеся как исторических судеб отдельных фольклорных жанров, так и задач современной собирательской работы.

В количественном отношении нами собран на Беломорье огромный материал — более 6000 единиц (десятки километров магнитофонной ленты), неравномерный, правда, по жанрам и неравнозначный по художественному качеству.

С точки зрения качества материалов серьезного внимания заслуживают песни (свадебные, лирические, рекрутские, хороводно-игровые и др.), причитания (свадебные и похоронные), духовные стихи, частушки и баллады, в меньшей мере (по объему) — заговоры, загадки, пословицы и сказки. Следует в целом заметить, что наблюдения над жизнью всех фольклорных жанров в Беломорье могут иметь важный историко-фольклористический смысл.

Необходимо иметь в виду социально-историческое и культурное своеобразие Беломорья. Край, осваивавшийся повгородцами с XII в., не знавший крепостного права и бурного капиталистического развития, не подвергавшийся влияниям ипоземных захватчиков, вплоть до XX в. сохранил в живом бытовании богатейшую народную художественную культуру, в том числе и эпос. Особенности экономической и общественной жизни поморов (рыболовство, зверобойный морской промысел и охота как основные виды труда, развитое кораблестроение в ряде приморских деревень, солеварение и кустарные промыслы — и все это в артелях формах, слабо развитое земледелие, почти полное отсутствие промышленности) наложили на развитие устной поэтической культуры свою печать. К этому следует добавить суровые географические условия жизни и труда поморов.

С другой стороны, наличие в крае экономически могучих монастырей, таких как Антониево-Сийский, Михайло-Архангельский, Соловецкий, Николаево-Карельский и др., которым принадлежали многие деревни, высоко развитая древнерусская книжная культура, множество старообрядческих поселений, ревностное отношение их жителей к «древнему» слову и религиозным канонам не могли не влиять на характер развития фольклора.

Наряду с монастырями с самого начала заселения края повгородцами в Беломорье создавались своеобразные центры подлинно народной культуры, особенно в области морского дела и промыслов. Таков, например, бывший посад Нёнокса на Летнем берегу, основанный в XII—XIII вв., упоминаемый уже в летописях XIV в., названный позже бабушкой Архангельска и матерью Соловков, ставший в XV в. угодьем Марфы Посадницы, мастера которого строили Соловецкий монастырь, а кораблестроители славились на всю Европу и на своих судах плавали в разные страны; нёнокские иконописцы братья Некрасы создали целую живописную северную школу; деревянное зодчество достигло высочайшей культуры; Нёнокса с XV в. (особенно по причине высоко развитого солеварения) была одним из центров торговли на Севере; в церквях хранилась богатейшая рукописная литература. Таково с. Долгощелье (самый большой населенный пункт на Абрамовском берегу), которое уже к XV—XVI вв. достигло высокого развития, и его поморы на своих судах добирались до знаменитой Мангазеи, вели торговлю с заморскими странами, имели свои карты северных морей, большое количество рукописных и печатных книг.

Современное состояние деревень этого края весьма сложное и неоднородное. Развитие крупной промышленности в городах, централизация рыболовецкого и зверобойного промысла способствовали постепенному стягиванию деревенских жителей в крупные населенные пункты, в результате чего многие деревни, отдаленные друг от друга на десятки и сотни километров, оказались «неперспективными», по существу перестали жить полноценной жизнью и находятся на грани исчезновения (Сёмжа, Нижа, Мегра, Красная Гора, Летний Наволок (Дураково) и др.). Иных уже и вовсе нет. Наиболее крупные села, в которые также вливались жители окрестных деревень и которые имеют достаточно прочную экономическую базу, развиваются главным образом на основе либо морского промысла, либо совхозного животноводства (Долгощелье, Сояна, Нёнокса, Лопшеньга, Малошуйка и др.); они потеряли свою относительную замкнутость и представляют разные местные традиции, не всегда уживающиеся. Активное вмешательство в духовную жизнь села профессиональной культуры (печать, радио, телевидение), как правило, слабая организационная работа Домов культуры способствуют все большему отрыву молодых поколений в преемственном развитии народного творчества. Хранителем классического фольклора стало лишь старшее поколе-

ние жителей деревни. Но это же позволяет устанавливать своеобразие местных традиций, которые, существуя в одной деревне, не сливаются. И только широкое обследование районов позволяет видеть некие закопёртости и региональные особенности.

В настоящее время кроме Архангельска крупными промышленными центрами стали города Онега, Северодвинск, Беломорск, пос. Пертоминск, в которых сосредоточено кораблестроение, заводское рыбководство (и разведение и обработка рыбы), лесопромышленность, звероводство и т. п. Население этих городов пополнено в основном за счет поморских деревень. СобираТЕЛЬСкая работа в них проводится, к сожалению, недостаточно, а она могла бы дать весьма интересные результаты, так как значительное число жителей старшего поколения осело именно в этих городах.

Процессы, коснувшиеся в XX в. судеб традиционного фольклора, во всех областях России были близкими. Однако историческое своеобразие Беломорья оказалось благоприятным для собираТЕЛЬСкой работы: в настоящее время, несмотря на исчезновение отдельных жанров (былина, историческая песня), сохранились некоторые другие древние формы (баллады-старины, духовные стихи, заговоры, рекрутские песни и др.). Удалось записать несколько десятков древнейших образцов старообрядческого пения, немало новых и наиболее полноценных (по сравнению с имеющимися в публикациях) вариантов лирических, рекрутских, свадебных и других песен. В памяти людей старших поколений хорошо сохранилась свадьба, что дало возможность впервые записать во многих вариантах ее полный ритуал (раньше записывали главным образом свадебные песни и отдельные эпизоды).

Обследование состояния фольклора в Беломорье дало достаточный материал для изучения различных местных традиций и их взаимодействия (мезенских, пинежских, летнебережных и др.). Только после наших экспедиций, собравших по несколько полных описаний свадебного обряда в каждом районе, мы можем судить об этом обряде на Беломорье и даже о местных особенностях их, скажем, на Кулое, на Летнем или Онежском берегах. Несравненно более полной предстала картина развития календарной поэзии.

Наконец, последнее замечание общего характера. Нашим экспедициям не удалось обнаружить на Беломорье таких разносторонне выдающихся исполнителей, как, скажем, М. Д. Кривополенова. Но все же удалось открыть ряд весьма талантливых мастеров пародного слова, обладающих огромным репертуаром произведений различных фольклорных жанров, знатоков старинных обрядов, деревенских обычаев — исполнителей, доселе (за редким исключением) неизвестных фольклористам. Среди них необходимо в первую очередь назвать Анастасию Ивановну Медведеву (62 г.)³ и Марию Васильевну Прибыткову (82 г.) из Пёноксы, Ульяну Ксенофонтовну Бедрину (68 л.) из Кулоя, Марию Николаевну Старопопову (68 л.) и Ксению Андреевну Титову (84 г.) из Карьеполья, Клавдию Акимовну Мелехову (74 г.) и Федосию Григорьевну Нечаеву (64 г.) из д. Сояпа, Лидию Копстаптиновну Федоровскую (64 г.), Анну Ивановну Нечаеву (66 л.), Феоктисту Федоровну Селиверстову (64 г.) и Анастасию Дмитриевну Дровишну (58 л.) из Долгощелья, Елену Кирилловну Калпшину (86 л.) из Кянды, Калисту Федоровну Малыгину (78 л.) из Койды, Марию Владимировну Деметьеву (74 г.) из Вирмы, Пшану Ивановну Баеву (80 л.), Клавдию Дмитриевну Привалихицу (66 л.) и Марию Андреевну Кузнецову (76 л.) из Малошуйки, Горшну Александру Ивановну (57 л.) из Пуремы и др. От каждой из этих исполнительниц записано по несколько десятков, а иногда и сотен высокохудожественных произведений, сделано много ценнейших описаний обрядов (особенно

³ Данные относятся к 1975—1976 гг.

свадебных). Пользуясь случаем, хочется от имени всех фольклористов принести им сердечную благодарность за их душевную щедрость, с какой откликнулись они на наши просьбы.

Рассмотрим теперь, разумеется, весьма кратко,⁴ материалы экспедиции по жанрам.

Русский Север, в частности Мезенский, Пинежский, Онежский и Поморский районы Архангельской области, в которых работали экспедиции, когда-то славился богатейшими традициями народного эпоса. В конце XIX—начале XX в. один только А. Д. Григорьев собрал три огромных и замечательных тома былин. В начале 20-х гг. О. Э. Озаровская записала и издала немало великолепных сказок и былин. Начиная с конца 20-х гг. вплоть до 50-х А. М. Астахова неустанно обследовала эти районы и записала много классических образцов былин.

Но вот уже экспедиция Института русской литературы на Мезени в 1958 г., собравшая еще достаточно большое количество высокохудожественных текстов былин, отметила угасание этой традиции.

Нашим экспедициям 1975—1978 гг. удалось записать на Кулое, на Онежском, Абрамовском и Летнем берегах Белого моря лишь несколько полноценных баллад-старин в прозаической форме и былин с балладными сюжетами в пересказе. Среди них заслуживают внимания: «Как поехал князь да Михайло» (Долгощелье), «Девять братьев и сестра» (Нёнокса), «Ой из-за моря-то, моря синего» (Яреньга), «Женился князь да девяти годов» (Пушлахта), «Ой, да нас ведь молодцов да немножко» (Кулой), «Старина сказать да старика связать» (Покровское), «Князь Митрий и Домна», «Олеша и Прасковья» (Долгощелье), «Илья Муромец» (Ручьи), «Испеление Ильи Муромца» (Майда) и др.

Записи остатков былевого эпоса на Беломорье в 70-х гг., естественно, не дают материала для широких сопоставлений и выводов об исторической жизни жанра. Однако они позволяют поставить вопрос о том, что завершающий этап бытования древнего эпоса связан именно с балладами-старинами.

Близкая бытине судьба постигла историческую песню. Собственно исторических песен экспедиции 1975—1978 гг. на Беломорье не зафиксировали.⁵ Но некоторые песни других жанров своеобразно смыкаются с историческими. Так, среди рекрутских и солдатских песен, записанных на Летнем берегу, особый интерес в этом смысле представляет песня «Ой, уж как сядем-ко, ребятушки», исполненная 92-летним Яковом Ивановичем Мошковым (служившим в русской армии в начале XX в.), — об обороне Соловецкого монастыря от англичан (1854 г.). Стиль, образная система, паев песни сохранили достаточно старые формы. Сюжет ее отличается от популярной на Беломорье песни «Уж как сядем-ко, ребятушка, во един круг».

Другой пример. В Койде записана протяжная лирическая песня «Ты детинушка да сиротинушка», которой нет ни у Озаровской, ни в Мезенском сборнике. Близкий вариант ее был записан на Печоре в 50-е гг. Песня близка разинскому циклу. Несомненная связь ее с историческими песнями обнаруживается и в художественной системе.

Более сохранной из поэтического народного эпоса оказалась традиция духовного стиха. Как и былина, духовный стих, разумеется, перестал бытовать. Но сохранившиеся в памяти людей старших поколений сюжеты, наиболее распространенные на русском Севере, позволяют судить о некоторых особенностях жизни этого жанра.

⁴ Более подробно освещению ряда конкретных вопросов, вытекающих из работы экспедиций, посвящены в настоящем издании отдельные статьи их участников.

⁵ Нужно заметить, что вообще традиция исторической песни на Беломорье (на Севере в целом) значительно уступает южно-русской и восточно-русским традициям.

Среди довольно значительного для современных экспедиций количества текстов (25) можно отметить почти все разновидности духовных стихов: апокрифического содержания («Сон Богородицы» — Лопшеньга), легендарно-библейского, типа «Голубиной книги» («О Ноевом страшном потопе», «Об умилении» — Койда), стихи житийного характера («Про Алексея — человека божьего» — Долгощелье, Сузьма, Уна, Кушерека), лиро-эпические стихи социально-нравственного содержания («Свет, свет, Михайло-Архангел» или «Про Михаила Архангела», «Два Лазаря», «Жил пустыжник во пустыше» — Майда, Нёнокса, Лопшеньга), религиозно-дидактического («Дети, родитель почитайте» — Сузьма), религиозно-философского содержания (ряд псалмов, записанных в Койде от старовера Малыгина Никандра Ивановича) и др.

Значительная ценность этих материалов состоит не только в том, что к широко и менее известным на Севере сюжетам духовных стихов, записанным в довольно большом количестве,⁶ добавляются новые варианты, нередко сохранившие очень древние формы, стилистически и по содержанию не «обмирщенные» поздними влияниями других жанров (как, например, текст «Жития Алексея, человека божьего», записанный от 84-летней староверки Буториной Елизаветы Михайловны из Долгощелья).

Дошедшие до нас сюжеты духовных стихов могут служить дополнительным материалом для доказательства того, что бытование их в народной среде обусловлено не столько религиозным, сколько социально-правовым содержанием, близким психологии труженника: осуждение богатых и потому несправедливых людей, поэтизация бедного, по всегда честного человека и т. п. И вовсе не случайно наиболее популярными на Севере оказались такие стихи, как «Алексей, человек божий», «Про Михаила Архангела», «Два Лазаря», «Стихи о нищей братии», в которых социальные мотивы достаточно четко выражены. Так, во всех вариантах стиха «Про Михаила Архангела» центральным и неизменным остается пронесенный через столетия эпизод, в котором Михаил-Архангел выступает в качестве судьи богатых и защитника бедных:

А как говорил Михайло Архангел:
 Не оставляй им горы золотые,
 Не оставляй им реки медовые,
 Не оставляй им сады с виноградом:
 Дознаются люди богатые,
 Рассекут у них гору да золотую,
 Разольют у них реку да медовую,
 Отберут у них сад с виноградом.

(Нестерова М. В., д. Майда).

Для жителей Беломорья, где веками господствовали монастыри и царские власти постоянно издавали указы, ограничивающие права поморов на рыболовные и охотничьи угодья,⁷ эти слова Михаила Архангела, обращенные к Христу, звучали не отвлеченно, а как выражение их приглушенного, но живучего социального протеста.

Последние записи духовных стихов дают также некоторые основания для постановки вопроса об их эволюции и связях с другими жанрами фольклора. В 1921 г. О. Э. Озаровская записала на Кулое кроме традиционно духовного стиха «Об Алексее — человеке божьем» редкий текст — «Чудный сын. (Об Алексее, человеке божьем)», названный ею былиной и примыкающий по ритмическому и образному строю именно к былинам. Несомненно, что духовный стих испытал влияние былины. В 1975 г. в Койде от Малыгиной Надежды Ивановны А. Н. Мартынова записала

⁶ Вообще из более 500 имеющихся в публикациях и архивах текстов и вариантов духовных стихов свыше 400 записано в послевоенное время.

⁷ Один из таких указов нам удалось обнаружить у жителей Сояны — указ Петра I со ссылкой на указ Алексея Михайловича.

единственный в своем роде «Стих Алексея, человека божьего», представляющий собой своеобразную автобиографию героя явно литературного происхождения. Не только начало («Я родился в Риме, быстро, нежно возрастал...»), но и весь стиль стиха навеяны городским романсом, популярным в начале XX в. слогом сентиментального стихотворства («из глаз капала слеза», «верную супругу стал душевно убеждать», «семядцать лет в слезах прошли» и т. п.). Оба варианта, хотя и являются редкими, безусловно, имеют научное значение в исследовании судеб духовного стиха.

Особый интерес представляет старообрядческое пение, характерное главным образом для Абрамовского берега. Это древнейшие образцы русской песенной культуры, основанной на крюковой системе. После распада местных религиозных центров эти стихи обмирщились, перешли в домашнее песнопение. Некоторые из них перешли в собственно фольклор (в календарную поэзию и т. п.). Наиболее характерными из таких записей являются упомянутые выше тексты, пропеты Н. И. Малыгиным (78 л.) из Койды — человеком высокой духовной, нравственной культуры, бывалым и, по всеобщему утверждению односельчан, справедливым и добрым.

Не очень устойчивое и не очень ясное место в фольклористической иерархии жанров занимает баллада как лиро-эпический жанр. В народном бытовании баллада не выделяется как жанр. Если баллады-старинны примыкают к былинам, а большинство баллад — к лирическим бытовым и историческим песням, то так называемые «новые баллады» — к литературным балладам, популярным песням литературного происхождения и даже романсам («Хас-Булат», «Морячка», «Ермак», «Бродяга», «Красился месяц багрянцем» и т. п.).⁸ Наибольшей сохранностью отличаются песни-баллады литературного происхождения.

Прозаический эпос, и прежде всего сказка, перестал на Беломорье жить активной жизнью и сохранил отчасти лишь одну из своих функций — сказывание для детей. Мы не нашли выдающихся и активных сказочников. Но по отдельным полноценным текстам, записанным от слепого помора Прокопия Алексеевича Хорьговского (92 г.), Алексея Петровича Нечаева (75 л.), Марии Антоновны Соболевой (82 г.) (все из Долгощелья), а также от потомственного рыбака Дионисия Сергеевича Брошина (76 л.) из Летнего Наволока (Дураково), от Деметьевой Марии Владимировны (74 г.) из д. Вирма, Вокуева Егора Семеновича (76 л.) из Майды и некоторых других, можно утверждать, что мы имели дело с настоящими мастерами сказки. О них, кстати, рассказывают односельчане как о «безмерных» сказочниках, которые когда-то могли целыми почками сказывать на рыбацких тонях. Еще совсем недавно в этих краях (в 60-е гг.) были обнаружены такие талантливые сказочники, как А. М. Мелехова, от которой записано 78 сказок. Почти в каждой деревне Беломорья нам удалось записать лишь по нескольку сказок. Сказочная традиция, когда-то здесь очень богатая, быстро угасает.

Сравнительно небольшое количество записей сказок и небылиц в Беломорье (около 100) следует объяснить не только общим состоянием жанра, но и некоторыми особенностями (и недостатками) работы экспедиции, которая, будучи сильно ограниченной во времени, была сосредоточена в основном на лирических и обрядовых жанрах. Вероятно, необходима дополнительная работа по сбору именно сказок в этом регионе. Пока же делать какие-то определенные выводы относительно бытования и специфики сказки в разных районах Беломорья не пред-

⁸ Интересные попытки классификации баллад предпринял Д. М. Балашов; см. кн.: Народные баллады. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта. Большая сер.). Однако вводить эту классификацию в фольклорно-сборательскую практику, нам представляется, следует с большой осторожностью, так как она слишком условна.

ставляется возможным. Можно лишь сказать, что до нас дошли почти все жанровые разновидности сказок, причем в значительном количестве редких или более полноценных вариантов известных сюжетов. Сравнение их с сюжетами сказок, имеющихся в сборниках, ставших уже классическими,⁹ дает богатый материал для решения вопросов о жизни прозаического эпоса на Севере (вариативности сюжетов, творческой манеры исполнителей, соотношения традиционных и новых форм сказительства и др.).

Сюжеты волшебных и бытовых сказок, записанные нами от талантливых исполнителей на Кулое, Онежском и Летнем берегах («Иванушка-дурак» и «Никола Дупленский» — в Летнем Наволоке от Д. С. Бропина, «Два солдата — про Петра I» и «Про купца Марка» — в Долгощелье от П. А. Хорьговского, «Василиса Прекрасная» и «Сказка про двух братьев» — в Долгощелье от А. П. Нечаева, «Про брата и Аленушку», «Падчерица Аленушка», «Марьюшка, одинака дочь» от М. А. Соболевой (Долгощелье), «Про Петра и Петрушу» и «Про Елену-красу и Кощей» — от М. Е. Дьячковой из Тамицы, «Про Ивана-дурака», «Про охотника», «О трех братьях» и др. от Е. С. Вокуева из Майды и др.), настолько оригинальны по исполнению и богатству красок и образов, что могут «соревноваться» со многими из известных вариантов. При этом если сказки Хорьговского и Соболевой интересны своей четкой сказочной структурой (строгое соблюдение троичности действия, песенные вкрапления и т. п.), то сказки Бропина и Нечаева отличает свобода фантазии, словесное «узорочье», интерес к детализации, частое включение в повествование современных мотивов и понятий. Сказки С. Е. Вокуева (от него записано 10 сюжетов) насыщены тонким юмористическим подтекстом, выражающим отношение к рассказываемому. Почти каждая сказка завершается индивидуальной трактовкой концовки-формулы «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Рассказав, например, о «дурацких» приключениях героя, завершившихся победой над разбойниками, исполнитель заключает: «Я тут же был, я видел, как они деньги делили. Мне десять рублей — лишних было. Я в худой куфайке был, не посмотрел — у меня карман-то розный, окаянный, — и деньги потерял! Домой пришел ни с чем. Только зря ноги бил — и сказке конец» («О трех братьях»). В другом случае повествование о приключениях героя, у которого было три волшебных коня, завершается так: «Иванушко-дурак-то мне был друг. Последнее время вместе выпивали. Под пьяный вид он обещал одного коня...» («Про Ивана-дурака»). Рассказ о неудачливом охотнике, «умом неразвитом», скрашивается концовкой: «Прошлый год мне было письмо: живет хорошо. Я хотел в гости съездить — обратного адреса не написал. Сказке конец».

О творческой свободе и непринужденности в исполнении сказок этими мастерами красноречиво говорит такой факт. Только что сойдя на берег у д. Летний Наволок, мы встретили весьма пожилого, но энергичного, с открытым загорелым лицом и почти детскими синими глазами рыбака, идущего проверять на море сети. Человек этот оказался разговорчивым, веселым, назвал себя Дионисием Сергеевичем Брониным, ему 76 лет. Выяснилось, что он знает сказки. Он тут же охотно согласился исполнить одну из них. Под шум морской волны мы записали «Иванушку-дурака». Но когда остановились на ночлег и попытались проверить записанное,

⁹ Северные сказки. (Архангельская и Олопедкая губернии) / Сб. Н. Е. Опчукова. СПб., 1908; *Озоровская О. Э.* Пятиречье. Л., 1931; Сказки М. М. Коргуева, кн. 1—2 / Записи и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1931; Сказки и предания Северного края / Записи, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнаузовой. М.; Л., 1934; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941; Севернорусские сказки в записях А. П. Никифорова. М.; Л., 1961.

оказалось, что запись получилась недоброкачественной (шум моря и ветер слишком мешали). И мы решили вечером пойти на повторную запись. Бронин не возразил. Но когда он стал рассказывать эту же сказку, мы сразу поняли, что сохраняется лишь каркас сюжета, а наполнение его, детали поведения героев, сюжетные ответвления, словесные характеристики импровизируются.

В сравнении с экспедициями 20—30-х гг. материалы наших экспедиций по количеству сюжетов сказок несравненно беднее. И все же можно утверждать, что историко-фольклористическое значение новых записей очень большое. Даже беглое сравнение некоторых собранных нами сказок с опубликованными убеждает в вышесказанном: почти все тексты интересны и по содержанию и по форме исполнения. Сюжеты таких популярнейших на Севере сказок, как «Никола Душленский» и «Про купца Марка» (имеющиеся почти во всех сборниках северных сказок) относятся к лучшим вариантам и могут быть ценным материалом для науки. К тому же по разным причинам вне поля зрения собирателей оказались многие весьма талантливые исполнители. Ни от Д. С. Бронина, ни от П. А. Хорьговского, ни от Я. И. Мошкова, ни от М. Е. Дьячковой, ни от Е. С. Вогуева, ни от ряда других очень даровитых мастеров, с которыми нам довелось встретиться, никто никогда не записывал никаких произведений фольклора. А они-то часто оказываются посетителями и редких сюжетов и индивидуально-неповторимого сказительства. От 92-летнего Я. И. Мошкова из Пертоминска нам удалось записать не только редкий сюжет исторической песни об обороне Соловецкого монастыря, но и необыкновенно интересную, художественно полноценную (большую по объему) волшебную сказку «Ногай-птица», доселе встречавшуюся в единичных публикациях. От 84-летней М. А. Соболевой (Долгощелье), рассказчицы очень талантливой, записан ряд новых сюжетов сказок бытовых и волшебных («Сказка про старушку», «Про кота и двоих», «Про умную дочку» и др.). Но, пожалуй, особый интерес представляют редкие формы сказок, исполненных Соболевой: стихотворная сказка «Пойдем-ка, женочка», полубытовые, полуприключенческие, полужантастические рассказы, близкие сказкам-небылицам, полные живого юмора, исполненные от первого лица («Как-то я шла из Новгорода» — о похождениях, находчивости и смекалке крестьянской девушки, «Сказка вроде как приключение» — о солдате, возвращающемся домой). 80-летняя М. Е. Дьячкова дала редкий вариант широко известных сказок о Кащее, в котором образ Кащея-Вихоря несет в себе приметы Севера. Оригинальные сказки исполнили А. В. Нечаева из Долгощелья («Про крестьянина Федора Ивановича», «Сказка о семи украденных девушках»), Е. Е. Калинина из Кянды («О бедном и богатом соседях»), Д. С. Бронин (сатирические сказки) и др.

Из нескольких десятков произведений несказочной прозы, записанных на Беломорье, особенно большое место заняли устные рассказы, мемуары и топонимические предания (всего около 200 единиц). Быт, нравы, обычаи, исторические события, приметы и прозвища, особенности трудовой жизни поморов и их промыслов, праздники и обряды, судьбы людей и целых деревень, великие события, пережитые людьми Севера (Октябрьская революция, коллективизация, Великая Отечественная война), — все нашло отражение в этих нередко художественно ярких рассказах, имеющих как документальную, так и эстетическую ценность. Выдающимися рассказчиками можно назвать А. П. Нечаева (Долгощелье), М. В. Деметьеву (Вирма), Д. С. Бронина (Летний Наволок), М. В. Прибыткову и А. И. Медведеву (Нёнокса) и др.

Среди жанров несказочной прозы следует отметить заговоры и былички. Хотя они в основном и потеряли для исполнителей свою магическую силу, в памяти старшего поколения сохранились достаточно ши-

роко, особенно на Абрамовском и Летнем берегах, где записано несколько десятков заговоров. По своим поэтическим достоинствам, сюжетной развернутости они, возможно, и уступают опубликованным в прошлом, но тем не менее весьма интересны с точки зрения быта поморов (например, заговоры перед ловлей рыбы, на охоте и др.).

Из других жанров несказочной прозы быличка, в которой переплетаются мотивы и мифологические, и религиозные, и конкретно-бытовые и которая включает элементы других жанров (предания, легенды, устного рассказа), оказалась довольно устойчивой в памяти людей старшего поколения. Несколько десятков записанных на Беломорье быличек¹⁰ представляют несомненный интерес с точки зрения социально-психологической и социально-бытовой, так как в большинстве случаев фантастические сюжеты и образы включаются в реальные события, будто бы происшедшие с самим рассказчиком или с кем-то знакомым. Так, например, очень интересна быличка «Ну, вот я шла...», записанная от М. О. Фелпсковой в с. Нёнокса; в ней неожиданно возник древнеславянский образ Берегини («Стоит большая, белая, платье колоколом, в руках держит поводья»). В быличках, рассказанных М. А. Пакулевой (с. Кушерека) в образе хранителя разрушенной в селе церкви выступает богородица, явившаяся соседке, а исцелителем парализованного богохульника «Володьки Степанидинова» (сына односельчанки) оказывается старичок, вдруг появившийся в селе и так же исчезнувший. Интересны наличием юмора живые, красочные былички М. В. Прибытковой (с. Нёнокса). Достоверные бытовые и обрядовые детали содержит быличка А. С. Бронниковой (д. Летний Наволок) «Как в бане гадали» и т. п.

Словом, до 70-х гг. сохранились кроме сказки другие старые формы прозы, своеобразно переплетенные с современностью. Даже народная драма, относительно слабо развитая на Руси, может быть обнаружена в наши дни. Так, на Онежском берегу в д. Кянда был записан от Е. К. Калининной интересный вариант «Царя Максимилиана» в контаминации со сказочными мотивами и с рассказом о том, как ставилась драма в этой деревне.

Что же касается пословиц, поговорок и загадок, то, к сожалению, в работе экспедиций, подобных нашим, запись их носят случайный характер: для них просто не остается времени, а они требуют особого внимания и особой методики работы. Несколько десятков записанных нами единиц не могут быть показателем жизни этих жанров в наши дни. В прошлом также запись пословиц, поговорок и загадок велась на Севере слишком недостаточно.

Самый богатый количественно и качественно фольклорный репертуар, собранный на Беломорье, представлен песенными обрядовыми и необрядовыми жанрами. Все разновидности классических жанров народных песен (лирические, свадебные, календарные, хороводно-игровые, плясовые, рекрутские и др.), а также новые народные песни литературного и устного происхождения (революционные, партизанские, романсы) и частушки сохранились по всему Беломорью, хотя и не в одинаковой мере. Особую ценность представляют записанные в довольно большом количестве свадебные, похоронные и другие социально-бытовые причитания. Именно лирические жанры дают богатейший материал для современного научного изучения многих проблем народной художественной культуры.

Опыт работы современных экспедиций, ставящих перед собой цели последовательного изучения состояния фольклора, опровергает существующие мнения об исчерпанности ценных материалов для науки, о невозможности обогатить имеющиеся (в записях прошлых времен) источ-

¹⁰ Сравнительно небольшое количество записей объясняется, пожалуй, не столько состоянием жанра, сколько условиями работы экспедиций.

ники. Скорее всего паоборот — работа современных собирателей приобретает особо важное значение.

Приведем некоторые примеры.

На Кулое наиболее продуктивно работали А. Д. Григорьев в конце прошлого и начале нынешнего века и О. Э. Озаровская в 10—20-е гг. Судьба архива Григорьева до сих пор неизвестна (вероятно, он навсегда утерян), поэтому о результатах его работы мы можем судить лишь по трем бесценным томам изданных им былин. Несколько благополучнее обстоит дело с архивом Озаровской. Кроме изданных ею двух сборников сказок и былин («Пятиречье» и «Бабушкины старины») мы располагаем довольно большим количеством записей произведений других жанров, в частности песен, хранящихся в ее архиве (ИРЛИ). В нем имеются 143 текста песен различных жанров (по терминологии Озаровской — «свадебных», «весенних», «летних», «зимних», «наулочных», «игральных», «кашных», «скоморошских», «величальных», «рекрутских», «святочных» и др.). Значительная часть из них записана в деревнях по р. Пинеге (Великий Двор, Веогоры, Чушела), по основной репертуар — в деревнях и селах, расположенных по р. Кулой (Кулой, Карьеполье, Сояна, Долгощелье, Нижя). Кроме того, в списке, составленном самой собирательницей, названо еще 80 песен, тексты которых в архиве отсутствуют. Учитывая, что среди собранных Озаровской песен есть небольшое количество духовных стихов и свадебных причитаний, мы можем говорить о том, что она впервые собрала в районе рек Пинеги и Кулой около 200 песен (с вариантами).¹¹

Главный маршрут собирательской деятельности Озаровской в 1921 г.¹² в основном совпадает с маршрутом нашей экспедиции 1975 г. по р. Кулой.¹³ Хотя наша экспедиция не охватила три пинежских деревни, в которых работала Озаровская, зато вела записи в четырех деревнях Абрамовского и Зимнего берегов (Койда, Майда, Мегра, Ручьи), в которых Озаровская не смогла побывать. Имеются все основания для количественного и качественного сравнения материалов экспедиций, отделившихся полустолетием.

Сравнительно небольшой процент общерусских сюжетов на Севере (типа «Не велят-то Дуне за реченьку ходить», «Вдоль по морю, морю синему... плыло стадо лебединое», «Как у наших у ворот», «Во лужях», «Посеяли девки лен» и др.) зафиксирован всеми экспедициями, включая и наши. Но также очевидна и общность песенного репертуара Севера. Вместе с тем сопоставление, например, сборников «Песни Печоры» (1963), «Песенный фольклор Мезени» (1976) с песнями, собранными Озаровской и нашими экспедициями, убеждает в известной самостоятельности фольклорных традиций разных районов Севера даже при наибольшей близости этих традиций, например мезенских и кулойских.

В нашу задачу не входит широкий сравнительный анализ всех этих материалов, мы лишь хотим показать, какие возможности открывает сплошное обследование современного состояния фольклора по районам.

Наши основная (1975) и дополнительная (1976) экспедиции в район Кулой и Абрамовского берега собрали более 400 песен (235 сюжетов) лирических протяжных, свадебных, календарных, хороводно-игровых, рекрутских и др. Кроме того, записано около 260 свадебных причитаний, около 1000 частушек, сделано около 50 описаний свадьбы (в том числе 5 полных), записано более 30 рассказов о календарных и иных обрядах

¹¹ Известна лишь часть вариантов сюжетов этих песен по мезенскому, печорскому и другим сборникам.

¹² Материалов первых поездок О. Э. Озаровской на Пинегу и Кулой (1915—1916 гг.) в архиве собирательницы не имеется.

¹³ В 1976 г. в трех деревнях по р. Кулой (с. Кулой, Карьеполье, Долгощелье) повторно работала небольшая группа нашей экспедиции главным образом с целью добывания материалов по календарной и обрядовой поэзии.

и игрушках. Если учесть, что в фондах Озаровской свадебные причитания и частушки исчисляются единицами, а описания свадьбы и обрядового календаря почти отсутствуют (не считая редких кратких сведений,¹⁴ а также интересной статьи собирательницы «Северная свадьба»¹⁵), без преувеличения можно утверждать, что только на основании последних записей мы получили возможность достаточно полно судить и о кулойских обрядах, и о полноте песенного репертуара. Материалы экспедиций позволяют одновременно видеть и потери, понесенные фольклором этого района за полувековой свой путь развития в весьма сложных для него условиях: из 143 сюжетов песен, имеющих в архиве Озаровской, около половины нами на Кулое не было обнаружено.¹⁶ Правда, многие из них были записаны в других районах Беломорья. Вместе с тем весьма популярны на Севере песен, записанных нами на Кулое («Летал голубь по долишке», «Ой, взойди, взойди, солнышко», «Во слободке во повои», «Вечор сокол, вечер сокол», «Я нигде дружка не вижу», «Ты детинушка да сиротинушка», «Дружки мои, ваши ласковые, распрямленные сердцу слова» и др.), мы не нашли в записях Озаровской.

Еще более разительны расхождения репертуара при сравнении наших материалов с печорским и мезенским сборниками.¹⁷ Из 170 лирических, хороводно-игровых, календарных, свадебных, плясовых и рекрутских песен, помещенных в сборнике «Песенный фольклор Мезени», только 52 записаны на Кулое; при этом ни одной, например, святочной песни («виноградия») не повторилось.¹⁸ А в «Песнях Печоры» из 300 текстов тех же жанровых разновидностей лишь около 40 являются вариантами кулойских. Таким образом, 40—50 песен (т. е. примерно около 20%) составляют устойчивый репертуар Архангельского края от Печоры до берегов Белого моря. Они же наиболее популярны и по всему району р. Кулой и Абрамовского берега.¹⁹

Несомненно, большой интерес представляет вопрос о местных традициях в масштабе одной или нескольких близких деревень. Нами записано немалое число песен в одном или двух вариантах. Однако лишь при условии дополнительных обследований можно выяснить этот вопрос: возможны разного рода случайности и упущения; необходима, вероятно, специальная проверка знания той или иной редкой песни в других деревнях и в других районах. Пока с несомненностью можно лишь утверждать о большей или меньшей популярности таких песен. Например,

¹⁴ В совсем недавно (1980) найденной Н. И. Хомчук части архива О. Э. Озаровской, хранившейся у сына собирательницы Озаровского (г. Фрунзе), обнаружена единственная запись свадьбы на Кулое.

¹⁵ Озаровская О. Э. Северная свадьба. — Художественный фольклор. М., 1927, № 2—3.

¹⁶ Нередки случаи, когда песни, записанные даже в 30-е гг. исполнителями, имевшими довольно большой песенный репертуар, не могли вспомнить.

¹⁷ Разумеется, не все материалы экспедиций вошли в эти сборники.

¹⁸ «Виноградия» в некоторых местах исполняются в качестве свадебных величальных.

¹⁹ Приведем некоторые примеры наиболее широко распространенных на Кулое лирических протяжных: «Говорил-то я своей любушке», «Я нигде дружка не вижу». «Как у нашего широкого двора», «Что за друг, право, за любитель дорогой», «Распрямилы девушки», «Отлетает мой соколик», «Веселая беседушка», «Не ходил бы, не гулял», «Из-за лесу, лесу темного» и др.; рекрутских: «Уж мы сядем-ко, ребята, во один круг», «Что по первому по Невскому было проспекту», «Было по дорожке да было по Московской», «Вдоль по питерской было по дорожке», «За Невагою, ой дак за второй было речкой Перебрагою»; свадебных: «В сентябре во первом месяце», «Было у князя, князя», «Что ты, что ты, синё море», «По сеням-сеничкам», «Не куна жалобилася», «Во горнице, во новой», «Нам сказали: перво-брачный не хитер»; хороводно-игровых и плясовых: «Не папайвай, пороша, па талую землю», «Возле речку, возле мосту», «Посеяли девки леп», «Я посею конопельку», «Уж ты пряхица кокорница моя», «Пошли девушки да в лес по ягоды», «Зайка загуляйка», «Вечор девок», «Что у наших, у наших, у наших у ворот», «Из-за кустышка олешек» и др.

только в с. Кулой нам удалось записать такие свадебные песни, которые отсутствуют не только у Озаровской, но и в сборниках мезенском, печорском, Н. Рождественской («Не во терема гусли лежали», «На горке деревцо», «Ой, девушки, погуляйте», «Подождите-ко, матушка, со столов са дубовых», «Вди, Вди у родителя батюшки», «За столами, за дубовыми» и др.). Только в Сёмже записаны прекрасные хороводно-игровые песни «Рано-рано мама цветик сорвала», «Ты сокол молодой, не летай, сокол, высоко», «Я по бережку ходила гуляла» и др., в Нёноксе — «Север-ветер-от не веет», в Вирме — «С горы на горку катала колесо» и т. д. (кстати, также отсутствующие в названных сборниках). Подобных примеров можно приводить много. Но даже в тех случаях, когда песня обнаруживалась нами и в одной, и в двух-трех близлежащих деревнях, окончательные выводы о местной традиции делать преждевременно, так как та или иная песня может оказаться живучей за тысячи верст от них (например, записанная только в Нёноксе хороводно-игровая «Шел Ванюша по угору» или только в с. Кулой «Я вечер в гостях была», «Круг столба ли я хожу» имеют варианты в печорском сборнике).

Известно, что проблема вариантности в фольклоре одна из больших и многомерных научных проблем. Песенный материал, собранный нами на Беломорье, количественно превосходит все записи прошлых лет: записано лирических протяжных песен (включая сравнительно небольшое число новых песен литературного происхождения, романсы и трудовые песни) около 600, рекрутских и солдатских — более 50, хороводно-игровых, календарных и плясовых — около 670, свадебных — около 500, свадебных причитаний — около 450, похоронных причитаний — около 30, частушек около 3000, колыбельных — около 150.²⁰

Таким образом, почти каждому песенному жанру можно было бы посвятить самостоятельный сборник. Богатство материала позволяет вести изучение и в географическом, и в историческом аспектах. Сравнение песенного состава различных районов Беломорья может дать особенно интересные результаты в изучении взаимосвязей и особенностей местных (деревни, района) и общих (края, региона) традиций. Вот, например, как выглядит картина бытования песен в двух, имеющих известную географическую отдаленность, районах — р. Кулой (включая и Абрамовский берег) и Летнего берега. Социально-экономические и этнографические особенности этих районов весьма заметны: кулояне всегда сочетали морской промысел с лесозаготовительной и сельскохозяйственной работой, летнебережцы — типичные поморы, их любимая поговорка: «Кормит не поле, а море»; есть значительные различия в обычаях и обрядах; вместе с тем эти районы, как и все Беломорье, — нечто единое как экономический и культурный регион.

Кулойские экспедиции 1975—1976 гг. весьма существенно пополнили песенный репертуар этого района: записано (кроме баллад, духовных стихов и причитаний) старинных лирических песен 156 (73 сюжета), поздних лирических песен, включая романсы — 18 (15 сюжетов), рекрутских — 16 (8 сюжетов), святочных — 8 (7 сюжетов), хороводно-игровых и плясовых — 127 (87 сюжетов), свадебных — 86 (45 сюжетов); таким образом, из 411 записей более половины (235) песенных сюжетов.

На Летнем берегу записано лирических песен 80 (57 сюжетов), романсов 4, рекрутских 8 (4 сюжета), хороводно-игровых и плясовых 55 (46 сюжетов), свадебных 83 (38 сюжетов), т. е. из 220 записей 149 сюжетов; кроме того, записано свадебных причитаний 64, похоронных причитаний 13.

²⁰ Приблизительность счета обусловлена прежде всего нечеткостью жанровой классификации, которой придерживаются собиратели, а также незавершенностью анализа всех материалов.

Если сравнить эти данные по принципу близости сюжетов, то несколько неожиданным окажется соотношение общих и различных текстов. Так, из 73 сюжетов лирических протяжных песен, записанных на Кулое и Абрамовском берегу, общих с летнебережными оказалось всего 11 (на Летнем берегу записано 57 сюжетов), из 87 хороводно-игровых, плясовых и календарных соответственно 9, из 45 свадебных — 3. Как видим, процент общих сюжетов невелик, причем он уменьшается в жанрах, связанных с обрядами. Даже такие популярнейшие на Летнем берегу песни, как лирическая святочная «Панья» («Как пошла ли наша младая панья»), хороводно-игровая «Сад ты мой садочек», свадебная «Кругом белого города», ни разу не встретились на Кулое и Абрамовском берегу; с другой стороны, широко распространенные на Кулое, записанные почти во всех деревнях и селах Кулоя и Абрамовского берега лирические «Как у нашего двора приукатана гора», «Не ходил бы, пе гулял», «Веселая беседушка», хороводно-игровые «Я посею конопельку», «Пошли девки в лес по ягоды» или свадебные «Во горнице, во новой», «По сеням-сеничкам», «Нам сказали: первобрачный не хитер» и др., совсем не обнаружены на Летнем берегу.

Сравнение репертуара песен Онежского берега, расположенного как бы между районами Кулоя и Летнего берега, но географически более близкого последнему, подтверждает самостоятельность песенных традиций в этих районах. Из 61 сюжета лирических старинных песен, записанных в деревнях Онежского берега (всего текстов 82), оказалось одиннадцать общих с Летним берегом,²¹ лишь пять общих с Летним берегом, Кулоем и Абрамовским берегом²² и пять общих только с районом р. Кулой.²³ Из 74 хороводно-игровых и плясовых (всего 105 текстов) общих с районом Кулоя и Абрамовского берега не оказалось, а с Летним берегом — только шесть;²⁴ из 62 сюжетов свадебных песен (всего текстов 89) общих с Летним берегом оказалось двенадцать,²⁵ с Кулоем — пять,²⁶ а общих одновременно с Кулоем, Абрамовским и Летним берегами ни одной.

На Онежском берегу записаны редкие рекрутские песни, которые не встретились во всех других районах Беломорья и которые также отсутствуют в мезенском и печорском сборниках («Полно-то вам, братцы, кручиться», «Прощайте, прощайте-тко, девки, бабы», «По первому по Калинову мосту», «Молодой солдат в гости просится», «Со всема прошел молодец, распростился» и др.).

²¹ «Во тумане красно солнышко, во тумане», «Ветер мой, ветер, ой, ветерочек», «Калинушка с малиною лазоревый цвет», «Никому-то я не скажу да про свое горюшко», «Нам не для чего в люди торопиться», «Об чем, мальчик, сомневался», «Приотправился любезный, милый, во дорожечку», «С понеделничка, ой, одолеет скука», «Что вы, девушки, вот как призадумались», «Шел Иванушка долиною», «Ох, как построила маменька легонький стружок».

²² «Лучше бы я, девушка, у батюшки жила», «Поехал, добрый молодец во чисто поле гулять», «Распремили девушки», «Цветики-цветочки», «Я-то пигде дружка сей год не вижу».

²³ «Ванька в Питере родился», «Во слободке, во новой», «Из-за лесу, лесу темного», «Отправился миленький во дорожечку», «Как у нашего соседа была собрана беседа».

²⁴ «Верба, верба, вербочка», «Зародилась Дуня да невелика, не мала», «Как у наших, у наших у ворот», «Сесть бы песенку запеть», «Уточка, поплавай», «Уж ты, тетушка да Окулина».

²⁵ «Во соборе у Михаила Архангела (виноградие)», «Долго-то, долго сокол не бывал», «Дружки вы, дружки, подружки мои», «По сеням, сеничкам», «Из устья лодейного», «Из-за моря, моря синего», «Не буйны ветры наваяли», «А недалечу-далечу, во чистом поле», «На горке, на горочке», «На ручью была, на медленном», «У Иванова двора», «У Спаса на горы в колокол ударили».

²⁶ «В сентябре, во первом месяце», «Дружки вы дружки, косые глаза», «Не ходил бы да не сватался», «Много, много у сыра дуба», «Отставала бела лебедь».

Таким образом, сплошное обследование районов позволяет конкретно с достаточной полнотой судить не только о характере песенного репертуара в них, но и о взаимодействии традиций, о миграции сюжетов, особенностях трансформации их и даже о жанровой диффузии песенного репертуара.

Одна из общих интересных особенностей Беломорья — почти полное отсутствие среди лирических песен таких тематических групп, как тюремные, ямщицкие, рыбацкие (и иные собственно трудовые) песни. Отсутствие тюремных и ямщицких песен можно, пожалуй, объяснить социально-историческим своеобразием края. Водные пути и средства сообщения здесь всегда были главными и вряд ли способствовали развитию ямщицких песен (как и усвоению литературных песен на эту тему). Правда, существовал на Онежском полуострове (по Летнему берегу) тракт — так называемая Осударева дорога, а от с. Долгощелье (устье р. Кулой) через Кешино была когда-то проложена в болотистых лесах бревенчатая дорога на Архангельск (не достроена), по которой возили почту, товары; была еще дорога на 100 км от Совполя до Мезени. Но в жизни края эти сухопутные тракты играли все же менее существенную роль, чем в центральной России.

На Кулое и Абрамовском берегу нами записаны лишь две песни, которые можно отнести к ямщицким: «Заболели-то но... ой, ну, ноженьки. Ой, да со почтовой-то дороженьки» (с. Долгощелье) и песня романского типа «Со вчерашнего похмелья болит буйна голова» (д. Койда). Причем обе они не имеют обычного развитого сюжета и содержат лишь остатки ямщицких мотивов.

Если не считать песен позднего (литературного) образования («За тюремной кирпичной стеною», «Знаю, ворог, твой обычай»), не оказалось на Беломорье и собственно тюремных песен. В этом смысле представляет интерес только песня «Соловюшко да на елишке» (с. Долгополье) и ее койдинский вариант. В долгощельской песне девушка утешает «добра молодца», находящегося в «распроклятой» «потюрёмке», и обещает его выволочь («Я сама запряжу да пару коней»). Койдинский вариант скорее всего свидетельствует о разрушении сюжета: первая часть песни — это почти целиком долгощельский текст, а вторая ничем не связана с первой и представляет собой самостоятельный сюжет о тоске девушки, у которой подружка отбила милого.

Загадочным представляется почти полное отсутствие на Беломорье собственно поморских рыбацких песен. В середине 30-х гг. Р. Липец, специально собиравшая рыбацкие песни в этих краях, поместила в своем сборнике «Рыбацкие песни и сказы» лишь три («Сядем-ко ребята, во един круг», «Под славным городом, под Архангельском» и «Ах ты, злой-ка, злой-ка»). Первые две из них, варианты которых записаны и нашими экспедициями, лишь условно можно назвать рыбацкими: «Сядем-ко, ребята...» всеми собирателями относится к рекрутским, а «Под славным городом, под Архангельском» — к лирическим протяжным.

«Производственные» мотивы, разумеется, присутствуют в лирических и обрядовых песнях («ловила белу рыбицу», «на карбасе выплывали во синё море» и т. п.), но наши попытки записать от потомственных поморов рыбацкие песни не увенчались успехом. Лишь один из исполнителей, Н. И. Малыгин (Койда), пытался вспомнить такую песню, как он говорил, состоящую из 22-х куплетов, но вспомнил лишь одну строфу.

Ряд трудовых песен-припевок из цикла «Дубинопуска» удалось записать в Нёпоксе, Сюзьме, Лопшеньге, Карьеполье — местах, где либо строились парусники, либо проводились лесосплавные работы.

Характерными рекрутскими песнями Беломорья являются протяжные «Что по первому по Невскому проспекту», «По дорожечке да было по

Московской», «Край пути было, край дорожечки», «Сядем-ка, ребятушка, во един круг» и др. Репертуар их, хотя и небольшой, но довольно устойчивый, в основном сохранился со времен Озаровской (хотя в мезенском сборнике, например, многие из них отсутствуют). Разумеется, в каждом районе они имеют свои музыкальные и текстовые варианты: довольно резко, например, по мелодии и сюжетной полноте отличается записанная в Сояне от уроженки Мезени Ф. Г. Нечаевой и коренного жителя Сояны В. А. Мелехова песня «Сядем-ка, ребятушка, во един круг», то же можно наблюдать и в исполнении других песен.

Обрядовая и необрядовая лирика Беломорья, как мы уже могли убедиться, чрезвычайно богата. В основном хранителем ее является старшее поколение. В ряде мест (села Кулой, Сояна, Долгощелье, Нёнокса и др.) приходилось наблюдать жизнь песни в естественных условиях — на свадьбе, в дружеском застолье, в уличном хороводе (кружании), на празднике «День рыбака» и т. п., хотя, разумеется, в быту деревни она перестала играть ту роль, которая была ей присуща в течение веков. Наличие почти во всех районах Беломорья — в деревнях Каменка, Вошгула, Кулой, Лопшеньга, Нёнокса, Уна, Беломорск и др. — прекрасных хоровых коллективов, во главе которых (кроме беломорского) стоят наиболее талантливые исполнительницы и которые имеют богатый репертуар старинных народных песен без всяких современных обработок, подтверждает, что хоровая песенная культура здесь была на высоком уровне. Правда, предстоит еще большая исследовательская работа, чтобы выяснить характер хорового многоголосного и сольного исполнительства (а также местные его традиции). Замечено, например, что на Кулое «верховки», пение которых ближе к пинежской традиции, не могли спеться (и даже отказывались от совместного исполнения) с «понизовками», указывавшим на свою близость мезенской традиции; что на Летнем берегу красногорки (с. Красная Гора) не находили общего языка в пении с лопшеньгскими исполнительницами, а в Малошуйке уроженки из Кушереки (расстояние всего 20 км) и Колгочихи (расстояние около 30 км) с трудом спевались с местными исполнительницами. Складывается впечатление, что даже в одном районе (например, по р. Кулой) песенная культура имеет свои особенности: в селах Кулой и Карьеполье высоко развито многоголосное хоровое пение, а в Совполье и Сояне оно сильно ослаблено, в Долгощелье популярно дуэтное исполнение; на Абрамовском берегу хоровое исполнение унисонно, в Кулое преобладает лирическая голосовая песня, в Карьеполье — свадебная, в Совполье — хороводно-игровая и т. д.

Внутрижанровые подразделения лирической песни в разных местах различны. Если, например, в деревнях Летнего берега при проводах в солдаты исполнялись определенные песни, в основном рекрутские, то в других местах репертуар песен в таких случаях был более свободным. Под протяжные песни (типа «Вы раздвиньтесь, расступитесь») в деревнях Летнего и Поморского берегов водили на Петров день большой круг (или, как называли в Нёноксе, «кружались») на улицах. Протяжные песни пели на качелях (кое-где их называли «качельными»), на коллективных «помочах», «кашах» (помощь при уборке урожая, постройке дома и т. д.), которые назывались «кашными», и т. п. В Малошуйке некоторые протяжные песни («У Дунюшки да было у голубушки», «Ты куда-то мой миленький дружок, снаряжаешься» и др.) пелись, когда женщины возвращались с копки морских червей для ловли рыбы, и назывались они «червячными». По всему Поморскому берегу от Беломорска до Малошуйки, начиная с XIX в., установился обычай проводов и встреч (весной и осенью) промысловиков-«мурманцев», уезжавших на несколько месяцев, при этом исполнялись различные лирические песни; этот обычай как бы заменил другие праздники годового цикла (русаль-

ную неделю, зимние святки и др.), а исполнявшиеся лирические песни — календарные. Словом, жизнь лирических протяжных песен на Беломорье весьма многообразна и своеобразна, поэтому классификация их достаточно зыбкая.

Обрядовые, особенно календарные, песни более «регламентированы» и также имеют свою местную специфику. Как говорилось выше, нам впервые удалось подробно записать в разных районах старинные обряды и репертуар Беломорья, связанные с календарем.

Песенно-обрядовый календарь поморов сложился на основе общерусского календаря, но достаточно своеобразен: многие праздничные обряды (и соответственно песенные циклы), связанные с земледелием, как правило, отсутствуют (день весеннего выгона скота, заживки, семик, купальские игры и др.). Он более упрощен. Однако это не означает бедности песенных жанров. Богат репертуар и зимних, и весенних, и летних, и осенних праздников. Все праздники годового цикла сопровождались многообразными играми и развлечениями, танцами и песнями: на святки ходили со звездами, рядились, гадали, колядовали, собирались на вечеринки, «ходили в песнях» и т. п.; на масленицу катались на лошадях и оленях, устраивали игры и состязания на улицах, «рядили веспу», плясали на вечеринках; на Петров день катались на лодках, водили хороводы, «кружались», качались на качелях и т. д. — и везде звучала песня.

Наиболее развитым на Беломорье циклом песен является святочный. Святки — время самое свободное у крестьян — почти целиком насыщены обрядами, играми, вечеринками, «беседами», которые для молодежи превращались в своеобразные смотрины женихов и невест. Имея общую для всей России основу, обычаи и обряды Беломорья во время святок сами по себе многообразны и вбирают широкий круг лирических протяжных, «ходовых», плясовых, хороводных и игровых (утушных, кадрилиных и др.) песен, мужских и женских «виноградий». Нам удалось записать все жанровые разновидности этих песен, установить особенности их исполнения в разных местах и варианты наиболее популярных для всего региона. При этом обнаружилось, что в разных районах и даже деревнях любимыми, традиционно обязательными зимними и весенне-летними календарными оказываются песни, различные по содержанию: на Кулое, например, в зимних обрядах это «Из-за кустышка олешек», «Уж ты прятница-кокорича моя» и др., на Летнем — «Сад ты мой, садочек», «В ширину дорожка неширока» и др., на Абрамовском берегу — «Соловешко да на елинке» и т. п. Если сезон летних хороводов на Онежском берегу обычно открывался (в Петров день) прекрасной лирической песней «Разливалась мати вёшняя вода», то на Кулое такой обязательной песней была игровая-хороводная «Из-за лесуку, лесу темного». Если на Кулое летние игры вообще начинались протяжной «В хороводе на лужку девки песенку запели», а игры в горелки обязательно сопровождалась песней «Что за реченькой было за Невагою», то на Летнем берегу эти песни исполнялись в других случаях — последняя, например, только как рекрутская.

Таким образом, обрядность своеобразно вмешивалась в жанровую иерархию песен, и это не могло не влиять на их музыкальную и словесную вариативность, что в свою очередь обязывает нас, собирателей, быть внимательными к функциональной роли каждого текста.

В отдельных случаях, как, например, на Поморском берегу, где с начала марта до начала мая жители приморских деревень были заняты проводками промысловиков-«мурмапцев», а с конца августа до начала октября (Покров день) — их встречей, складывался свой обряд: женщины и дети «просили на поветерь», «молили ветер», «чабанили» (ходили с моря домой), т. е. исполняли своеобразные заклинания, устраивали «простины», «привальпо» (жгли огни в доме и во дворе, ходили «на

морскую пену»), проводили вечерки и т. п. И, разумеется, постепенно в этой обрядности закреплялись песни.²⁷

Свадебный обряд — самый богатый из всех обрядов на Руси. Северная свадьба особенно многообразна и колоритна по составу песен и причитаний. Вот почему необходимы полные записи обряда и репертуара в каждом селе.²⁸ Сделанные нашими экспедициями (по существу впервые) такие записи в деревнях Кулоя, Летнего, Онежского и Поморского берегов²⁹ открывают серьезные перспективы в изучении свадьбы Беломорья.

Из всех фольклорных жанров, собранных экспедициями 1975—1978 гг., свадебный обряд и свадебные песни записаны наиболее полно. Даже общее ознакомление с этими материалами позволяет делать выводы об исключительной их ценности. Со всей очевидностью предстала картина богатой вариантности как самого обряда, так и песенного состава беломорской свадьбы. Общая структура ее, конечно, не расходится с русским свадебным обрядом, характерным для России в целом. Однако конкретное наполнение обряда придает ему самобытный облик, причем настолько многоцветный, что мы можем говорить даже применительно к одному географическому району об известной самостоятельности традиций. Так, вырисовывается определенное отличие кулойской свадьбы (тяготеющей к пинежской традиции) от долгощельской (более близкой мезенской традиции), обе в свою очередь отличаются от карьепольской, находящейся как бы на стыке тех и других традиций; свадьба Летнего берега, имея некие общие черты, различна, например, в Нёноксе, Уне и Лопшеньге.

В пределах не только районов, но и деревень свадебный обряд отличается большей или меньшей полнотой, разными сроками и длительностью проведения, красочной торжественностью или деловым характером эпизодов (сватовство, рукобитье, прощание с красотой, застолья и т. п.), порядком их следования и названиями, оформлением «столов», ролью песен и причитаний, самим характером их исполнения и т. п. В некоторых местах эпизод бани невесты является одним из главных и влияет на последовательность дальнейших событий (Кулой), в других он вовсе необязателен (Поморский берег); в одних случаях общественный предвечный смотр невесты проходит как бы незаметно (в избе, куда приходят односельчане), в других, например в Кушереке, прощание невесты с домом, родственниками и подружками выливается в торжественную и величавую процессию, когда наряженная невеста, стоя на саях, объезжает всю деревню, останавливается перед тем или иным домом и причитывает, поклоно кланяясь на все стороны; в свадебном обряде ряда деревень Поморского берега есть эпизоды, отсутствующие в других местах (осмотр «поместья» жениха после сватовства, «черемонные чарочки» и др.), а «рукобитье» называется «руковитьем», потому что жених и невеста действительно «перевивают» при этом руки, согнутые в локтях, и т. д. Многообразна прикрепленность отдельных песен к конкретным эпизодам свадебного обряда. Богаты и своеобразны причитания не только своей импровизационностью и манерой исполнения, но и их музыкально-образной основой; для Кулоя характерен сольный речитативный причет, на Летнем берегу (Лопшеньга) причет невесты ведется самостоятельно на фоне причета подружек, деревням Поморского берега свойственна принципиально апсамблевая форма; в кулойских причита-

²⁷ Этот и другие обычаи и обряды Беломорья нуждаются в дополнительных исследованиях.

²⁸ В качестве примера и образца подлинно научных записей русского свадебного обряда пока можно назвать лишь книгу Д. М. Балашова и Ю. Е. Красовской «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» (Л., 1969).

²⁹ Собрано около 500 свадебных песен и столько же свадебных причитаний, более 200 описаний свадебного обряда (9 из них полных).

ниях варьируется образ «белой лебеди» (невесты), в поморских — образ «куколки» и т. п. Научный интерес представляет сочетание в свадебных плачах древней языческой образности с современной бытовой, порожденной специфическими местными условиями.

Материал, собранный по беломорской свадьбе, как и работы Д. М. Балашова, Ю. Е. Красовской и А. М. Мехнецова по терской и кокшетьгской свадьбе, по нашему убеждению, дает основания полагать, что подлинно научное изучение этого обряда возможно только в наши дни, разумеется, при условии сосредоточенного внимания к нему собирателей во всех областях нашей страны.

Необходимо, наконец, остановиться на вопросе о качественном состоянии фольклорных материалов, собранных современными экспедициями, так как существует мнение об относительной ценности именно современных записей, сделанных в эпоху разрушения классических форм фольклора. Не имея возможности широко рассмотреть этот вопрос, приведу лишь некоторые примеры, касающиеся жанра песни.

Как известно, собирательская работа полна неожиданностей и случайностей. Никогда нельзя поручиться, что все лучшее собрано, что качественно любая запись может заменить другую или отменить возможность поисков более совершенной. Известны редкие сюжеты в слабых вариантах (несовершенство исполнения, незавершенность текста по причине забывчивости исполнителя и т. п.). Известны и полноценные записи текстов в разных вариантах или в единственном. Но в любом случае чем больше вариантов текстов, тем точнее может быть установлена картина жизни и эволюции фольклорных жанров. Эпизодические и случайные записи не дают возможности даже ставить вопрос о состоянии фольклора в данной местности. Только повторные экспедиции дают материалы, позволяющие судить о судьбах фольклорных жанров. Важность фронтального обследования районов при этом необыкновенно возрастает.

Экспедиции 70-х гг. на Беломорье по сравнению с предшествующими обнаружили немалые потери фольклора (исчезновение не только ряда сюжетов, но и целых жанров). В то же время они убедили в том, что новые сюжеты (особенно в обрядовой и необрядовой поэзии) можно записать впервые и в наши дни. Но если считать, что основными материалами современных экспедиций являются варианты сюжетов старых фольклорных фондов, то главным оказывается вопрос о ценности этих вариантов. И здесь мы сталкиваемся с некоторыми даже неожиданными явлениями. В ряде случаев наши экспедиции собрали более полноценные тексты, сохранившие более древние формы, чем те, которые зафиксированы предшественниками. И суть дела не только в том, что в отношении точности передачи языка песен современные записи превосходят многие даже широко известные публикации начала, середины и конца прошлого века, но и в содержании самих текстов. Разумеется, далеко не всегда удается в наше время записать лучшие и даже равноценные по качеству сюжеты по сравнению с прошлыми записями, однако и процент более совершенных не так уж мал. Приведем некоторые примеры.

В сборнике А. Листопадова «Песни допских казаков» (т. 1. «Исторические песни») в цикле песен о Степане Разине помещены четыре варианта песни: «Ай, ну, соберемтесь мы, ребятушки», «Соберемся мы, ребятушки, во единый круг», «Ай, соберемся, ребятушки», «Ей, запоем мы, ребятушки». Все они так или иначе перекликаются с песней, записанной на Мезени в 50-е гг. и пами (в нескольких вариантах) на Беломорье, — «Уж мы сядемко-ко, ой, да, ребятушка, во единый круг!». Варианты листопадовских записей значительно менее полные, чем беломорские. Ни в одном из них нет того развернутого сюжета (как в мезельско-кулойских вариантах) о трусливом молодом «полковничке», которого устыжают (или покровительственно жалеют) «ребятушки» — сол-

даты. В одном из них «ребятушки» просто «забавляют» «молодого атамашку» «песней повою». В другом — «казахушки» распевают «стародавнюю, небывалую» песню «атаманушке Степанушке» о том, как «горе мыкали» «ребятушки» «на сипём море, на Каспицком», о «страсти-ужасти» при гибели в непогодушку Сокол-корабля. Третий вариант кратко (почти схематично) повторяет этот же сюжет с «генералушкой», четвертый — это рассказ о «молодом атамашку», не бывавшем на «сипём море», по ставшем «болтыньшицком», т. е. по существу командиром корабля. Во всех этих вариантах нет ни психологической детализации, ни обрисовки характеров.

В 1921 г. О. Э. Озаровская записала на Кулое (с. Карьеполье) рекрутскую «Уж мы сядем-ко, ребятушки, во единой, во единой круг», которая по сюжету перекликается с листопадовскими (образ «полковничка», испугавшегося морских страстей-ужастей), но существенно отличается от них и ритмико-мелодическим рисунком, и содержанием. Это типично северная протяжная песня с развернутым сюжетом о взаимоотношениях отважных «ребятушек» и трусливого «полковничка» (архив ИРЛИ).

В сборнике «Песни Печоры» (1963) мы находим близкую карьепольской рекрутскую «Сядем-ко, ребятушки, на зеленый луг» (правда, без нот), но с такой же тщательной разработкой образа «полковничка» и с концовкой, содержащей лирическое обобщение более широкого плана (от имени этого «полковничка»):

Есть ли на свете такова ладья,
Чтобы... чтобы по морю ходила, не шаталась?
Есть ли на свете такова мать,
Отдала сына в солдаты — да не заплакала?

В сборнике «Песенный фольклор Мезени» (1967) помещены два варианта этой песни («Уж мы сядем-ко, ой, да, ребятушки, во един круг»), но оба значительно беднее печорского и кулойского (в записи Озаровской): незначительно отличаясь друг от друга, оба они словно бы обрываются на середине:

Молодой-то майор да полковничек
На... ой, на сипём мори испу... испугался же.

В сущности их сюжет сводится к схематичному рассказу о том, как «ребятушки» наблюдают трусость «полковничка».

На Кулое нами записано несколько вариантов этой песни. Один из них близок мезенским — от уроженки Мезени Ф. Г. Нечаевой. Но вариант, записанный от потомственного рыбака 76-летнего В. А. Мелехова (Сояна) по полноте сюжета, по широко разветвленной картине взаимоотношений героев песни, по многообразию ритмических повторов и подхватов оказался значительно богаче всех мезенских вариантов и близким вариантам Озаровской и печорскому. Можно предположить, что этот соянский вариант наиболее древний. Пока трудно с определенностью утверждать, где родина этой песни (на Дону, на Мезени, Печоре или на Кулое, хотя наиболее вероятно ее рождение на Кулое), но благодаря последним записям можно с уверенностью говорить об устойчивости мезенской и кулойской традиций в жизни этой песни и о преимуществах последней. Любопытно при этом, что близкие кулойские варианты песни (записанные в Сояне от Мелехова и в Карьеполье от Старопоповой и Верусского) в то же время отличаются внутренней трактовкой образов: в карьепольском варианте, как и в записи Озаровской, образ «полковничка» более лиричен, в соянском ощущается прощальное отношение «ребятушек» к нему.

Примерно та же картина вырисовывается и при сравнении вариантов другой рекрутской песни («Что по первому по Невскому было проспекту»), записанных нами на Кулое. Возникшая, вероятно, в XVIII в.,

когда был принят указ о долгосрочной солдатской службе, песня получила довольно широкое распространение; ее варианты мы находим в сборниках П. В. Киреевского, А. И. Соболевского, П. И. Якушкина, Б. и Ю. Соколовых и др. В 1921 г. ее записала на Кулое О. Э. Озаровская, а в 1955—1956 гг. на Печоре — экспедиции ИРЛИ. Даже при беглом сравнении последние два варианта выглядят несравненно более полными и богатыми по сюжету, образному строю и ритмике (например, вятский вариант «Вдоль по Питерской, Московской по дорожке» (запись 1894 г.) и вологодский «Вдоль по Питерской широкой по дорожке» (запись 1922 г.) кажутся скомканными фрагментами печорских и кулоиских). Записанные нами варианты на Кулое близки тем, которые мы находим у Озаровской и в Печорском сборнике (кстати, в мезенском сборнике этой песни нет). И все же привезенные нами тексты (особенно записанные в Карьеполье от Старополовой М. Н. и в д. Соколово от К. Е. Локтевой и Е. А. Чердовой) представляются более совершенными. Раздольная лирикоэпическая напевность с волнообразным мелодическим рисунком, сочетающаяся с психологически развернутым сюжетом, с диалогической формой выражения эмоционально-напряженных переживаний провожающих «отцов-матерей» и рекрутов, завершаются органически вытекающим широким поэтическим обобщением образа плачущей от горя России:

Ой, вы не плачьте об нас, матери-отцы родные,
 Ой, не рыдайте об нас, девушки-жены молодые:
 Ой, вам не выходить беда света ли за нами,
 Не смочить будет сырой землю да слезами,
 Ой, ишло смочит ли, не смочит да частый дождик.
 Ой, частый дождик наполняет да ручеечки.
 Ой, ручеечки впадают да в быстру речку.
 Быстра речка протекает во синё море...

Вместе с тем драматическая тема тонко переплетается с лирической: песня заканчивается выражением надежды красной девицы, обращающейся к рекруту-сироте с пожеланием воротиться и жениться на ней. В карьепольском варианте, кроме того, более развита эта лирическая тема.

Ни в одном из существующих вариантов песни не передается с такой силой полифоничность и обобщающая глубина переживаний.

В иных случаях речь должна идти о разных песенных вариантах, равноценных, но своеобразных. Такова, например, рекрутская песня «Край пути было, край дорожечки». В мезенском сборнике помещены два варианта этой прекрасной песни.³⁰ Записанные в 1975 г. варианты в Сояне и Долгощелье близки более полному мезенскому, но имеют и отличия. В первом из мезенских (№ 52) судьба младшего сына бедного крестьянина, которого отдают в солдаты, решается на основе устоявшегося обычая («ему бог судил» как младшему «во солдатах служить»). Во втором варианте (№ 53) судьба младшего сына раскрывается более драматически, образная система более красочна и развернута. Соянский вариант, кроме того, усиливает этот драматизм повторной жалобой младшего сына на свою судьбу и содержит ряд новых интересных деталей.

Близкие варианты песни «За Невагою, за второй речкой Перебрагою» (или: «Не за реченькой да было за Невагою») записаны на Печоре, на Мезени³¹ и нами на Кулое (в Карьеполье) и на Летнем берегу (в Уне). Все тексты интересны и полноценны, но каждый из них отличается образно-поэтическим и музыкальным строем, большей или меньшей де-

³⁰ В Печорском сборнике она отсутствует, а у Озаровской значится только в списке.

³¹ Текста, записанного Озаровской, пока не обнаружено, хотя в списке собирательницы песня значится.

талилизацией тех или иных мотивов: в мезенском варианте детализирована тяжелая «служба государева» солдатская, в карьепольском, кроме того, усилен драматизм за счет введения диалога и т. п. Но последний отличается еще и большей лирической напряженностью, иной концовкой (беседа девушки и молодца), что привело не только к увеличению песни почти вдвое, но и в известном смысле к иной трактовке сюжета песни: солдат не только как бы жалуется на свою тяжелую службу, но и выражает надежду на счастье.

Целое исследование можно, например, написать о творческой судьбе одной из самых красивых и самых популярных во всей России лирических песен — «Как по морю, морю синему плыло стадо лебединое...»,³² которая в нескольких вариантах записана и нашими экспедициями. Ее драматический сюжет, своеобразная сценичность и одновременно особая лирическая взволнованность открывают большой простор для импровизаций. Записи, сделанные в 70-е гг., относятся к лучшим вариантам и имеют индивидуальные особенности.

Во многих случаях ценность вариантов песен определяется своеобразием трактовки мотивов. Так, сюжет широко распространенной на Беломорье свадебной песни «Что ты, что ты, синё море» (в записи Озаровской, в мезенском сборнике, в наших кулойских записях) строится на отгадке «грозного сна» невесты, предсказывающего уход ее в «чужой дом». Но если в тексте Озаровской отгадывает сон сама певичка, в мезенском — ее подружки, в койдинском отгадывание сна не связывается ни с признанием певички, ни с ответом подружек, то в кулойском варианте вообще отгадки сна нет, сюжет завершается излиянием лирического чувства героини (зависть к подружкам, которые «красуются» и «прохлаждаются»). Все это, разумеется, накладывает свою печать на главный лирический мотив песни и его трактовку. Нечто подобное мы можем наблюдать в вариантах других песен («По сеничкам сеням», «По морю Хвалынскому», «Распремпы девушки», «Склялся-то миленькой, собрался во котомочку», «В сентябре во первом месяце», «Раздуй-развей, погодушка» и др.).³³

Здесь интерес представляют не только вариации сюжетов и мотивов, различная глубина психологического рисунка, строфика и др., но и порой неуловимая образно-словесная живопись внутреннего мира, переживаний героев, характер лирического лада и склада песни и т. п., позволяющие судить об индивидуальной трактовке темы как по отношению к отдельным исполнителям, так и по отношению к коллективам (деревенская традиция). Одна замена слов «жепа догадалася» — «пельма догадалася» определяет ряд тонких оттенков, меняющих лирический настрой. В отдельных случаях очевидны художественные несовершенства, допущенные теми или иными исполнителями недостаточно высокого эстетического чутья, но речь идет не об этом.

Даже в тех случаях, когда тексты песен, казалось бы, очень близки, они требуют со стороны собирателей предельного внимания. Так, например, одна из древних лирических песен «В сентябре во первом месяце» (о ее древности говорит первая строка), записанная нами на Кулое, казалось бы, отличается от текста, записанного Озаровской, лишь некоторыми образно-психологическими деталями. Однако конец ее (ответ девушки на просьбу молодца завить ему кудри) придает дополнительные, более глубокие оттенки социально-этической трактовке темы.

³² Часто она относится к свадебным.

³³ При этом тексты, записанные на Севере в советское время, очень часто превосходят тексты прошлого века: достаточно, например, сравнить тверскую «Калипушка с малинушкой лазоревый цвет» (в сб. Соболевского) с ее кулойским вариантом «Раздуй-развей, погодушка» или соянский вариант рекрутской «Край пути-то, дорожечки» с близкими в сборниках Соболевского, Якушкина, Ефименко, чтобы убедиться в этом.

У Озаровской:

Отвечает красна девица душа:
Как хоцо дак я завью кудри,
А не хоцо дак не завью русь.
Не твое я пью я кушаю,
Не твоя я слуга верная,

Не твоя слуга надежная.
Слуга верна, слуга батюшкова.
Я надежна слуга матушкина.
Ковда пить буду кушати у тебя,
Товда буду тебя слушатн.³⁴

В записи 1975 г. на Кулое:

Одреевна ответ держит:
Да не твоя я слуга верная,
Да не твоя слуга надежная,
Да когда буду я (в) твоих белых руках,
Да когда буду во твоих белых руках,
Да когда буду на твоих новых сенях,
Да когда буду на твоих белых сенях,
Да когда буду пить я кушати твое,
Когда буду пить и кушати твое,
Да тогда буду тебе слушатн,
Да тогда буду тебе слушатн. . .

В последнем варианте любовная тема обогащается: выдвигается не столько мотив материальной зависимости во взаимоотношениях мужа и жены («Ковда пить буду, кушати у тебя, Товда буду тебя слушатн»), сколько чисто человеческих отношений («Да когда буду во твоих белых руках, Да когда буду на твоих новых сенях. . .»).

Вообще вопрос о концовках песен, которым иногда исполнители и собиратели не придают значения, представляется очень существенным. Иногда от усталости, иногда от нежелания, а то и по причине действительной забывчивости исполнители не завершают песню, считая ее, однако, завершенной, а собиратели не добиваются ее завершения. Между тем в концовке нередко сосредоточена основная поэтическая мысль. Так, например, в варианте песни «Говорил-то я своей любушке», записанном О. Озаровской, сюжет завершается более или менее спокойным ответом «милого», кого он еще кроме нее «сушил-крушил». Концовка койдинского варианта (1975) придает песне более драматическую напряженность лирического переживания — в нем открыто звучат угроза «милого» «повысушить» ее «сушей ли травы сушеной», «сушей ли травы крушеной».

Иногда сходство сюжетов лишь кажущееся. Например, варианты в записях «Сею-вею конопельку» — это по-существу разные песни, хотя и зачины, и печальное движение сюжетов имеют несомненно общую образную основу: с образом уродившейся конопельки «на пепуханной земельке» соотнесен образ «уродившегося» всем добра молодца, но жепившегося не на ровне. Однако если вариант Озаровской завершается грустной жалобой героя на «спорную, здорную, несговорную, да непословную»³⁵ жепушку, то в нашем кулойском варианте это лишь начало. Сюжет (значительно объемнее) развивается далее: герой «со горя, со печали» идет гулять на Волгу; сревав свои «белы кудри», он бросает их в реку (завернув в платочек), их подбирает та самая «красна девица», мывшая на речке платье, и «признает» милого. . .³⁶

В случаях, когда коллектив исполнителей забывает продолжение песни, пастойчивость собирателя может дать неожиданно интересные результаты. Так, во время записывания одной из старинных песен в селе Малошуйка исполнительницы примерно на середине начали горячо спорить о характере ее продолжения. Этот спор нам показался настолько интересным, что мы решили незаметно включить магнитофон. Запись оказалась по-своему бесценной, так как помогает понять «творческую

³⁴ Рукописный отдел (РО) ИРЛИ, разд. V, кол. XII, п. 3, д. № 1, с. 6.

³⁵ Там же, п. 4, № 16.

³⁶ В мезенском и печорском сборниках эта песня отсутствует.

лабораторию» народного песнопения, различный подход исполнителей к традиционному сюжету, к поэтической образности и т. п. Воспроизведенная в конце концов песня оказалась одной из интереснейших.

Затронутый нами вопрос о вариативности в фольклоре вообще и о соотношении старых и новых записей в частности — тема не одного исследования. Мы остановились лишь на отдельных примерах, которые подтверждают мысль о качественной значимости собираемых современными экспедициями фольклорных материалов и о важности при этом широкого, фронтального обследования районов.

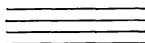
Наконец, последний вопрос, на котором следует остановиться — соби́рание современных форм и видов народного творчества.

Эпоха интенсивного сближения и взаимодействия профессионального и непрофессионально-массового художественного творчества ставит перед фольклористами-соби́рателями ряд новых задач. Известно, что многие талантливые русские поэты, говоря словами Твардовского, были «поставщиками» народного песенного репертуара, и эти песни становились подлинно народными, сохраняя в то же время свои специфические черты. Записывая такие песни литературного происхождения, мы даже не всегда сразу угадываем их истоки («Ваня в Питере родился», «Кругом, кругом осиротела», «Вапья-ключник», «Ничто в полюшке не колышется», «Снежки белые, пушистые», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «При лужке, лужке, лужке» и др.), во всяком случае, пренебрегаем ими. С меньшей охотой мы собираем подобные песни нового времени, хотя и приобретшие широкую популярность («От павших твердых Порт-Артура», «Раскинулось море широко», «Глухой неведомой тайгой» и др.), романсы, частушки. Почти оставляем в стороне рабочие песни, революционные, солдатские и партизанские песни Великой Отечественной войны и др., вероятно, полагая, что всем этим должен заниматься кто-то другой и с какими-то другими целями.

Между тем, если смотреть не только в прошлое, но и в будущее, если широко понимать народную художественную культуру как непрерывный и сравнительно медленно меняющийся процесс, в котором сложное взаимодействуют старые и новые формы, не всегда легко уловимые современниками, мы должны прийти к выводу о необходимости учета всех устных и даже письменных видов народного творчества, включая разнообразные, хотя эстетически и не равноценные, формы художественной самодеятельности.

Экспедиции последних лет на Беломорье добыли достаточно богатый материал по таким жанрам, как устный рассказ, частушка, романс. В некоторых местах удалось записать интересные варианты революционных песен («Недалеко от Нарвской заставы», «С павших твердых Перемышля» и др.), песен Великой Отечественной войны («О чем ты тоскуешь, товарищ моряк», «Горит свеча дрожащим светом» и др.), переделки известных лирических песен («Ой, ты сад, ты мой сад», «В саду ягода малина») и др. Но подобных записей явно недостаточно. А ведь известно, что, например, годы Великой Отечественной войны (как и эпоха Октябрьской революции) были мощной вспышкой массового народного творчества. Пока не совсем поздно, необходимо активнее включить в собирательскую работу все материалы, связанные с Великой Отечественной войной.

Деятельность современных фольклорных экспедиций не может только повторять принципы и методы работы предшествующих, но и должна быть направлена на более активное вторжение в современные процессы духовной жизни народных масс. А это обязывает нас изменять, вернее, обогащать принципы и методы полевой работы.

В. Б. СОРОКИН

О СОБИРАНИИ ФОЛЬКЛОРА В ПОДМОСКОВНОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Собирательская работа была, есть и будет неотъемлемой частью научной деятельности фолклориста. Как невозможно вообразить геолога, не бывавшего в разведочной партии, так нельзя представить себе фолклориста, не записавшего от исполнителей ни одного произведения. Квалификация исследователя фолклора непосредственно и неразрывно связана с его собирательскими навыками. Эти кажущиеся банальными истины требуют чрезвычайно серьезного к себе отношения. Это тем более важно, что фолклорист-собиратель несет большую социальную ответственность.

То, что собирательская работа в целом по стране до сих пор не носит планомерного, целенаправленного и интенсивного характера, сегодня требует принятия действенных мер. Опыт некоторых республик и областей, а также ряда зарубежных стран показывает, что в этом направлении можно и нужно сделать многое.

Научные задачи фолклористики требуют значительного повышения требований, предъявляемых к собиранию фолклора. Собирательская практика нуждается сегодня в теоретической разработке принципов организации экспедиций и обработки материалов.

Большую роль в усовершенствовании собирательской работы должно сыграть ее научное планирование и прогнозирование.

В качестве необходимого предварительного условия для эффективного изучения бытования фолклора требуется осмысленный выбор территории обследования, а точнее, выделение региона в его пространственно-временных координатах.

Регион — это не область в ее политико-административных рамках, а исторически сложившийся культурно-экономический территориальный комплекс, который необходимо рассматривать в его развитии. На территории региона можно выделить древние, старые и новые этнографические пласты, пространственные очертания которых будут различными.

Конкретизирую эти положения на примере Подмосковья, где с 1969 по 1979 г. была сосредоточена основная собирательская работа Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В. И. Ленина.

Словом «Подмосковье» называют то ближайшие окрестности Москвы, то совокупность нескольких областей, окружающих Московскую область. Обходимая неопределенность этого слова требует противопоставить ей научно аргументированную конкретность определения Подмосковского этнографического региона.

Проблема определения границ региона связана с проблемой выявления центра исторического тяготения каждой конкретной территории. Известно, что для районов Европейского Севера РСФСР таким центром

тяготения (или, можно сказать, «осями» тяготения) являются реки. Реки — самые древние центры тяготения. Примером центра тяготения более позднего происхождения можно считать засечные полосы на южных рубежах Русского феодального государства.

Центров тяготения в регионе может быть несколько, разных по силе и сфере влияния. Как правило, существует историческая преемственность таких центров, так как в разные исторические эпохи разные географические, экономические и политические факторы получали главенствующее значение.

В разных регионах это чередование протекает различно. В центральных районах России реки когда-то имели столь же большое значение, как и на Севере, являясь главными торгово-транспортными артериями, «фарватерами» заселения этих районов славянами. Но если на Севере это значение рек сохранилось, то в Центральной России возникли и сейчас возникают новые все более мощные факторы социально-экономического влияния на «этнографическую среду». Значит ли это, что в наше время реки бесследно утратили былое влияние в Подмосковном этнографическом регионе? Для современной экономики их значение невелико, зато в фольклоре сохранились прочные, отчетливо видимые и сегодня связи, возникшие на ранних этапах становления этнографического региона в связи с заселением речных бассейнов. В свою очередь, несколькими столетиями позже сухопутные торговые тракты заменили реки и стали как бы капиллярами, по которым к Москве в пору ее политического и экономического усиления осуществлялись фольклорные влияния. Благодаря этому уже с XVII в. Москва начинает приобретать черты сложного этнографического конгломерата.

Наличие столь мощного фактора, как столичный город, не означает, что этот фактор является единственным. Локальными центрами тяготения были когда-то церковные и феодальные землевладения. Этнографы отмечали различия в жизни «монастырщины» и «барщины», т. е. крестьян, принадлежавших монастырям или помещикам. Имели некогда значение границы церковного прихода и местонахождение традиционных ярмарок и базаров. Следует сказать, что все перечисленные факторы дают себя знать и сейчас. Во всяком случае, без их учета невозможно объяснить все различия, которые существуют в обрядах и репертуаре, исполнительской манере близлежащих деревень.

Мощнейшим фактором, в некоторых местах коренным образом изменившим этнографическую ситуацию, была Великая Отечественная война, последствия которой недостаточно изучены фольклористами.

Стало аксиомой утверждение, что фольклористика использует данные этнографии, археологии, диалектологии, социологии и еще ряда наук. Но всегда ли можно ясно сказать, как, зачем и достаточно ли эффективно используют фольклористы информацию, предоставленную смежными науками?

Целенаправленное изучение региона заставляет интенсивно использовать все данные об изучаемой местности, включая сведения о флоре и фауне, климате, почвах, сельском хозяйстве, промышленности и т. д.

Остается сказать о самом главном. Даже очень большое количество фольклорных записей и сведений о местности по всем гуманитарным и естественным наукам не сможет дать ясного представления о закономерностях развития фольклора в регионе, не раскроет взаимосвязей естественной и социальной среды, пока все эти данные не будут положены на географическую карту.

Можно утверждать со всей категоричностью: без картографирования совершенно невозможно осуществлять научное планирование и прогнозирование собирательской работы, подводить итоги и делать теоретические обобщения на материалах полевых записей.

Картографирование абсолютно необходимо всем наукам, объект которых обладает геопространственными характеристиками, имеет региональные или локальные различия. Историки, этнографы и антропологи, диалектологи, социологи и медики все более и более эффективно используют картографию, и только фольклористы молчаливо игнорируют этот чрезвычайно действенный метод познания. Исключение составляет крайне малое число статей и высказываний об этом в прошлом и настоящем; фольклорные исследования, использующие картографию, единичны.

Научное региональное исследование фольклора в настоящее время должно базироваться именно на картографическом анализе всей совокупности фактов о той или иной местности: и естественно-научных, и историко-экономических, и этнографических. Необходимо создание фольклорных карт и атласов: карт обследования разных местностей, карт распространения тех или иных фольклорных явлений, диахронических карт и др.

В свете изложенных принципов характеристика Подмосковского этнографического региона, изучение которого еще весьма далеко от завершения, может быть представлена в следующем виде.

1. Регион является древним, так как точкой отсчета возраста региона при изучении русского фольклора на его территории следует считать время заселения славянами бассейнов рек Оки, Клязьмы, Москвы-реки и Верхней Волги. Формирование этнографических, в том числе и фольклорных, традиций на ранних этапах было обусловлено этнической неоднородностью населения. На территории Московской области археологи обнаружили следы различных культур, сменявших друг друга и сосуществовавших здесь в древности. Стратиграфия расселения угро-финнов, балтов и славянских племен кривичей и вятичей совпала с некоторыми явлениями в обрядовом фольклоре Подмосковья. Однако эти факты нуждаются в тщательной проверке.

2. К территории Подмосковского этнографического региона целиком или частично относятся бассейны рек Клязьмы, Москвы-реки, Оки в среднем течении и Волги в верхнем течении. Планомерное изучение этих речных бассейнов стало отправным моментом в собирательской работе кружка фольклора МГПИ им. В. И. Ленина.

Сплошное обследование было начато с бассейна р. Клязьмы, исток которой находится недалеко от Москвы в Солнечногорском районе. Экспедиции 1972—1977 гг. показали, что селения, расположенные вдоль р. Клязьмы и ее притоков, обладают значительной близостью репертуара обрядовых и лирических песен, а вместе с тем существенно отличаются, особенно деталями свадебного обряда, от других мест Подмосковья. Только здесь зафиксирован обычай украшать потолок в доме невесты накануне свадьбы расходящимися от центра нитями с вплетенными в них лептами и цветными бумажками, что носит следы солярного культа. В разных деревнях это украшение называется по-разному: «шатер», «паук», «тенета» и др. Этот обычай, отмеченный в Солнечногорском, Мытищинском районах, исчез в непосредственной близости от Москвы, но вновь был найден в Ногинском районе в приклязьминских деревнях.

Попутно можно отметить, что при изучении локальной фольклорной традиции свадебный обряд приобретает значение своеобразной «лакусовой бумажки» — отличия в свадебном обряде обычно неразрывно связаны с отличиями в календаре и лирическом репертуаре.

Определяющая роль р. Клязьмы в создании локальной обрядовой общности вполне отчетливо выявлена в ходе экспедиций. В Подмосковском этнографическом регионе бассейн р. Клязьмы занимает центральное положение. Сюда входят притоки верхнего течения Клязьмы вплоть до р. Шерны. Река Киржач относится уже к иному региону. В экспедициях не найдено связующих нитей в фольклоре деревень, лежащих на этих

соседних притоках Клязьмы. Предстоит еще проделать анализ всех исторических факторов, предопределивших этот раздел.

Планомерное сплошное обследование региона имеет то огромное преимущество, что может осуществляться не только путем продолжительных летних экспедиций, но и кратковременных, 7—10-дневных зимних. Даже однодневные выезды в отдельные села оказываются достаточно результативными.

В однодневных поездках повички готовятся к летней экспедиции. В течение года студенты МГПИ им. В. И. Ленина 2 раза — зимой и летом — выезжают в экспедиции и 5—6 раз в однодневные поездки.

Зимние экспедиции в Подмоскowie имеют исключительно большое значение, так как летом сотни деревень превращаются здесь в дачные поселки, запись фольклора в которых практически невозможна. В ходе экспедиций выяснилось вполне определенно, что не нужно искать фольклор только на окраинах региона. В пригородном Мытищинском районе были записаны подблюдные песни, большое число свадебных песен, разнообразные виды частушек и даже былички и сказки.

Планомерное сплошное обследование не оставляет белых пятен, но оно должно вестись согласно определенной гипотезе, подтверждая ее или опровергая. СобираТЕЛЬСкая работа при таком обследовании приобретает целенаправленный и интенсивный характер, эффективность ее значительно повышается.

Исследование Подмосковного этнографического региона показало, что реки могут служить здесь ориентирами, и планирование экспедиций целесообразно согласовывать с этим наблюдением, а остальные факторы влияния на фольклорные традиции определить как вторичные. Нет никакого сомнения в том, что исследование фольклора по сельсоветам или отдельные записи в разных районах не могут воссоздать реального соотношения разных традиций.

Записи на окраинах региона должны уточнить его границы. Принадлежность населенного пункта к той или иной области (а в прошлом к губернии) является важным обстоятельством, но тем не менее границы фольклорных ареалов практически никогда не совпадают с административными. При уточнении границ региона большое значение имеют данные диалектологии, исторической географии и, конечно, отличия в фольклоре, которые должны подсказать зону разграничения регионов.

В Подмоскowie относительно легко определяются восточные и юго-восточные границы этнографического региона, но западные его окраины выявить намного труднее, так как временная оккупация этих районов в период Великой Отечественной войны привела к значительной миграции населения, что отрицательно сказалось на сохранности фольклорных традиций и способствовало усилению переселенческого элемента, который преобладает сейчас в некоторых местностях на западе Московской области.

Синхронный аспект изучения региона определяется полевыми записями последних лет. При этом необходимо учитывать все существующие коллекции и фонды. Подмосковные фольклорные материалы хранятся в нескольких архивах: Московского государственного университета, Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, Московского музыкально-педагогического института им. Гнесиных, консерватории, Государственного литературного музея, Института этнографии, Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, в коллекциях отдельных собирателей. Такая распыленность материалов, конечно, усложняет изучение материала, но не делает его невозможным. Можно только приветствовать то, что в Подмоскowie в последние десятилетия ведется большая собираТЕЛЬСкая работа.

Помимо учета современного материала необходимо разыскание записей и публикаций прошлых лет. При работе с этими записями особенно необходимо пространственное соотнесение их с современными данными, географическая их атрибуция. Так, например, данные по Дмитровскому уезду, опубликованные Н. Волковым в «Московских губернских ведомостях» в 1851 г. (№ 44, 45), следует отнести к современному Загорскому району, территория которого входила ранее в Дмитровский уезд. Такой вывод определен сравнением материалов Н. Волкова и записей студентов МГУ 1924 г., материалов В. И. Чичерова 40-х гг., записей А. Б. Зерновой и наших экспедиционных наблюдений. Выяснилось, что материалы Н. Волкова можно локализовать вдоль Троице-Сергиевского тракта, хотя сам этнограф прошлого века, опубликовавший описание всех уездов Московской губернии, не уточнял мест своих записей, ограничиваясь указанием уезда.

Ретроспективные наблюдения показывают, что в середине прошлого века на всей территории Подмосковья бытовал богатый и разнообразный календарный фольклор. Старые записи позволяют очертить ареалы бытования отдельных произведений, традиция исполнения которых сохранилась кое-где до самого недавнего времени. (В Шатурском районе местами и сейчас дети колядуют под Новый год по старому стилю).

Попыткой первоначального обобщения старых и новых записей фольклора Подмосковья стало учебное пособие «Фольклор Московской области, вып. 1. Календарный и детский фольклор», изданное в МГПИ им. В. И. Ленина в 1979 г. В пособии дан свод всех выявленных к настоящему времени записей фольклора по этим двум разделам, что можно рассматривать как предварительную публикацию перед составлением научного регионального свода, не стесненной формами учебного пособия.

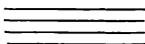
Забывание старого репертуара происходит неравномерно: одно забывается раньше, другое позднее, в одних местах это происходит быстро, в других — медленно. Системный картографический анализ позволит вскрыть объективные закономерности протекания этого процесса.

Планомерное сплошное исследование региона, в котором расположено учебное или научное учреждение, ведущее соби́рание фольклора, — дело вполне посильное даже для студенческого кружка во главе с фольклористом-исследователем. Областные педагогические институты имеют богатый опыт кружковой собирательской работы. Огромный опыт соби́рания фольклора накоплен в университетах и консерваториях. К сожалению, усилия соби́рателей разрознены, а профессиональная их солидарность, взаимопомощь и поддержка еще недостаточно прочны.

Фольклорные материалы почти по всем областям хранятся в разных архивах. Тот, кто возьмет на себя труд изучить и обобщить их в каком-либо конкретном регионе (ибо нельзя объять необъятное), тот пожнет богатый урожай.

Для лучшего обмена информацией о планах и результатах экспедиций было бы полезно создать периодический, хотя бы ротационный информационный бюллетень, который рассылался бы соби́рателям на подписных началах.

Неплохо бы учредить «Визитную карточку фольклориста», т. е. установить правило оставлять исполнителям данные об учреждении, которое направляет экспедицию, записывать на унифицированном бланке краткие результаты работы с данным исполнителем. Тогда случайные пересечения маршрутов, что в настоящее время случается нередко, или повторные поездки служили бы палативанием контактов между соби́рателями, помогали бы осуществлять сопоставление материалов, от чего никогда не стоит отказываться.

М. А. ЛОБАНОВ

*СТАРИННЫЕ ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР
В ДЕРЕВНЯХ И СЕЛАХ ПО Р. КУЛОЙ,
АБРАМОВСКОМУ И ЗИМНЕМУ БЕРЕГАМ БЕЛОГО МОРЯ*

Знакомство с кулойскими песнями, причитаниями, обрядами значительно углубляет понимание народной духовной культуры всего русского Севера. Кроме того, их изучение важно для уточнения локализации соседних, весьма подробно изученных фольклорных традиций — пинежской и мезенской. Однако деревни и села по р. Кулой и примыкающие к ней населенные пункты морского побережья мало обследованы фольклористами.¹ В настоящей статье мы остановимся на материалах, которые были собраны в экспедициях 1975, 1976 гг., и специально обратим внимание на те произведения (главным образом песни), которые в данной местности к настоящему времени уже вышли из активного бытования и сохраняются в памяти лишь пожилых людей.

За 70—80 лет, прошедших со времени поездки А. Д. Григорьева, облик этого глухого северного уголка существенно преобразился. Разрослись деревни Сояна, Ручьи, Долгощелье, тогда как Ореховская и Семжа, напротив, фактически перестали существовать. В с. Кулой, в конце 1920-х гг. насчитывавшем 120 домов, сохранилось только 50 старых, почерневших от времени деревянных строений, а на месте снесенных домов поставлены общежития лесозаготовителей, прибывших сюда из разных концов страны. Значительно уменьшились Карьеполье, Нижа. Иным, чем во времена А. Д. Григорьева, стал транспорт, изменились связи между отдельными населенными пунктами. «Кулой является не только сплавной, но и судоходной рекой, — отмечал собиратель, — по нему ходят не только малые лодки, но и большие карбаса».² Зимой ездили на лошадях из Пинеги в Мезень через Кулой и Совполье (бывш. Немнюга).³

В настоящее время благодаря авиалинии стала более быстрой и легкой связь этой отдаленной местности со всей страной, а связи между соседними деревнями ослабли: регулярное сообщение по реке снято, нет сейчас и сухопутной дороги между Пинегой и Мезенью.

¹ Помимо выдающегося собрания эпической поэзии Кулоя (Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Прага, 1939, т. 2), укажем статью О. Э. Озаровской «Северная свадьба» (в кн.: Художественный фольклор. М., 1927, вып. 2—3) и публикацию некоторых образцов фольклора поморских сел в кн.: Липец Р. С. Рыбацкие песни и сказы. М., 1950. Неопубликованные материалы экспедиции О. Э. Озаровской на Кулой см.: РО ИРЛИ, р. V, кол. XII.

² Григорьев А. Д. Архангельские былины. . . , т. 2, с. 4—5.

³ Существовала, впрочем, и дорога из Мезени на Пинегу без единой деревни на пути (см.: Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь: Путевые заметки по северной части Архангельской губернии. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1908, т. 84, с. 37—38).

Не сохранились сейчас и некоторые сезонные промыслы, на которые стягивались жители всего этого края, например ловля паваги на Канипом мысу.

Хотя в результате социально-экономических перемен нарушились пути, по которым прежде шло обогащение фольклорного репертуара новыми песнями, танцами, устно-прозаическими произведениями, традиционный фольклор на Кулое окончательно не ушел из современного быта. Даже во время краткого пребывания в селе в течение фольклорной экспедиции неоднократно удавалось наблюдать песни и танцы в исполнении для себя, а не по просьбе собирателей.

Вспоминается в этой связи праздник День рыбака в Койде (1975 г.). Близкий по календарю Петрову дню, праздник этот проходил на площади, где когда-то была «петровщина» (так в поморских деревнях называлось место для летних игр и игры в мяч). После торжественной части и концерта агитбригады начались танцы, вскоре прервавшиеся: женщины лет от пятидесяти, взявшись за руки, образовали цепь и начали водить своеобразный хоровод, «ходить веревкой». Ведущая проходила под руками последних из участниц «веревки», протаскивала за собой всю цепь, из-за чего «веревка» то «развивалась», то «завивалась».

Традиционные песни звучат сейчас чаще при застолье, где топ задают 60-летние, а поддерживают его 30—40-летние люди. В 1975—1976 гг. на таких праздниках импено старинная песня была в центре внимания. Среди песен, исполненных при «гос[т]ьбах», — протяжные «Летел голубь», «Что ты, Маша, приуныла» (Кулой); «Как поехал добрый молодец», «В хороводе на лужку девки песенку запели» (Долгощелье); «Как под славным городом Архангельском» и замечательная по плетению поэтического узора «Что у душечки у красной девицы» (Карьеполье):

Что то (й) у душа (ю)... у душечки
 Да (й) у кра... ой, у красной деву...
 э-ой, у красной девушки
 Ой да все сборы, все сборы, все, всё
 Да сердце... ой, сердечко слышило,
 э-ой, сердечко слышило...⁴

Перечисленный репертуар требует свободной ориентировки в сложном стиле северной протяжной песни.

Сейчас можно услышать на «госьбах» и две-три плясовые песни («Прялица», «Конопелка», «Зелено вино в кармашке»), сопровождающие, как и частушки, «топку» (беломорское название пляски, когда несколько женщин становятся в кружок, охватывают руками друг друга за плечи либо по талии и, притопывая, медленно движутся по кругу).⁵ «Топка» не требует много места, плясать ее удобно и в комнате, где стоят накрытые столы. Потому эта пляска под песни еще сохранилась.

Круг активно бытующего традиционного фольклорного репертуара на Кулое шире того, что пришлось слышать в естественной обстановке в 1975—1976 гг. Вместо вышеупомянутых песен свободно могли быть исполнены и некоторые другие. Но о них уже пришлось спрашивать местных жителей. Эти воспоминания не только дополняли непосредственно увиденное либо услышанное — они вели ко времени молодости пожилых сегодня людей, потомственных крестьян или рыболовов, к тому времени, когда фольклор еще пропизывал многие стороны жизни северной деревни.

⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 10, № 109. Ниже ссылки на записи автора настоящей статьи даны без указания фамилии собирателя.

⁵ Там же, п. 5, № 24, л. 2. Зап. С. Н. Азбелев и П. С. Выходцев.

* * *

В 20—30-х гг., когда гораздо полнее сохранялись традиционный бытовой уклад, обряды и обусловленная ими система фольклорных произведений, протяжная песня чаще звучала на деревенской улице. Те же семейные праздники проходили иначе, чем сейчас. «Сперва чаю попьют, — вспоминает Е. И. Орехова (с. Кулой, 1900 г. рождения), — а потом идут по деревне с песнями. Обойдут кругом деревни, приходят — опять ужин заводят... Поужинают — домой совсем идут с песнями, на расход».⁶

Обходы деревни совершались и во время проводов рекрутов, по при этом пелись специальные протяжные «лекрутские» песни. Цикл таких песен удалось записать в с. Кулой: «Что по первому по Невскому проспекту», «По дорожке да было по московской», «Край пути было, край дорожки». При проходах же требовалось много песен: обходы были весьма продолжительными. Так, провожающие трижды обходили с. Кулой, долго стояли у церкви и только лишь затем прощались с новобранцами на мостике через ручей неподалеку от въезда в село... В списке песен с. Долгощелья, составленном О. Э. Озаровской, значится восемь рекрутских песен.⁷

Широко использовались протяжные песни в летних гуляньях. Повсеместно первый выход молодежи из гумен, где проходили игры после Пасхи, на луг открывался песней «Разливалась мати вешняя вода» (молодец прощается с родными). Каждая летняя игра начиналась протяжной «В караводе на лужку девки песенку запели», под которую девушки приглашали парней на первую игровую песню. В с. Кулой расходились с гулянья под песню «Не пройди-то будет нам по этой деревенке». В Долгощелье играющие, взявшись за руки попеременно парень — девушка, в самый разгар гулянья прерывали игры и обходили с этой же песней соседние улицы, а потом вновь возвращались на «петровщину», и игрище продолжалось своим ходом.

Протяжные песни также сопровождали своеобразную игру, сочетающую элементы игр в «горелки» и в «третий лишний». Друг против друга становились ряд девушек и ряд парней, на середину выходили двое играющих и бежали от третьего, который ловил («имал») одного из убежавших. Поймав себе пару, догоняющий становился с партнером в ряды, а участник, оставшийся свободным, должен был ловить кого-либо из следующей двойки. Под эту игру в Кулое пели одну из замечательных протяжных песен «Что за реченькой было за Невагою» или «Это что друг за любитель, право, за такой». Данные песни называли в селе «бегучими». Та же игра в Карьеполье проходила несколько иначе и имела название «бегать столбом».⁸ Играющие разбивались на тройки, двое бежали, а третий ловил себе пару. Игра считалась в Карьеполье весенней. «Бегучие» песни отмечены в верховьях Кулоя, в Долгощелье их не было.⁹

⁶ Там же, п. 9, № 6.

⁷ Там же, кол. XII, п. 4, № 29, л. 12.

⁸ В г. Онеге игра типа «третий лишний» также называлась «столбом». — *Всеволодский-Гернгросс В. Н., Ковалева В. С., Степанова Е. И.* Игры народов СССР. М.; Л., 1933, № 548, с. 226; О горелках в западной части Беломорья см.: *Бернштам Т. А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX—начале XX в. — В кн.: *Русский народный свадебный обряд*. Л., 1978, с. 66.

⁹ Игра, называемая «имки», некогда была известна и на верхней Пинеге, но видеть ее воочию не пришлось даже участникам комплексной фольклорной экспедиции Государственного института истории искусств (1927 г.) (*Князь Е. Э.* «Метиче» — праздничное гулянье в Пинежском районе. — В кн.: *Крестьянское искусство СССР*. Т. 2. Искусство Севера. Л., 1928, с. 194).

Протяжные песни сопровождали и жатву (рожь и ячмень сеяли в верхнекулойских деревнях). Песни звучали лишь в те минуты, когда садились вить вязки для снопов. Но это — если близко соседское поле. А в одиночку не пели. В последние же дни жатвы хозяева побогаче устраивали «каши». На их поля собиралось до десятка девушек, жали, пели песни, причем и при наклонах с серпом. Днем хозяин приносил в поле обед. Поработав еще, девушки возвращались с поля с песнями, заходили в дом к хозяину, где их ждали чай и ужин.

Специально «кашной» считалась удивительно красивая протяжная песня «Вёсна моя, вёсна». Ее нам не спели — уже некому было запевать и вести сложнейший напев. Но в архиве О. Э. Озаровской имеется ее запись из близлежащей пипежской деревни Великий двор:

Ты ли ты-то, вёсна, вёсна красная,
Вёсна красная да летико теплоё,
Лето теплоё, страда, страда да прохладная,
Страда прохладная, жатьё ли да работноё...¹⁰

Пели при «кашах» песню «Уж мы сядем-ко, ребятушки, во единый круг», ибо начин ее соответствует коллективному характеру обряда, а также «За Невагою», «Разливалась мати вешная вода» — все мужские по тематике песни.

В с. Кулоу «каши» называли также «помочами», говорили: «Ходить дожинать». В Карьеполье и в Чижгоре (Совполье), однако, «каши» и дожинки проводились в различные дни. «Сперва кто-нибудь соберет кашу, — сообщила М. Н. Старопопова, — придет человек десяток. Вторично собирает он же дожин».¹¹

Традиционная протяжная песня глубоко вошла в различные сферы быта в деревнях и селах по Кулоу и примыкающему побережью моря. Без нее не будут полными сведения о таких фольклорных и этнографических явлениях, как летние игры, календарные обряды. А в сочетании с ними протяжная песня обретает черты регионального своеобразия, ибо земледельческие обряды или игра «бегать столбом» под песни принадлежат верхнекулойской традиции и не дошли до низовья реки. По составу репертуара нельзя было сделать вывод о местной специфике песен, поскольку за показатель локальных различий легко принять, к примеру, обычное выпадение песни из памяти исполнителя. Крайне редки были и случаи, когда местная специфика выявилась при сопоставлении вариантов протяжной песни. В частности, в Койде в песню о гибели девицы в реке после прощания с милым вошло описание плывущего судна:

Бежит легонькой стружок,
Ой, раскрашеной новой карбасок,
Ой, раскрашеной, оснащенной,
Тонки парусы были белы,
Весельшки были голубые,
Все матросы молоды...¹²

Подобный фрагмент отсутствует в очень развернутом верхнекулойском варианте. Очевидно, для земледельческого Кулоу не были актуальны подробности, существенные для рыболовецкой Койды.

Разнообразный, богатый по составу фольклор связан с зимними встречами молодежи. Встречи эти проходили по-разному. В будние дни, кроме субботы, когда топили баню, девушки ближе к вечеру собирались небольшими компаниями в доме у какой-либо из подруг, пряли, руко-

¹⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. XII, п. 3, № 5, л. 2—3.

¹¹ Там же, кол. 266, п. 9, № 95, л. 2.

¹² Там же, п. 1, № 67. Зап. А. Н. Мартыновой.

дельничали. Плясать, танцевать здесь не рекомендовалось.¹³ Девушки припевали подругам парней, реже пели «перегудки» (местное название частушек), которые в 1920-е гг. еще мало были распространены по Кулою и под которые тогда еще не плясали. В Карьеполье сообщали и об игре кольцом, принятой на таких встречах во время рождественского поста: «Кольцо берут в горсть и кому сунут в карман, кому в подол. Надо отгадать, у кого кольцо» (М. Н. Старопопова, 1909 г. рождения).¹⁴ Подобные посиделки называли в Кулое вечеринками, в Карьеполье говорили «ходить вечеровать».

По воскресеньям и в праздники молодежь собиралась в специально откупленный парнями дом на «игрища» (Кулой), или «вечеринки» (Карьеполье), «вечереньки» (Долгощелье). Подростки бегали по деревне, приглашали девушек прийти на вечеринку или спрашивали разрешения на то у старших в доме. В откупленный дом сходилась не только молодежь, но и родители — посмотреть на играющих.

Игрища-вечеринки по всему Кулою проходили в одной и той же последовательности. Первыми шли песни, под которые «ходили». «Парами ходить», «ходить в песнях», или же, как называли это, начиная от Койды, «ходить из угла на угол», «ходить по уточке» представляет в сущности старинный танец с четким рисунком перемещения участников. Так, в прикулойских деревнях становились 4—5 пар лицом к входной двери. В правую руку кавалера девушка подавала свою правую руку. Сделав несколько шагов вперед, танцующие разнимали руки, расходились в противоположные стороны и шли поодиночке, становясь в хвост к последней паре. В результате образовывалось два круга, наподобие двух соприкасающихся шестеренок. Но могли быть и другие рисунки, что фиксируют вышеуказанные различия в названиях.

Отличительная черта «парами ходить» от танцев в обычном понимании — отсутствие специально танцевального шага. «Ходили в песнях» обычным размеренным шагом. Поэтому музыкальным сопровождением этого танца могли быть любые по характеру песни, начиная от плясовых (например, «Соловешка да на елишке» в Койде и Долгощелье) и игровых песен («Из-за кустышка олесек, люли-люли») и кончая протяжными. (Протяжные песни в качестве сопровождения к танцу были указаны нам только в с. Кулой). А на свадебных пирах «ходили» и под свадебно-обрядовые песни. Заметим: ни один из жестоких романсов, записанных в этих местах, не оказался в числе «ходячих» песен.

Под плясовые и игровые песни «Шили девицы ковер», «Во лузях», «Посеяли девки леп» и т. п. танцевали также и на «четыре пары». Каждая пара, став лицом к центру и взявшись крест-накрест руками, менялась местами с противоположной парой и потом пережидала, пока таким же образом не помещаются остальные две пары.¹⁵ Песни, сопровождавшие этот танец, были композиционно однородными: музыкальная форма их напевов — ответная пара периодичностей.

Пляска на четыре пары входила уже в следующую часть игрищ-вечеринок — в танцы. Вместо этой пляски или вместе с нею шли танцы под гармонь, либо балалайку, либо под повсеместно известные песни «Прялица-кокорлица» и «Копелка». Более богатым был танцевальный репертуар в Долгощелье, Койде. Очень интересен, например, «Мельшик».¹⁶ Девушки от каждой танцующей пары сходились и образовывали внутренний круг, двигавшийся в направлении, противоположном ходу внеш-

¹³ В Совполье при вечеровании плясали. — Там же, п. 3, № 54, л. 2. Зап. Н. И. Хомчук.

¹⁴ Там же, п. 10, № 94, л. 10.

¹⁵ *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Крестьянский танец. — В кн.: Крестьянское искусство СССР. Т. 2. Искусство Севера, с. 240.

¹⁶ Там же, с. 241.

него круга. Любим был еще один парный танец, не имеющий названия: двое кавалеров заходили с обоих концов лавки и по очереди кружились с каждой из сидящих девушек. В знак приглашения кавалер должен был топнуть ногой.

В верхнекулойских селах зафиксирована восьмифигурная (либо шестифигурная) кадрили под песни. Набор песен остается одним и тем же не только в Кулое и Карьеполье, но и в самой Мезени.¹⁷

Вслед за танцами начинались игры. Особого разнообразия, насыщенности песнями, театральными элементами в этой части игрищ-вечеринок не было. Играли в «тяпки»,¹⁸ в «почту» — почтальон разносил по комнате записочки (Карьеполье). Сопровождения песнями требовала лишь игра в «столба». Водящий («столб») садился на стул посреди комнаты, вокруг него ходили девушки, клали на плечо ему платки и пели песню «Вкруг столба я хожу... Чем столба буду дарить?»,¹⁹ после чего начинался выкуп платков. Затем сидящие по лавкам пели тот же напев, припевая имя парня, а девушка, чей платок разыгрывался, подходила к «столбу» и забирала свой платок. В Койде песнями сопровождалась и игра в «келью», не отмеченная в Кулое.²⁰

Последней шла игра «в соседа», к моменту которой родители, пожилые зрители уже расходились по домам. Водящий — а им бывал парень, сидевший в переднем углу, — должен был так рассадить присутствующих, чтобы они разместились соответственно своим симпатиям. Для этого необходимо было выяснить не только желания того или иного участника игры, но и спросить, согласен ли сосед, чтобы его соседка пересела в другое место. Пока шла эта игра, сидящие девушки пели «перегудки» либо величальные беседные припевки: припевали кавалеров девушкам. В самом конце вечеринки ребята загадывали девушкам загадки.

Более строго соблюдался распорядок и этикет игрищ-вечеринок в верховьях реки. О силе традиций свидетельствует любопытная подробность: в Карьеполье «на вечеринках места разбирали по фамилиям. Самая почетная фамилия Старопоповы. Их девки сидели на поперечной скамье, ближе к переднему углу».²¹ А девушкам из семей, позднее обосновавшихся в деревне, могло и вовсе не остаться места на лавке.²² В Долгощелье же уже в конце 20-х гг. «вечереньки» приблизились к самым обычным городским танцам. Народу сходилось много, поэтому вечереньки устраивали в амбарах. Если приходили чужаки, ребята с другого конца села, то случались драки.

Согласно современному обследованию, вечериночные песни неравномерно сохранились в памяти пожилых: большая группа соянских песен неизвестна в Койде, и наоборот. То же касается и верхнекулойского репертуара. Дашные из архива О. Э. Озаровской, впрочем, помогают установить факт повсеместного бытования в прошлом некоторых из них. И все же заметно, что в настоящее время протяжные песни сохранились в памяти кулоян более равномерно, нежели вечериночные. Объясняется это просто: если протяжные песни еще исполняются в компаниях, поются пожилыми людьми и естественно усваиваются более молодыми людьми,

¹⁷ Тонков В. Свадебные песни и обряды г. Мезени. Казань, 1934, с. 37.

¹⁸ Один из играющих клал свои ладони на ладони другого партнера. Тот, чьи ладони оказывались внизу, должен ударить по лежащей сверху руке. Эта игра требует проворства.

¹⁹ Песни и различные варианты подобной игры весьма распространены. — В кн.: Игры народов СССР, № 546—547, с. 225.

²⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 1, № 184.

²¹ Там же, п. 10, № 94.

²² Аналогичным образом, по степени родovitости семьи, выстраивались девушки в летние хороводные игры на Мезени (см.: Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. М., 1975, с. 60).

то вечериночные песни — сугубо молодежный репертуар — перестали исполняться, как только ушли из жизни вечеринки.

Распорядок летних игрищ примерно сходен во всех кулойских селениях. В Долгощелье игры шли в течение всего праздничного дня. До обеда была «депная петровщина», после которой ребята оставались на лугу поиграть в мяч. Отобедав, гуляющие шли на «вечернюю петровщину», также завершавшуюся игрой в мяч. Затем молодежь отправлялась на вечеринки, видимо, не прекращавшиеся в Долгощелье и с началом петровщины. В Кулое также проводилось два игрища: депное — с полудня, почное — с семи до двенадцати вечера или даже до восхода солнца.

На летних игрищах песни не так многочисленны, как на зимних вечеринках. Пелись они в каждое гулянье приблизительно в одном и том же порядке. В Кулое первой шла «Из-за лесику, лесу темного», затем «Вдоль по морю», «Вдоль было по травке», «Из-под дубу, дубу, дубу», «Что не вновь²³ монастырь становился», «Молодой донской казак». Ближе к концу проходила «По-за городу гуляет царев сын». Далее следовали «бегучие» песни. После них разыгрывалась песня «Взайди, взайди, солнышко». «Солнышко будет всходить, — объяснила Е. И. Орехова, — тогда и разойдемся: у нас ведь ночи светлые».²⁴ Местоположение последней из указанных песен в композиции летних игрищ определило, как и во многих других случаях, содержание зачина.

Традиция исполнения летних игровых песен была различной в верховьях и низовьях Кулоя. Жительницы с. Кулой утверждали, что играющие в их селе стояли только «столбами»: ряд девушек против ряда парней. Все песни разыгрывались, исходя из этого положения. Ряды могли приближаться друг к другу, могло меняться местоположение «столбов» относительно зрителей, когда ряд парней проходил сквозь линию девушек и становился позади. Каждая игровая песня обязательно заканчивалась тем, что играющие разбивались на пары (девушка по левую руку парня), шли некоторое время колонной, оглябая луг по солнцу, а потом кавалеры отводили девушек по местам.

В Долгощелье фигуры построения играющих были разнообразнее: 1) ходили кругом, что больше всего распространено; 2) в одной из песен (в какой именно, к сожалению, забыто) ходили два соприкасающихся, словно шестерки, круга девушек и парней по отдельности; 3) «столбами» играли «А мы росу сеяли» и, возможно, какие-то иные песни. В Сояне в песне «Из-за лесику» девушки пели, стоя несколько в стороне, а парни ходили по кругу.²⁵

Летние игровые песни, известные на Кулое, весьма распространены и в центральной части России. Местных привнесенных кулойские варианты не содержат. Но возможно, что игровые действия отличаются каким-то своеобразием, ибо в верховьях Кулоя отсутствовал круг и потому не было деления играющих на солистов, выходящих в середине хора, и статистов. Все, стоящие в ряду, совершают одни и те же действия. Так, в игре «Вдоль по травке» девушки подходили к парням, каждая снимала шляпу со своего партнера, слегка трепала его волосы и т. д. Парни уходили от девушек без шапок, затем снова приближались к девушкам, и те приглаживали им волосы, надевали шляпы. В игре «Из-под дубу» девушки роняли платки на землю, парни подходили и поднимали платки, а девушки брали кавалеров за руки и обводили вокруг себя — получалось, что парни вставали за спинами девушек. В игре «Молодой донской казак» девушки привязывали платки к рукам парт-

²³ В большинстве вариантов: «Что не пов...».

²⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 9, № 8.

²⁵ Там же, п. 5, № 24, л. 24. Зап. С. Н. Азбелев и П. С. Выходцев.

неров, потом отвязывали; в игре «Взайди, солнышко» участники по многу раз сходились столбами и обменивались рукопожатиями.

Переходя к собственно обрядовым песням, укажем, что святочный фольклор — виноградьа, рождественские песенки, колядки — гораздо лучше представлен на Абрамовском и Зимнем берегах, чем в верховьях Кулоя.

Ребятишки, первыми совершавшие в канун рождества обход дворов, пели в Долгощелье «пославки»:

Славьте, пославьте,
Копейку подайте,
Кто не подаст —
Тому чпрей в глаз.²⁶

В Мегре, деревне на Зимнем берегу, пелась и колядка «Снежки падали, падáли, перепадывали», близкие варианты которой опубликованы среди печорских и верхнепечужских записей.²⁷

Повсеместно по Кулою исполнялось лишь «холостое» или «мужское» виноградьа «Во соборе Михаила Архангела» (прихожане дивуются красоте и наряду молодца). Пели его девушки и при обходе дворов, и на игрищах-вечеринках. В этом случае виноградьа могло деформироваться и по композиции текстов, приближаясь к вечериночным песням с припеванием молодца девице.²⁸ Кроме этого, широко распространенного виноградьа помнили в Койде и «девье» виноградьа «Еще далече-далече» (девица вышивает ковер).

Из летних праздников отмечались Троица и Иванов день. Специально приуроченных к этим датам песен не было. Лишь в Совполье на ивановском гулянии пелась песня следующего содержания:

Я бежала по поженке,
Добежала до часовенки,
У часовенки два голубя сидят
Да один голуб(ь) ничего не говорит,
Другой голуб(ь) разговаривает:
Оно завтра Иванов день,
Да послезавтра Купань-день, день...²⁹

Конечно, это игровая, а не обрядовая песня. Однако приурочена она не случайно: с Купалы начинались купанья в реке.

Известно, что повсеместно по Пинеге дожижки сопровождалась специальными обрядовыми песнями или приговорами. И на Кулою помимо вышеприведенных протяжных «кашных» песен, в сущности не исконно обрядовых, дожижки включали также словесную фиксацию окончания работ. Короткий текст, относящийся к этому моменту, определялся местными жителями по характеру исполнения как приговор, но выкрикиваемый. Лишь информатор из Карьеполья сообщил: «Как дожнут, так встанут и поют:

Ниву дожали, страду отстрадали
Слава богу до нового года».³⁰

Календарно-обрядовый фольклор распределяется по Кулою таким образом, что зимние песни сосредоточены в низовьях реки, а летние — в верховьях.

²⁶ Там же, № 141 (зап. С. Н. Азбелев, П. С. Выходцев, А. Д. Троицкая).

²⁷ Песни Печоры. М.; Л., 1963, № 122, 123, 287; Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ / Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980, № 4.

²⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 5, № 4. Зап. Г. И. Мальцева.

²⁹ Там же, п. 3, № 74. Зап. Н. И. Хомчук.

³⁰ Там же, № 4, л. 2. Зап. Н. И. Хомчук.

Обобщая собственные наблюдения над свадебными обрядами соседнего с Кулоем района верхней и средней Пинеги, Н. П. Колпакова отметила «обилие вариантов в обряде, отдельные моменты которого внешне проходят во всех деревнях почти в одинаковом порядке... Это подчеркивает мелкую, но существенную для исследователя индивидуальность каждого отдельного пункта».³¹ Такая же вариантность присуща свадьбе в обследованных прикулойском и поморском районах. Изменчивыми оказываются порядок следования отдельных эпизодов; определение информаторами того или иного момента действия как самостоятельного эпизода свадьбы либо как части более крупного обрядового построения; трактовка свадебно-обрядовых терминов; роль песен, причитаний и приговоров; манера причитывания. Кроме того, в каждом из населенных пунктов (в сравнении с соседними) имеются свои собственные обрядовые и игровые действия.

Периодизация отдельных эпизодов свадебного обряда определяется следующими эпизодами: баня невесты (он организует ряд соседствующих действий); торжественный прием в доме невесты родных жениха, называемый «богомольем» (Кулой), «рукобитьем» (Карьеполье, Сояна, Долгощелье, Нижа, Семжа), «зарученьем» (Долгощелье); венчание, падающее либо на утро, либо на вторую половину дня.

Различная группировка обязательных эпизодов то сгущала, то рассеивала динамическую напряженность свадебной игры в предвенечный и венчальный дни. Если баню невесты устраивали вечером накануне дня венца, то расплетание косы (прощание с волей, красотой) свершалось утром следующего дня (Кулой, Сояна, Койда). В этот день тогда было два стола: у невесты для поезжан и большой стол в доме свекра — от венца. В Долгощелье, где баня была утром в день венца, добавлялся еще один стол — родительский обед, после чего следовал эпизод расплетания косы. В Карьеполье баню устраивали утром предвенчального дня. Тогда за баней и расплетанием косы следовало рукобитье, а уже на следующий день утром поезжане вновь заходили за столы и получали невесту.

Когда торжественный прием родных жениха в доме невесты проходил до шитья приданого (кулойское «богомолье»), тогда возникала необходимость столь же пышно обставить стол при передаче невесты в поезд жениха. Если такой прием устраивался при завершении шитья приданого, т. е. накануне венчания («рукобитье», «заручение»), то необходимость пышного стола при отъезде к венцу отпадала, и последний эпизод, называемый в Карьеполье, Сояне, Совполье «иманьём»,³² проходил очень скромно.

Столы у невесты не только приходились на разные дни, но и оформлялись по-разному, во многом определяя характерный облик того или иного местного варианта свадьбы. «Богомолье» в с. Кулой составляло отдельный эпизод обряда и проходило так же, как и прибытие свадебного поезда к венцу за невестой.³³ В дом жениха собирались родственники, шли в дом невесты в строгом порядке по степени родства. Закрывающие процессию женщины несли специально предназначенные для этого момента свадебные песни «По Волге-реченьке», «Гусли мои, гуселицы» (по местной терминологии «дорожные»). К дому жениха собирались посторонние посмотреть процессию, парни из «посторонщины» стреляли из-за углов... В доме невесты гости в строгом порядке по солнцу захо-

³¹ Колпакова Н. Свадебный обряд на реке Пинега. — В кн.: Крестьянское искусство СССР. Т. 2. Искусство Севера, с. 161.

³² Сравним с распространенным на Терском, Летнем, Поморском берегах термином «пониманье».

³³ Аналогичным образом строится обряд пос. Пинега. — Колпакова Н. Свадебный обряд на реке Пинега, с. 149—151 и 153—154.

дили за столы, оставляя место для невесты и «божатки» (крестной), и стояли до тех пор, пока из другой комнаты не выводили невесту. Сперва выходили к столу в этот момент отец и мать невесты, потом вслед за ними шла вторая пара — сама невеста с крестной. Девушку ставили напротив жениха, она здоровалась, подавая руку через стол, сначала с ним, потом с тысяцким, отцом и матерью жениха и заходила с божаткой за стол. Все садились, начиналось чаепитие и обед. Родные невесты — отец, мать, братья и сестры — потчевали гостей, обносили по очереди вином, раздавали родственникам жениха подарки, выговоренные при просватаньи. Богомолье шла смотреть «посторонщина». Пришедшие стояли в «подпорожье» (у дверей). С ними обычно приходили женщины, чтобы за вознаграждение опеть жениха и невесту. Первому пели «Было у князя, князя», второй — «Марьюшка хорошая». Других лиц на богомолье в отличие от последующих столов не опевали. После обеда гости переходили в соседнюю комнату и «ходили в песнях» под свадебные песни. Тем самым к кулойскому богомолью подключалась еще одна часть, соответствующая «поседке» в обряде Сояпы и других мест и не выделяемая в Кулое в самостоятельный эпизод.

В Карьеполье (так же и в Совполье) богомолье входило в просватанье, проходившее очень скромно. Правда, и здесь невеста «задавала руку» жениху, свекру, тысяцкому, а при прощаньи жених на людях целовал невесту, что в кулойском обряде свершалось лишь в стол перед отъездом к венцу. Центральный прием жениха с родней в доме невесты, рукобитье, происходил в Карьеполье вечером накануне отъезда к венцу. К этому времени уже были назначены дружки, они ходили по селу с колоколами и созывали гостей. На карьепольском рукобитье был особый эпизод, отсутствующий в Кулое: после чая невеста пачинала за столом причитать, божатка выводила ее в сени, а подружки шли следом, вставали попарно перед дверьми из избы в сени и брались за руки. Жених с дружками должен был пройти сквозь кордон подружек, выйти в сени и достичь невесты. Подружки, сцепившись руками, не пропускали дружек, прокладывая дорогу жениху. Дружки расцепляли руки девушек, били их по рукам (отсюда и «рукобитье» — так трактуют термин в Карьеполье). Жених проходил в сени, целовал, как положено, невесту, наступив ногой на ее ногу и схватив рукой за косу.³⁴ Затем он уходил к себе. Через какое-то время в его дом шли невестины подружки «петь песни», а в доме невесты начинались «последня ужна» и поочередное прощание девушки с каждым из своих родственников, сопровождавшееся причитаниями.

Богомолье в Сояне и Долгощелье также составляло часть просватанья, а торжественным приемом родных жениха в доме невесты, где и происходило задавание руки, было рукобитье. Невеста, выйдя в избу в вышеописанном порядке, через стол «захватывалась» (обменивалась рукопожатием) с женихом, тысяцким, свекром. Это и соответствовало в Долгощелье значению слова «рукобитье». Захватывались по-особому:жимали друг другу руки выше локтя, ближе к подмышкам, причем прикасались не голой рукой, а держа на ладони платочки с вышитыми пословицами. Посторонние женщины опевали всех гостей, а не только жениха с невестой, как на кулойском богомолье. Невеста, не досидев, выходила на улицу либо в сени (в холодную погоду) и пачинала громадное по продолжительности причитание-благодарность за стол. По ее просьбе подружки поочередно вызывали к ней то отца, то мать, то золовку и т. д. Эпизод с прорыванием толпы женихом приходился еще на один стол у невесты — на заручение. Этот самый богатый на долгощельской свадьбе

³⁴ Аналогичное описание из с. Долгощелья см.: *Озаровская О. Э.* Северная свадьба, с. 98—99.

прием у невесты, где собиралось до сорока человек родственников, делали только в состоятельных семьях, поэтому соответствующие данному столу действия участников обряда не всегда воспроизводились в Долгощелье.

Неодипаково проходит в прикулойских селах и такой важный эпизод, как подношение невесте от жениха всего необходимого для подвечного туалета. От Совполья, Карьеполья и ниже этот дар называют «передать», в с. Кулой весь эпизод с подношением носит название «выводить на ставку».

«Передать» приносили невесте дружки до бани (Сояна, Долгощелье) либо после нее (Койда, Карьеполье). С ними приходил специальный свадебный чин (в Сояне его называли «большой боярин»), в обязанностях которого было произносить приговоры. Невеста сидит на продольной лавке, на своем всегдашнем месте во время свадебных столов, дружки становятся напротив нее. Исполнитель приговоров начинает:

— Девица душа красная, невеста зарученная, княгиня первобрачная Александра Павловна! Мы от свата, от брата, от тысяцкого, от князя первобрачного Геннадия Васильевича пришли к тебе спросить про здоровье. Здрава ли ты, весела? ³⁵

Невеста причитает:

Дружки вы, дружки вежливы,
Дружки вежливы, очесливы!
Уж вы как зашли-заехали
В наш дом благодатной?
У ворот были приворотники,

У дверей — придверники,
Среди двора — крепки сторожи.
Вы спросились ли, доложились
У всхожа солнца красного,
У родителя-батюшка?

На это дается утвердительный ответ, и вновь в той же самой словесной формулировке повторяется вопрос. Невеста отвечает точно так же, но называет не отца, а мать, затем брата и прочих. Лишь перебрав всех родственников, она сообщает о своем здоровье. Тогда от дружек исходит просьба принять подарок от князя первобрачного. Невеста многократно отказывается принять «передать», требуя на то дозволения отца, матери и прочих своих родственников. ³⁶

По требованию невесты подружки выходят за родственниками, если их в этот момент нет в избе. Каждый из родственников дает согласие. Пока дружки повторяют свою просьбу, они протягивают невесте поднос с подарком — та отпихивает «передать». А в Сояне дружки даже пятились назад, когда невеста причитала, и вновь к ней приближались (все время лицом к невесте). Покуда большой боярин просит, некоторые из многочисленных зрителей налепливают дружкам на спину репейник, пакальвают тряпки и бумажки. Отдав «передать» и угостившись, дружки снимают с себя все эти украшения, а если сильно захмелеют, то позабудут — и идут по селу, вызывая смех и шутки.

В с. Кулой после чаепития во время стола перед отъездом к венцу невеста с божаткой и с другими лицами со своей стороны выходила из избы в «ту-том комнату», как называли в Кулое горницу. Следом направлялся туда же жених с поезжанами, из которых кто-либо протягивал невесте подарок. Та отпихивала поднос, причитала примерно то же, что приведено выше. После принятия подарка жених впервые за всю прошедшую часть обряда целовал прилюдно невесту и возвращался вместе с поезжанами к столу, а невесте затем начинали расплетать косу, падевали ей подвечное платье и т. д. Как видим, стол к венцу в с. Кулой включал много тех действий, которые в пинжекулойских деревнях свержались до прибытия поезжан за невестой.

³⁵ Здесь вспоминается обычай, принятый в Древней Руси при царском дворе: каждое утро царь посылал в покои царицы ближнего человека спросить про здоровье (*Забелин II* Домашний быт русских царей. М., 1862, ч. 1, с. 291).

³⁶ РО ИРЛИ, р. V, колл. 266, п. 10, № 49. Ср.: Обрядовая поэзия Пинежья, с. 66—67.

Вышеописанные эпизоды и действия содержали одни и те же элементы обряда, но по-разному скомпонованные в том или ином селе. Были, однако, в каждом населенном пункте и свои свадебные обычаи. Индивидуальность их, конечно, относительна, ибо проявляется только при сопоставлении описаний свадеб того небольшого района, который нами изучался. На более широком фоне многие из этих индивидуальных моментов перешли бы в широко распространенные.

Село Кулой отличалось от нижекулойских селений, например, обычаем «выкупать стол». К моменту прихода поезжан подружки садились за накрытые столы. Заслышав, что идут гости, они запевали «Колотитце, колотитце сват у ворот» и далее — «За столами за дубовыми», «Пресветлая светлица». Во время пения поезжане проходили в избу, рассматривали девушек. Тысяцкий, насмотревшись, клал деньги на носовой платок, расстеленный подружками на столе, — и те уходили, освобождая стол для гостей.

Только в этом же селе при приносе в дом молодого невестинного «места» (перины, подушек и др.) на разостланную постель падали присутствующие женщины, родственницы либо посторонние, вскрикивая: «Парнёва мать! Парнёва мать!». Примета — чтобы рождались мальчики. Девушкам же и вдовам категорически запрещалось падать на невестинно «место».³⁷

В разгар большого стола в Кулое дом молодого вдруг сотрясало от мощного удара в стену: на улице посторонние мужчины «колотили кашу» — со всего маху били здоровенным поленом по стене. От них откупались вином,³⁸ специфически кулойским обычаем является также и «кормить кашей»: молодой кормил молодую. Происходило это, когда «расшивали ковригу» — завернутые в скатерть хлеб, которым благожелали жениха и невесту перед отъездом к венцу, пироги, чашки, ложки на двоих.³⁹ Друга должен был во время стола отыскать кончик штuki, которой зашивалась «коврига», и вытянуть всю штuku.⁴⁰ Затем молодой брал положенную в нее ложку и давал с этой ложки есть кашу своей жене.

В нижекулойских деревнях также существовали свадебные обычаи, не свойственные с. Кулой. В Долгощелье, Сояне и других вместо верхнекулойского выкупания стола происходило следующее: после возвращения невесты из бани вновь приходил исполнитель приговоров и начинал «просить места», чтобы первобрачному князю «было куда взойти и взехать». Огромный текст этого приговора, сейчас, к сожалению, фрагментарно сохраняющийся в памяти информаторов, близок тому, что приговаривали дружки в средней России, входя в дом невесты.⁴¹ Стол второго

³⁷ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 9, № 47.

³⁸ Такой же обычай зафиксирован весьма далеко от Кулой — в Кадниковском уезде Рязанской губернии. (Живая старина. 1892, вып. 3, с. 135).

³⁹ В Долгощелье этот узел пазывали «баенником», как и по всему Беломорью. Любопытно, что на Терском берегу «баенник» значил совсем иное — сарафан, падеваемый невестой после бани. — *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969, с. 55. Правда, по более ранним данным и здесь свадебный термин «баенник» обозначал узел с хлебом. — *Шмаков И. И.* Свадебные обычаи и причитания населения Терского берега Белого моря. — Этнографическое обозрение, 1903, № 4, с. 66.

⁴⁰ Сама по себе коврига и ее расшивание повсеместно известны на Кулое.

⁴¹ На верхней Пинеге существовал своеобразный «выход с крюком», сопровождавшийся приговором, также близким приговорам дружек (*Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877, ч. 1, с. 83). По-видимому, один и тот же по происхождению текст занял в обрядах верхней Пинеги и восточного Беломорья различное место и приобрел различное значение. Сам же «выход» как обрядовое действие — стук крюком в дверь во время послеуличного стола, откуп вином или деньгами (Обрядовая поэзия Пинежья, с. 81—82) — аналогичен вышеописанному эпизоду «колотить кашу» в с. Кулой. Полевые материалы последних лет, таким образом, помогают уточнить наблюдение,

дня от венца, «почётно», завершался неусвоенным в Кулое обычаем, названия которого мы не приводим, так как оно неудобочитаемо. Обычай этот состоял в следующем: молодой брал на вилку кусок мяса либо рыбною голову, подходил к молодой (на «почётно» молодые обносят вином гостей) и, передавая вилку, целовал. Затем молодая передавала вилку свекру и тоже его целовала. Постепенно вилка с мясом или рыбой обходила всех присутствующих. С вилки этой никто не ел. Последний кидал ее куда-нибудь на стол, и все расходились. Но не по домам. В завершении «почётно» свадебники — впереди молодые, затем родственники, дружки — шли в дом божатки либо каких-нибудь близких родственников, где их также ждали столы. Это называлось «ходить на корень». Подобного обычая также не было ни в с. Кулой, ни в Карьеполье. А о подношении вилки с мясом кулоянки вообще отзывались очень неодобрительно, считая обычай этот совпольским или мезенским.

Традиционный свадебный обряд на Кулое не отошел в прошлое, как вечеринки и летние игры. В своих основных чертах он воспроизводится и в настоящее время. Так, в с. Долгощелье на свадьбе Александра и Гали Медведевых в 1976 г. были соблюдены все послевенечные столы: «приводно», «почётно», «ходить на корень», «баенный обед». По пути от сельсовета, где происходила регистрация их брака, посторонние перекрывали дорогу веревкой и требовали выкупа, при входе в дом свадебники остались на улице, чтобы молодые наедине смогли получить благословение родителей мужа. Много раз молодые с дружками (молодая непременно в сиреновом шелковом полупалке) проходили с гармонью по улице звать гостей. Была даже баня молодых.

Однако воспоминания пожилых жителей сохраняют не только сведения об устоявшихся эпизодах прикулойской свадьбы, но и об изменениях, происшедших в ней за последние полвека. По воспоминаниям местных жителей, раньше на Кулое не было перекрывания дороги по пути от венца к дому молодого, не обсыпали молодых зерном при входе в дом, меньшее значение придавалось шуточной краже божаткиных блинов.⁴² Игровые моменты усиливаются по мере продвижения от истока к устью Кулоя. Перекрывание дороги и обсыпание зерном широко распространены по всей России, в большинстве своем связаны с выкупом, расплатой вином. Эти обычаи, по-видимому, пришли на Кулой в процессе усиления связей далекой северной окраины со всей страной, и притом в последние полвека. Они распространялись скорее всего не с юга на север, а наоборот — от Мезени через Долгощелье и далее вверх по реке, ибо в приморских местах движение населения было более интенсивным.⁴³

Уже из таких эпизодов, как выкуп стола, припошение невесте «передати», видно, насколько развитым, сочетающим различные жанры (песни, приговоры, причитания), могло быть фольклорное оформление кулойской свадьбы. В репертуарных списках, сделанных в начале 20-х гг. О. Э. Озаровской,⁴⁴ зафиксировано 43 различных названия свадебных песен с. Кулой, 23 — Совполья, 23 — Сояны, 18 — Долгощелья. В 1975—1976 гг.

сделанное в свое время Н. П. Колпаковой: «Указаний на то, что „выход с крюком“ живет где бы то ни было (в Архангельской или других губ.), кроме тесного Сурско-Карпогорского района, пока найти не удалось» (Колпакова Н. Свадебный обряд на реке Пинеге, с. 170).

⁴² Н. П. Колпакова в 1920-гг. считала этот обычай откинутым на Верхней Пинеге (Свадебный обряд на реке Пинеге, с. 164).

⁴³ Может быть, жизнь рыбаков-поморов вызвала к жизни такой своеобразный обычай, как сватовство в письмах, о котором нам рассказали в с. Койда. Но не исключено, что это — трансформация старинного обычая составления створных (Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 221—222). Письма писались родителям невесты (РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 1, № 181, л. 2).

⁴⁴ Там же, кол. 12, п. 4, № 29, л. 3, 12, 14.

в Кулое было записано 32 свадебные песни, в Карьеполье — 14, в Сояпе, Долгощелье, Койде — до 10 песен в каждом населенном пункте. Конечно, песни эти на современных свадьбах исполняются скорее в виде исключения. Однако общая тенденция в составе репертуара (в верховьях Кулоя зафиксировано наибольшее количество песен, в среднем течении — меньшее, в устье — менее всего) сохранилась и до сего дня.

В с. Кулой — не просто наибольшее количество свадебных песен, но и наибольшее количество внутрижанровых разновидностей северпорусской свадебной песни. Среди них отметим: 1) величальные жениху «Что под яблонью кровать», «Нам сказали: молод князь да не игром», молодцу — «Здунай», супружеским парам — «Во горепке во повой», «По сеням-сеничкам», вдове — «Чья это пива?»; 2) песни, поющиеся для жениха или невесты вне столований, — «В сентябре во первом месяце», «Не куна жалобилася», «Что ты, что ты, сине море»; 3) юридически-бытовые песни-оповещения,⁴⁵ комментирующие обрядовые моменты, — «Колотится, колотится сват у ворот», «За столами за дубовыми», «Дружки вы дружки, сорочьи глаза» (когда возвращаются для того, чтобы забрать ящик с невестиним придапым), «Подойди-ко, матушка, подыми гомульку⁴⁶...» (раскрывание молодых при возвращении от вешца), «Ох-таки, ох» (бужение молодых),⁴⁷ «Ягода Марья — вишенье Иван» (выход молодых из опочивальни); 4) «дорожные» (поются по пути к дому невесты женщинами со стороны жениха — см. выше). В меньшей степени в кулойском репертуаре свадебных песен представлены корильные песни: нами зарегистрирована всего одна такая песня «Ище что у нас тысяцкий невесел сидит».

С продвижением к низовьям Кулоя из свадебно-обрядового песенного репертуара выпадают «юридически-бытовые» и дорожные песни, сокращается число величальных и в особенности вешестоловых «жениховых» и «невестиных» песен.

Наибольшая сохранность свадебных песен в верховьях Кулоя объясняется, по нашему мнению, существованием и противоположной тенденции: от истоков к устью реки все более повышается в обряде роль причитаний. Самые протяженные и вместе с тем композиционно стройные причитания были записаны в Долгощелье. Поскольку причитания совершенно не встречаются в современной практике свадебного обряда, то за их возрастанием от Кулоя к Долгощелью и Койде следует, очевидно, также усматривать какую-то давнюю традицию.

Пытаясь определить последнюю, обратим внимание, что вместе с ролью причитаний в обряде от истоков Кулоя к устью повышается и количество эпизодов, основанных на многократном повторении одних и тех же мелких действий с персональным упоминанием каждого члена семьи или близкого человека. Причитая, невеста в совершенно одинаковых словах просит вызвать к ней того или иного родственника, заявляет о своем желании «подокучить» лично отцу, затем матери, брату, невестке и т. д. Идентичным образом она, направляясь в баню перед вешцом, приглашает каждую встреченную на пути соседку помыться с нею. Некоторые из подобных действий предполагают фиксированное словесное обрам-

⁴⁵ Данная внутрижанровая группа обоснована в ст.: *Круглов Ю. Г.* О классификации русского свадебного обряда. — В кн.: Вопросы теории фольклора: Русский фольклор. Л., 1979, вып. 19.

⁴⁶ Гомулька — на Кулое легкий шелковый полушалок, покрывающий голову и лицо невесты (в других местах — коноватка).

⁴⁷ О. Э. Озаровская отметила данную песню, имеющую непристойно-эротический текст, характерной для обряда пос. Пипега. Если кулояне гуляли на пинежских свадьбах и при них исполнялась «оханье», то они незамедлительно запрягали лошадей и уезжали со свадьбы (Северная свадьба. — В кн.: Художественный фольклор, вып. 2—3, с. 100). По воспоминаниям 1970-х гг. «охали» и на кулойской свадьбе. Но все равно исполнительницы крайне смущались всяких разговоров и расспросов об этой песне.

ление иного типа: приговоры, диалоги, построенные по определенному образцу.⁴⁸

Рассказывая о бабе молодых, К. А. Титова (Карьеполье — Сояпа) сообщила об одном комическом моменте: после молодых «свекровка пойдет в байну, придет назад, падет на пол — угорела! Молодка подымает. Если не поцелует — не подымется».⁴⁹ Потом, по этому же сообщению, и другие родственницы жениха «угорают» таким же образом.

Подобные действия как будто специально рассчитаны на то, чтобы в текстах, их сопровождающих, ярким образом проявился прием, родственной эпической ретардации. Именно этот прием играет основную конструктивную роль в средне- и нижнекулойских, а также койдинских причитаниях и диалогах. Обрядовые действия с повторами, актуальные и сегодня, поскольку в каких-то случаях они воспроизводятся и на современных свадьбах, вероятно, существовали в Долгощелье, Койде, Сояпе особой сохранности в памяти исполнителей причитаний, а не песен. Для с. Кулой менее характерен повтор как принцип композиции отдельного свадебно-обрядового действия. С этим, возможно, связано полное отсутствие в записях 1975—1976 гг. приговоров и диалогов и почти полное — невестинных причитаний.

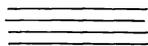
Плохую сохранность последних в кулойском обряде, впрочем, можно объяснить, кроме того, и музыкально-интонационными факторами. Если в Долгощелье причитания поются на напев с четкими высотно-мелодическими отношениями между звуками, то в Кулое — совершенно другая манера причитывать: обычная, только несколько аффектированная декламация. Лишь устойчивые замедления и одновременно падение тона в конце каждого стиха позволяют распознать в кулойских причитаниях какое-то подобие мелодии.⁵⁰ Думается, близость обыденной речи также способствовала быстрому исчезновению причитаний в памяти кулоянок.

Свадебный обряд, рассмотренный и со стороны состава и последовательности самих обрядовых действий, а также и со стороны относящегося к нему фольклора, показывает наличие в обследованной местности двух фольклорно-этнографических традиций: верхнекулойской, находящейся под влиянием бывшего уездного города Пинеги, и нижнекулойской, относящейся к Мезени. Это разграничение начинается от Совполя (Немпюга) и Карьеполья и все ярче прослеживается по направлению к морю. Установленное разграничение подтверждают и эпические материалы А. Д. Григорьева: устойчивая былинная традиция, как показывают «Архангельские былины и исторические песни» (т. 2), начинается от Карьеполья и Немпюги. Вместе с тем отдельные земледельческие обряды и такие развлечения летних игр, как «бегучие» песни, роднят фольклор Совполя и Карьеполья с верхнекулойским. Память о прекрасном народном искусстве сегодня еще настолько свежа на Кулое, что исследование фольклора этого небольшого района превращается в интересную, увлекательную тему.

⁴⁸ Тонков В. А. Свадебные песни и обряды г. Мезени, с. 41—42. Аналогичные тексты записаны в 1975—1976 гг. в Долгощелье, Койде.

⁴⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 266, п. 10, № 95, л. 19.

⁵⁰ Подобным образом исполняется причитывать в кинофильме «Народный театр» и участницей Карпогорского фольклорного ансамбля (Верхняя Пинега).

А. И. ЛАЗАРЕВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В фольклористике, пожалуй, нет более сложной проблемы, чем эта: дать достаточно исчерпывающую характеристику современного состояния народного поэтического творчества в каком-либо регионе. Даже в общенациональном масштабе эта проблема решается проще. Как ни парадоксально данное утверждение, но это (в чисто техническом отношении) действительно так. Делая выводы о судьбах всего русского фольклора в наши дни, мы опираемся на материалы различных краев и областей, выявляя в них наиболее общие закономерности и типологически родственные элементы, оставляя в стороне все частное. Но с точки зрения характеристики регионального фольклора ничего частного в нем нет и быть не может: только общая сумма фактов, как бы малозначительны они ни были, дает нам целостную картину, позволяющую делать научные обобщения. Однако такой суммы фактов ни по одному региону, как нам известно, мы не имеем, в результате чего только и возможно появление таких обобщающих работ, в которых выводы о современном состоянии устного народного творчества делаются прямо противоположными.

Хотя планомерное и систематическое собирание фольклора на территории Челябинской области осуществляется в течение тридцати лет, начиная с первой экспедиции под руководством В. Е. Гусева в 1947 г., все же сказать, что мы имеем целостную картину и полное представление о состоянии устной поэзии в крае, нельзя. И объясняется это главным образом несовершенством форм организации и методики записывания произведений народного творчества.

До сих пор основная форма сбора фольклорных материалов — экспедиция, которая проводит фронтальную работу в том или ином районе, в том или ином населенном пункте в течение небольшого промежутка времени — от недели до месяца. В этих условиях наблюдать *живое бытование* фольклора, особенно прозаического, крайне трудно. Чаще всего участники фольклорных экспедиций различными способами *побуждают* (вынуждают) местных жителей — носителей фольклора — *вспомнить*, что они *поют*, рассказывают в настоящее время и что *пели*, сказывали в прошлом. Чаще всего по готовым записям невозможно отличить произведения, которые посетитель вспомнил как отголосок своей молодости, от песен, рассказов, составляющих его нынешний репертуар. Но беда такой формы собирания не только в этом. Плодотворность искусственно вызываемых условий исполнения произведений народного творчества целиком зависит от личных качеств собирателя — от его умения быстро наладить контакт с носителем, живо вести беседу. Разумеется, такими качествами обладают не все участники экспедиции. Опыт показывает, насколько различными

бывают результаты двух собирателей, производивших записи от одного и того же лица.

Более продуктивным и *научным* является стационарный способ записывания фольклора, когда одно село или даже отдельный исполнитель являются объектом постоянного наблюдения в течение длительного времени — до пяти и более лет. Тот факт, что И. С. Зайцеву удалось записать уникальные песни уральских рабочих, объясняется, конечно, тем, что он сам из этой среды, что с детства он слышал и усвоил от своей родни ее семейный фольклорный репертуар, что он в течение всей своей собирательской деятельности мог общаться с замечательной народной певуней из поселка Сикияз-Тамак Саткинского района Челябинской области Е. В. Зайцевой.¹

Несколько экспедиций работало в селе Серпиевка Катаев-Ивановского района,² но ни одной из них не удалось выявить такие интересные материалы, как В. В. Гаврилевской, которая с 1970 по 1975 г. во время студенческих каникул постоянно жила здесь у родственников и вела фольклорные записи.³ Особенно это касается прозаического фольклора.

В течение семи лет автор данных строк вел записи песен, поговорок и пословиц от А. С. Евсеенко, жительницы села Кочкарь Пластовского района, 1908 г. рождения. Насколько полезно такое постоянное общение с носителем фольклора и насколько несовершенны еще наши методы работы, видно из следующего примера. Вернувшись из одной экспедиции, мы при очередной встрече с Анной Семеновной поделились радостью: «Записали старинную песню про девушку, которая любит фабричного, а над ней все смеются...» — «Уж не эту ли?» — спросила Анна Семеновна и запела: „Хмелю в поле, вода и море, ой, да довела любовь до горя...“. Песня была та самая, хотя начало звучало по-иному. «Что же вы раньше не спели нам эту песню?» — «Да я не знала, что она вам будет интересная... Уж больно старинная». За этой песней последовал ряд подобных, после чего наше представление о песенном репертуаре с. Кочкарь и самой А. С. Евсеенко намного переменилось.

К сожалению, организовать повсеместное стационарное собрание произведений народного творчества практически невозможно, но если бы даже этого удалось добиться, все равно наше представление о фольклоре данного места, данного носителя, как мы могли убедиться, всегда будет относительным.

Другая сторона проблемы заключается в том, что вопрос о современном состоянии народного творчества предполагает сравнение с его состоянием в прошлом. Как правило, материалов для такого сравнения в рамках одного села, одного района у нас мало, а по большей части обследуемых сегодня объектов и совсем нет.

Дореволюционные записи, дошедшие до нас в виде рукописей и различных изданий, при кажущемся их изобилии отражают состояние фольклора XIX—начала XX в. только небольшого числа населенных пунктов. На территории нынешней Челябинской области записи производились тогда лишь в Миасском заводе (Гр. Амапацкий), в Златоусте (В. Шук-

¹ См.: Уральские народные песни / Собр. и сост. И. С. Зайцев; Под ред. А. И. Лазарева. Челябинск, 1969.

² Имеются в виду экспедиции: В. Е. Гусева — в 1947 г. (материалы хранятся в Челябинском областном краеведческом музее — оп. 4, ед. 325, 326, 328, 358—371, 502—506), Г. А. Турбина — в 1952 г. (см.: Фольклорно-диалектологический сборник. Челябинск, 1953, с. 54—55), А. И. Лазарева — в 1965 г. (см.: Родные напевы: Старинные и современные русские народные песни Урала / Сост. А. Лазарев. Челябинск, 1969).

³ Гаврилевская В. В. К вопросу о современном состоянии песен и преданий на горнозаводском Урале: На материале записей в с. Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской обл. — В кн.: Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978, с. 53—61.

шинцев), в нескольких пунктах по р. Теча (села Кузнецкое, Губернское, Косой Брод), в станицах Еткульская, Есаульская разными собирателями (П. Некрасовым, П. Шилковым, В. Ярковым и др.).⁴ Привлекая эти материалы для сравнения, необходимо учитывать характер времени и общественное положение собирателей (многие из них были священниками), что не могло не сказаться на подборе произведений для публикаций.

В советское время собирательская деятельность фольклористов на территории области расширилась и активизировалась, что обусловлено усилившимся интересом к устной поэзии вообще и к художественному творчеству пролетариата в особенности. В разное время и с разным успехом записывали здесь фольклор В. П. Бирюков, Ю. А. Самарин, Э. В. Померашцева, Н. П. Колпакова, Е. М. Блинова и др.⁵ При всем огромном значении осуществленных ими публикаций все же следует признать, что специальные задачи, преследовавшиеся каждым из собирателей, повлекли за собой сужение сферы записываемого материала, за пределами которого оставалось иногда самое ценное. Даже в тетрадях В. П. Бирюкова, краеведа-собираателя, как известно, «всеядного», традиционных лирических песен настолько мало, что многочисленные записи таковых современными экспедициями могут создать иллюзию оживления и творческого взлета этого жанра в наши дни.

И только пачатая В. Е. Гусевым и продолженная экспедициями челябинских вузов⁶ работа по принципу фронтального ознакомления с фольклором всех населенных пунктов области дает какую-то пищу для сравнения. Периодически (один раз в десять-пятнадцать лет) экспедиции бывают в одном и том же населенном пункте. Так, в поселке Биянка Миньярского района экспедиции работали в 1949, 1959 и 1976 гг.; в Нязепетровске, Шемахе — в 1964, 1978 гг.; в Верхнеуральском районе — в 1968 и 1977 гг. и т. д.

Достоинства такого метода работы очевидны, но, к сожалению, повторные экспедиции не успели побывать во многих пунктах области, а есть еще и такие села, города, районы, где фольклористы не были ни разу (например, в Брединском, Нагайбакском, Агаповском районах).

И все же на основании добытых экспедициями фактов мы делаем попытку охарактеризовать современное состояние фольклора Челябинской области, хотя в свете сказанного наши выводы не могут рассматриваться как окончательные.

* * *

Скажем сначала об общих характерных тенденциях в развитии устного поэтического творчества Челябинской области. Слово «развитие» некоторым покажется неуместным, ортодоксальным. И правда, можно ли вообще говорить о развитии фольклора в наши дни, если даже невоору-

⁴ См. немногочисленные публикации уральского фольклора в сборниках П. В. Киреевского, А. Н. Афанасьева, П. Н. Рыбникова, А. И. Соболевского, Д. Н. Садовникова, Д. К. Зеленина и др. Много записей публиковалось в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Об этом см.: *Китайник М. Г.* Библиография уральского фольклора. Свердловск, 1949; *Кругляшова В. П.* Основные итоги и проблемы изучения уральского фольклора. — В кн.: Вопросы литературы: Материалы научной филологической конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1969.

⁵ См.: там же.

⁶ С 1959 по 1968 г. систематическую работу по собиранию народной поэзии Челябинской области осуществляла кафедра литературы Педагогического института; с 1969 по 1976 г. эта работа была продолжена экспедициями Института культуры; с 1977 г. в работу включился вновь созданный университет. Осуществляют руководство экспедициями А. И. Лазарев, В. А. Михнюкевич, В. Л. Хоменко. Материалы экспедиций хранятся в фольклорно-диалектологической лаборатории Челябинского университета и в фольклорном кабинете Челябинского института культуры.

жепным глазом видно, что его удельный вес в культуре народа сокращается? И все же наблюдения над бытованием народного поэтического творчества в рассматриваемом регионе позволяют утверждать: как и во все времена, в фольклоре что-то умирает, что-то рождается, а это ведь и есть развитие.

Обращает на себя внимание повсеместно проявляющийся процесс объединения носителей фольклора в творческие исполнительские группы — так называемые *фольклорные ансамбли*. Экспедиции 40—50-х гг. наличие таких коллективов не отметили ни разу; в 60-е гг. были выявлены первые певческие «доморощенные» группы в городах Юрюзани, Сатке, Миассе; в селах Кочкаре Пластовского района, Каракульском Октябрьского района, Сикияз-Тамаке Катав-Ивановского района; в настоящее время нет ни одного более менее крупного населенного пункта, в котором бы не существовали фольклорные ансамбли, объединяющие от 10 до 50 человек (крупные коллективы имеются в Вишневогорске, Верхнем Уфалее, в с. Ситцево Нязепетровского района, в с. Вознесенское Варненского района и др.).

Как объяснить этот процесс? Считать его лишь результатом организаторской деятельности учреждений культуры, домов народного творчества мы не можем. Во-первых, подавляющее большинство фольклорных ансамблей возникло стихийно, т. е. по инициативе самих певцов, без ведома и без участия властей; во-вторых, самый интерес партийных и государственных органов к «домашним» хорам, пробудившийся в начале 70-х гг., был следствием разрастания возникшего в глубинах народной жизни движения; не замечать и не использовать его теперь в целях коммунистического воспитания трудящихся было уже невозможно.

Какая же сила дала изначальный толчок и вызвала к жизни новую форму коллективного творчества?

Страсть русского человека к хоровому многоголосному пению общеизвестна, и она никогда не умирала. В дореволюционное время и в первое десятилетие Советской власти народный быт включал в себя такие формы, которые предполагали и стимулировали коллективное художественное исполнительство, и в том числе хоровое пение. Имеются в виду всевозможные обрядовые игры, прежде всего свадьбы, а также народные игрища, посиделки, вечерки и т. п. В новых социально-исторических условиях жизни старые формы быта, естественно, разрушаются; более высокая по своему идейно-художественному уровню культура социалистического общества не создала, однако, бытовых форм, предполагающих и стимулирующих исполнительское искусство коллектива как повседневность. Художественная самодеятельность при всем ее фантастическом размахе все же не эквивалентна традиционному содержанию народного исполнительского творчества, и так случилось, что примерно три десятилетия потенциальная художественная энергия масс, так успешно действовавшая на профессиональной и самодеятельной сцене, постепенно глотала в быту, бесплодно таилась в памяти и желаниях людей.

В 60-е гг. возникают различные клубы, в том числе клубы любителей пения, опробуются всякого рода «молодежные кафе» с их поэтическими вечерами, с модными тапсами и т. п. Многие, к сожалению, делалось по зарубежным образцам — и вот, на волне всеобщего поиска и как реакция на чуждые способы проведения досуга, на чуждую манеру пения, возникают фольклорно-этнографические ансамбли. Сначала старушки (в меньшей степени старики), вспомнив посиделки своей молодости, собирались и пели для себя; общественность тогда еще не придавала значения их пению. Любопытен следующий факт: в 1965 г. мы записывали песни одного такого ансамбля в доме, находившемся в ста шагах от местного дома культуры (г. Сатка), руководители которого нам долго доказывали, что в их городе старинных песен никто не поет; о существо-

ваниш фольклорного ансамбля (разумеется, певицы свой коллектив так не именовали) им ничего не было известно. Нечто подобное повторилось в с. Кочкарь в 1968 г.

Положение «доморощенных» певческих групп изменилось в 1971 г., когда в Челябинске началась подготовка к Первому областному празднику фольклора. Внимание к их исполнительскому творчеству со стороны партийных и государственных органов помогло участникам фольклорных групп впервые *осознать* самих себя.

И подготовка к Первому областному празднику фольклора, и самое его проведение, вылившееся в грандиозное зрелище (1972 г.), вызвали к жизни новые фольклорные коллективы, в создании которых активная роль принадлежит теперь уже государственным учреждениям культуры. В настоящее время в Челябинской области зарегистрировано существование 124 фольклорных ансамблей.

Каково их место в судьбах современного народного поэтического творчества? Являются ли они подтверждением живого бытования фольклора в наши дни? Или это искусственное порождение, противоестественный элемент в организме современной народной культуры?

Ответит на эти вопросы время, но, паверное, триумфальное шествие фольклорно-этнографических ансамблей по городам и селам страны (подобный процесс отмечается не только в Челябинской области) не случайно.

Мы спросили у участниц фольклорного ансамбля Кочкаря (они теперь пазывают себя «Кочкарскими посиделками»), что их заставляет собираться и петь? «Нравится, так вот и поем», — сказала одна. «А что нам, старухам, еще делать? Внуки повзросли, дети поразъехались. Вот друг за дружку и держимся», — объяснила другая.⁷ Мы видим, что хотя руководство местного клуба использует «Кочкарские посиделки» как коллектив художественной самодеятельности, хотя женщинам часто приходится выступать с концертами, хотя они «искупались» в лучах славы — лауреаты областного смотра художественной самодеятельности! — все же по своей сути их творчество *бытовое*, по форме и содержанию традиционное фольклорное.

Окажут ли фольклорные ансамбли влияние на художественные вкусы молодежи? Будет ли их деятельность иметь практические последствия и благодаря им фольклорные традиции передадутся грядущим поколениям? Трудно сказать. Факты таковы, что средний возраст участников «посиделок» — 70 лет. Не вызывает сомнения, что с уходом из жизни людей старшего поколения умрут и *современные* фольклорные ансамбли. Но бесследно ли? Необходимо учитывать, что в них, хотя и немного, участвуют представители среднего и совсем молодого поколения, а песни «посиделок» разносятся волнами радио, подхватываются на концертах и семейных вечерах. В результате специального исследования нами установлено, что, папример, песня «Кисет», ставшая пародией в годы Великой Отечественной войны, получила распространение и широкое, массовое бытование в Челябинской области благодаря «Кочкарским посиделкам».

Говоря о современном состоянии фольклора, невозможно обойти проблему взаимоотношения его с областью художественной самодеятельности. Не затрагивая теоретических аспектов этой проблемы, получивших освещение в ряде статей и коллективных трудов советских фольклористов, отметим только свою исходную позицию в этом вопросе. Понятия «народное творчество» и «фольклор» обозначают не одно и то же. Различие между ними определено и несомненно. Понятие «народное твор-

⁷ Материалы фольклорной экспедиции Челябинского университета 1977 г. (Фонотека фольклорно-диалектологической лаборатории Челяб. ун-та, ед. хр. 3).

чество» по сравнению с «фольклором» обозначает более широкий круг художественной деятельности народа, включая и простое исполнительство в рамках художественной самодеятельности. Песни так называемых самодеятельных авторов — это пример пародного творчества, по это, разумеется, не фольклор.

Однако можно ли охарактеризовать современное состояние фольклора, полностью игнорируя художественную продукцию «пародного творчества»? Ведь не исключено, что некоторые талантливые традиционного плана произведения самодеятельных авторов, как, впрочем, и профессионалов, выдержат испытание временем, обретут крылья вариантности и где-то в будущем будут восприниматься как фольклор.

В этом плане представляют научный интерес следующие факты.

Нередко фольклорные ансамбли, зарекомендовавшие себя верными хранителями и пропагандистами старинной традиционной поэзии, откровенно выступают в роли авторов. Это явление интересно само по себе, ибо позволяет взглянуть на творческий процесс носителей фольклора *изнутри*. Им важно откликнуться на злобу дня, выразить *свои* чувства по поводу того или иного случая из местной жизни или жизни всей страны. Так, в репертуаре вишневогорского фольклорного ансамбля появились частушки «Героя в космос провожали», у верхнеуральцев — песни «Запоемте, товарищи, песню», «Об извоз-горе», у верхнеуфалейцев — «Ноченька уральская», и т. д.

А. К. Жукова, участница «Кочкарских посиделок», сочиняет песни, близкие по характеру к традиционным: «Где ты, юность моя, юность резвая!», «Вы блины, мои блины, блины масляные», «Течет речка быстрая, в речке вода чистая».⁸ Очевидно, что фольклорная форма мышления для них самая естественная, хотя на сцене складываемых песен сказывается личный жизненный опыт авторов, а также и новое время.

В творчестве вишневогорцев, например, оживают ритмы «снеблужников» 20-х гг.:

Мы, старые старушки,
Нам весело всегда,
И здесь мы выступаем
Без всякого труда.
Да-да, да-да,
У нас все получается,

По плану все решается,
Да-да, да-да,
Гора с горой сходится,
Река с рекой сливается,
Да-да, да-да,
Сливается вода...⁹

Самое интересное в этом процессе то, что самодеятельные песни, возникающие в фольклорных коллективах, органически сочетают в себе лексику и стилистику прошлого и настоящего. Не есть ли это то, что мы обычно называем развитием художественной традиции народа?

В репертуаре фольклорных ансамблей немало песен, которые формально никак не связаны с поэтикой крестьянской лирики XVIII—XIX вв. Они ближе к стилистике так называемых новых песен, мало чем отличающихся от литературных образцов; по внешним своим признакам они родственны также современным лирическим произведениям советских композиторов. И все же они — факт фольклорного репертуара, для участников фольклорных ансамблей одинаково *свои* песни — и те, что традиционные, и те, что *новые*. Видимо, данные песни возникли в недрах самодеятельности, авторство их быстро забылось, и они живут по законам устной передачи, вошли в народную песенную традицию. Нам теперь только остается решить — фольклор это или не фольклор.

⁸ Записано в 1977 г. в с. Кочкарь, Пластовского района, Челябинской области, от А. К. Жуковой, 1914 г. рождения.

⁹ Записано в 1978 г. в Вишневогорске, Челябинской области, от Ф. М. Соколовой, 1910 г. рождения.

И еще об одной общей тенденции, отмеченной нами на территории Челябинской области, — о тематическом содержании народного поэтического творчества.

Нам замечено, что экспедиции 40—50-х гг. мало записывали произведений о Великой Отечественной войне. И напротив, в материалах экспедиций 70-х гг. песен, частушек, преданий на эту тему встречается гораздо больше. В чем тут дело? — Видимо, в том, что в эстетическую природу фольклора входит такая категория, как *даль памяти*. И дело не только в том, что «большое видится на расстоянии». О художественном совершенстве многих текстов, записываемых на тему войны, и сейчас говорить не приходится. Но идет живительный процесс отбора, и мы его свидетели. В пародии «отстаиваются» такие сюжеты, которые по каким-либо причинам не отразились в творчестве поэтов и композиторов, но которые тем не менее важны памяти народной (например, сюжет об испытании супружеской верности — песня «Этот случай совсем был недавно»,¹⁰ многочисленные варианты сюжета о переживаниях женщины, оставшейся вдовой по существу еще до замужества и на всю жизнь сохранившей верность любимому — песня «Течет речка»,¹¹ «Ой, ты, речка, реченька»,¹² знаменитый теперь «Кисет» и др.). Интерес вызывают бытовые подробности военных лет, и то, что в 40-е гг. казалось привычным, заурядным, теперь обретает характер легенды и воспринимается как дар поэзии.¹³

Показательна такая подробность. Многие фронтовики, вернувшись домой в сорок пятом, привезли с собой рукописные песенники, которые тогда не представляли большого интереса ни для родственников, ни тем более для самого бойца, и поэтому были спрятаны на много лет. Но прошло время, ушли из жизни авторы рукописей — и старые записи словно наполнились новым содержанием, солдатские песни и фронтовые анекдоты обрели новую жизнь. Не являются ли эти факты примером фольклоризации народного слова, примером живого фольклорного процесса наших дней? И менее ли значим для фольклориста этот процесс, чем его конечный результат — совершенное в идейном и художественном отношении произведение искусства?

* * *

Теперь о состоянии отдельных жанров фольклора на территории Челябинской области.

Необходимо учитывать, что область включает в себя три разных зоны, отличающихся друг от друга в историческом, географическом, экономико-социальном и этническом отношении. Это горно-заводская зона (Ашинский, Катав-Ивановский, Кусинский, Нязепетровский, Каслинский, Уфалейский, Саткинский районы), юго-западная зона со старыми урало-казацкими традициями (Агаповский, Брединский, Варненский, Троицкий, Пластовский, Верхнеуральский, Уйский, Увельский, Чебаркульский, отчасти — Сосновский и Октябрьский районы) и северо-восточная зона со смешанным русско-башкирским, в прошлом — сугубо земледельческим населением (Аргаяшский, Красноармейский, Купашакский, Октябрьский, Сосновский районы).

Во всех зонах судьба народно-поэтических жанров одинакова; только в горно-заводских районах прозаический фольклор (предания, легенды,

¹⁰ Записано в 1978 г. в с. Ситцево, Нязепетровского района, Челябинской области, от Курьяновой Р. П., 1939 г. рождения.

¹¹ Записано от А. К. Жуковой (см. выше).

¹² Записано в 1974 г. в пос. Бердяуш, Саткинского района, Челябинской области, от А. И. Поповой, 1915 г. рождения.

¹³ См.: Народное слово на дорогах войны / Сост. А. И. Лазарев. Челябинск, 1976, с. 33, 37, 42—47, 100, 104 и др.

сказы) живет активнее, более легко выявляется, чем в других зонах. Естественно, что преимущественно здесь записываются произведения рабочего фольклора. Так же правомерно и то, что казачьи фольклорные традиции (в основном песни) характерны для юго-западной зоны; мотивы отходничества, ссылки, тюрьмы, каторги, так же как и «жесточкий романс», оказались более живучими в северо-восточной зоне.

Но следует особо подчеркнуть, что резкой и постоянно наблюдаемой во всех географических пунктах разницы в фольклорном репертуаре нет.

Нигде ни разу не было отмечено бытование былины. Исторические песни встречаются редко. Из них наибольшей популярностью пользуются песни о Пугачеве и Салавате Юлаеве («Из-за синих гор, да высоких гор»,¹⁴ «Мой ковыль, седовласый ковыль»¹⁵). Очень много записано вариантов песни литературного происхождения «Шумел, горел пожар московский» и близкой к ней песни на стихи М. Ю. Лермонтова «По синим морям океана». Популярность именно этих исторических сюжетов объясняется особенностями заселения южных и восточных районов области: многие села и станицы здесь были основаны участниками Отечественной войны 1812 г., дошедшими с войсками до Парижа.

В 1977 г. был записан испорченный вариант известной песни про сынка Степана Разина. Текст старинной исторической песни носит на себе печать позднейших песенных мотивов: сынок «и мелким офицерам не клаялся», губернатору представляется следующим образом:

Я не с Допа казак и не с моря бурлак —
Стеньки Разина сын — Хазбулат удалой.¹⁶

Прозаические жанры фольклора в записях экспедиций 1959—1978 гг. представлены все. Меньше сказок волшебных, больше — о животных и бытовых. Составленный нами каталог записанных сказок (с учетом всех вариантов) включает 196 померов, в том числе: волшебных 32 (на первом месте по числу вариантов — «Лутонюшка»), о животных 47 («Семеро козлят», «Лиса и волк» и др.), бытовых 117 (на первом месте по популярности приспособленный к местным условиям сюжет о Дурне). Учитывая сказанное в начале статьи, полного представления о современном состоянии сказочного фольклора мы не имеем: чтобы услышать, что рассказывает бабушка своему внуку перед сном, надо находиться рядом с ними. «По заказу» сказки говорят неохотно: волшебные из взрослого быта ушли¹⁷ — это ясно, а бытовые по самой своей природе требуют встречного рассказа, идут, так сказать, на обмен или говорят по какому-либо конкретному поводу.

Несказочная проза бытует широко.¹⁸ Вызывает удивление, что часто приходится слышать быличку — «всякую чертовщину» о таинственных знаках на «кладах», о сбывшихся предчувствиях, о «белых бабах» и т. п. Видеть в этом одно проявление неизжитых еще суеверий будет едва ли верно. Вот запись разговора с Марией Еремеевной Зыряновой, жительницей Вишневогорска, 1917 г. рождения: «Шли с вечорок. Вдруг

¹⁴ Уральские народные песни / Собр. п. сост. И. С. Зайцев. Челябинск, 1969, с. 18.

¹⁵ Записано в 1978 г. в Вишневогорске от А. С. Постниковой, К. С. Котловой, Е. П. Зепковой, М. Е. Зыряновой.

¹⁶ Записано в 1977 г. в с. Карагайка, Верхнеуральского района, Челябинской области, от Е. М. Поповой, 1909 г. рождения.

¹⁷ За всю историю наших экспедиций только один раз — в 1965 г. в Тирляне, на территории Башкирии, мы столкнулись с фактом, когда волшебная сказка звучала в своих исконных бытовых условиях: сказочник выступал перед заинтересованной аудиторией взрослых слушателей, собравшихся для этого на целый день в его доме (Материалы экспедиции ЧГПИ 1965 г.).

¹⁸ Нам на эту тему приходилось много раз писать, поэтому положение в доказательствах не нуждается. См. также упоминавшуюся выше работу В. В. Гаврилевской.

бежит свинья, бежит и рюхает, бежит и рюхает. А их научили, этих ребят, что если свинья бежит, надо бить не по ней, а по тени. Ну, и они давай бить ломом по тени. А там в деревне жила у нас женщина, прозвище — „чугуночек“, маленькая ростом. Пришли утром, а она вся большая лежит на печи. Сказали, что это была она — колдунья... Но вот это как понять-то: правда ли, неправда ли, сказки или ложь?»¹⁹ Можно ли по этому рассказу утверждать, что М. Е. Зыряпова суеверна? Другая бабушка, присутствовавшая при этом, высказалась совсем определенно: «Раньше были черти, теперь нет, потому что суеверия нет!» И все же, несмотря на это, говорят про чудеса, пугают воображенне друг друга.

Существует, видимо, тяготение людей к миру необычного, стремление опоэтизировать действительность, передать сущность явления в яркой форме. Так возникают рассказы о необыкновенных подвигах или поступках реальных исторических героев, которые, пройдя процесс фольклоризации (обобщения, преувеличения, поэтизации), превращаются в предания, легенды, сказы. В пароде «верят» в возможность такого подвига адъютанта К. К. Рокоссовского (рассказ о гражданской войне): взятый в плен учереповцами, он посажен был вместо пытки на ветку дерева — «Сколько просидишь, столько жить будешь». Гарев, адъютант, месяц (!) просидел; в конце-концов охранявшие его казаки уснули, он слез с дерева, разоружил их и привел в свою часть.²⁰ «Верят» рассказчики и в то, что атаман Дутов, расположив свой штаб в станице Краснинской, все это время ходил в маске.²¹ Объясняют это поведение атамана по-разному, но обобщающий, поэтический смысл вымысла всегда одинаков и понятен: Дутов боялся народа. Не всегда фольклоризация рассказов из истории приводит к фантастическим, гиперболизированным образам и мотивам, но художественная изюминка выкристаллизовывается обязательно. В то же время фантастика не всегда присутствует в рассказах как средство поэтизации труда уральцев, красоты местной природы; многие предания, легенды живут как память о былом, в том числе и о наивности предков.

Песенный фольклор Челябинской области включает в себя все виды и жанры обрядовой поэзии, проголосные семейные, любовные, солдатские, казачьи, рабочие песни, хороводные, игровые, шуточные, плясовые песни, городские романсы, песни литературного происхождения, частушки. Можно утверждать, что песенная фольклорная традиция держится на уральской земле крепко. Настоящие, талантливые песенницы хранят в своей памяти сотни замечательных песен. Хотя обряды и календарно-бытовые, и семейно-бытовые совершаются в деревнях и селах области очень редко и в сильно усеченном, разложившемся виде, песни, сопровождавшие их, живут: в меньшей степени колядки, «славы», в большей степени — масленичные и веснянки; свадебная лирика жива особенно.

Качество текстов различно — все зависит от конкретного исполнителя, но широкое распространение фольклорных ансамблей, без сомнения, способствовало восстановлению в памяти даже посредственных исполнителей старых мелодий и поэтических образов.

Если попытаться перечислить наиболее популярные проголосные лирические песни, их список займет много страниц. Из солдатских, казачьих лирических песен почти повсюду известны «Ой, да ты, калинушка», «Ехали казаки из дому по Дону», «Во субботу день ненастный», «Вы

¹⁹ Записано в 1978 г. в Верхневогорске участниками экспедиции Челябинского университета В. Репецкой и И. Учелкиной.

²⁰ Записано в 1977 г. в с. Кочкарь, Пластовского района, Челябинской области, от А. И. Бакалова, 1906 г. рождения.

²¹ Записано в 1977 г. в с. Краснинское, Верхнеуральского района, Челябинской области от К. В. Дубровской, 1902 г. рождения.

поля, вы широкие поля» (прощание солдата с конем), «На взморье мы стояли», «Ой, в Таганроге да случилася беда», «Ох, шли два солдата». Нет такого населенного пункта, где бы не пели «Последний попешный денечек».

Из любовной и семейно-бытовой проголоспой лирики выделяются широким распространением: «Уж ты, гуленька, ох, мой гуленочек», «Сердце бедное мое стало ныть и запывать», «Сиротой возрасла», «Из-за лесу стало солнце рано восходить», «Кукует кукушка во темном лесу, я сирота па чужой стороне», «Калина с малиною рано расцвела», «Как в саду при долине громко пел соловей», «Ехали казаки со службы домой»...

В очень хорошем виде мы записываем хороводные и игровые песни. По каким-то причинам вообще обрядовые песни, игровые и хороводные сохраняют традиционный текст лучше, чем необрядовая лирика. Из игровых песен до сих пор исполняются: «От пепечка до пепечка», «Ох, вниз по морю, вниз по морю, морю спнему», «Экой, Ваня, черный ты цыгак», «Чесал Валя кудерки», «Я вечер в лужках гуляла», «Ой, мальчишечка молоденький», «А ты, зимушка-зима», «Вечером красна девица», «Ой, там на горе, ой, там на крутой», «Когда молода была, в лесу ягоды брала», «У воробышка головушка ой, да, болит».

Из плясовых и шуточных песен обращают внимание хорошей сохранностью текстов песни: «Уж я сеяла, сеяла лепок», «Пошли девки па работу», «У меня квашня», «Толокно», «Чечетка», «Не будите меня молду», «Не хотела я плясать», «На барже помер девятой» и др.

Несомненно, песенный репертуар горнозаводских районов Челябинской области сильнее, чем где-нибудь, подобрал в себя элементы заводского и городского быта, здесь отчетливее, чем в сугубо земледельческих районах России, проявилась тенденция изобразить жизнь с большей реалистичностью, социально-бытовой конкретностью. Бытовая стихия проникает даже туда, где ей быть в классической традиции не позволялось. Например, в героическую песню «За уралом гулял удалой казак» включается любовно-бытовой эпизод.²² А такие песни, как «Уж ты, удаль моя, удаль», «За речкою, за Миасскою», «Старинные папеды о пожаре», «Огороды городили» и др. представляют собою популярные в рабочих поселках и городских окраинах «удалые» мотивы.

Представляют интерес рабочие песни, записанные лишь в одном варианте: «Ах, вы теги, мои теги» (о приходе па завод жандарма?) и «Вы бакальские шмоты, Усть-Катавские баты». Их изначальная локальность обусловила то, что песни бытуют в чрезвычайно ограниченном регионе, но здесь, в Бакале, их знают хорошо.

Народных песен литературного происхождения, в том числе и советского времени, бытует много. Это «переделки»: «Знаю, ворон, твой обычай», «Отец мой был природный пахарь», «Помню, я еще молодухой была», «Недаром помнятся походы», «Вдаль по линии Урала»; это и оригинальные песни: «Из-за лесу, лесу копия мечей» (о Буденном), «Два брата» (встреча в бою братьев, воюющих по разную сторону баррикад), «Красная дивизия», «Песня про Чапаева» («На своем босвом, па любимом копе»).

Как уже говорилось, все большее место в фольклорном репертуаре края начинают занимать песни о Великой Отечественной войне.

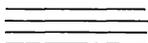
Тонким лирическим чувством проникнуты песни неизвестного происхождения, но широко распространенные: «Двум ласточкам из-за морей пора лететь в свою страну», «В небе звезды вечерние светятся», «Небо темно-синее — Время к ночи клонится», «Тишина в совхозе, смолкли трактора», «Березонька, береза, О чем шумишь листвою», «Ой, с каймою розовый платочек»... Песни, продолжающие в народном творчестве тра-

²² Уральские народные песни, с. 43.

диции старой крестьянской и городской лирики, воспевают красоту родной земли, красивые чувства влюбленных, новое отношение человека к труду.

По сравнению с 40—50-ми гг. место частушки в фольклоре Челябинской области сокращается. На смену количественному показателю приходит качественный. Процесс этот еще требует изучения, но мы заметили: увеличилось число частушечных папевов, все большее значение сами исполнители придают характеру папева («Подгорная», «Танечка», «Цыганочка», «Ходовая», «Уличная», «Василечки» и др.), все чаще частушки складываются в циклы.

Подытоживая сказанное, мы с полным основанием можем утверждать: фольклор Челябинской области не производит впечатления угасающего художественного явления, в нем совершаются сложные и не всегда заметные процессы, за которыми мы поэтому не успеваем следить, результаты этих процессов осознают наши потомки.

Р. П. МАТВЕЕВА

СОБИРАНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА СИБИРИ

Сектор русского народного творчества Бурятского института общественных наук за последние 10 лет (1968—1978) расширил ареал полевых исследований. Если до 1967 г. фольклорные экспедиции работали в основном на территории Прибайкалья и Забайкалья, то начиная с 1967 г. изучение русского народного творчества проводилось в Западной, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

В 1968—1978 гг. объектом обследования было поэтическое творчество Амурской (1969), Читинской (1970, 1974), Горно-Алтайской (1970), Омской (1971), Томской (1971), Кемеровской (1972), Тюменской (1972), Иркутской (1975), Сахалинской (1976), Камчатской (1976) областей, Приморского (1969), Красноярского (1972, 1978) краев, Бурятской (1971, 1974), Якутской АССР (1973).

Изучение фольклора велось как в неизвестных, неисследованных местах, так и по следам прежних собирателей и своих экспедиций.

Столь обширный регион обследования был обусловлен основной задачей, стоявшей перед фольклористами сектора, — изучить репертуар русского населения Сибири, выяснить жанровый состав бытовавших и бытующих в настоящее время произведений фольклора. Программой полевых исследований предусматривалась запись произведений не только находящихся в живом бытовании, но и в пассивном хранении, иногда даже не самих произведений, а воспоминаний о бытовании того или иного фольклорного жанра. Кроме того, в программу экспедиций входила разработка местных архивов, связь с краеведами, собирателями — любителями фольклора.

История русского фольклора Сибири тесно связана с историей освоения и заселения края, которая не стала еще чем-то далеким, уходящим в века, она хранит живые следы первопроходцев — выходцев из разных районов России и из разных социальных слоев.

Интенсивное заселение Сибири начинается с XVII в. К этому же времени следует отнести становление духовной культуры сибиряков. Первые засельщики принесли с собой и местные традиции, которые на протяжении столетий трансформировались, образуя локальные фольклорные пласты, хотя по-прежнему для сибирской традиции характерно «разпоголовье»: два села, живущие столетия рядом, поют одни и те же песни, но не всегда могут спеться.¹

¹ Так, в 1978 г. в с. Казачинское Красноярского края, записывая песни от группы женщин, мы столкнулись с таким явлением: некоторые песни они не могли спеть, хотя поют вместе давно и много. Выяснилось, что одни участницы родом из с. Рождественского, другие — из соседнего с ним — Вороковки, «в Рождественском тянут, а в Вороковке поют скоро». От длительного совместного пения эти женщины отработали свой репертуар, но в нем нашлось место и для специфических черт принесенной традиции. Очень хорошо этот факт отражен в частушке, записанной в Северо-Байкальском районе:

Я не с вашего села,
Не с вашего селения,

Не по-вашему пою,
Прошу извинения.

К истории заселения края восходит история формирования культуры и быта отдельных групп русских (казаков, старообрядцев, старожилов крестьян-сибиряков, рабочих горных промыслов), каждая группа несла свой фольклор, который также стал частью составной частью местной традиции. Так, с казаками-первопроходцами связаны предания о заселении и освоении края, походные и исторические песни; старообрядцы сохранили обрядовую поэзию, тесно связанную с крестьянским трудом и праздниками; ссылка и каторга способствовали распространению арестантской поэзии, песен литературного происхождения, сказок.

На формирование локального репертуара, его жанрового состава повлияло своеобразие хозяйственных, социальных и географических условий жизни в Сибири.

Определенный отпечаток на русский фольклор наложили многонациональный состав населения Сибири, непосредственные хозяйственные и культурные контакты с коренным населением.

Таким образом, уже при подготовке к экспедиции необходимо было запастись сведениями по истории заселения обследуемого района, об этническом и национальном окружении, хозяйственной жизни населения. Отправляясь, например, в Читинскую область, участники экспедиции должны были знать о пребывании там старообрядческих групп населения — семейских, поселившихся здесь в XVIII в., свято хранивших старину; о наличии казачьих станиц. Необходимо было иметь в виду и то, что Читинская область — центр царской каторги и ссылки. Все это направляло на поиски фольклора определенной тематики или жанровой группы. В Тункинской и Баргузинской долинах закономерно были поиски сказок, распространению и сохранению которых способствовали специфика хозяйственной жизни (работа артелями, рыболовецкий и охотничий промыслы), влияние обычаев бурят, связанных с рассказыванием сказок.

Итак, круг проблем, возникающих при изучении фольклора русского населения Сибири, обусловлен спецификой исторической и бытовой жизни населения региона, его этническим и социальным составом, межэтническими связями и влияниями.

Один из главных принципов экспедиционной работы — преимущество в сборании фольклора в той или иной местности. В период подготовки к экспедиции велось изучение истории сбора фольклора в данном населенном пункте, наводились справки о любителях-краеведах, важное значение имело знание истории политической ссылки, так как немалая заслуга в сборании фольклора сибиряков принадлежит политссыльным, чьи записи для нас представляют огромную ценность.

Далеко не все сведения о собирателях-предшественниках можно было почерпнуть из печатных источников. Многие материалы, казалось, навсегда утраченные для науки, были взяты на учет благодаря изучению местных архивных фондов, копии материалов присоединялись к материалам фольклорной экспедиции; многие безвестные любители народной поэзии, посвятившие свою жизнь собирательской деятельности, были открыты на местах. Их материалы внесли существенный вклад в фольклорный фонд исследуемого региона. Так, во время Амурской экспедиции 1968 г. местный краевед-любитель А. П. Казаринов передал нам более 20 тысяч пословиц и поговорок, 50 песен периода Великой Отечественной войны, записанных на фронте. Большую ценность представляют материалы Н. А. Зипченко — тетради с записью шахтерского фольклора, которые были получены от собирателя во время экспедиции в Приморский край в 1969 г. В Благовещенском архиве были найдены материалы Г. С. Новикова-Даурского (1881—1961) — собирателя фольклора Забайкалья и Дальнего Востока, им собраны песни хороводные, лирические, рекрутские, плясовые, свадебные, исторические, революционные, детский

фольклор.² Во время экспедиций 1970—1971 гг. были сняты копии с материалов местных краеведов: А. В. Апохица (1874—1931) в Горно-Алтайском областном музее и Н. Н. Томплина (1890—1959). В 1978 г. во время экспедиции в Красноярский край, работая над фондом известного сибирского фольклориста А. В. Гуревича, мы обнаружили материалы, присланные корреспондентами собирателя. Особый интерес представляет рукописная книга «Сказки, рассказанные Аболмасовым Григорием Федоровичем (г. Красноярск) 1939—1940 гг.».³ Книга сброшюрована из отдельных ученических тетрадей с записями сказок, каждый текст сопровождается паспортом и замечанием типа «записано из своей памяти», «слыхал в детстве», «не помню, в каком месте и от кого». Иногда дается ссылка на того, от кого слышал сказку или с чьих слов записал. Судя по материалам (кроме сказок, в архиве имеются в записи собирателя песни, загадки, народные приметы), в лице Г. Ф. Аболмасова соединился сказочник и собиратель фольклора. Это талантливый рассказчик и природный филолог. Он толко чувствует сказочный стиль, умело переносит на бумагу живое слово. Материалы его интересны, достоверны и вполне могут быть использованы в научной работе.

Найденные материалы собирателей-предшественников обогащают фонд сибирского фольклора, позволяют расширить временные рамки изучения регионального фольклора, предоставляют возможность изучать локальный репертуар в его историческом движении.

Огромная заслуга в том, что, отправляясь в экспедицию, ее участники уже были сориентированы, какой материал здесь можно найти, чьи архивы следует разыскивать, принадлежала большому знатоку сибирского фольклора, бесценно многие годы руководившему экспедициями, доктору филол. наук Л. Е. Элиасову. Большой опыт собирательской работы и архивных изысканий, знание истории Сибири Л. Е. Элиасовым сыграли неоценимую роль в том, что в рукописном отделе Бурятского института общественных наук сосредоточен огромный материал, записанный как от непосредственных носителей фольклора, так и полученный от местных собирателей, а также хранящиеся в местных архивах копии материалов, в том числе и многих ранее неизвестных.

За 11 лет с 1968 по 1979 г. сектором русского фольклора было проведено 14 экспедиций по изучению современного состояния фольклора.

Программой экспедиций предусматривался сбор произведений русского народного творчества всех жанров, но при этом учитывались научные интересы собирателей. Поскольку ареал действия был широк — целая область или автономная республика, то сплошное обследование осуществить было невозможно. На месте выявлялись «фольклорные» места, распределялись силы. Естественным было распределение по интересам, например, тот, кто занимался изучением сказок, стремился в первую очередь выявить сказочников, но не обходил и произведения других жанров. Благодаря такому распределению сил сектор вел планомерное и активное наблюдение над состоянием сказочной традиции, свадебного фольклора, рабочей поэзии, поэзии гражданской войны, а поэзию и над всеми другими жанрами.

Единичны случаи встречи собирателей с былинной. В 1971 г. В. И. Зоркин в г. Гусиноозерске Бурятской АССР записал «Былину об Илье Муромце» от Е. А. Герасимовой, мать которой, по словам исполнительницы, знала очень много былин, легенд и исторических песен. В этом же году в с. Заган Мухоршибирского района Бурятской АССР

² О Г. С. Новикове-Даурском см.: Элиасов Л. Е. Фольклор Восточной Сибири: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973, ч. 3, с. 28.

³ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 1839, оп. 1, л. 138.

собирательницы Потанина Р. П. и Гаврилова Р. А. встретились с интересным рассказчиком-балагуром охотником Семеновым К. П. (1899 г. рождения). По его словам, он раньше знал былины, но теперь забыл. Пытался рассказать былину об Илье Муромце, но конец не мог вспомнить.

Основную массу всех записанных во время экспедиций произведений народного творчества составляют песни, среди них песни свадебные, семейно-бытовые, плясовые, исторические, хороводные, песни литературного происхождения, тюремные. Так, в Амурскую экспедицию записано 29 сказок, 11 преданий и 431 песня (незначительное количество других жанров). Таково же примерно соотношение песенного материала с другими жанрами и в последующих экспедициях.

Большой интерес представляют песни, записанные Р. П. Потаниной в 1970—1971 гг. от семейских Красно-Чикойского района Читинской области и Мухоршибирского района Бурятии. Особое место в них занимают свадебные песни с описанием старинной семейской свадьбы. Этой же собирательнице посчастливилось встретить замечательную песенницу Зарецкую Н. С. (1896 г. рождения) в с. Достоевка Яковлевского района Приморского края. От нее за одни сутки было записано 130 песен. Как одну из одаренных исполнительниц следует отметить У. Г. Бащикову из с. Шелопугино Читинской области. От нее В. И. Зоркин записал около 100 песен, большая часть записанных песен литературного происхождения, спела она много тюремных песен, жестоких романсов.

В последние годы наблюдается тенденция к созданию певческих групп. Нередко такие группы возникают стихийно, соединяя людей по принципу родства или каких-то личных привязанностей. С такими группами мы работали в с. Казачинском Красноярского края в 1978 г., в с. Байкальском Северо-Байкальского района в 1979 г., в с. Муравейка Анучинского района Приморского края в 1969 г. Большой популярностью пользуется за пределами района фольклорная группа с. Рождественского Казачинского района Красноярского края, за один только день от группы записано 20 песен. О фольклорной группе с. Вороковка того же района мы были слышаны еще в Красноярске, от группы записано 20 старинных песен.

Все больший интерес к народному творчеству проявляют клубные работники, они сами нередко становятся собирателями фольклора и организаторами таких певческих коллективов, тем самым продлевая жизнь старинной песне, которая, к сожалению, начинает забываться.

В том, насколько сильно влияние социально-экономической жизни населения на его фольклор, за годы экспедиционной работы мы имели возможность убедиться много раз. Вот только два примера. Сектор русского народного творчества в Читинскую область выезжал два раза. Первая экспедиция сектора была организована в 1963 г. и проходила по местам каторги и ссылки, поэтому естественно, что основной материал представлен песнями тюремной певовли и литературного происхождения. В 1970 г. экспедиция хотя и захватывала районы каторги и ссылки, но в основном проходила по бывшим казачьим станицам, и это сказалось на характере собранного материала: записано много собственно казачьих песен, солдатских, рекрутских. Встречаются и песни исторические, бытовые, лирические, шуточные, плясовые.

В августе—сентябре 1979 г. мы работали в с. Байкальском Северо-Байкальского района. Здесь прекрасно сохранились и активно бытуют старинные протяжные песни, которые исполняются в старинной манере — с повторением слов и полуслов, со всеми частицами «ой», «да», «ли» («Как во тысяче да во тридцатом во первом году»). При хорошей сохранности старинной протяжной песни здесь совершенно отсутствуют песни обрядовые.

Вся жизнь с. Байкальского была связана с «морем» (так называется здесь Байкал), и песни старинные помог сохранить тоже Байкал. «На больших баркасах едут, гребут и поют, песни протяжно поют» (замечание исполнительницы Л. Д. Захаровой). Очевидно, закономерным здесь следует считать и то, что в сохранении песенной традиции не последняя роль принадлежит мужчинам. Один из известных в селе песенников Харгаев Я. И. рассказал нам, что песни хорошо вспоминаются, когда один долго плывешь в лодке. Теперь же большей частью песни поют во время отдыха, так как исчез промысел, с которым была связана протяжная песня: водный транспорт моторизован, вязанием сетей в селе не занимаются.

В своей экспедиционной работе сектор систематически вел наблюдения над сибирской сказочной традицией. За годы собирательской работы встретилось немало сказочников — последних хранителей сказочного эпоса.

В Поярково Михайловского района Амурской области мы работали с замечательной сказочницей и песенницей Феклой Сергеевной Черновой (1896 г. рождения). В ее репертуаре старинные народные песни, песни литературного происхождения, частушки. Пословицы, поговорки, шутки-прибаутки, присказки — неотъемлемая часть ее речи. За два дня от нее записано более 30 песен, 6 сказок, но этим не исчерпан ее репертуар, который она в основном унаследовала от матери. Особое место в ее репертуаре занимают сказки, это главным образом сказки о животных, о падчерице, последние она воспринимает как быль: «Сказка, а может, правда было, жалко мне, хоть и сказка». Рассказывая, сказочница постоянно меняла интонацию: хитрая лиса у нее говорит тоненьким слащавым голоском, глухой волк — басит, он простоват и его речь примитивна. Мать зовет Ивашку приятным ласковым голосом, баба-яга грубым, хриплым. Удивительно поэтичен язык сказок, в нем преобладают ласкательные формы. «Сказки мать моя рассказывала, мама, было, начнет:

Петушок пошел на точок,
А курочка на грядочку,
Принес петушок колосок,
А курочка маковочку...» —

так начала сказку о лисе и волке Фекла Сергеевна.

Полная противоположность лиричной Ф. С. Черновой сказочник из Завитинска Амурской области И. Л. Комаров, участник гражданской войны, партизанский запевала. От него записаны сказки «О Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», «О Еруслане Лазаревиче», «Илья Муромец», «О соловье разбойнике», «Протупей-прапорщик», «Сивка-бурка», «Мужичок с ноготок», «Как русский солдат спас Петра Великого», несколько сказок-анекдотов про шута Балакирева. Свои сказки Комаров «пропустил» через партизанскую среду, поэтому хотя он и пользуется сказочной обрядностью, но налет солдатско-казарменного элемента в его сказках весьма ощутим. Иван-царевич караулит похитителя яблок: «Честно он лежал всю ночь, чутко прислушивался», «Сам он был крепкий, падежный, с нарушителем-вором справится».

Близки по стилю к сказкам И. Л. Комарова сказки, записанные от другого завитинского сказочника Лотыша Н. С., от него записано 10 сказок, в том числе и волшебнo-фантастические.

Считаем большой удачей встречу со сказочником М. Ф. Литвиненко (с. Варфоломеевка Приморского края, экспедиция 1969 г.). В его репертуаре сатирические сказки, анекдоты. Часть из них он помнит с детства, другие усвоил, когда служил в армии, был в партизанах. Знал волшебные, но забыл, лишь по отдельным отрывкам можно догадаться,

что репертуар его включал волшебпо-фантастические сказки. Те из них, которые ему удалось вспомнить, представляют из себя лишь схему сюжетов когда-то интересных сказок. М. Ф. Литвиненко — тип сказочника-балагура, репертуар его формировался в солдатской среде, поэтому не удивительно, что преобладают сказки из солдатах. Всего от М. Ф. Литвиненко записано 36 сказок, 11 песен, 8 загадок.

Интересны сказки, записанные собирателями Л. М. Свиридовой и Н. В. Соболевой в 1970 г. в г. Нерчинске от С. Т. Чекашкина.⁴

Мы уже писали о таких современных сказочниках, как И. Т. Загребнев, Н. И. Ларионов из Тункинской долины.⁵ Их творчество, как и творчество сказочника из Хакасии В. С. Сметкина, А. А. Хлескина из Баргузинской долины, дает ясное представление о современной сказочной традиции в Сибири.

Особо следует остановиться на воспоминаниях об исполнителях произведений народного творчества. Они дают очень многое для уяснения фольклорной традиции, порой даже больше, чем запис самого текста. Текст может быть случайным. В воспоминаниях же современников живая картина жизни фольклора. В них воссоздаются условия, эмоциональная обстановка, важные детали бытования того или иного жанра, здесь и оценка самих произведений, и эстетического воздействия их на слушателей.

В 1979 г. в с. Байкальском нами записано несколько текстов сатирических сказок. Сказки эти — случайность в репертуаре рассказчицы, они не являются показателем состояния сказочной традиции села, вернее, это показатель затухания сказочной традиции села. Но зато довольно отчетливо предстала перед нами сказочная традиция недалекого прошлого. Нам живо было представлено исполнительское мастерство И. В. Прусова — сказочника-эпика. В воспоминаниях о нем и характеристика репертуара, и условий исполнения, и оценка поэтических достоинств его произведений, и характеристика аудитории, ее реакции на рассказ. В этом же селе записано воспоминание о сказочнике-балагуре Анатолии Кононенко. «Сети или невод придется сдавать, ну катком от них катались. Одни сказки так, другой — этак. Ой весело было! Теперь с катера сети мечут, а раньше все на гребях» (А. С. Безотеческих, 1918 г. рождения).

Воспоминания о прежних исполнителях важны и для установления контактов, и для выявления возможных учеников, последователей. Так, в 1978 г. в Казачинске нам сообщили о сказочнике с. Рождественское. Имени сказочника никто не помнил, но все отмечали, что рассказывал он по книге. Удалось выяснить репертуар, состоявший из волшебпо-фантастических сказок. Рассказывал он, не выпуская книги из рук, делая вид, что не рассказывает, а читает, останавливался на знаках препинания, переворачивал страницы. Некоторые сказки рассказывались несколько вечеров, тогда сказочник делал закладку, чтобы пачать в следующий раз с того места, где остановился. К нему приходили из окрестных сел послушать «грамотного» старика, просиживали возле него ночи. Такой известностью мог пользоваться лишь сказочник величайшего дарования. К сожалению, сказок от него никто не записывал, но о его выдающемся таланте сказочника до сих пор говорят с восхищением. Нам потребовалось приложить усилия, чтобы выяснить имя сказочника — Михаил Перфильевич Варыгин (умер в 1960 г.), разыскать его родственников. Его дочь А. М. Давыдова оказалась сама талантливым сказочницей.

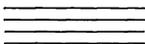
⁴ О С. Т. Чекашкине см.: *Соболева Н. В.* Сказитель из Нерчинска. — В кн.: *Русский фольклор Сибири: Материалы и исследования.* Улан-Удэ, вып. 1, с. 178—183.

⁵ *Матвеева Р. П.* В краю сказок. — Там же, с. 172—177.

Воспоминания о бытовавших произведениях, о талантливых посетителях фольклора, архивные материалы помогают воссоздать историю формирования местной традиции, нарисовать фольклорный быт какого-то села или поселка в прошлом и настоящем.

Невозможно перечислить всех талантливых посетителей фольклора, охарактеризовать весь материал фольклорных экспедиций хотя бы за последние десять лет. По собранным сектором произведениям можно судить о том, что в Сибири бытовали все известные жанры русского фольклора. Собранный материал постепенно вводится в научный оборот.

До нашего времени не дожили былины, темного осталось и исторических песен, исчезает сказочный эпос, широко бытует и в настоящее время старинная песня, в меньшей степени сохранилась обрядовая поэзия. Несмотря на сотни текстов различных жанров, записанных в последние годы на территории Сибири, необходимо продолжать кропотливую собирательскую работу. Предстоит большая работа по жанрово-тематической систематизации собранного материала.

М. Н. МЕЛЬНИКОВ

РЕГИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФОЛЬКЛОРА СИБИРЯКОВ

Издавна Сибирь привлекала передовых людей нашей Родины не только сказочными природными богатствами, но и духовными ценностями. Долгие годы в научной литературе писалось об особом типе сибиряка, отличном по этническим, психологическим и культурным характеристикам от «россиянина». Этим поддерживался устойчивый интерес к изучению культуры сибирского населения. Наблюдения вели этнографы, фольклористы, политические деятели. Изыскания (мы не касаемся идейно-политических и методологических основ и предпосылок этих поисков, что получило принципиальную оценку в нашей литературе)¹ нередко приводили к диаметрально противоположным выводам. Если А. П. Шапов, П. А. Ровинский, С. В. Максимов, Н. М. Астырев, И. П. Белокопский, Д. А. Клеменц, А. Новоселов, Н. М. Ядринцев² и некоторые другие — люди разных политических убеждений, различных направлений и разных исторических периодов — утверждали, что русские переселенцы «не принесли в Сибирь светильника искусства», что сибиряки не музыкальны, «беспесенны», то Е. А. Авдеева, С. И. Гуляев, Н. А. Полевой, А. А. Макаренко, М. Н. Костюрина, В. С. Арефьев, М. Швецова, А. Белослюдов, В. Г. Богораз³ и многие другие, тоже люди

¹ Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962; Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Собратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1958, ч. 1.

² Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении. — В кн.: Шапов А. П. Собр. соч. (Дополн. том. Иркутск, 1937); Ровинский П. А. 1) Очерк Восточной Сибири. — Древняя и новая Россия, 1875, т. 1, № 1; 2) Замечания об особенностях сибирского наречия. — Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, № 4, вып. 1, 1873; Максимов С. В. О сибирских великорусских народных песнях. — Живая старина, 1898, вып. 1; Астырев Н. М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1892; Белокопский И. П. По тюрмам и этапам. Орел, 1887; Клеменц Д. А. Население Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908; Новоселов А. Задачи сибирской этнографии. — Записки Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва (РГО), Омск, 1916, т. 38; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 2-е изд. СПб., 1892.

³ Авдеева Е. А. 1) Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. М., 1837; 2) Очерк масленицы в Европейской России и Сибири в городах и деревнях. — Отечественные записки, 1849, т. 62, вып. 2; Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири. — Библиотека для чтения, 1848, т. 90, отд. 3; [Полевой И.] Предисловие. — В кн.: Авдеева Е. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842; Макаренко А. А. 1) Сибирские песенные старины. — Живая старина, 1907, вып. 1; 2) Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии. — Там же, 1901, вып. 3—4; 3) Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; Костюрина М. И. Сибирские народные песни, записанные в подгорных деревнях около Тобольского музея, 1895, вып. 3; Арефьев В. С. К вопросу о сибирской народной песне. — В кн.: Сибирский сборник. Иркутск, 1899, вып. 1; Швецова М. 1) Из поездки в Риддарский край. — Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, 1898, вып. 25; 2) «Поляки» Змеиногогорского округа. — Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, 1899, вып. 26; Белослюдов А. Свадебный ритуал каменщиков — Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО, 1913, вып. 7; Богораз В. Г.

различных политических убеждений, исторических периодов и разных научных направлений, писали о поэтической одаренности сибиряков, а о Сибири как о крае, где бережно сохраняются культурные ценности, утраченные зачастую по другую сторону Урала.

Работы фольклористов советского времени М. К. Азадовского, А. В. Гуревича, Г. В. Виноградова, Я. Р. Кошелева, Л. Е. Элиасова,⁴ собиравших и исследовавших фольклор русского населения Сибири, неопровержимо доказали, что в условиях Сибири русский фольклор получил специфическое преломление, обрел зримые локальные черты, не выходя за границы общерусских традиций.

Если субъективные оценки культуры сибиряков дореволюционными учеными объясняются методологическими установками и географической ограниченностью районов научных наблюдений, когда локальные явления принимались за общесибирские, то выводы большинства советских ученых опирались на богатейший общесибирский материал, но при этом, как правило, не учитывался этнический состав населения, не учитывались генетические связи, истоки развивающихся в Сибири фольклорных традиций.

Обследовав за последние десять лет сотни сел и деревень на тысячекилометровом отрезке Московско-Иркутского тракта, изучив архивные материалы и публикации, мы собрали богатый и ценный материал, на основании которого можем смело говорить о музыкальной и поэтической одаренности сибиряков. Но если установить генетические связи, преемственность традиций, то окажется, что две трети всех произведений записано от переселенцев из европейской части России конца XIX—начала XX в. и их потомков, что в репертуаре старожильческого русского населения Сибири (чалдонов) крайне мало хороводных, календарных, обрядовых, свадебных песен и произведений других традиционных жанров.

Иными словами, мы вынуждены признать, что у А. П. Щапова, Н. М. Ядрищева и других, чьи выводы об утрате русских песенных традиций сибиряками многократно опровергались многими, в том числе и нами, были определенные основания для своих высказываний.

Необходимо отметить также, что как дореволюционные, так и советские фольклористы интересовались прежде всего фольклором аборигенов и русского старожильческого населения края. При этом не учитывалось, что русское население Сибири и в этническом, и в культурном отношении не является собственно русским, а представлено выходцами практически из всех губерний собственно России, Украины и Белоруссии и их потомками, ассимилировавшими мелкие национальные группы малых народов европейской части, переселившихся в Сибирь,⁵ что в некоторых районах (Кулунда, ряд районов Приморья и Приамурья), например, выходцы с Украины и их потомки составляют подавляющее большинство, что в общем потоке переселенцев второй половины XIX в. выходцы из

1) Русское население на Колыме. — Землеведение, 1899, кн. 4; 2) Областной словарь Колымского русского наречия. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1901, т. 18, № 6; 3) Песни русских поречан на Колыме. — Там же, № 4.

⁴ Азадовский М. К. 1) Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925; 2) Беседы собирателей. Иркутск, 1924; 3) Ленские причитания. Чита, 1922; Гуревич А. В. 1) Фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1938; 2) Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Иркутск, 1940, и многие другие; Виноградов Г. С. 1) Детский народный календарь. — Сибирская живая старина. Иркутск, 1924, вып. 2; 2) Этнография и современность. — Там же, 1923, вып. 1, и др.; Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1963, и др.; Элиасов Л. Е. 1) Русский фольклор Восточной Сибири: Народные предания. Улан-Удэ, 1960, ч. 2; 2) Русский фольклор Восточной Сибири: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973, ч. 3, и др.

⁵ История Сибири. М., 1968, т. 2, 3.

Белоруссии и Украины составили около 40% (16 и 24% соответственно). Это же соотношение характерно и для XX в.⁶ Во второй половине XIX и в XX в. определяющим для Сибири был процесс активного культурного взаимодействия восточно-славянских народов. В разных районах Сибири в силу местных этно-географических, производственно-экономических, языковых и иных условий этот процесс имел своеобразные черты; зачастую он был далеко не одинаков даже в расположенных рядом селах. Я. Р. Кошелев строго в соответствии с реальной картиной бытования определял, что «фольклор Сибири, края весьма обширного, с большими различиями по времени заселения и составу русских поселенцев, с различиями по живым связям с культурными общерусскими традициями и по характеру общения с новыми соседями, представляет большую пестроту в содержании и репертуаре».⁷ Вполне очевидно, что специфические особенности фольклора сибиряков выявить и понять без учета этнического состава сибирского населения, сложных и многоступенчатых культурных связей невозможно. Изучение процессов взаимодействия фольклорных традиций белорусского, русского и украинского народов в творчестве сибиряков становится первостепенной задачей фольклористики и этнографии Сибири. Пока сделаны лишь первые шаги по пути решения этой проблемы в работах М. Н. Мельникова, Л. М. Свиридовой, Т. Г. Леоновой и ряда молодых исследователей.⁸ Трудно дать научно достоверную картину состояния поэзии Сибири и показать процесс и результаты взаимодействия генетически близких, но далеко не тождественных фольклорных традиций трех восточно-славянских народов. Несхожесть и многообразие поэтических структур и музыкальных стилей, географическая расклевотанность в размещении однотипных культур затрудняют исследовательскую работу. Без изучения глубинных процессов этнического и культурного развития сибиряков восточно-славянской общности невозможно понять их психологическое и культурное своеобразие, выявить закономерности развития их поэзии, музыки, хореографии.

Первым шагом в преодолении «беспорядочной мозаики» сибирского фольклора может стать культурная типология поселений сибиряков восточно-славянского происхождения по признаку единства или близости общекультурных и фольклорных традиций, по идентичности или близости процессов этнических, культурных связей, культурного взаимодействия. По этим признакам нами выделено пятнадцать основных типов поселений.

1. Поселения первопроходцев — сибирского служилого казачества, составлявшего гарнизоны острогов, городов, форпостов оборонительных линий. Казаки Сибирской, Ишимской, Иртышской, Бухтарминской линий в конце XVIII в. составляли большую часть населения южной Сибири. Позднее было организовано Забайкальское, а затем и Амурское казачье войско. Казаки были первопроходцами, осваивавшими обширнейшие тер-

⁶ Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973, с. 125

⁷ Кошелев Я. Р. Сибирь и русская фольклористика (дооктябрьский период): Автореф. докт. дис. Томск, 1964, с. 26.

⁸ Мельников М. Н. 1) К проблеме активного взаимодействия и локализации различных народно-поэтических традиций в фольклоре сибиряков. — Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. 1974, вып. 3, № 11, с. 134—141; 2) Проблемы изучения межнациональных фольклорных связей в Сибири. — В кн.: Сибирский фольклор Новосибирск, 1976, вып. 3, с. 3—20; Свиридова Л. М. Восточно-славянские традиционные народные песни в Приамурье и Приморье: Канд. дис. Новосибирск, 1973; Леонова Т. Г. Взаимодействие фольклорных традиций в сибирских селах со смежными населением. — В кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1974, с. 3—23; Болотская Л. И. Белорусские песенные традиции в Сибири. — В кн.: Сибирский фольклор, вып. 3, с. 21—29; Кобякова Е. А. Сибирская песельница Н. Ф. Глушкова. — Там же, с. 30—35.

ритории Сибири, вступившими в процессе обживания новых земель в тесные контакты с многочисленными коренными народами. Этот процесс немаловажен без знания их языков, быта, нравов, верований, обычаев. Отсюда в репертуаре сибирского казачества обилие преданий о богатствах края, о географических названиях, о быте и генеалогии аборигенов, о процессе колонизации края.⁹ Условия военного и полувоенного быта во многом предопределили развитие песенных жанров фольклора. Его основу составляли старинные военные и походные песни. В казачьей среде лучше сохранились исторические песни, создавались локальные песни исторического содержания,¹⁰ героическое содержание вносилось в календарную обрядность (взятие снежных городов, святочные игрища, отразившие условия военизированного быта, привнесение былинных фрагментов в колядки и пр.).¹¹

2. Деревни, поселки мелких групп старожильского русского поселения, в силу социально-исторических и географических условий (удаленность от других русских поселений — север и северо-восток Сибири) вступившего в тесные производственно-экономические связи с аборигенами края. Русские принимали материальную культуру коренных жителей Сибири, способы охоты, многие элементы быта, даже религиозные верования. Неизбежно шло обогащение языка, в первую очередь за счет терминологии своих новых соседей, связанной с охотничьим бытом, но при этом сохранялись его исконные архаические формы. Вплоть до конца XIX в. сохранялся русский героический эпос, сказки и богатый репертуар традиционных лирических песен.

Разрушение календарной поэзии было обусловлено принципиальным отличием промыслового (охота, рыбная ловля) быта от традиционного крестьянского. Влияние соседей (эвенки, остяки, якуты, чукчи и другие народы) сказывалось в жанрах несказочной прозы (легенды, предания, былички), образно-тематически обогащало сказки, а у колымчан даже утвердился новый песенный жанр — андынщипы. Отмечено местное творчество в жанрах сказки и песни, особенно сатирической, популярность и широкая распространенность струнных музыкальных инструментов, вечерочных увеселений. Характерными поселениями такого типа были расположенные на р. Индигирке Русское Устье (основанное, очевидно, еще в XVI в.)¹² и ряд деревень на Нижней Колыме.¹³

3. Села, деревни и хутора старожильского русского поселения Сибири (чалдонов, переселения XVI—XVIII вв.), утратившего зримые связи с местами жительства своих предков и сохранившего в новых условиях относительную культурную обособленность. В поселениях такого типа, разбросанных от Урала до Тихого океана и отстоящих одно от другого на десятки, а то и сотни километров (например, деревни по Нижней Тунгуске и другим крупным рекам севера Сибири), что исключало или сводило до минимума продуктивные культурные контакты, создавались благоприятные условия для сохранения и длительного локального развития исконных фольклорных традиций, песенных стилей. Именно это вводит в заблуждение некоторых ученых (А. М. Айзенштадт.

⁹ Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири: Народные предания, ч. 2

¹⁰ Фольклор казаков Сибири / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярпеский. Улан-Удэ. 1969.

¹¹ Чичеров В. П. Зимний период русского земледельческого календаря. М., 1948.

¹² Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда — Этнографическое обозрение, 1913, № 1—2.

¹³ Попов С. П. Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме — Там же, 1907, № 1, 2; Богораз В. Г. Песни русских порочан на Колыме. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности АИ. СПб., 1901, т. 68, № 4, и другие публикации автора. В. Г. Богораз не выделял эти деревни в особый тип, но это петрудино сделать по его публикациям и дневникам.

В. М. Щуров) и деятелей культуры (И. М. Гуляев, А. П. Новиков и др.). Записав (найдя) идентичные или близкие напевы, попевки в нескольких местах Сибири, разделенных тысячекилометровыми расстояниями, они делают выводы о единонаправленном процессе развития, общесибирском песенном стиле и даже (вслед за дореволюционными учеными) о типе сибиряка,¹⁴ но при этом не учитывают возможности генетического родства, игнорируют наличие иных песенных стилей, иных типов культуры на территориях, разделяющих близкие в стилевом отношении очаги.

Локальное развитие древних традиций приводило и к негативным результатам, к неизбежным культурным утратам, к естественному обеднению фольклора. Для сел и деревень этого типа, как правило, характерны образно-тематическая бедность и количественная ограниченность репертуара хороводных, хороводно-игровых, календарных и свадебных обрядовых песен. Например, в чалдонских селах Еланка, Камышево, Кузнецово (Тычкино), Балтра, Вороново, Старый Порос и некоторых других, расположенных по Московско-Иркутскому тракту, календарных и свадебных обрядовых песен, хороводных песен вообще не обнаружено.¹⁵ Даже в с. Балман, отличающемся богатейшими песенными традициями, было в обиходе лишь семь собственно свадебных обрядовых песен. Почти во всех чалдонских селах отмечены популярность святочных вечеров и наличие более или менее обширного репертуара вечерочных песен. В с. Балман вечерка с полным репертуаром вечерочных необрядовых песен составляла основу свадебной игры.

Даже в XX в. чалдоны редко и неохотно заключали брачные союзы с новопоселенцами, стремились к сохранению в неприкосновенности своих бытовых и культурных традиций.

4. Деревни и скиты русских старообрядческих общин принудительного и вынужденного (например, бегства после открытого выступления западносибирских старообрядцев) поселения — «семейские» Забайкалья, «поляки» и «каменщики» Алтая, многие общины старообрядцев Васюганья, Барабы и ряда других районов. Развитие культуры в районах старообрядческого поселения и даже в отдельных селах было обусловлено религиозными установками и строго локализовано. Отсюда идет редкая сохранность ее древних форм. Даже в наши дни это видно в архитектуре построек, планировке дворов, бытовом укладе, одежде, поэтическом и музыкальном творчестве. Для поселения данного типа характерно широкое распространение духовных стихов, христианских легенд, легенд о Беловодье, почти полное отсутствие сказок, которые они почитали за ересь (исключение кое-где составляли сатирические сказки о Петре I), исторических песен, развитие генеалогических преданий,¹⁶ обеднения и «христианизации» календарной и семейной обрядности, сопровождение этих обрядов молитвами, рацейками религиозного содержания. Полное отсутствие в ряде мест в силу религиозных запретов музыкальных инструментов обусловило развитие «голосовой инструментовки» плясовых песен, развитие танцев «под язык».¹⁷

¹⁴ *Айзенштадт А. М.* Тематика и жанры музыкального фольклора Западной Сибири. — В кн.: Вопросы эстетики и музыкознания. Новосибирск, 1968, с. 179.

¹⁵ Материалы фольклорно-этнографических экспедиций Новосибир. обл. отд. Всероссийского о-ва охраны памятников истории и культуры 1970—1978 гг.

¹⁶ Русские старожилы Сибири, с. 121—157; *Элиасов Л. Е.* Русский фольклор Восточной Сибири: Народные предания, ч. 2, с. 74; Гос. архив Краснояр. края, ф. 163, оп. 1, св. 8, д. 113.

¹⁷ Полевые дневники фольклорно-этнографических и фольклорных экспедиций Новосибир. обл. отд. Всероссийского о-ва охраны памятников истории и культуры 1970—1977 гг., Новосибирского госпединститута — 1978—1980 гг.

5. Поселения этнических групп, образовавшихся в результате смешения старожильческого русского населения и коренных жителей Сибири на Северо-Востоке, в Прибайкалье, на Алтае и в других местах, а также в результате обрусения отдельных групп аборигенов. Жители этих поселений и по языку (бурятско-русский, русско-якутский и др.), и по своей культуре были одинаково близки двум, а то и трем народам.¹⁸ Именно в этой среде происходило и происходит естественное слияние фольклорных традиций разных народов.

Л. Е. Элиасов, например, писал: «Своеобразный репертуар на протяжении многих десятилетий сохраняют карымы — самостоятельная этнографическая группа населения Забайкалья, появившаяся от смешанных браков русских и бурят».¹⁹ К сожалению, фольклор и культура подобных групп населения вообще не изучены и не могут быть характеризованы с достаточной определенностью.

6. Поселения старателей, горнорабочих (бергалов), рабочих старинных заводов Сибири (заводы и рудники Алтая, Забайкалья, Дальнего Востока), не связанных непосредственно с крестьянскими общинами и сельскохозяйственным трудом. Несмотря на сильное влияние культуры приписного крестьянства, в таких поселениях не было условий, обеспечивающих жизнеспособность аграрной и семейной обрядовой поэзии, хотя рудименты многих обрядов сохранялись, возникли специфические по содержанию и художественной структуре песни рабочих,²⁰ оригинальная мифология (Горный, Горный Батюшка, Полоз и др.),²¹ обрели ярко выраженные локальные (не общесибирские, а очаговые) черты и широкую популярность жанры несказочной прозы, и в первую очередь предания и легенды.

7. Поселения старожильческого русского населения, не сохранившего культурной обособленности, вступившего в тесные контакты с новопоселенцами (конца XIX—начала XX в.), выходцами из различных местностей русской этнической территории, и аборигенами края. Значительную часть их фольклорного репертуара составляют вечерочные песни, городские песни и романсы, песни литературного происхождения. В их вечерочные песни довольно широко проникли местные локализмы, под влиянием коренного населения Сибири пло образно-тематическое обогащение несказочной прозы, реже песен; под влиянием русских новопоселенцев интенсифицировалась обрядовая деятельность, проявлялось стремление к песенному насыщению календарной и семейной обрядности за счет городских песен и песен литературного происхождения.

8. Деревни и села русских новопоселенцев (конец XIX—начало XX в.), выходцев из одной местности, основывавших поселения по земляческому принципу и развивавших в новых условиях культурные традиции тех местностей, откуда переселились в Сибирь. Таковы многочисленные Орловки, Смоленки и пр. Например, в крупном с. Гжатск Куйбышевского района (выходцы из Гжатского уезда Смоленской губернии) до сих пор сохраняются смоленские традиции в календарной и свадебной поэзии, в д. Ночка Венгеровского района — пензенские и т. д. Если села и деревни этого типа достаточно крупны, то традиции, как правило, устойчивы, хотя и наблюдается некоторое локальное (очаговое) влияние аборигенов; если же поселения малочисленны и в своей хозяйственной дея-

¹⁸ Библиография по этому вопросу дана в работе: Мельников М. Н. Проблемы изучения межнациональных фольклорных связей в Сибири. — В кн.: Сибирский фольклор, вып. 3, с. 3—20.

¹⁹ Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973, ч. 3, с. 4.

²⁰ Там же, с. 121—195.

²¹ Мисюров А. А. 1) Легенды и были. Новосибирск, 1940; 2) Предания и сказы Западной Сибири. Новосибирск, 1954.

тельности и семейно-брачных отношениях не могли обходиться без тесных связей с ближайшими соседями, то наблюдалась, при сохранении исконных традиций, интенсивная диффузия, взаимопроникновение фольклорных традиций, но при этом песельники отмечали земляческую принадлежность произведений, своеобразие песенного стиля (деревни Долгово, Абшарово, Егорьевка, Ольшанка).

9. Крупные поселения смешанного русского населения, выходцев из разных местностей русской этнической территории, создававшиеся на основе чалдонских хуторов и поселков. В крупных населенных пунктах по земляческому признаку основывались улицы, «края». Относительная территориальная и культурная обособленность таких «краев», нередко поддерживаемая враждой между землячествами, создавала защитно-протекционистские барьеры, затруднявшие взаимопроникновение фольклорных традиций. В таких селах до наших дней сохраняются очаги самобытной культуры, отличные друг от друга в архитектуре построек, планировке дворов, резьбы по дереву (наличники и пр.), по узорам в вышивке, кружевах, ткачестве, по песенным стилям. Например, в д. Ушково Куйбышевского района существует три песенных очага, отличающихся один от другого по музыкальному стилю, манере исполнения и репертуару, в Егоровке Вологдинского района — пять. Носители одних песенных традиций не принимают, высмеивают стиль и манеру пения других певческих групп. Это, конечно, не исключало процессов взаимодействия в фольклоре, но они были замедленными, слабыми. Земляческая же солидарность и межземляческая конкуренция поддерживали более или менее длительное развитие исконных культурных традиций выходцев из одной местности.

10. Деревни позднепоселенцев из различных местностей русской этнической территории, селившиеся чересполосно, без учета земляческих интересов. Иногда, как, например, в пос. Нижегородском Тогучинского района Новосибирской области, состоявшем из 30 дворов, были выходцы из 13 губерний. В мелких поселениях ни одна из земляческих групп не могла, как правило, ни в хозяйственной, ни в культурной жизни стать доминирующей. Создавались благоприятные условия для слияния фольклорных традиций. Создавался единый свадебный обряд, в новогодней обрядности уживались овсень, баусень, «сею, сею, посеваю» и виноградие и т. д., создавался единый песенный репертуар, весьма пестрый в музыкально-стилевом отношении.

11. Села позднепоселенцев, выходцев из одной местности украинской этнической территории, основывавших поселения по земляческому признаку (многочисленные Полтавки, Киевки и пр.) и сохранявших в новых условиях родной язык, фольклорные традиции той местности Украины, откуда они переселились в Сибирь.

12. Деревни и села позднепоселенцев, выходцев из различных местностей украинской этнической территории, основывающие единые поселения, сохранивших украинский язык и создавших единую культуру путем слияния культурных традиций различных местностей. Для поселений как 11-го, так и 12-го типов характерно длительное сохранение украинского разговорного языка в том случае, если в окружающих селах и деревнях проживали украинцы (Кулунда, некоторые районы Приморья, Приамурья), и постепенная утрата его в русском окружении. Но в любом случае, даже в том, когда разговорным давно уже стал русский язык, сохранялись исконные традиции в быту, прикладном искусстве, в календарной и семейной обрядности, традиционные песни пелись на родном языке. Но исторические песни литературного происхождения, песни революции и гражданской войны, песни Отечественной войны пелись и поются на русском языке, причем не наблюдается стремления к их украинизации. Иными словами, на русском языке поется о том, что близко потомкам

украинцев в идейно-эстетическом плане и не имело традиционного выражения на украинском языке.²²

В репертуаре певческих групп сел 11-го и 12-го типа относительно мало городских песен, романсов.

13. Деревни и села позднепоселенцев, выходцев из одной или разных местностей белорусской этнической территории, основывавших свои деревни в районах с подавляющим преобладанием русских поселений. Повсеместно в таких селах происходила быстрая утрата белорусского языка, столь же быстрая русификация репертуара лирических необрядовых песен за счет перевода белорусских традиционных песен на русский язык, привлечения традиционных русских лирических песен, песен литературного происхождения, городских песен. Для них же характерна сохранность белорусской обрядовой поэзии. До сих пор в ряде сел сохраняются новогодние и «стреловые» песни, на современных свадьбах поются, правда, представительницами старшего и среднего поколений, белорусские свадебные обрядовые песни. В районах со значительным удельным весом белорусов и их потомков наблюдается зримое обогащение песнями белорусского происхождения календарных и семейных обрядов русского населения.

14. Деревни и села позднепоселенцев, выходцев из разных местностей белорусской, русской и украинской этнических территорий, основывавших поселения с «краями» и улицами-землячествами, а также селившихся чересполосно, без учета национальной принадлежности. В таких поселениях единым разговорным становился русский язык, шло интенсивное взаимообогащение культур. Почти повсеместно, даже в репертуаре, например, одного сказочника объединялись белорусские, русские и украинские сказки, украинские любовные и семейные, пуготочные песни, из календарных — щедривки, «меланки», белорусские свадебные, жнивные песни, создавался единый фонд преданий, быличек, легенд. Степень русификации белорусских и украинских песен зависела от многих местных факторов и была неодинаковой в разных местах.²³

15. Села, поселки и города, основанные около промышленных предприятий и в последние десятилетия при укрупнении поселений в сельской местности, при создании сел по производственному признаку. Для таких поселений характерны отсутствие традиционной обрядности или сохранение лишь ее рудиментов, разрушение традиционно сложившихся певческих групп, зримое обеднение репертуара традиционных необрядовых песен, утрата национальных певческих (песенных) традиций, широкое распространение гитарных эстрадных песен.

Среди молодежи очень немногие, в среднем около 5—10%, умеют играть на музыкальных инструментах, до 40% людей песен не поют вообще, становятся пассивными потребителями музыки (транзисторный приемник, магнитофон).

Я с полной уверенностью могу утверждать, что многообразие природно-климатических зон и форм производственно-хозяйственной деятельности, бытового уклада населения Сибири, процессов исторического, этнического и культурного развития не дает оснований говорить о едином типе сибиряка. Нет единой культуры, единого песенного стиля у различных групп старожильческого русского населения Сибири. Если отход от традиционных форм русского народного творчества считать признаком утраты «светильника искусства» (а именно такой точки зрения придержи-

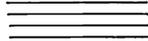
²² Мельников М. Н. К проблеме активного взаимодействия и локализации различных народно-поэтических традиций в фольклоре сибиряков. — Изв. Спб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. 1971, вып. 3, № 11, с. 136.

²³ Материалы экспедиций Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры 1970—1978 гг.

живались ученые прошлого века), то в старожильческих русских поселениях первого, второго, третьего, седьмого типов найдем достаточно для того оснований. Но многие из них имеют богатейшие песенные традиции. Это не согласуется с утверждениями о беспесенности сибиряков. Русские старожилы не беспесенны, а имеют песенный репертуар с явным преобладанием городской и тюремной песни, песни литературного происхождения, частушки.

В поселениях же восточных славян, основанных в конце XIX—начале XX в., представлены фольклорные традиции практически всех районов русской, белорусской и украинской этнических территорий и нередко сохранились лучше, чем на исходных местах. Достаточно сказать, что от Е. Д. Прозаицкой записано 264 песни смоленской традиции, в том числе 103 календарных обрядовых и приуроченных к земледельческому календарю, 99 свадебных, от Н. Р. Вдовенко — 150 песен, по преимуществу белорусского происхождения, в том числе 40 живых.

Существует великое множество очагов и очажков самобытной культуры сибиряков, и понимание их специфики невозможно без учета совокупности всех региональных своеобразных факторов (производственного, исторического, этнического, генетического, контактного и др.). Хочется верить, что предложенная мною культурная типология, хотя и не охватывающая всего многообразия культурных форм, допускающая сближения и определенную формализацию процессов по главным признакам, явится шагом в верно избранном направлении.

Н. А. НОВОСЕЛОВА
СОБИРАНИЕ ФОЛЬКЛОР В ПРИАНГАРЬЕ

Активное собрание русского фольклора в Приангарье началось в конце XIX—начале XX в. Большую роль в фольклорно-этнографическом изучении этого старожильческого района сыграли политические ссыльные В. Арефьев и А. Макаренко, в работах которых освещались материальные условия жизни и духовная культура ангарцев. Публикации В. Арефьева наиболее полно отражали состояние свадебной обрядности на Ангаре.¹ В 1913 г. был опубликован «Сибирский народный календарь...» А. А. Макаренко, значительная часть сведений которого была записана на Ангаре.² Этнографические наблюдения в Приангарье и близких ему районах вел также Г. С. Виноградов, уделивший внимание похоронным обрядам, народной медицине, скотолечению.³ Об активном собрании песенного фольклора в этом регионе свидетельствуют архивные материалы А. А. Савельева, М. А. Александрова, М. В. Красножелевой, А. А. Макаренко.⁴

Собранные до революции материалы дают представление о бытовании традиционного фольклора в прошлом, позволяют судить о его жанровом составе и репертуаре. Однако их научная ценность далеко не равнозначна. Зачастую записи не содержат сведений этнографического характера, не дают представления об особенностях исполнения произведений. Существенным недостатком записи поэтических текстов является то, что большинство из них не отражает подлинную словесно-музыкальную структуру произведения. При существующей в то время методике и технике записи в протяжной песне не фиксировались строфические повторения, ритмические частицы. Схематичность и неполнота таких текстов отчетливо выявляется при сопоставлении двух записей свадебной песни: отрывка текста, взятого из публикации В. Арефьева,⁵ и записанного нами в 1977 г.

Запись В. Арефьева

Брателко родимый,
Сделай три метелочки,
Размети три дороженьки

Наша запись

Уж ты брателко да ты родимешкёй,
Да ты до...ой, да ты доспей
Ко да три,
Три мете...ой, три мете..., ой три
метелочки.
Да ра...разме...ой, да размети-ко да
три,
Три доро..., три доро...ой, три до-
роженьки

¹ Розенбаум С. П., Арефьев В. Свадьба в ангарской деревне. — Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва (РГО), 1901, т. 31, № 1—2, с. 79—117; Арефьев В. Свадьба в ангарской деревне. — Там же, 1902, т. 32, № 1—2, с. 65—88.

² Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. — Записки РГО по общей этнографии. 1913, т. 36.

³ Виноградов Г. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилго населения Сибири. — В кн.: Труды Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 1923.

⁴ Рукописный отдел (РО) ИРЛИ, кол. 78; РО ИРЛИ, кол. 119; АГО, р. 55, оп. 1; Архив Красноярского краевого музея, шифр 398(09) № 133.

⁵ Розенбаум С. П., Арефьев В. Свадьба в ангарской деревне. — Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1901, т. 31, № 1—2, с. 100.

Сопоставление убеждает, что для изучения структуры произведения, его художественных достоинств дореволюционные записи песенного фольклора могут быть использованы лишь частично. Это делает важным и необходимым продолжение собирательской работы в наше время. Такая работа в советское время велась как отдельными фольклористами, так и экспедициями, однако она носила эпизодический характер и затронула лишь отдельные жанры ангарского фольклора. Что касается систематического фольклорного обследования региона, то оно только начато.

В 1977 г. Красноярский краевой Дом народного творчества организовал десятидневную экспедицию в Богучанский и Кежемский районы с целью выборочного сбора словесного, танцевального и музыкального фольклора. Главным критерием отбора материала являлась возможность его использования в художественной самодеятельности.

Работа участников этой экспедиции, методистов Дома народного творчества Ю. Наумова и А. Мельника, выявила, что народная музыка и хореография в Приангарье представлены небогато. Основную часть полевых материалов составили словесно-музыкальный фольклор, собрание которого осуществлялось автором данной статьи. Собранный материал отражал состояние песенной традиции в регионе.

Народная песня на Ангаре пользуется любовью и признанием. Талантливых исполнителей здесь хорошо знают не только в том селе, где они проживают, но и в окрестных деревнях. Очень высока в этом регионе Сибири исполнительская культура с господствующим многоголосьем.

В одиночку или по двое на Ангаре, как правило, не поют, считая, что красоту песни может показать только ее исполнение на четыре голоса. Поэтому хранителями и носителями песенной традиции здесь являются ансамбли с издавна сложившимся подбором голосовых партий.

Ансамбли объединяют исполнителей одной возрастной группы, что связано с тяготением каждого возраста к определенному слою песенной лирики. У певца старшего возраста излюбленной остается старинная протяжная песня, а исполнительницы 35—55 лет поют в основном «городские» песни.

Опыт экспедиции 1977 г. убедил в целесообразности организации систематической собирательской работы в Приангарье силами студентов-филологов. Эту работу следовало начать в самое ближайшее время, ибо среди целого ряда жанров наблюдалось такое интенсивное угасание фольклорных традиций, при котором уже сейчас многие произведения можно считать утраченными. Так, почти полностью забытой оказалась свадебная лирика. Опросив в 1977 г. более 100 информаторов, мы смогли записать только 6 произведений ангарской свадьбы.

Судьба свадебной поэзии может в скором времени постичь и старинную необрядовую песню. Она не относится к числу наследуемых жанров, удерживаясь лишь в репертуаре старшей возрастной группы. И хотя исполнители старшего возраста отдают старинной песне безусловное предпочтение перед новой, активность ее бытования неуклопно падает.

Говоря о причинах этого процесса, следует остановиться на особенностях ангарского исполнения песен, при котором текст неоднократно режется на части, перемежается ритмическими частицами *ох, ох бы, ох бы ты, ох бы ты у меня, да ведь только* и т. д. Каждый ансамбль, черпая из этого общего набора частиц, тяготеет к какой-то одной, присущей ему в большей степени, чем остальные. Например, в одном ансамбле излюбленной частицей является *ты у меня*, а в другом — *только*. В этих условиях потеря одного из участников песенного коллектива сказывается крайне пагубно на судьбе всего ансамбля, так как найти замену выбывшему исполнителю зачастую оказывается невозможно. Потребовались бы многочисленные спевки, чтобы исполнитель «забыл» старую манеру пе-

ния и усвоил новую. Устраивать такие спевки старым женщинам уже не по силам, но и смириться с тем, что песня начинает проигрывать в звучании, они не могут: слишком велика эстетическая требовательность ангарок. Поэтому потеря одного из певцов зачастую приводит к распаду ансамбля. Надо добавить, что в недалеком будущем распад ансамблей усилится в связи с начинающимся переселением жителей Кежемского района из зоны затопления Богучапского водохранилища.

Другая причина падения активности бытования ангарской песни кроется в сложности ее мелодики и широте напева, при которой отдельное слово может распеваться на протяжении целой музыкальной строки. Для исполнения ангарской песни нужны незаурядные вокальные данные. Знатоки песенной архаики во время праздничных гулянок все еще обращаются к любимым произведениям, но исполнить многие из них оказываются не в состоянии, так как, говоря их словами, не могут «поднять песню на голос». В силу этого особо сложные в мелодическом отношении, виртуозно распевые песни все чаще выпадают из репертуара.

Отмеченные обстоятельства сделали задачу по сбору традиционного фольклора Ангары остроактуальной. Поэтому, когда Министерством просвещения СССР была введена фольклорная практика на первом курсе педагогических институтов, кафедра русской литературы Красноярского педагогического института включила изучение Приангарья в перспективный план фольклорного обследования края. Согласно этому плану летом 1978 г. на фольклорную практику в Кежемский район была направлена экспедиция, состоящая из руководителя Н. А. Новоселовой и 10 студентов первого курса. В течение двух недель экспедиция работала стационарно в селах Кежемского района: Дворец, Недокурово, Зелеево. В 1979 г. на фольклорную практику в этот район выехало 14 первокурсников с тем же руководителем. Экспедиция работала в селах Болтурино, Таежный, Кежда.

Перед студенческими экспедициями была поставлена задача выявить состояние местного фольклора в наши дни и восстановить картину его бытования в прошлом.

Со всеми студентами, выезжающими на фольклорную практику, велась в течение года подготовительная работа.

К сожалению, мы не всегда можем выполнить важное требование методических рекомендаций — ознакомить студентов с записанным ранее местным фольклором: архивные фольклорно-этнографические материалы сибирских собирателей сосредоточены преимущественно в хранилищах Москвы и Ленинграда, а вышедшие в начале века публикации в местных библиотеках отсутствуют.

С помощью ксерокопий и микрофильмов нам удалось познакомить студентов лишь с незначительной частью ангарского фольклора. Расширить их представления о районе практики и его культуре помогли прочитанные в подготовительный период лекции, освещающие историю заселения региона и собирательскую работу в нем. На лекциях также уделялось внимание основным публикациям и архивным материалам, характеризовавшим состав записанного ранее местного фольклора.

Для оказания более конкретной помощи в собирательской работе руководителем практики были составлены вопросы по следующим темам: народный театр, молодежные увеселения, народная медицина, похоронная обрядность, сибирский календарь, его поэзия, свадебный обряд.

Начинающие собиратели могут почерпнуть немало полезного для себя в работах методического характера,⁶ поэтому всем отъезжающим на

⁶ Новикова А. М. Как записывать фольклор. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Под ред. А. М. Новиковой. М., 1974; Балашов Д. М. Как собирать фольклор. М., 1971; Савушкина П. И. О сборе фольклора. М., 1974; Круглов Ю. Г. Фольклорная практика. М., 1979.

практику вмещалось в обязанность познакомиться хотя бы с одной из таких работ. Помимо этого, им читалась лекция о методике собирания фольклора, о технике записи и правилах оформления собранного материала. Некоторый навык собирательской работы часть студентов приобрела на занятиях фольклорного кружка.

Техническая оснащённость отъезжающих на практику студенческих групп до настоящего времени остается недостаточной, в лучшем случае группы имеют по одному магнитофону. Это осложняет запись прозаических жанров и чрезвычайно тормозит работу по собиранию песенного фольклора.

Собранный во время экспедиционной работы материал характеризуется в настоящей статье с точки зрения его жанрового и сюжетно-тематического состава, активности бытования и сохранности.

Мышление образами, яркий красочный язык составляет отличительную черту ангарцев. Для их речи чрезвычайно показательно обилие сравнений, фразеологизмов, образных выражений и суждений. К сожалению, количество пословиц и поговорок, записанных участниками экспедиции, далеко не отражает активности их бытования в Приангарье. Причина такого несоответствия в том, что студенты затрудняются в выделении произведений этого жанра из общего потока образной речи. Если общефольклорные, наиболее употребительные пословицы и поговорки ими узнаются и на этом основании записываются, то собственно ангарские произведения внимания почти не привлекают. Во время экспедиции 1978 г. пословиц и поговорок было записано примерно более 20. В 1979 г. постоянно активизировалось внимание к этому жанру, и число записей возросло до 120 померов, хотя могло бы быть и большим.

Речевое богатство Приангарья проявилось и в существовании местных благопожеланий. Так, входя в дом охотника или рыбака, здесь говорили: «Промышленному боле добывать и нас кормить!», а стряпающей жепщнице желали: «Спорынья в квашню!». Приведенные пожелания сохранились лишь в памяти ангарцев.

В материалах экспедиции невелико число загадок (30). Представители старшего и среднего возраста с трудом вспоминали по нескольку загадок по просьбе собрателей. Источником знания этого жанра для детей является не местный фольклор, а школьные учебники и сборники загадок.

Не дали хороших результатов и поиски сказочников. Все собранные участниками экспедиции сказки (15 текстов) записаны в одном варианте.

Записи быличек, напротив, показывают, что из всех прозаических жанров былички — один из самых распространенных. Во время практики 1979 г. студентами было записано 36 быличек от жителей старшего возраста и детей. Самыми популярными персонажами быличек на Ангаре являются леший (по местному — лешак) и дедушка-суседушка (так здесь называют домового). Специфически ангарским является название чудесного обитателя воды — черт («У нас черт в воде живет», «Лешак земляной, а черт у нас в воде живет»). Отдельные информаторы осознают специфичность такого обозначения и дают по ходу повествования пояснения, соотнося местное название с общефольклорным: «А черт, русалка-то эта самая, водяной-то бултых в воду».

Наибольшую стабильность в ангарских быличках сохранил образ домового. По свидетельству информаторов, домовый наяву является людям в образе крота: «Смотрю: суседушко-крот. Черпенький, пушистенный. с маленькой головкой». Думается, что устойчивость этого образа коренится в мировоззрении ангарцев, в котором вера в домового занимала в прошлом значительное место. Остаточными проявлениями этой веры до сих пор являются бытующие у части пожилого населения хозяйствен-

ные обряды, связанные с покупкой домашнего скота и переездом в новый дом.

Жители Приангарья старшего и отчасти среднего поколения вспоминают, что раньше бытовало мнение, что «если в доме плохо ведется скотина, то значит она не поправилась домовому» или хозяева чем-то его прогневили. Во избежание этого, приведя купленное животное в хлев первый раз, к домовому обращались с просьбой: «Батюшка-суседушка, пусти мою скотинку; пой, корми, для меня береги», или «Батюшка-суседушка, принимай гостей, пой, корми, для себя береги». В настоящее время эти заговоры знают немногие жители Приангарья. Более широко известны здесь словесные формулы, сопровождающие переезд в новый дом: «Батюшка-суседушка, пойдем с нами!»

Следует добавить, что наряду с собственно быличками пожилые ангарцы часто рассказывают о различных случаях «сглаза». По убеждению наших информаторов, уберечь от дурного глаза помогают магические обереги, сказанные в тот самый момент, когда тайный недоброжелатель «обзарился», «обдивовался», похвалил со злым умыслом. Нами записано две разновидности таких оберегов.

Кроме небольшого количества хозяйственных заговоров и оберегов, магическая поэзия представлена в наших записях 23 лечебными заговорами. Необходимо отметить, что даже в самых глухих уголках Приангарья народная медицина гораздо активнее обращается к траволечению, нежели к заговорам. Здесь в каждой семье известны способы лечения наиболее распространенных заболеваний (простуда, расстройство желудка и т. д.), а отдельные знатоки народной медицины хранят в своей памяти десятки ее рецептов. В с. Болтурино Кежемского района таким знатоком оказалась Назарова В. К., от которой участники экспедиции записали около 40 рецептов народного врачевания. Эта женщина сама собирает травы и охотно выручает односельчан, обращающихся к ней за помощью.

Членами экспедиции записан по воспоминаниям ряд календарных обрядов. Самыми яркими в обрядовом отношении праздниками были Никола Вешний, троица, «казанская», святки. Первый из названных праздников на Ангаре сопровождался каникулами — коллективным приготовлением пива, заканчивающимся общественным пиром.

Обряд троицкого вождения березки существовал во всех обследованных пунктах. Он заключался в том, что в троицу вырубленную накануне березу наряжали: надевали кофту, юбку, платок — и с песнями водили по деревне. В конце праздника одежду снимали и дерево сбрасывали в Ангару. Воспоминаниями об этом обряде со студентами поделились более 20 человек.

Об интересном местном запрете, связанном с весенним календарем, сообщила жительница с. Болтурино А. К. Колпакова (77 л.): «За неделю до сева лужанок (уличных гуляний, — Н. Н.) уже не устраивали. Старики запрещали, говорили, что земля перед севом отдохнуть должна».

Из летних календарных обрядов записаны воспоминания о праздновании Ивана-Росника, об отжиночных обрядах. До сих пор важными датами в народном календаре летнего периода остаются «Петры-Павлы», с которых начинают заготовку вешиков и сенокос, и Ильин день.

Очень своеобразен на Ангаре фольклор периода поздней осени. С покрова в деревнях оставались в основном женщины, так как мужчины уходили в лес на охотничий промысел. Для совместного прядения, ткачества, питья женщины собирались днем на беседы, по вечерам — на вечерки. Этот период времени («С покрова до заговенья») был чрезвычайно благоприятным для развития местной фольклорной традиции, ибо, коротая рабочие часы, женщины загадывали загадки, рассказывали сказки, пели

и даже рядились (по словам информаторов, «бегали нарядами с одной вечерки на другую»).

Среди осенних праздников особо выделялась «казанская», так здесь называют день казанской богородицы (22 октября по ст. стилю). К этому дню женщины готовили вкладчину пиво и праздничную еду, а девушки устраивали девичьи свадьбы, т. е. за один-два дня воспроизводили ритуал ангарской свадьбы со всеми обрядовыми действиями, а также причитаниями, песнями, присловьями, эти действия сопровождающими. Все свадебные «роли» при этом исполняли переряженные девушки. Этот праздник существовал вплоть до революции, и воспоминание о нем сохранили многие ангарцы.

При наличии интересных описаний обрядов в экспедиционных материалах почти отсутствуют календарные песни: сделано только три записи заклички, которой сопровождалось весеннее кликанье жаворонков и две записи новогодних поздравительных песен «Сею-вею, посеваю».

Ни колядок, ни особых троицких или масленичных песен не обнаружено. Такое состояние обрядовой поэзии в наше время позволяет предположить, что календарный цикл в Приангарье был слабо разработан в фольклорном отношении. Это предположение подтверждается свидетельствами информаторов: «На масленику и в троицу пели такие же долги песни, как на гулянках».

Сложившимися формами молодежных увеселений в Приангарье являлись зимой «вечерки» и «игрища», а летом «лужанки, или полянки». Значительную часть игрищного репертуара здесь составляли песни, местное название которых — «походячие».⁷ Их исполнение сопровождалось ритмической ходьбой — «проходкой» двух или четырех исполнителей и завершалось обязательными поцелуями.

Как позволяют судить материалы дореволюционных собирателей, вечерочные песни составляли значительную часть фольклорного репертуара Приангарья. Однако их бытование прекратилось здесь в 20-х гг., и в настоящее время сохранность этой песенной группы очень низка. Лишь отдельные сюжеты вечерочных песен записаны нами в нескольких вариантах: «Не ходи, моя милая» (8), «На горе-то калина» (6), «Вечер девки вечериночку сидят» (6). Остальные 25 текстов вечерочных песен представлены единичными записями.

По просьбе собирателей в разных населенных пунктах бывшими участницами вечеров было воссоздано исполнение проходочных песен. Это дало возможность установить, что в Приангарье «проходка» осложнялась хореографическими элементами.

Собранные нами материалы о хороводных песнях позволяют предположить, что развитой хороводно-игровой традиции в этом районе не существовало. Излюбленным летним времяпрепровождением ангарской молодежи было хождение «рядами вдоль по улице» или «по угору», во время которого пелись «проголосьные» песни.

Членам экспедиции удалось записать рассказы о пяти современных ангарских свадьбах и, кроме того, наблюдать три свадьбы. Надо отметить, что современные организаторы свадебного действия стремятся творчески использовать эмоциональный и эстетический опыт прошлого. Свадьбу оживляют, делают более запоминающимися такие моменты, как встреча молодых хлебом-солью, обсыпание их хмелем и пшеном, откуп ворот, обрядовое поедание хлеба, прятанье невесты во время приезда жениха. Однако при сопоставлении современного свадебного обряда с тра-

⁷ В фольклористике они известны как «проходочные». См.: Старовойтов А. Жанровая специфика игровых проходочных песен. — Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та, 1974, т. 90, с. 139—140.

диционным обнаруживается, что в поисках ярких форм современной обрядности ангарцы опираются не столько на местные, сколько на общефольклорные традиции. И выкуп ворот, и прятанье невесты в момент приезда жениха, и ее похищение во время свадебного пира — все это обрядовые действия не ангарского происхождения.

Возможно, одной из причин незначительного использования традиций старой свадьбы Приангарья является чрезвычайно низкая степень ее сохранности. Старинные свадьбы перестали играть на Ангаре в 20-х гг., а новое обращение к обрядности прошлого произошло лишь в последние годы, когда знатоков ритуала почти не осталось. Рассказать собирателям о традиционной свадьбе смогли лишь немногие представители старшей возрастной группы, но и среди них далеко не все помнили обряд полностью.

Чрезвычайно помогли в собирании сведений о традиционной свадьбе вопросники. С их помощью было сделано 16 описаний свадьбы, которые в совокупности дают картину обряда более полно, чем названная выше публикация В. Арефьева.

Записывая обряд, мы, естественно, стремились собрать и свадебную поэзию. Оказалось, что знатоки обрядности мало чем могут нам в этом помочь: почти все из них забыли и слова, и напевы свадебных песен. Даже когда мы обращались к публикации В. Арефьева и напоминали тексты приведенных в ней песен, то в большинстве случаев выясняли только ареал распространенности опубликованного произведения. Подтверждая существование песни в обрядовом цикле своего села, наши собеседники не могли ее исполнить. Поэтому подлинной удачей можно считать встречу с такими исполнительницами, как 84-летняя Арина Семеновна Заборцева и 80-летняя Акулина Игнатьевна Брюханова из Кежмы, а также 70-летняя Евдокия Ивановна Сизых из пос. Таежный.⁸

Благодаря исполнению этих женщин восстановлено подлинное словесно-музыкальное звучание ангарской свадебной лирики. Среди записей — 13 причитаний, исполняемых в прошлом хором подружек в различные моменты свадьбы; например, плач «Енисей, ты река быстрая» (3 варианта) звучал на кладбище, куда приходила плакать невеста-сирота. Из свадебных песен записано 7 произведений. Отдельные песни свадьбы в их связи с обрядом можно считать характерными только для данной местности. Так, вынос курника, украшенного бумажными кораблями, сопровождался на Ангаре песней «Что по морю по Хвалынскому».

Работа с вопросником позволила записать и ряд произведений, не зафиксированных В. Арефьевым. Это присловья, сопровождающие торг косы, обрядовые благодарения за баню, за «коробью» дружке и названная выше песня «Что по морю...». Характерно, что как в публикации В. Арефьева, так и в экспедиционных записях отсутствуют корильные и величальные песни. Если верить свидетельствам информаторов, произведения этих жанров на ангарской свадьбе не звучали.

Говоря о низкой сохранности свадебной поэзии, необходимо отметить жанр, являющийся исключением в этом плане, — свадебные приговоры дружки.

Судя по сообщениям, приговорных формул существовало на Ангаре немного: наши записи — это варианты трех основных формул. Записаны они не только от стариков, «ходивших дружками», но и от пожилых женщин. Приговоры дружки используются и в современной ангарской свадьбе в виде шуточных наказов, пожеланий, тостов. Чаще всего они

⁸ От А. С. Заборцевой записано в 1977 г. 6 произведений свадебной поэзии, от А. И. Брюхановой в 1979 г. — 5 произведений и от Е. И. Сизых в 1979 г. — 12 свадебных песен и причитаний.

произносятся дружкой, который на современной свадьбе выступает в роли распорядителя.

В живом бытовании сохранилась в Приангарье похоронная обрядность. Сведения о ней записывались во всех обследуемых селах и по личным наблюдениям (из-за несчастных случаев, происходящих с местными жителями, мы трижды были свидетелями ангарских похорон). При рассмотрении собранных материалов выявляется, что существующая на Ангаре система похоронных действий включает как общераспространенные, так и локальные элементы. К числу последних относится обычай устилать гроб сухими березовыми листьями, а также снабжать умершего деньгами. Деньги здесь кладут в гроб со словами: «Это тебе, а то, что дома, — нам» или «Вот тебе надел, не требуй больше от нас». Если на Ангаре хоронят главу семьи, то в цветной угол кладут камень, который должен пролежать там год. Мотивировалось это действие по-разному: «Значит умер голова», «Чтобы семья не распалась, а крепкая была. Камень-то крепость семьи означает», «Чтобы ущерб не было», «Чтобы присутствие хозяйина чувствовалось».

По представлениям ангарцев, умершие обладают могущественной властью и могут нанести значительный вред оставшимся. Поэтому ангарский похоронный обряд включает и систему запретов: нельзя на новом кладбище хоронить молодого, нельзя родственникам нести гроб на кладбище, в течение 40 дней не положено белить дом умершего и т. д. По мнению местных жителей, мертвые могут даже влиять на силы природы. В соседних селах Дворец и Болтурино нам рассказывали, что сильный ливень, свидетелями которого мы были, прошел после месячной засухи, а вызван он был якобы тем, что «три болтуринские старухи ходили поливать могилки. Могила утопленника».

Развитая похоронная обрядность, система оберегов, поверий и запретов позволяют предположить, что культ предков был одним из сильнейших в Приангарье.

Помимо похоронной обрядности в Кежемском районе существует и похоронная поэзия. Кроме импровизационных причитаний, в которых изливают свое горе родственники, здесь бытуют особые похоронные песни, известные под названиями «горемычные», «горькие», «жалобные», «желанные». Нам довелось встретиться с различными мотивировками их исполнения: «Поют, чтобы жалче было», «Чтобы легче плакать было», «Поют потому, что эти песни любил покойник». Эти песни начинают петь, когда умерший лежит «на столах», и с ними же провожают человека в последний путь.

Среди похоронных песен есть такие, которые тесно срослись с обрядом и в иное время не исполняются: «На горе высокой два креста стоят», «При долине стоял куст калины», «Уж вы крылышки, мои перышки», «Не умели меня, соколика, во чести держать», «Я иду-то, иду вдоль по улице», «Потеря моя, потеречка» и др. Лексика, образы, весь поэтический строй этих песен свидетельствует об их раннем происхождении.

Помимо традиционных, в похоронный цикл вливаются на основе тематической близости и новые песни. При этом сходство тематики воспринимается исполнителями весьма широко. Тема ухода со двора, расставания, позволяла жителям с. Заимка в 20—30-х гг. исполнять на похоронах свадебную песню «Со фатерушки девушка съезжает». В настоящее время на похоронах все чаще звучат поздние песни «Темна ноченька сумрачна», «Потеряла я колечко», «Разлука ты разлука» и даже современные лирические «Вот уж вечер стою у калитки». Относительно давности обряда петь похоронные песни информация разноречивая: «Сроду так пели», «При нас пели, а бабушки-то наши — нет».

Лирическая необрядовая поэзия представлена в экспедиционных ма-

терилах богаче всего. Хранителями и носителями певческой традиции являются в Приангарье женщины; исполнители-мужчины — крайне редкое явление.

Наиболее активно бытующей группой необрядовой лирики следует признать «городские» песни. Именно из таких песен целиком состоит репертуар фольклорных групп среднего возраста. К числу самых популярных относятся в этой группе песен следующие произведения: «Сидел Ваня на диване» (10 вариантов), «Мамашенька дочку бранила» (7 вариантов) и др. Довольно значительное место среди городских песен занимают произведения с тюремной тематикой «Во Полтаве я родился», «Скажи-ка, скажи, каторжанин» (2 сюжета), «Хороша эта поченька темная» и т. д. Известны на Ангаре и песни типа мещанских романсов: «На берегу сидит красотка», «На Муромской дороге», «Скрипка у моря играла», «Зачем ты, безумная, губишь?».

Отношение к «городским» песням и романсам у разных возрастных групп различно. Если исполнители 35—50 лет считают их хорошими и старинными, то певцы старшего возраста порой высказывают резко отрицательные оценки.

Невелик в репертуаре ангарцев удельный вес литературных песен, хотя такие песни, как «Сиротинкой возросла» И. З. Сурикова, «Ванька-ключник» В. В. Крестовского, «Хаз-Булат удалой» А. Н. Амосова, бытуют активно. Не относятся к числу популярных на Ангаре и балладные песни. Пожалуй, наиболее широко из них бытует баллада «Под горой избушка» (сюжетное ядро — муж в гостях у жены). Этот же сюжет по-иному разработан в редкой для Ангары балладе «Приезжали с Москвы гости» (2 варианта). Единичными являются записи баллад «Муж жену губил», «Сестра замужем за разбойником», «Что у купчика у богатого».

За время экспедиционной работы записано шесть исторических песен; две из них местного происхождения: «Ой, да спочакались у нас горы-долы», «За рекой за быстрой казаки гуляли». Сюжеты остальных песен общерусские: «Платов в тылу у французов», «Ой, Копчевич, наш военный генерал», «Сизенький голубчик по лужку гуляет» и др.

Среди записанных исторических песен очень своеобразной в художественном отношении представляется песня о взятии Казани, трактующая событие в эпическом стиле:

Уж вы старые старушки,
Да вы поду... ой, подумайте.
Ох, да молодые вы наши ребятушки,
Послу... ой, послушайте.
Молодые ребятушки, послу... ой, послушайте.
Ой, да уж как я ведь вам, ребятам,
Я вам старину, я вам старину скажу,
Ой, да уж как старину старинку
Я вам старопре... ой, я старопрежнюю...

Жанр исторической песни для Приангарья не характерен. Показательно и то, что, приспособлявая к местным условиям сюжеты известных исторических песен, исполнители подвергали их значительным изменениям. Так, песня «Соловей кукушку уговаривал» на Ангаре обрывается символической картиной; вторая часть, имеющая локальный казанский колорит, здесь отброшена.

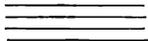
За время экспедиционной работы записано 200 старинных лирических песен. Многие из них известны лишь в каких-то определенных селах Ангары, поэтому представлены небольшим количеством вариантов (2—3). К таким песням относятся «Не по реченьке гоголюшка плывет», «Со восточной было со сторонки», «Уж ты матушка прекрасная весна», «Бежал Ванюшка дорожкой», «Сызмалешенька глупешенька» и др. Бо-

лее широко известны песни «Не кукушечка кукует» (6 вариантов), «У родимой матушки дочь была одна» (10 вариантов).

В тематическом отношении большую часть старинных протяжных песен составляют семейные и любовные; тюремных песен в этом раннем слое лирики записано две: «На завалишке, на пригревишке» и «Зорешка-заря, зорька ясная». Чрезвычайно велико количество «удалых» песен: «Потяпула у нас мать-погода» и «Ой, да ты детинушка-сиротинушка».

Все сделанные за последние годы записи хранятся в архиве Красноярского Дома народного творчества и на кафедре русской литературы Педагогического института.

Фольклор Приангарья заслуживает особого интереса в плане изучения старожильческой пароднопоэтической традиции. Именно в этом русле нами велась основная собирательская работа. Для того чтобы делать выводы о процессах, происходящих в народном творчестве в связи с начавшейся динамикой населения, необходимы дополнительные экспедиции и наблюдения.

В. П. ФЕДОРОВА

СОБИРАНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ЗАУРАЛЬЕ

Зауралье — своеобразный край. Его история тесно связана, с одной стороны, с Уралом, а с другой — с Сибирью. Через Зауралье перекачивался переселенческий поток до берегов Тихого океана. Как передний край Сибири Зауралье во многом отличается от других районов ее. Отличие связано с соседством горнопромышленного Урала, для которого Зауралье в течение длительного времени было поставщиком рабочей силы и продовольствия.

Активное заселение края относится к XVII—XVIII вв. Главный переселенческий элемент — русские крестьяне, хотя, конечно, среди переселенцев немалая доля принадлежит казакам, служилым ратным «государевым» людям, промышленникам — землеоткрывателям. Но именно «крестьянская колонизация предопределила экономическое освоение Зауралья, его политическую историю, его настоящее в XVII—XVIII веках и его будущее, вплоть до времени Великой Октябрьской революции».¹ Крестьянство определило также одну из важнейших страниц культуры края — народное творчество.

Заселялось первоначально Зауралье выходцами из разных частей России, но самый значительный приток переселенцев связан с Поморьем (Каргополь, Великий Устюг и др.), Северным Уралом, Поволжьем. Осела в Зауралье и часть сибиряков из Тюменского и Тобольского уездов, устремившихся на монастырские земли «без крепости». Некоторые южные поселения организовали выходцы из Уральского казачества. В 30-е гг. XIX ст. переселялись в этот хлебородный, богатый рыбой и пушшиной край украинцы и белорусы.

Этнографическое окружение славян было инородческим: татары, башкиры, калмыки, казахи, чуваш и т. д. Во второй половине XVII в. русские поселения подвергаются их постоянным нападениям. «Феодальные элементы, принадлежавшие к верхушке татарских, башкирских и калмыцких кочевых племен, пытались сорвать мирное продвижение на юг русских переселенцев».²

Инородческое окружение, часто насильственное переселение побуждало зауральцев крепко хранить свои обряды, обычаи, поэзию. Таким образом, с одной стороны, естественный протест против инородческой ассимиляции, с другой — стремление не растерять память о родных местах способствовали длительному сохранению в Зауралье многих проявлений народной духовной культуры. Один из ярких носителей фольклора С. С. Терещенко (с. Прорыв Куртамышского района, запись 1979 г.)³ рассказывал, как старики поддерживали у молодежи память

¹ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Южноуральск, 1966, с. 3.

² Там же, с. 86.

³ Материалы фольклорной экспедиции Курганского гос. пед. ин-та 1979 г.

о прошлом, как береглись в их семье памятные корыто и дуга, вывезенные из Бузулука во второй половине XVIII в. Его отец, памятуя наказ своего отца, учил: «Помни, Степка, ты Степан из рода Терещенков. Я твой отец Степан Терещенко, дед...». Перечислив родословную пяти поколений, добавлял: «А родом мы из Бузулука, из Уральского казачества. Помни, детям своим скажи». Память о прошлом переселенцев С. С. Терещенко стремится передать своим сынам и внукам.

Остановимся на тех явлениях народной культуры, которые своим бытованием, особенностями связаны именно с тюркским окружением. Фольклорными экспедициями последних 10 лет, полевой практикой студентов собрали интересные материалы по народной культуре прошлого, открывающие уникальные страницы минувшего. Неоднократно фиксировалось бытование так называемой «невесткиной недели»,⁴ не записанной в других регионах страны. В 1979 г. найден еще один вариант этого обряда, подкрепляющий мысль о древности последнего. Рассказала о нем А. Г. Колупаева, 1911 г. рождения, неграмотная, в прошлом колхозница, теперь жительница г. Куртамыш. Обряд она наблюдала в детстве, в своей семье, которая проживала в лесничестве на границе Казахстана и Зауралья. Лесничество — несколько русских семей в окружении казахов. Смысл обряда в следующем: «На вторую неделю великого говенья молодуха и, если есть, золовка едут домой к родителям молодой и гостят там целую неделю. Приезжают домой, там приходят ребята и купают невестку с золовкой. Происходило дело так: вытаскивают их на улицу, закрывают коробом и начинают поливать водой. В избе пол тоже весь в воде. Все ходят по воде. В воскресенье — посиделки. По посиделкам все ходят. С утра зовут женщин, а вечером — мужчин. Женщины приходили с работой, величали своих мужей. Было смеху много. Сколько было в этот день посиделок, все надо было пройти, чтобы не обидеть хозяев.

После того, как посидят женщины за работой, их угощали. Стряпали и подавали только постное: кисели, пироги, каши, но чтобы много перемен. В конце недели приезжал за ними брат, если есть. Если не было брата, приезжал молодой и забирал жену и сестру. Обязательно привозил блины, а молодуха стряпала каральки.⁵ Когда приезжала она к мужу после недельной отлучки, все бежали встречать ее: и родные, и неродные. Она всем раздавала каральки». Рассказчица не могла объяснить, зачем сажали сноху с золовкой в короб и поливали водой. На все следовал один ответ: «Так заведено было, не нами придумано».

Приуроченные «невесткиной недели» к весенней календарной обрядности, вероятно, связаны с восприятием народом Весны-красны как помощницы в женских домашних делах:

Весна моя
Весняпочка,
Весняпочка!
Где твоя дочка
Ульяночка,
Ульяночка?
Она в садочку
Шьет сорочку
Сорочку,
Опа на рынку
Шьет ширинку.⁶

⁴ Федорова В. П. Зауральская невесткина неделя. — В кн.: Фольклор Сибири. Новосибирск, 1980, вып. 5.

⁵ Тип кренделей, но чаще из кислого теста. Каральки — праздничное блюдо, без них не мыслятся праздничное угощение и в наши дни. Впрочем, теперь каральки пекутся, как и блины, когда «надумают».

⁶ Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970, № 433.

Не случайно женщины и девушки приходили в воскресенье (!) с рукодельем. Язычеством веет от упрятывания снохи с золовкой под один короб и поливание их водой.

Данный вариант сохранил и своеобразие русской обрядовой трапезы: обилие блюд, блины, каральки. Слово *каральки*, вероятно, восходит к *каракулькам* — видоизменению *коровок*, *козулек*. Сноха везла каральки как символ благополучия, укрепления своей семьи, как добрые пожелания новым односельчанам.⁷ Этот тип печенья характерен и для Сибири.⁸

Каральки зауральской «невесткиной недели» — еще одно подтверждение нерасторжимости календарной и семейно-бытовой обрядности русского народа.

Соседство с нерусскими народами определило длительную жизнь сюжета о татарском полоне. Он неоднократно записывался как песня, иногда исполнявшаяся речитативом. Интересный вариант напела П. А. Малышева, учительница начальных классов, усвоившая песню в детстве.

Как за речкою	А и третье дело —
Да за Дарьею	Гусей пасти.
Злы татарове	Полоняночка
Дуван дуванили.	Колыбель колышет,
На дуваньце	Колыбель колышет,
Доставалася,	Вот качает дитя,
Доставалася	Вот качает дитя,
Теща зятю.	Приговаривает:
Как повез тещу зять	— Ты баю, баю,
Во далеку степь,	Боярский сын,
Во далеку степь	Ты по батюшке —
К молодой жене.	Зол татарчоночек,
Ну и вот, жена,	А по матушке —
Тебе работница,	Ты — русеночек,
С Руси русская	А по роду-то
Полоняночка.	Мне ты — внученочек.
Ты заставь ее	Ведь твоя-то мать —
Семь дел делати.	Мне родная дочь,
Первое дело —	Семи лет она
Дитя качать,	Во полон взята. ⁹
Другое дело —	
Куделю прясть;	

Чаще бытует сюжет как предание. В с. Галищево Кетовского района живет знаток песен, частушек А. П. Перусова (70 лет). На вопрос, не знает ли она песню о том, как в татарском полоне встретились мать с дочерью, певица ответила: «Не знаю как песню. Как сказку там или как быль слыхала в детстве.

Брали один раз мать с дочерью в лесу грузди или там ягоды. Наехали татары, схватили девушку и утащили с собой. Жила она у них долго, видно, года три, дитё у нее уж получилось. А мать-то ходила всё на то место в лес, оплакивала те места, где у нее дочь украли. И ее схватили татары. Схватили и привезли к себе. Главный-то и кричит своей жене: „Привезли тебе с Руси гостыюшку и помощницу“. И велел старухе-то три дела делать:

Ясными глазами гусей стеречь,
Белыми руками куделю прясть,
Резвыми ногами дитя качать.

Села мать за работу, работает и признала свою дочушку. А признала, так стала петь, да причитать:

— Ты баю, баю, моё дитятко,
Ты баю, баю, благословленное,

⁷ Ритуальная роль этой еды раскрыта В. И. Чичеровым в статье «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX в.» (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. С. М., 1957, т. 40, с. 75—77).

⁸ *Авдеева Е. А.* Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 56.

⁹ *Федорова В. П.* Народные лирические песни в современном Зауралье. Курган, 1973, с. 5—6.

Ты по батюшке киргизеночек,
А по матушке мне внученочек.

Услыхала дочь слова эти, пала к матери и запричитала:

— Ты, родимая моя матушка,
Поезжай-ко ты на святую Русь,
Уж как мне-ко-то, горе-горькой,
Не бывать-ко мне на святой Руси,
Не слышать-то мне пеня поповского
И читаньица-то господского,
Одолели-то малы детушки,
Хоть киргизятушки, мне дитятушки.

Потом сговорились они. Взяла дочь лучшего коня, посадила мать на него, велела ей скакать, не оглядываться. Сам конь переплывает Аму-Дарью (река что ли у них такая). Велела, когда конь переплывает Аму-Дарью, накинуть поводок коню на голову, он сам найдет дорогу домой. Вот ведь как дочь-то пожалела, сама осталась в плену, хоть и хотелось ей на святую Русь. Да и то сказать, ведь уж и детушки у ней были. Их-то тоже жалко, не бросишь, хоть и киргизята.

Правда, видно, это было. Вражда ведь раньше была. Не любили киргизы русских». ¹⁰

Как предание передавала сюжет 68-летняя жительница с. Обрядовка Притобольского района М. С. Федорова. Причем исполнительница неоднократно подчеркивала, что рассказанное — правда: «Раньше ведь киргизы ¹¹ охальные были. Наскачут, схватят девку и ускачут. Лошади у них хорошие, не догнать. Далеко ли до степи? А к ним не сунешься. Воровали девок. Да и баб тоже. Чего далеко ходить. Вон у нас живет...». И называет женщину, мать которой действительно воровали. Потомки той женщины смешанной крови.

М. С. Федорова слышала предание от «бабки Агани» (А. И. Анисимовой, 93 г.), авторитет которой как памятливого долгожительницы незыблем в селе. Рассказывая, Мария Степановна добавляет: «Еще ведь пелось что-то. Как это? „Ты, вроде как, по отцу киргизеночек, а по матери — внученочек“».

Тюркское окружение проявилось и в масленичных календарных обрядах славян. Традиционным, как и в Сибири, было взятие снежного города, но только в казачьих поселениях. Вот как праздновалась Масленица в бывшем казачьем отряде — с. Прорыв: ¹² строился «флот», ставилось два ряда дровней. Дровни в рядах были связаны, в них впрягали лошадей. Шили специальные полога, которые набрасывали на связки дровней. Под полог садились люди. Когда двигались дровни, создавалось впечатление движения флота из двух судов. На судах крепились самодельные пушки. Флот прикрывал кавалерию. Цель флота и кавалерии — взять город. Город — это снеговой вал, отделявший «казаков» от «китайцев», во главе которых стоял «царь Давид», замаскированный, размалеванный под восточного царя. Недалеко от вала с «вражеской стороны» ставился снеговой, облитый водой столб метров десять в высоту и диаметром метра два-три. На верхушке столба размещались «драгоценности» царя. Около столба на небольшом возвышении стоял сам «царь Давид».

Завязывался бой казаков с «китайским» войском. Вверх стреляли пушки и ружья, общую суматоху усиливали «санитары», бегавшие со шкаликами и лечившие «раненых». Некоторые участники «сражения» так упорно «лечились», что к концу сражения едва держались на ногах. В итоге сражения вал брали, но нужно было еще достать «драгоценно-

¹⁰ Архив Курганского гос. пед. ин-та (КГПИ), фольклорная экспедиция 1978 г.

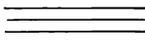
¹¹ В Зауралье под «кыргызами» подразумеваются восточные народы, говорящие на тюркских языках.

¹² Архив КГПИ, фольклорная экспедиция 1979 г.

сти». Вот где было истинное соревнование в ловкости, силе. Ширина столба позволяла сразу многим испытать себя. 10 метров зеркальной поверхности. И все-таки всегда находился герой, который доставал подарок со столба.

А затем начинался парад. Впереди шла кавалерия и вела пленного «царя Давыда». Через весь поселок двигалась процессия к дому поселкового атамана, который принимал «пленного», поздравлял казаков с победой. А затем начиналось веселье.

В Зауралье сохранились воспоминания об обычае, называвшемся «падолбой». Край этот богат частушками, песнями, до недавнего времени — сказками. Но многое уходит на глазах, поэтому фольклористам следует с записями традиционной народной поэзии торопиться.

В. М. КУДРЯШОВА

СКАЗКИ О БЫЛИННОМ ИЛЬЕ СРЕДИ КОМИ (ЗЫРЯН)

Русские былины за период своего активного бытования успели распространиться не только географически, но и обогатить национальные фольклорные традиции. О знании коми русских былин или сказок о героях былевого эпоса писали в свое время В. Берх, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков, Г. Истомин, Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд. Коми фольклористы также активно включались в работу по выявлению русского эпоса среди коми населения. Судя по сведениям А. К. Микушева, ему «... неоднократно удавалось слышать фрагменты на коми языке из русских былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Василии Буслаеве и т. д.». Этнограф Л. С. Грибова сообщила, что она также слышала во время экспедиционных поездок былинную об Илье Муромце в песенном исполнении на коми языке от Анастасии Павлиновны Бажуковой в с. Еремеево, расположенном на Илыче, притоке Печоры. При повторной поездке сведения подтвердились.

Хочется обратить внимание на коми сказки, сложные по сюжету русских былин, которые хранятся в архиве Коми филиала АН СССР. Впервые на появление и бытование их в этнонациональной среде обратила внимание А. М. Астахова. Она отмечала, что усвоение от русского населения былинных сюжетов у коми народа происходит главным образом через передачу их прозой в виде побывальщин или сказок. В монографии «Народные сказки о богатырях русского эпоса» А. М. Астахова использовала несколько коми сказок об Илье Муромце. В то же время она справедливо заметила, что много не исследованных и не опубликованных сказок о героях былевого эпоса хранится в архивах.

Судя по имеющимся данным, сказки о русских былинных богатырях, особенно об Илье Муромце, были широко известны коми рассказчикам. Большое количество сказок об Илье записали фольклористы А. К. Микушев и Ф. В. Плесовский в Удорском и Ижемском районах. И в наши дни сказочники могут еще вспомнить содержание былинного сюжета, но передать его в художественной форме уже затрудняются. Так, М. Я. Рочева из с. Брыкалапк в 1976 г. уже с трудом передала сюжет сказки об Илье Муромце. Наблюдается уход сказок о былинных богатырях из живого устного бытования. Сокращается и число сказителей.

Сейчас в архиве Коми филиала АН СССР хранятся записи свыше 40 сказок на сюжеты русских былин. Почти нет района, куда бы не проникли сказки о былинных богатырях, но особую распространенность их все же следует отметить в Ижемском и Удорском районах, наиболее близких к крупным былинным очагам — Мезени и Печоре.

Коми сказки о былинном богатыре Илье являются контаминацией наиболее известных о нем сюжетов, следующих в такой последовательности: «Исцеление Ильи», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Святогор». Наблюдается и фрагментарное исполнение некоторых былинных сюжетов.

Сказки об исцелении Ильи разрабатываются в основном с опорой на былинный эпос и во многом совпадают с русскими сказками. В качестве общих узловых моментов коми и русских сказок об исцелении Ильи можно отметить такие: приход калик и исцеление Ильи; помощь родителям после исцеления; добывание богатырского коня и сборы в дорогу; отъезд из родного дома.

Зачины сказок об исцелении Ильи у коми и русских также имеют много общих моментов. Коми сказочники указывают, что Илья родился в большой бедной семье (только один раз упоминается — в зажиточной), где-то на Украине (в России). Родителей Ильи звали Иваном и Ефросиньей. Прозвище его связывается с р. Муромом. До своего исцеления Илья много лет (чаще всего 30) лежит на печке, не вставая.

Эпический эпизод исцеления в коми сказках, как и в русских, устойчив. Почти нет сказок, где он отсутствует. Целителями Ильи являются странники, нищий, сиротинка убогая, калика переходящая, просто люди, святые. Целителем Ильи является и Святогор, его крестный отец. Они обращаются к Илье с просьбой напоить их пивом, изредка вином. На их просьбу будущий богатырь отвечает, что он болен и не может встать.

Но несмотря на точки соприкосновения коми и русских сказок об исцелении Ильи, отличаются они все же именно особенностями их переказа и свидетельствуют об отходе сказочников от былинного эпоса. Для того чтобы Илья смог встать, говорится в сказке, пришедший старик прикасается к нему. Или же целители настаивают, чтобы он встал. Илья, повествует сказка, пошевелил сначала руками, а затем ногой и почувствовав, что они стали послушными, от радости не может и слова вымолвить.

Мотив трехкратного подношения ему пива или вина, а затем соответствующего убавления излишней силы прочно удерживается коми и русскими сказками. Однако наблюдается и индивидуальный подход к разрабатываемой теме. Пришедшие странники просят у Ильи кушать. Илья отвечает им, чтобы они сами взяли еду из погреба, так как он седун и не может их угостить. Один из странников дает Илье лечебную жидкость, которую принес с собой. Илья, выпив эту жидкость, сразу же становится здоровым. Он кормит странников, которые затем уходят. В коми сказках наблюдается и смешение былинной и сказочной традиций. Об Илье говорится, что он «рос не по годам, а по часам», был очень грамотным. Исцеляется он во время возвращения из церкви неким богатырем. Ощувив себя здоровым и сильным, Илья хвастается, что может перевернуть землю. Исцеливший его богатырь предлагает в качестве испытания силы поднять сумку с четвертью земли. Илья, найдя ее верхом на лошади, пытается достать ее палкой, затем пробует поднять, спустившись на землю. Но все его попытки безуспешны — он лишь проваливается в землю.

В некоторых вариантах сказок отмечается, что у Ильи исцелились не только ноги, но он изменился и лицом. Выздоровление его празднуют три дня. Весть об исцелении распространяется повсюду.

После рассказа об исцелении следует мотив помощи Ильи родителям. Илья выкорчевывает деревья, делая обычно работу сразу за десять-пятнадцать человек; помогает пахать поле. Данные версии наиболее традиционны для былин и побывальщин. Встречается и своеобразный мотив приложения Ильей богатырской силы в крестьянском хозяйстве, очевидно, под влиянием местных бытовых условий. Илья заготавливает родителям дрова. В другой сказке говорится, что Илья после исцеления сразу же принимается за наведение порядка вокруг дома. Родители, вернувшись с поля, очень удивлены. Илья, увидев их в окно, бежит к ним навстречу. В эту сказку включается в переформулированном виде и эпизод о былинном пахаре, усиливающий впечатление об образе Ильи.

Подобно Микуле Селяниновичу, как бы в доказательство своей богатырской силы, он оставляет на поле «кокей» (мотыгу), которую не могут вытащить целой артелью.

После пробы богатырской силы в крестьянском труде Илья сразу же отправляется в дорогу, но прежде он добывает себе коня. Рассказ о добывании коня у коми и русских во многом совпадает. Но наблюдаются отклонения и под воздействием сказочного фольклора коми. Так, Илье неизвестные люди посылают коня и вооружение. Известны и сказочные мотивы приобретения Ильей богатырского коня. Целители указывают ему на шелудивого жеребенка, на котором былинный герой должен три раза перепрыгнуть через огонь. Целители указывают на коня, имеющегося у отца Ильи. Конь находится в темнице за 12 замками и 12 дверями. Илья должен открыть 6 замков и 6 дверей. Конь, услышав голос Ильи, сам вырывается к нему навстречу, ломая двери и замки. Сказочный облик коня дополняется еще и тем, что он просит у богатыря разрешения погулять в чистом поле. Если он будет нужен Илье, то пусть тот крикнет: «Сивко-бурко, косматушко», — и конь придет к нему. В некоторых вариантах сказок говорится, что Илья покупает жеребенка у бедной вдовы (Емы-бабы) на выигранные в споре деньги. Жеребенок покупается на третий раз и за самую высокую цену.

Коми сказки об исцелении Ильи, как и русские, заканчиваются отъездом Ильи из родительского дома. При описании выезда Ильи коми сказочники используют в гораздо меньшей мере былинную фразеологию, чем русские. Об Илье говорится, что он едет в Киев по наказу целителей или же сам просится у родителей «выехать в поле». Используются в эпизоде отъезда Ильи и сказочные ситуации. Так, богатыря в пути встречается старик величиной с палец, который сдувает его с коня. Лучшие варианты сказок передают и патристическое самосознание Ильи. Узнав, что «неприятели обижают русский народ», он едет по направлению к Киеву. Упоминается также, что Илья «отправляется гулять из деревни в деревню, наводя порядок и охраняя границы в своем государстве».

Наиболее известным для коми сказочников является также сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Сказки на эту тему посвящены первому героическому подвигу богатыря. Основанные главным образом на былинных мотивах, они представлены следующими эпизодами: 1) встреча Ильи Муромца с Соловьем-разбойником в лесу; 2) Илья и родственники Соловья; 3) Илья в Киеве. Все эти узловые моменты сказок у коми и русских варьируются в своих деталях.

Встреча Ильи с Соловьем происходит в лесу. На развилке дорог он встречает столб с надписью, сообщающей о том, что на прямой дороге живет Соловей-разбойник. Отправляясь по прямой дороге, богатырь хочет «посмотреть на Соловья-разбойника», а также «попытаться сломать ему крыло». Несмотря на грозящую ему опасность, богатырь едет по прямой дороге, по которой «тридцать лет никто не ездил». Илья начинает «очищать эту дорогу». Былинный Соловей в коми сказках представлен змееподобной птицей.

В сказках рассказывается о попытке жены и дочери выкупить Соловья, для этого они приезжают прямо в Киев и привозят с собой 10 возов золота и серебра. Но Илья разрывает жену на части, а дочь спасается бегством. В другой сказке жена Соловья настроена более воинственно. Она пытается заманить Илью к себе домой и убить его железным заслоном. Конь вовремя предупреждает об опасности, грозящей богатырю. Илья убивает жену Соловья и дочерей «змея». Таким образом, Илья, как и в русских сказках, отказывается от всяких выкупов и отправляется не только с Соловьем, но и его родственниками.

Попадает Илья в Киев к обедне. Заходит в церковь и становится впереди Гурилы Кленковича (былинный Чурила Пленкович), киевского

богатыря. Присутствовавшие там богатыри начинают интересоваться прибывшим человеком. Гурила считает, что пришедший человек публично опозорил его, главного киевского богатыря. Между ними происходит борьба. Илья побеждает его подбрасыванием в воздух. После этого он докладывает князю Владимиру, что приехал сам и привез с собой Соловья-разбойника.

Заключительный эпизод сюжета — показ Соловья-разбойника народу и князю Владимиру, а также рассказ о последствиях губительного свиста Соловья отражены почти во всех коми сказках. Наблюдается замена Владимира боярами, которые интересуются у Ильи, по какой дороге он приехал в Киев. Ответ богатыря поражает бояр, так как по этой дороге никто не смел ездить. Они просят Соловья свистнуть.

Разрабатываются и другие варианты показа Соловья с включением былинных эпизодов на другую тему. Илья приходит к царю и докладывает, что привез Соловья-разбойника. Царь просит Соловья просвистеть, но Илья говорит, что Соловей ранен и не может. Царь просит его продать. Илья соглашается при условии, если царь даст ему «золотую бумагу», по которой кормили и поили бы его бесплатно. Получив такую бумагу, Илья отправляется в кабак, выпивает сам 10 ведер вина, а также поит всех, находящихся в кабаке и на улице.

Заканчиваются коми и русские сказки об Илье Муромце и Соловье-разбойнике расправой богатыря с Соловьем, но судьба разбойника решается по-разному. В коми сказках Илья после демонстрации губительного свиста Соловья убивает его около церкви или у князя. С этого момента самым сильным человеком в Киеве становится Илья. Только он единственный может устоять перед врагом. Богатырь также совершает важный для народа подвиг — освобождает прямоезжую дорогу, которая была столь опасна для людей. Жители Киева очень рады приезду богатыря-хранителя.

Без больших изменений как коми, так и русские сказки используют сюжет об Илье Муромце и Идолище Поганом. В коми сказках также выделяются такие былинные моменты: а) обжорство Идола, вызывающее отвращение богатыря; б) ответная реакция врага на оскорбление Ильи; в) расправа богатыря с врагом. Но наблюдаются и некоторые отступления.

В коми сказочной традиции происходит смешение эпических противников Ильи с отрицательными образами коми сказок, очевидно, более близких и понятных рассказчикам (например, трехглавым гундыром, девятиглавым Идолищем). Так, в отсутствие Ильи приходит трехглавый гундыр-Идолище и хочет увести княгиню. Посылают послов, чтобы найти Илью. Царь (вместо былинного князя) угощает гундыра вином. Приходит Илья в одежде старика и богатырским голосом просит милостыню в честь Ильи. Оскорбленный гундыр бросает в Илью нож-кладенец. Богатырь с помощью шляпы отрубает сразу три головы у гундыра-Идолища, шляпа затем вновь возвращается на голову Ильи. Он убивает также и всех «поезжан» Идолища. В другой сказке Илья борется с девятиглавым Идолищем, который покорил Киев. Богатырь застает там такую картину: князь Владимир стоит перед Идолищем, сидящим на коленях его жены, на коленях. Народ просит «откупить его от Идолища». Илья один справляется с целым войском врага, а тело девятиглавого Идолища бросает на расклевание черным воронам.

Эпизод борьбы Ильи с врагами встречается и в сказочном переформировании. Илья борется с неким противником, именуемым «огненным шаром». В отражении неприятельской силы участвуют Дюк Степанович, Еруслан Лазаревич и Илья. Илья сначала борется с ними, но затем они братаются и вместе едут на войну. Воюют с огненным шаром. Илья по-

беждает огненный шар, который просит ударить еще раз, но богатырь отказывается. Если бы он ударил, то отсек бы свою голову.

Еще в одной сказке сообщается, что Илья борется с водяным змеем, освобождая царскую дочку. Но во время сна, после победы над змеем, царский конюх отрубает ему голову, которую бросает в воду. Дочь царя находит голову, с помощью ворона возвращает Илье жизнь и становится его женой.

В рассказах об Илье Муромце и Идолище появляются характерные образы и ситуации, типичные для волшебных сказок, но в контаминации с былинными мотивами. Илья встречается с тремя сестрами Бугригорьевками. От них он узнает, в Индийском царстве живет красавица Настасья Вахралиевна (ср. русское — Вахрамеевна), а сильнее всех на свете — Идолище, мимо которого ни зверь не пройдет, ни птица не пролетит. Илья побеждает Идолище и в одежде скомороха является на свадьбу Настасьи Вахралиевны. Царь дает Илье задание поймать Соловья-разбойника. Илья добывает Соловья, а затем женится на Настасье Вахралиевне.

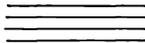
Сюжет «Илья Муромец и Святогор» также часто входит в сказки о богатыре Илье. Если русские сказки на эту тему осложняются поездкой Ильи после смерти Святогора к его слепому отцу, то коми сказки ограничиваются такими эпизодами: а) встречей Ильи и Святогора, которая чаще описывается по-былинному; б) примеркой гроба; в) передачей Илье богатырской силы, при которой Святогор пытается погубить Илью. Эта версия в русской сказке связана с отцом Святогора, в коми сказках же она переносится на Святогора. Смерть Святогора в найденном им гробу отражается в коми сказках со всеми ее традиционными деталями.

В коми сказках припоминаются еще былинные эпизоды о встрече Ильи с сыном, а также о гибели его и других богатырей в борьбе с неслетной вражеской силой.

Итак, в коми эпосе в сказочном изложении встречаются почти все наиболее известные об Илье былинные сюжеты. Почвой для возникновения таких сказок послужили тесные дружеские взаимосвязи коми и русских на протяжении многих веков в районах активного бытования былин. Это подтверждает и перекичка коми и русских сказок об Илье, опирающихся на былинные сюжеты, в общности разрабатываемых мотивов, сюжетных ситуаций, эпизодов, деталей. Такие коми сказки сумели сохранить и патриотическую направленность былинного образа. Не исключается, конечно, и усвоение былинных сюжетов из ранее сформировавшейся сказочной традиции.

Некоторые сказки об Илье расширяют рамки эпических сюжетов внесением новых эпизодов в сказочное повествование.

Сказки о былинном Илье значительно обогатили коми эпос.

И. В. ТРЕСКОВ

БЫЛИНЫ И СКАЗЫ НА ТЕРЕКЕ

Отдаленными предками терских казаков принято считать гребенцов, которые появились на р. Сунже в конце XV—начале XVI в. Это — потомки беглых русских крестьян-крепостных. Затем пришли переселенцы с Дона, Закавказья, Северного Кавказа. Терское казачье войско свою «родословную» ведет юридически с 1577 г., когда оно в неравной борьбе с крымским нашествием героически отстояло свой Терский городок на Сунже. В начале XVIII в. произошло переселение на Терек.

О сложности этнического состава терцев можно судить по официальному делению на войска (позже именовавшиеся полками). Так, в 1735 г. на Терек было три войска: из потомков первых переселенцев — Гребенское, из донцов — Терско-семейное, из донцов, армян и грузин — Кизлярское. А затем дополнительно формируются новые полки — Волгский, Моздокский и Горский, формируются из русских и украинских крестьян-переселенцев, казаков, а также представителей нерусских народов — горцев Северного Кавказа. Это были хлеборобы, виноградари, скотоводы, но прежде всего — воины-защитники далеких окраин государства Российского от иноземных нашествий.

Сложность этнического состава Терского казачьего войска, его экономическое и политическое своеобразие нашли определенное поэтическое отражение и в его устном словесно-музыкальном творчестве, бытующем и сегодня на территории Кабардино-Балкарской, Дагестанской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской автономных советских республик, а также Ставропольского края. Все сказанное предопределяет целесообразность координирования усилий представителей вузов и НИИ указанных республик и районов, занимающихся сборанием, систематизацией, публикацией и исследованием терского фольклора, а также согласования этой работы с аналогичной, проводимой на территории других бывших казачьих войск, например Дона и Урала, и в национальных соседствующих регионах.

При этом необходимо помнить о многовековом взаимодействии казачьего фольклора, общерусского и местного иноязычного. Мы остановимся кратко на судьбе древнего традиционного жанра, ныне затухающего — былине, и одного из новых жанров, еще не обретшего строгие жанровые признаки, но имеющего, видимо, большое будущее, — сказа.

И. Былина. Терские былины впервые открыли Ф. С. Панкратов и М. П. Карпинский (конец XIX в.). Их работу продолжили в послеоктябрьский период Б. Н. Путилов, В. Г. Чеботарева, И. В. Тресков, Л. С. Киреева, В. С. Кирюхин и др.²

¹ См., например: *Панкратов Ф. С.* Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895; *Карпинский М. П.* Русский былевой эпос на Терек. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897, вып. 22, отд. III, с. 33—42 (далее — СМОМПК); см. также: СМОМПК, вып. 24, отд. I, с. 119—126, и др.

² Песни гребенских казаков / Публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова; Под ред. Н. И. Прудкова. Грозный, 1946 (далее — Гребенцы); *Чеботарева В. Г.*

Из 676 наиболее известных общерусских эпических сюжетов 40 записано у украинного казачьего населения Дона, Терека, Урала. На Тереке зафиксированы дореволюционными фольклористами четыре сюжета об Илье Муромце, два — о Добрыне и по одному — об Алеше Поповиче, об Алешеньке Догрубчике, Дюке Степановиче и Ставре-Лавре Тимофеевиче.

В современной же гребенской станице сохранилось лишь четыре былинных сюжета (8 вариантов об Илье Муромце и Соколе-корабле, Дюке и Ставре), что свидетельствует о постепенном затухании жанра. Но он не вдруг исчезает, а претерпевает интересные превращения: контаминируется с другими песенными жанрами. Так, былина о Ставре, сохраняя частично былой сюжет, стала по существу песней, близкой балладе, а величественная некогда былина о Соколе-корабле, сохранив лишь своеобразный зачин-экспозицию «с небольшими привесками из эпической части», переродилась в протяжную песню «лирико-описательного характера».³

Этот любопытный процесс может быть всесторонне проанализирован после тщательного изучения новых записей терского фольклора. Пока можно лишь отметить, что терские былины об Илье Муромце и разбойниках, Добрыне и Маринке, Добрыне и Алеше Поповиче, о Дюке сходны с подобными общерусскими.

На юге России бытовали и «чисто терские» сюжеты: «Илья Муромец — слуга Амельфы Тимофеевны», «Илья Муромец — малютка» и некоторые другие. В них почти не слышна ведущая тема общерусского героического эпоса (Киевский цикл) — борьба с татаро-монгольским нашествием. Они ближе к новгородскому социально-бытовому циклу. Главные персонажи именуются, как правило, «по-киевски», содержанием же является в основном мирная жизнь в условиях постоянного классового расхождения и социальных междоусобиц. Вполне закономерна здесь и героика ратных подвигов, созвучная старинной жизни терцев, вынужденных отстаивать право на существование и себя, и Русского государства.

Терская былина невелика по объему. В пей реже, чем в русской, встречаются общие места. Каждая былина поется на свой голос (речитатив и мелодии лирических песен). Высказывалось предположение, что «мелодика южнорусских былил уходит в глубокую древность» и науке пока неизвестно, «какая форма исполнения — северно-русская или казачья — являются изначальными».⁴

Казачьи былины ставят перед исследователями много вопросов. Остановимся на одном из них — связях терских былил с эпосом других народов Северного Кавказа. Можно ли говорить только о типологических сходствах в эпических сюжетах или перед нами и определенные результаты многовекового исторического общения славян с народами многоязычного Кавказа?

Конечно, явно типологичны сходные картины выезда богатыря и описание его коня. Но и в них подчас есть нечто и от межнационального общения:

Из-за моря, моря сплева,
Из славна Волынца, красна Галпчья,
Из тое Корелы богатыя,
Как есѣн сокол вон вылетывал,

Современное состояние традиционного казачьего фольклора на Тереке. — Учен. зап. Чечено-Ингушского пед. ин-та. Сер. филол. Грозный, 1946, вып. 15, № 27, с. 59—76; *Тресков И. В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963 (далее — ФССК-1963); *Киреева Л. С.* Народная поэзия терских казаков в ее связях с фольклором Дагестана и Чечено-Ингушетии. Воронеж, 1974; *Кирюхин В. С.* Русская песня в Дагестане. (В записях 1964—1969 гг.). Махачкала, 1975, и др.

³ Гребенцы, с. 22, 19 и др.

⁴ Там же.

Как бы белой кречет вон выпархивал, —
 Выезжал удача доброй молодец,
 Молоды Дюк сын Степанович.
 По прозванью Дюк был боярской сын.
 А и конь под ним как бы лютой зверь,
 Лютой зверь конь и бур, космат,
 У коня грива на леву сторону, до сырой земли,
 Он сам на коне как есён сокол,
 Крепки доспехи на могучих плечах.
 Немного с Дюком живота пошло:
 Что куюк и панцырь чиста серебра,
 А кольчуга на нем красна золота;
 А куюку и панцырю
 Цена лежит три тысячи,
 А кольчугу на нем красна золота
 Цена сорок тысячей,
 А и конь под ним в пять тысячей...⁵

В этой общерусской былине главенствует мотив противоборства не ратного, а бытового (кто богаче — Дюк или князь Владимир стольнокиевский?), и противопоставление их «богачеств» выражено в тоне «просто-душной иронии» и «лукавой скромности».⁶ Сравним ее с подобной «терской»:

И-из села-а было-о всё-о из сё-олочка,
 Из села было всё-о из ма-алыва.
 И-из села-а было-о всё-о из ма-алыва,
 Всё из малыва *Ка-арача-а-и-ва*,
 Ту-ут вылѣ-отыва-ал мла-ад ясён-он сокол,
 Тут выпорхивал мла-ад сизо-ой *кречёт*.
 Тут выезживал мла-ад *донско-ой казак*,
 Мла-ад донско-ой каза-ак И-илья Му-урович,
 Илья Мурович, Дю-ук Степа-анович.
 Дю-ук Степа-анови-ич, сы-ын Ива-анович [...]
 Под ним добрый конь ро-омно лю-утый зверь [...]
 От копыт кущом, ше-ея ко-олесом.
 Под копытицем всё-о змеи-и шипят [...]
 На-а нём лу-ук сайда-ак ро-омно жа-ар горит;
 Ромно жар горит, кра-асно со-олнушко.
 Во-о камча-ах лежа-ат ро-омно три-идцать стрел,
 Ромно тридцать стрел, е-ещѣ три-и стрела.
 Три-идцати-и стрела-ам це-ена ска-азана,
 А трѣм стрелочкам *це-ены не-е ту-ка...*⁷

Популярная в русском эпосе былина приобрела на Тереке некоторые местные кавказские приметы (отмеченные нами курсивом) вплоть до предполагаемого в данном конкретном случае отождествления по созвучию эпического Карачарова с Карачаивым, по названию одного из северокавказских народов — карачаевцев. Вместе с тем былина эта и много утратила на Тереке, сохранив по существу только зачин, который и исполняется как самостоятельное произведение. Илья Муромец (Мурович) и Дюк здесь уже единый художественный образ.

В художественном отношении приведенный вариант «...отличается большей экспрессивностью, сжатостью поэтических формулировок и ритмической четкостью. Мотив, на который поется былина у казаков, элементарен и приближается к речитативу».⁸

Сходны и стрелы богатырские в общерусской былине и ее терском варианте, но количество их разное (300 и 30). Терцы «забыли» географи-

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. Евгеньева А. П., Путилов Б. Н. М., 1977, с. 20 (далее: Кирша Данилов, 1977).

⁶ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 389.

⁷ Гребенцы, с. 62.

⁸ Там же, с. 296.

ческие подробности, связанные с тремя стрелами, коим «цены нет» (строганы они, по Кирше Данилову, «во Нове-городе», украшены они «перьям сиза орла» — «птицы камския, Не тыя-та Камы, коя в Волгу пала, А тоя-ты Камы за синем морем, Своим ус(т)ьем впала в сине море»).⁹

Есть в былине сходство с адыгейским эпосом. Вот, например, как передается первое появление героя Бадыноко в рассказе служанки, сообщающей о незнакомом могучем всаднике своей хозяйке — тонкобровой Сатаной гуаше:¹⁰

Вид его необычаен.
 Конь его могуч, красив он,
 Горделив он, как хозяин.
 Ах, какими я словами
 Расскажу об этом альпе?¹¹
 Из ноздрей он мечет пламя,
 Наши травы обжигая, —
 Впереди туман клубится,
 Или туча то густая?
 Сзади мчится стая галок.
 Всадник несется,
 К нам приближаясь
 И возвышаясь,
 Точно шатер.
 Справа — борзые,
 Слева — борзые,
 Сверху большие
 Реют орлы [...]
 Кто этот всадник,
 Чье снаряженье
 Золотом блещет
 И серебром?..¹²

Нечто подобное мы видели и в чечено-ингушском эпосе: «Вот скачет витязь с полуденной стороны. От блеска его щита люди слепнут, от грома его меча глохнут вой[и]ны, закаленные в битвах. Вихрь гнался за ними, не догнал; высокие горы становились на его пути, — он перелетел через них сок[о]лом».

Или: «Вот несется богатырь с Полуночи. Из-под копыт его коня летят скалы, перед ним вековые деревья до земли от страха преклопаются; от дыхания его — буря, из очей его — молния».¹³ (Об иноземце).

Столь же необычен и русско-балкарско-карачаевский по своим истокам образ Рачикау-героя в карачаево-балкарском нартском эпосе: «Впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны: у него спереди светит солнце, а сзади луна: под лошадью прыгают белые зайцы...»¹⁴ Подобные созвучия можно встретить и в эпосе других народов Северного Кавказа.¹⁵

Часто, однако, весьма нелегко установить, кто же от кого что взял и что отдал, даже в таком тексте, как приведенный выше, в котором как будто довольно зримо проглядывает определенное воздействие кавказского эпоса на русский. Мы имеем в виду мотив угощения вином, таящим в себе смерть, и находчивость «обреченного» героя, сумевшего и чару роковую осушить, не посрамив своего мужского достоинства, и уйти от гибели. В кабардинском нартском эпосе обычай связывается с образом тхамады¹⁶ Бадына: «У нартов было в обычае: перед открытием

⁹ Кирша Данилов, 1977, с. 20—21.

¹⁰ Гуаша-хозяйка, старшая в роде.

¹¹ Альп — сказочный конь.

¹² Нарты: Кабардинский эпос. М., 1957, с. 178—179.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 275, л. 73.

¹⁴ СМОМПК, 1881, вып. 1, с. 30—31.

¹⁵ См., например: ФССК, 1963, с. 188 и др.

¹⁶ Тхамада — отец богов; глава охоты, походов, богатырских пиров.

Хасы¹⁷ подносить тхамеде рог светлого сано.¹⁸ Решили зложелатели «впустить в этот рог семь маленьких ядовитых змей, — отравить Бадына».¹⁹

Осуществить коварный замысел помешал сын Бадына — Бадыноко.²⁰ Он воспользовался старинным обычаем нартов, по которому полагалось перед тем, как выпить, выслушать недовольных:

« — Прежде, чем мы осушим роги, пусть кто-нибудь встанет и скажет, в чем я, тхамеда, виновен перед ним, какую обиду я нанес ему. Такой обычай.

— Я обижен! — крикнул кто-то в толпе громко и звонко.

— Не кричи издали, а подойди сюда, — сказал Бадын. Тогда Бадыноко прошел сквозь толпу нартов и приблизился к тхамеде. Бадын сказал:

— Молодой друг, нарт-сподвижник! Скажи, чтобы все услышали, чем ты обижен?

— Вот чем я обижен! — воскликнул Бадыноко и выбил рог из рук тхамеды. Рог упал, вылилось сано, и выползли семь маленьких ядовитых змей. Бадыноко выхватил меч из ножен и разрубил их».²¹

В осетинском нартском эпосе изображается подобный эпизод с Батрадзом, с которым таким же образом намеревается расправиться Бурафарныг (Фарныг), чтобы отомстить за гибель своего сына.²²

Подобные «общие места» кавказских нартских сказаний, возможно, оставили свой след и на повторяющемся схожем эпизоде терских былин, хотя уже более «приземленном», связанном с казачьим бытом, казачьими нравами:

Не во матушке было да во Расеюшке,
 Во Расеюшке, да и каменной белой Москве.
 В каменной белой Москве,
 Там сидела пир-беседушка почё-ётная,
 Что честна-хвальная, больше радощная.
 Больше радощная,
 Яни пьют та гуляют прохладжа-яются,
 Да между собой бояре восхваля-яются.
 Восхваляются,
 Ай, как богат-ат хвастает богачеством своим,
 А убожий-ет хвастает божьей милостью своёй.
 Божьей милостью своёй,
 Да ведь сильный-ат хвастает вон силушкой своёй,
 Да вон силою своёй богатырскою...

«И только один Ставёр-Лавёр не хвалится, стоит да улыбается, да бояр неразумных похвальбою глупою попрекает. Вот как бы кто та из вас-де какой город взял, да вражью силу отогнал, согнал бы чучму²³ белоглазую во дикую степь, да срубил бы ей, собаке, буйну голову долой, да натянул бы её на да воструя копьё, да понёс бы её в стольной Киевград...» Такой тост не понравился «одной стерве Анютке». И она подносит Ставру-Лавру чашу «зелена вина, да полтора ведра»:

— «Уж ты выпей-ка, выпей-ка, ты Ставер, ты Лавёр. Да уж ты выкушай, Тимофеевич...»

¹⁷ Хаса — собрание нартов, на котором решались самые важные дела и проводились торжественные санопития.

¹⁸ Сано — опьяняющий напиток богатырей.

¹⁹ Нарты, с. 163.

²⁰ Бадын неизвестен отцу. Видимо, здесь художественно запечатлены воспоминания народа о той поре, когда во главе рода стояла женщина и дети знали мать, но не знали отца.

²¹ Нарты, с. 168.

²² Кувд Бурафарыныга. — В кн.: Нарты: Эпос осетинского народа. М., 1957, с. 187—188.

²³ Чучма — возможно, от имени Кучума из известной исторической песни.

Богатырь знает, как и его кавказско-горские собратья, что вино отравлено, в нем его гибель. И отказываться нельзя, и пить нельзя:

Как же мне не пить чару — мне ни честь, ни хвала,
Ежли выпить мне ефту чару — мне живому не быть.
Мне живому не быть,
По краям же ефтой чары огонь-полымя горит,
В середине ефтой чаре змеи лютые сопят.
Змеи лютые сопят,
Да плеснул ефту чару на й Анюткино лицо,
Загорялася у стерве Анютке цветно платьице её.²⁴

Подобный мотив встречается и в другой терской былине — «Тут сидела честна-хвальна беседушка», записанной в 1945 г. от 46-летней Антонины Яковлевны Широковой в ст-це Старый Щедрин. Зачина, как в предыдущей былине, здесь уже нет, она начинается с характеристики самой «беседушки», на которой все «наедалися и напивалися: не он ли «каменну Москву прошел» и «чучму, силу неверную взял» и головы врагов «насажал та... их на единую копё» и «поднес та... их к Петру Первому». Хвастовство Ставьёра не понравилось все той же Анютке.

Как вставала Анютка со постелюшки,
Как вставала Анютка со вдовиновой.
Со вдовиновой, наливала Анютка зелену чару вина,
Подносила Анютка Станиславичу.

В тех же формулах переданы и «раздумья» богатыря:

Не принять эту чару — мне ни честь, ни хвала,
А принять эту чару — мне живому не быть... —

и змеи лютые в чаре, и огонь «всреди этой чары», и плеск ее содержимого в «изменницу» («Как махнул эту чару об Анюткино лицо»), и ее «цветное платьице» в огне, и т. п. Однако общий настрой в обрисовке эпизода уже не столько эпико-драматический, сколько комически-озорной (близкий песенно-свадебному):

Загорелся на Анютке цветно платьице.
Цветно платьице,
Уж я взял себе жену ни у вас, ни у нас,
Уж я взял то её в каменной славной Москве,
Что у князя её у Владимира.
Что у солнышка её Станиславича.
Уж я взял от её со приданными,
Уж я взял то её со богатством.
Со богатством,
Тридцать три жеребца, тридцать три молодца,
Тридцать три жеребца, тридцать три молодца [...]
Да как шапочки на них они всё востренькие,
Всё вострепские,
Под каблук то уж им воробей не пролетит,
А как чёрная ворона не повернется.²⁵

Мы привели столь обширную поэтическую «цитату», чтобы нагляднее показать неумолимый процесс разрушения некоторых традиционных жанров, смещения в них привычных «классических» былевых образов и эпической географии. Вместе с тем здесь можно проследить и любопытнейший процесс дальнейших жанровых обновлений и метаморфоз.

Примерно тот же диалектический процесс разрушения классической русской былины на Тереке и своеобразного ее «воскрешения» в новом облике казачьей лирической песни можно проследить и на судьбе эпиче-

²⁴ Гребенцы, № 175, с. 227—228.

²⁵ Там же, № 168, с. 217—218.

ских сюжетов об Ильѣ Муромце. Например, «Не во далече была, во далече...» в записи М. Карпинского — от Е. Багдашкиной и В. Курносовой в ст-це Червленной,²⁶ — своеобразный вариант былины «Встреча Ильѣ Муромца с разбойниками», бытовавшей по всей необъятной Руси, и в том числе на ее казачьих окраинах.²⁷

Нечто подобное характерно и для былинных сюжетов о «малютке» Ильѣ Муровиче,²⁸ Данилѣ Ловчанине,²⁹ Иванѣ Гоудиновиче,³⁰ Добрыне и Маринке.³¹

Совсем особняком стоит записанная М. Карпинским от той же У. Рогожиной «чисто» терская былина «Престарелая старушка пашню пахивала...»,³² не имеющая, видимо, вариантов в других местностях нашей страны.

Казачий уклад жизни нашел свое выражение в традиционно-былинной русской морали и этике, в женских эпических образах, в частности, в трактовке женской «неверности».

В общерусской былине «Добрыня и Маринка» Маринка дочь Игнатьева коварно «обвертывает» Добрыню гнедым туром, а затем, добившись от Добрыни заповѣди великой — взять Маринку за себя, т. е. жениться на ней, отвертывает его «по-старому... по-прежнему». Богатырь выполняет свое обещание, а затем безжалостно расправляется с волшебницей:

Отвернула-то Добрынюшку по-старому,
Да й по-старому Добрынюшку, по-прежнему.
Они пошли ко городу ко Киеву,
Они стóлы столовали, они пиры пировали.
А й душа Добрынюшка Микитинич
Взял Маринку за себе.
Пошли во теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитинич
Взял с собой саблю ту вострую,
Отрубил Маринкину буйную голову.³³

По другому варианту былины расправа еще страшнее: богатырь соглашается жениться на неверной красавице с обещанием: «А и дам те, Марина, порученьице, Как мужья жен своих учат», но «Тому она, Марина, не поверила...»

Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчались.
Повел оп ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем [...]
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,

²⁶ См.: СМОМПК, 1897, вып. 22, отд. III, с. 35.

²⁷ См. созвучные записи волжские, уральские, терские, донские: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862, вып. 1, с. 15—17; СМОМПК, 1893, вып. 15, с. 203—205; Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908, № 13—16.

²⁸ См., например: «Ой храбрец же, ей храбрец, Ильѣ Мурович душа...» в публикации С. С. Фарфоровского (Записки Терского о-ва любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, вып. 3, с. 74).

²⁹ См., например: «Ах! сидят-те князя и бояре...» — Там же, с. 72 и след.; см. также: *Киреевский*, вып. 3, с. 28—38, и СМОМПК, вып. 27, 1900, отд. 4, с. 75.

³⁰ См.: «Не во далече было во чистом поле...» в записи М. Карпинского — от Ф. Пономарева и В. Шамина в ст-це Щедринской. — СМОМПК, 1900, вып. 27, отд. 4, с. 80.

³¹ См., например: «Вот не на небе родился млад и юн-ат месяц...» в записи М. Карпинского — от У. Рогожиной в ст-це Червленной (СМОМПК, 1898, вып. 24, отд. 1, с. 89).

³² См.: Там же.

³³ Былины. М., 1958, т. 1, с. 67.

Еретницу,, безбожницу:
 Он первое ученье — ей руку отсек,
 Сам приговаривает:
 «Эта мне рука не надобна,
 Трепала она, рука, Змея Горынчица [...]»³⁴

В записанном же на Тереке (в ст-це Червленной) варианте этой былины «жестокая» концовка отсутствует, повествование обрывается на том, как Добрынина родная тетушка, обладая более сильными чарами, обертывает Маринку «сукою поползучею». Маринка же в этом варианте, пожалуй, еще грешнее: в ее доме ждет ее друг милый — змей лютый (его поражает третья стрела Добрыни), а она в это время развлекается в другом месте:

На ту пору Маришки её дома не случилось
 Была та Маришка на Киянь-море,
 На Киянь та море, на Буянь-острове,
 У свою та друта милого-второго полюбовного. . .

В словесную ткань терского варианта органически вошли приметы уже «нового» времени:

Она белою белилою белилася,
 Она чёрною шурмилою шурмилася;
 Брала та Маришка свою подзорную трубу,
 Глядела она в свою сторону. . .³⁵

Вместо стольного Киева здесь уже «матушка каменная Москва». Начало же былины созвучно севернорусской былине о Вольге «Закатилось красное солнышко За лесушки за темные, за моря за широкие, Рассаждались звезды частые по светлу небу — Порождался Вольга сударь Буславлевич На святой Руси»: ³⁶

Вот не на небе родился млад и юн-ат месяц,
 Не на земле христился сильный русский богатырь;
 По имени зовут его Добрынюшка,
 Идем отчеством зовут — сын Микитьевич.³⁷

Добрынина матушка родимая, честна вдова Афимья Александровна (общерусского эпоса) на Тереке именуется Амельфой Тимофеевной. Кстати, героиня под этим именем фигурирует и в самобытно-казачьей терской былине «Престарелая старушка пашню пахивала», в которой особенно зримы опоэтизированные черты казачьей жизни (долгое и частое отсутствие мужа, сына-воина, выполнение женщиной в отсутствие кормильца всех хозяйственных работ, а когда па станицу налетят недобрые люди, то и ратных дел, со своеобразным возрождением матриархальных начал). Отсюда и большая терпимость к отклонениям в семейных отношениях, отсутствие беспощадных оценок в этих вопросах, что присуще северному русскому эпосу. Для южных казачьих былин характерно возвеличение трудового и ратного героизма женщины, ее мудрости и благородства, ее внутренней и внешней красоты. Кстати, подобное отношение к женщине характерно и для древних сказаний народов Кавказа (Сатана и Урызмаг с Сафой — в осетинском нартском эпосе и др.).

Внутренняя и внешняя красота терской казачки, ее самостоятельность, духовная окрыленность поэтически запечатлены и в других жанрах тер-

³⁴ Там же, с. 74—75.

³⁵ СМОМПК, 1898, вып. 24, отд. 1, с. 89. Зап. М. Карпинским от У. Рогожиной в ст-це Червленной.

³⁶ Былины, с. 14.

³⁷ СМОМПК, 1898, вып. 24.

ского фольклора, что отражало весьма своеобразные судьбы женщин этого края: «Вследствие недостатка (малого количества их, — *И. Т.*) русских женщин, казаки брали себе жен у кабардинцев, кумыков из ближайших своих соседей, — отмечалось в специальном докладе Антропологического общества Петербургского университета около века назад. — Эти браки составляли в стародавние времена самое заурадное явление, и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки. Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестны... Сплошь и рядом среди казаков попадает тип красавца-горца».³⁸ Подобные суждения находим и у известного историка терского казачьего войска И. Попко: «Гребенская женщина во множестве случаев местного горского происхождения. Она сообщала гребенцу живые черты южного аборигена, а сама заимствовала от него рост и мускульную силу и мужественный характер русской женщины».³⁹ Об этом же писал и декабрист А. А. Бестужев-Марлинский: «Казаки (<...>) отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватки, — все горское... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам».⁴⁰

Нечто подобное было уготовано объективными экономико-географическими и прочими обстоятельствами и всем другим русским казачьим войскам и их разноязычным соседям на всех окраинах государства Российского. Понятно, что подобные явления нельзя не учитывать при изучении русских былин на Тереке, которые, как показали последние экспедиции, угасают как активно бытующий жанр и становятся бессмертным культурным наследием.⁴¹

II. Сказ. На Всесоюзной научной конференции «Прозаические жанры фольклора народов СССР» 23 мая 1974 г. в Минске отмечалось, что в совместном устно-поэтическом репертуаре народов СССР видное место занимает значительная группа жанров «несказочной прозы», условно именуемая К. Сидовым гриммовским термином «Volkssagen», которая, несмотря на свою популярность, все еще изучена явно недостаточно.⁴²

Советские филологи внесли определенный вклад в решение данной проблемы.⁴³ Однако сделано еще не все.

В терских станицах и сегодня устный рассказ-сказ является наиболее оперативным фольклорным жанром, быстро откликающимся на все значительные события современности. Конечно, этот жанр бытовал в казачьем репертуаре и до XX в. (воспоминания о ратных походах, участии в выступлениях под предводительством Степана Разина, Емельяна Пугачева и других вожаков, талантливые «зарисовки» обыденной казачьей жизни, с подчеркиванием в ней наиболее комически-озорных ситуаций, и т. п.), но особенно он активизировался и утвердился на Тереке в советское время, заметно «потеснив» другие фольклорные жанры.

Наиболее, пожалуй, точное определение этого жанра дал проф. В. И. Чичеров, относя его к произведениям, «... в большинстве случаев... стоящим на периферии фольклора», ибо, повествуя о событиях современности, они далеко не всегда повторяются и отливаются «в какую-либо

³⁸ Терские ведомости (Владикавказ), 1892, № 124.

³⁹ Терские казаки с стародавних времен... СПб., 1880, вып. 1, с. 114.

⁴⁰ Бестужев-Марлинский А. А. Избранные повести. Л., 1937, с. 201—202.

⁴¹ См., например, результаты опроса А. Г. Лукавченко, Чипурного В. Н. и др. летом 1979 г. в Майском районе КБАССР (студентами-филологами Кабардино-Балкарского гос. ун-та).

⁴² См., например: Тресков И. В. О жанровом своеобразии сказа. — В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974, с. 192 и след. (Тез. докл.).

⁴³ См., например: Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; Ярневский И. З. Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969; Прозаические жанры фольклора народов СССР, и др.

определенную форму».⁴⁴ Сказами становятся те устно-поэтические импровизации, которые запечатлели наиболее важные события в такой художественной форме, которая способна заинтересовать слушателей и вызвать желание передать его новым слушателям. И при этом, как нам кажется, обязательно что-то будет отброшено, что-то углублено, дополнено, т. е. начнется обычный фольклорный путь произведения.

Итак, сказом следует именовать только такое устно-поэтическое произведение, в котором присутствует уже определенное художественное обобщение тех или иных явлений действительности, содержится типизация в характеристике конкретной социальной среды.

Все еще проблематичны и принципы систематизации этого жанра.⁴⁵ Сказочный фонд на Тереке позволяет выделить несколько групп:

1) сказы, в которых присутствуют элементы необычного, волшебного (например, «Рассказы великого охотника» — К. А. Кузюменко);

2) сказы, в которых преобладает изложение исторических событий или грандиозных природных явлений («Земля» — Е. И. Вертепова; «Откуда взялся казак?» и «А обычай у нас кабардинский» — М. М. Спивак; «Откуда Пришиб начинается», «Как раньше было» и «Терек вышел из берегов» — А. И. Каладей, и др.);

3) сказы бытовые с элементами народного юмора («Терек шкодливый» — А. И. Колодей; «Первая питка пути» (о строительстве железной дороги на Тереке) — Ф. М. Сотников и др.).⁴⁶

О специфике поэтики сказа говорить пока еще трудно. Можно лишь отметить общую сюжетную фабульную основу для сказов разных местностей, в том числе и Терека, определяемую общностью социальной основы нашего общества, — стремление передать явления современности. В то же время полноценный в идейно-художественном отношении сказ сохраняет и определенное национальное своеобразие, которое художественно отражает особенности поэтического мышления каждого из народов нашей многоязычной страны. Среди особенностей художественной формы сказа следует отметить его известную «монологичность» (повествование от имени участника или очевидца событий), эмоциональную напряженность, живость повествования, достоверность современной разговорной народной речи в ее сложнейших фонетических, морфологических и синтаксических нюансах. Сказы, как правило, певички по объему. Им присуща лаконичность, афористичность, тонкий юмор. Здесь преобладают простые предложения, свойственные разговорной речи. Более полно и зримо подобные особенности сказа могут, видимо, выявиться при сравнительном изучении как новых, подлинно научных записей и публикаций современных советских сказов разных народов нашей многонациональной страны, так и при сопоставлении художественной ткани сказа с другими фольклорными жанрами.

Итак, мы попытались показать судьбу терского фольклора на примере эволюции двух жанров — традиционного (былина) и современного (сказ) — устно-поэтического казачьего творчества. И, видимо, не будет большим преувеличением предположить, что анализируемые нами жанры являются «главными» для своих эпох, что именно в них в какой-то степени проявилась судьба и традиционных и новых фольклорных жанров.

Сказ совсем еще молод. Но он уверенно набирает силу, приобретает определенные поэтические формы. И хотя как жанр он еще художественно не определился, и нередко можно встретиться с эстетически беспомощными рассказами, видимо, все же ему принадлежит будущее.

⁴⁴ Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 496.

⁴⁵ Азбелев А. Н. 1) Международная систематизация преданий и легенд. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1966, т. 10, с. 183—184; 2) О подразделениях сказочной прозы. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978, с. 28—37.

⁴⁶ См.: Архив И. В. Трескова.

З. И. ВЛАСОВА

О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ
ПЕСЕННЫХ ЗАПИСЕЙ

За два с небольшим столетия русской фольклористической наукой создан огромный художественный фонд песенно-поэтического слова народа, отражающего его внутреннюю жизнь, движение его образного мышления, запечатлевшего разные уровни художественного сознания и народной культуры.

Сознавая себя наследниками этого замечательного богатства, мы не только изучаем, но и стремимся увеличивать этот бесценный фонд. Современные собиратели не только значительно пополнили классические песенные собрания прошлого, но и записали напевы на магнитофонные пленки, перевели часть их на грамзаписи. В этом огромное значение собирательской работы XX в. Песни, дошедшие к нам через полтора-два столетия, за исключением небольшого количества записанных фонографом, не звучат. Нотные записи народных песен обычно производились на слух. Подлинный вид народной песни, ее словесная ткань, ее строфика, точное ее воспроизведение стали доступны ученым только в последние десятилетия. С появлением магнитофона начал создаваться звучащий песенный фонд, и это обстоятельство оказало огромное влияние на словесный материал песен, так как он стал издаваться по-новому: песня начала, наконец, приобретать в печати свой подлинный вид.

Нельзя думать, что ученые прошлого века, стоящие у истоков науки, не сознавали значения записей звучащей песни. Уже П. В. Киреевский в 1837 г., т. е. почти полтора столетия назад, установил в качестве основного принципа для собирателей песни требование записывать песню с голоса, т. е. в процессе пения. Научное значение и смысл этого требования осознаны были не сразу. Этот принцип записи очень медленно осваивался на протяжении всего XIX ст., и несмотря на то что это был единственно правильный и возможный для точной записи песен прием, он не вошел в широкую собирательскую практику, не был освоен полностью, если судить по качеству публикаций хотя бы второй половины века.

Изобретение фонографа должно было бы содействовать полному торжеству принципа записи с голоса, но этого не произошло, песни публиковались традиционно, без показа песенной строфики; неточно давалась форма строки с ее внутрислоговыми повторениями, которые опускались, и украшающими распевами частицами и междометиями.

Но вот в науке наступила эпоха магнитофона. Теперь песенные публикации должны были бы стать безукоризненными: ведь записанный словами текст можно в любую минуту сверить с магнитофонной записью. Однако только десятки песенных публикаций из сотен, в послевоенные годы появившихся, дают исследователям убедительный и надежный песенный материал, так как не все собиратели и составители сборников

обладают необходимой научно-исследовательской культурой и уровень подачи песенного текста иногда не только не отличается в лучшую сторону от публикаций XIX в., но кое в чем, а иногда и во многом уступает им.

Современные публикации песенного фольклора, как известно, выполняют одновременно несколько задач.

1. Предоставляя исследователям живой, бытующий в народе песенный материал, они отражают уровень и состояние науки по таким проблемам, как научная систематизация, текстология, современное состояние традиционного фольклора и его соотношение с устно-поэтическим фондом прошлого.

2. Показывают научный уровень и качество собирательской работы в ее конкретном выражении.

3. Возвращают народу его песенное богатство, обогащая народную музыкальную культуру, так как тексты сопровождаются нотными приложениями, комментариями и вступительными статьями, раскрывающими смысл, значение и историю собирательской работы в конкретном районе и области.

Сборники последних десятилетий, созданные на основе тщательных обследований малоизвестных и вовсе неизвестных в науке районов, стерли немало белых пятен с фольклорной карты страны: Дагестан, Литва, Удмуртия, Семиречье, мало изученная до революции Кировская область и многие другие районы дали интереснейший материал для превосходных фольклорных собраний.¹

При этом выявляются новые факты в судьбах традиционного фольклора, уточняются представления о внутрижанровых песенных разновидностях, полнее вырисовываются процессы, происходящие в современном песенном творчестве. Так, в русских поселениях Литовской ССР записаны редкие в современном русском песенном репертуаре жатвенные и купальские песни; в Дагестане выявлены у русского населения похоронно-обрядовые песни; в Семиречье сохранились в свадебном обряде особые припевки девушек, сопровождающих невесту в баню; там же среди быличек выявлены произведения, называемые «страсти».

Русский фольклор, бытующий в близком и тесном соседстве с фольклором других народов и национальностей, обогащается новыми песенными и сказочными сюжетами, заимствованными и переработанными. Н. К. Митропольская показала в своем исследовании, что происходит усвоение белорусских и литовских песен в русском свадебном фольклоре, воспринят характерный для западнославянского песенного творчества образ руты («зеленая рута, желтый цвет»). Аналогичные процессы наблюдаются в сказках.

Количество имеющихся фольклорных изданий ни в какой мере не соответствует размаху собирательской работы в стране. Много ценных и нужных для исследователя текстов остается в архивах, и это обстоятельство не позволяет иметь точную картину состояния фольклорных жанров и, следовательно, правильно координировать собирательскую работу, своевременно обращая внимание на единичные, редкие, исчезающие тексты.

¹ Русская песня в Дагестане / Публ., вступ. ст. и коммент. В. С. Кирюхина. Махачкала, 1975; Русский фольклор Удмуртии / Сост. А. В. Татарщев. Ижевск, 1977; Фольклор семиреченских казаков / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. М. М. Багызбаевой. Алма-Ата, 1978, вып. 1; 1980, вып. 2; Русский фольклор в Литве / Исслед. и публ. Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975; «Севский фольклор» (Брянск, 1977) и «Народная севская свадьба» (М., 1979) — сборники песен, собранных О. А. Славяниной в Севском районе Брянской области, также ранее не обследованном фольклористами, и др.

В то же время несоответствие между объемом собирательской работы и выражением ее результатов в печати в какой-то мере естественно, так как, во-первых, не все, что записывается, может и должно быть опубликовано; во-вторых, не всякая запись подлежит даже архивному хранению — дело прежде всего в художественных достоинствах записанного текста, в качестве записи, ее точности, оснащенности необходимыми для изучения сведениями.

Наконец, известно, что даже хорошие записи опубликовать не просто. Сборнику фольклора нелегко пробить дорогу к печатанию. Составитель оказывается беспомощным перед сложностью и трудоемкостью работы: сверка полевых записей с магнитофонными; расшифровка потного материала, трудности комментирования при отсутствии указателя сюжетов, мотивов и формул народной лирики, словаря деятелей фольклористики и этнографии, наконец, не менее пужного и важного словаря произведений традиционного фольклора. Трудоемкость работы составителя фольклорных сборников не может ни учитываться, ни вмещаться в научный план преподавателя вуза. Поэтому выход из печати любого фольклорного сборника всегда событие, радостное для широкого круга читателей, любителей фольклора и исследователей, и почти подвиг — для составителей.

Правда, не все готовы к подвигу, многие стремятся облегчить и упростить задачи подготовки издания, и есть немало сборников, в каких-то отношениях не отвечающих научным требованиям и свидетельствующих о недостаточно качественной собирательской, составительской и редакторской работе. Особенно важно поэтому подчеркнуть наши удачи и достижения. Одним из лучших сборников 1950-х гг. были «Песни и сказки Ярославской области», подготовленные под редакцией Э. В. Померанцевой коллективом талантливых и хорошо известных в наше время фольклористов, хотя многие из них тогда были студентами. К достоинствам сборника относится прежде всего хорошая подготовка и «проработка» (изученность) текстов: без искажений стиха, строк, слов, опечаток. Содержательная вступительная статья дает обстоятельную картину истории собирания и изучения областного фольклора со словесными портретами известных собирателей и краеведов. Превосходно выполнены комментарии: они, помимо ссылки на варианты по известным классическим собраниям, содержат оценку текста или его характеристику, данную информаторами, указывают бытовое назначение песни с различиями по соседним деревням. Так, песня «Вы, цветы мои, цветики», известная преимущественно как свадебная, «девишная-горемышная», в д. Головино того же района записана как кадрильная. За такими комментариями ощущается огромная, тщательная и кропотливая собирательская работа, организованная на уровне научных требований времени.

С точки зрения современного исследователя в сборнике недостает двух важных для изучения песни моментов: 1) нет нотных приложений; 2) не показана песенная стиховая структура, строфическое строение песен.

В 1960-е гг. появился сборник песен, в котором каждый текст не только имеет ноты, но и разделен на строфы.² Собрание песен Кировской области подготовлено очень тщательно, содержит превосходный текстовый и нотный материал. В 1974 г. вышло другое, меньшего объема научно-популярное издание «Вятские песни, сказки, легенды». Оно дополняет первое издание, так как снабжено превосходной библиографией по истории изучения и собирания фольклора Вятского края, но не показывает строфику песен.

² Народные песни Кировской области / Изд. подгот. И. Мохряев, В. Харьков, С. Браз. М., 1966. В статье не учитываются многочисленные публикации песен, подготовленные специалистами-музыковедами, четко определяющими строфику песен.

Изучение предшествующих публикаций и собраний вводит составителя в историю собирательства, в русло широких краеведческих исследований, вынуждает касаться смежных дисциплин: этнографии, диалектологии. Добросовестные составители, понимающие научно-общественное значение областных изданий фольклора, не боятся увеличивать сроки его подготовки, чтобы выяснить весь круг вопросов, возникающих в процессе работы, и осветить в специальной статье к сборнику проблематику, связанную с его содержанием. Примером может служить статья В. М. Потявина «Собирание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX в.»,³ созданная на богатейшем архивном и историко-литературном материале. В ней раскрыты некоторые имена неизвестных в науке собирателей, выявленные в результате изучения рукописных собраний Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и архива Русского Географического общества.

Конечно, тип статей, предшествующих материалу и вводящих в него, может быть разным: либо исторический очерк собирательства в каком-то регионе, либо очерк итогов экспедиционной работы, включающий характеристику изучаемых районов, биографии наиболее выдающихся мастеров: сказочников, певиц, знатоков обрядовой стороны быта или мастеров бытового рассказа, анекдота и т. п. В любом случае статья должна характеризовать типологию и особенности материала, происходящие в нем процессы: угасание и исчезновение одних жанров, активную жизнь других; влияние различных коммуникативных факторов, наличие локальных элементов и пр., словом, статья должна вводить читателей в специфику предлагаемых фольклорных материалов и четко определять задачу сборника.⁴

Сборники областного типа обычно представляют ценнейший локально ограниченный и этнически единый материал со всей его местной спецификой, выявлению которой способствуют и ссылки на предшествующие областные публикации. Локальный характер материала вскрывается, таким образом, с большей глубиной.⁵

По существу в идеальных научных комментариях к вновь публикуемым текстам должны присутствовать три момента: 1) историко-фольклорный (кем, когда и где сюжет впервые зафиксирован; объяснения информатора, касающиеся смысла произведения, его происхождения и отдельных слов; ссылка на варианты в классических фольклорных собраниях); 2) реальный комментарий; он необходим при публикации былин, исторических песен, некоторых баллад и духовных стихов. При комментировании фольклорных текстов в реальный комментарий входят этнографические сведения о разных сторонах жизни текста (ссылки на описание обрядов и пр. в известных публикациях и архивах); 3) текстологическую часть комментарий составляют указания на особенности текста, принадлежность его к той или иной версии; при публикации архивных материалов — разночтения между полевой записью, белой рукописью и первой (если имеется) публикацией; при публикации собственных экс-

³ Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960, вып. 1.

⁴ Так, в заметке от составителей, предпосланной к «Народным песням Пермского края» (Пермь, 1968, т. 2), четко сформулирована цель работы — «представить сегодняшнее бытование народной песни в его реальном состоянии и составе» (с. 4), что обусловило полноту материала, вариантность сюжетов и разнообразие песенного репертуара.

⁵ Так прокомментированы вологодские материалы в записях Н. И. Иванецкого Н. В. Новиковым, использовавшим архив Русского Географического общества. См.: Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. И. Иванецким в Вологодской области / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

педиционных материалов или личных коллекций составитель обязан учесть уже известные по данному региону (области) печатные и архивные варианты и указать на основные существенные отличия и различия в близких по сюжету текстах.

Естественно, что такой полный научный комментарий по существу пока невозможен не только в популярных изданиях, но даже и в специальных научных. Однако всю необходимую работу составитель должен стремиться выполнить, так как в любом случае она даст богатый материал для наблюдений над жизнью фольклорного текста.

Наибольшую сложность и трудоемкость представляет историко-фольклорная часть комментария. Какая-то часть текстов хорошо изучена, и история их записи известна в науке; но существует огромное количество песен, известных в сотнях и более вариантов, время и место первой записи которых трудно установить. Нужны долгие и кропотливые разыскания, которые могут оказаться и бесплодными. Изучение отдельных песенных сюжетов, установление времени первой их записи, определение версий — это одна из насущных задач науки, и если кому-то из составителей удастся пролить свет хотя бы на один сюжет из массы публикуемого материала, — это уже несомненная творческая удача, которая может быть темой отдельной статьи.

К сожалению, нередко сборники, где читателю нечего почерпнуть из вводной статьи, кроме избитых и устаревших истин. Иногда статьи нет вовсе, ее заменяет небольшое предисловие или аннотация; вместо примечаний — одни паспортные данные к текстам; вместо сведений о замечательных мастерах исполнения — фотографии и указатель имен исполнителей и информаторов, ничего не дающие для исследователей. Все это признаки того, что материал сборника мало изучен. В таких сборниках обязательно оказываются тексты с «темными» для смысла местами, с искажениями, не объясненными при редактировании, со словесными «абракадабрами». Как правило, публикуются тексты, не сверенные с магнитофонной записью и вызывающие сомнение уже одной своей «изувеченной» формой. Любому опытному специалисту по песне достаточно прочесть текст, чтобы увидеть: записано в процессе пения или под диктовку; сверено ли с магнитофонной записью, или бездумно переписано с полевой записи.

Систематизация материала и содержание примечаний в областных сборниках показывают иногда, что в теоретических представлениях составителей (особенно если работа была доверена студентам) и в вопросах текстологической подготовки существует много путаницы и неясности. В раздел исторических песен включаются такие тексты, как «Шумел, горел пожар московский» (переделка стихотворения Н. С. Соколова, 1850 г.) или «Из-за острова на стрежень» (популярная песня на стихи Д. Н. Садовникова, 1883 г.) и другие, позднего происхождения тексты с литературным стихосложением, упоминающие Разина и Пугачева, и т. п.

Можно ли считать исторической любую популярную песню, упоминающую исторические имена и события? Ведь по этому принципу придется считать историческими и шуточные студенческие песни типа «Шла бы ты домой, Пенелопа» или «Жил русский великий писатель, граф Лев Николаич Толстой». Но тогда, чтобы быть последовательными, нам придется признать, что во второй половине XX в. возник новый исторический эпос. Или псевдоэпос? Но второе рождение мнимого эпоса наука уже пережила, и достаточно болезненно. Много говорилось и о «единицах историзма» в фольклоре,⁶ обратимся поэтому к простейшим

⁶ См.: Емельянов Л. И. 1) Некоторые вопросы генезиса исторической песни. — В кн.: Историко-литературный сборник. М.; Л., 1957, с. 33–92; 2) Отражение исто-

критериям: историческая песня отражает то или иное значительное событие так, как оно запечатлелось в народном сознании и памяти, и выражает его средствами, адекватными эпохе и соответственно художественному уровню народного сознания той эпохи. В последующие столетия происходят неизбежные изменения в языке и художественной ткани песни, наслаиваются пласты новых понятий, но что-то от первоосновы текста всегда остается, и по ней вдумчивый исследователь может установить приблизительную степень отдаленности события от его художественного воплощения. Наукой потому и придается такое большое значение проблемам генезиса, что смысловые и художественные особенности и качества произведения проясняются при его генетическом изучении.

Кроме того, и русская и современная советская наука о фольклоре всегда строго различала произведения фольклорные от авторских, с литературным стихосложением, время появления которых известно и в основе которых не народное мировоззрение, а точка зрения и оценки конкретного лица, всегда имеющие какую-то степень субъективности, печать личных вкусов и убеждений. Правда, в конце XIX и особенно в начале XX в. происходит растворение народной исторической песни в военной, маршевой и походной, проникающей в широкую народную среду через специальные песенники, казачьи и солдатские хоры. Этот процесс приводит к тому, что в казачьей среде уцелели очень редкие сюжеты исторических песен, некоторые полностью исчезли, некоторые сохранились в виде фрагментов; часть устойчивых песенных формул перешла в любовную лирику. Однако эти поздние процессы не дают основания отказываться от определенных художественно-эстетических критериев при выявлении подлинности сюжетов исторических песен. Популярность того или иного сюжета в народной среде еще ни о чем не говорит. Песня может быть популярна по разным причинам. «Из-за острова на стрежень» стала любимой в репертуаре праздничного застолья вовсе не из уважения и любви к образу Разина. Разгульная жизнь казачьей вольницы, хорошо воспроизведенная Д. Н. Садовниковым, соответствует застольному веселью и разгулу, напев песни дает определенный выход эмоциям. Историзм песни в данном случае не играет существенной роли, и не совсем оправданно стремление составителей публиковать этот текст. Он мало варьируется, и для изучения его судьбы в настоящем и будущем достаточно и архивного хранения.

Вопрос публикации исторических песен в современной записи имеет и другую сторону. Как уже говорилось выше, сюжеты их постепенно трансформируются, теряют исторические имена, фрагменты сюжетов прикрепляются к другим песням. Для изучения судеб фольклора очень важно проследить существование отдельных сюжетов в современных условиях и их трансформацию. Так, известная солдатская песня «Соловей кукушку уговаривал» большинством ученых прошлого и современных исследователей включалась обычно в раздел исторических песен, так как сохраняла определенные реалии, относящиеся ко времени взятия Казани, что само по себе свидетельствует об известной древности сюжета. В современных вариантах многие реалии утрачены, и песня в сборниках областного фольклора относится то к солдатским, то к любовным.⁷ Нельзя оспаривать право составителя на свою классификацию материала, но в комментариях необходима отсылка к публикациям этого сюжета в изданиях исторических песен; таким путем создается картина исторической жизни текста.

рической действительности в фольклоре: Автореф. канд. дис. Л., 1956; 3) О границах метода в «единицах историзма». — В кн.: Русский фольклор. Л., 1979, вып. 19, с. 113—125.

⁷ Народные песни Пермского края. Пермь, 1968, т. 2, № 18, 19, 348, 349.

То же произошло с публикациями фрагментов песни «З. Г. Чернышов в плену». Песня в большинстве случаев утратила имя Чернышова и некоторые исторические приметы эпохи, сохранив центральный образ героя в темнице. Как известно, после Пугачевского восстания сюжет был переосмыслен и отнесен к видному сподвижнику Пугачева Зарубину-Чике, имевшему «титул» графа Чернышова. Отсюда в песне названия волжских городов и иногда имя Пугачева — позднейшие наслоения на сравнительно древний сюжет. Песню в современных публикациях включают обычно в раздел тюремных без каких-либо отсылок к вариантам с именем Чернышова или упоминаний о том, что это фрагмент известнейшего сюжета. Только в кировском сборнике указанный текст помещен в раздел исторических песен.⁸

Заметим также, что обычно сюжет «Пишет, пишет царь германский» относится только к событиям первой мировой войны, тогда как возник он гораздо раньше, в период войн России с Турцией, и об этом необходимо было бы упоминать в примечаниях при издании сборников, рассчитанных на студентов и широкого читателя.

В числе казусов можно также отметить и тот факт, что составители постоянно относят в раздел рекрутских и солдатских песен известнейшую песню К. Симонова (музыка М. И. Блантера) «Как служил солдат службу тяжкую», считая ее народной по происхождению и причисляя к традиционным.⁹

В комментариях наблюдается также произвольное обращение с понятиями версия, вариант, мотив, формула. К вариантам иногда относят тексты, имеющие лишь сходные зачины или сходные мотивы при разных сюжетах.¹⁰ Встречается употребление понятий «мотив», «формула» как терминов равнозначных. Слабая изученность сюжетов необрядовой лирики на широком сравнительном материале приводит иногда к путанице понятий «версия» и «вариант».

Одна из насущных проблем изучения народной лирики — исследование отдельных ее сюжетов с учетом всех доступных вариантов. Такое изучение давно имеет место в науке, необходимо его продолжать. Нам остро необходим также указатель сюжетов, мотивов, формул. Попытка создать такой указатель предпринималась крупнейшим специалистом в области песни Н. П. Колпаковой в конце 1960-х гг. Ею было учтено более 150 песенных сборников, но работа ее осталась неизданной. Указатель тем и сюжетов свадебной лирики подготовлен И. В. Зыряновым, но этот опыт нельзя считать удачным, так как указатель громоздок и неудобен для пользования в качестве справочного пособия.¹¹

Необходима обстоятельная научная разработка текстологических понятий в применении к конкретным песенным сюжетам, изучение отдельных сюжетов с установлением версий, близких и далеких вариантов, основных мотивов и формул в пределах всего круга зафиксированных текстов определенного сюжета, в его полном и фрагментарном выражении.

Наибольший ущерб терпит форма песни от невнимания к ее строфике и стиховой структуре. Если любой из фольклористов, надо полагать, сумеет определить строфу в самом сложном стиховом материале

⁸ Народные песни Кировской области, № 62. Ср.: Русский фольклор Удмуртии, № 33; Народные песни Пермского края, т. 2, № 462—465.

⁹ Русский фольклор Удмуртии, № 10.

¹⁰ Народные песни Пермского края, т. 1, № 105, 106, 107. См. примечания к этим текстам, принятым за варианты одного сюжета, и рецензию Ф. М. Селиванова (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1969, вып. 1, с. 79—80).

¹¹ Зырянов И. В. Сюжетно-тематический указатель мотивов свадебной лирики. Пермь, 1975; см. также: Селиванов Ф. М. Жанрово-тематический указатель. — В кн.: Народная севская свадьба, с. 18.

современных поэтов, то далеко не все, а напротив, очень немногие могут уловить и понять строфическое строение народной песни в процессе ее исполнения и записи, так как это во много раз сложнее, особенно если это касается протяжной лирической песни, когда и сами певцы, а чаще певицы, забывая текст, дают сбои в строфике, пропуски строк. Для полной уверенности в правильном понимании строфического строения отдельных песен их приходится прослушивать по нескольку раз. Между тем при палиции магнитофона и с учетом того, что существует не так уж много типов песенной строфики, это вполне постижимо, надо только твердо усвоить, что в песне существует строфа, состоящая из стихов и полустихий, как и во всяком стиховом материале; талантливые и художественно чуткие исполнители в процессе пения всегда строго держат строфику песни. Но даже в тех случаях, когда певец сбивается и пропускает строки, строфа возникает в неразрушенной части песни.

Если сравнить магнитофонные записи одной и той же песни с имеющимися ее публикациями, то наглядно видно, как при публикации искажается песенная форма, когда пропускаются повторения, разрушается строфа, не делается разницы между стихом и полустихием, песня приобретает уродливый вид, в действительности ей не свойственный. Небрежности в переписывании материала, не устраненные при последующей его публикации, приводят к искусственному занижению уровня народной песенной культуры.

Свадебная песня «От терема до терема» по имеющимся архивным записям имеет четкую форму строфы, которая строится на повторении стихов с переносным ударением:

От тѣремá,	По тѣм брусья́м,
От тѣремá,	По тѣм брусья́м,
От тѣрема до тѣрема,	По́ тем брусья́м по калиновым,
От терема до терема	По тем брусья́м по калиновым
Лежа́т брусья́,	Разо́бтланы́,
Лежат брусья́,	Разостланы́,
Лежа́т бру́сья все	Разостла́ны тка́ни шѣлковы́е
калиновы́е,	Разостланы́ ткани шѣлковы́е...
Лежат брусья́ все	
калиновы́е.	

В записи и публикации этой песни, выполненной А. В. Ермаченко, повторения показаны только в первой строфе:

От терема, от терема,	Лежат брусья́ все калиновы́е,
От терема до терема,	По тем брусья́м по калиновым
От терема до терема	Разостланы́ ткани шелковы́е. ¹²

По данному тексту видно, что собиратель успел точно записать все повторения только в начале песни, сохранив форму строфы в ее подлинном виде; дальше он успевал записывать только смысловые строки, не фиксируя повторений; запись не была выверена и при подготовке к публикации.

В сборниках, подготовленных по студенческим записям, таких примеров множество, все они подтверждают типичность ситуации, когда первые строфы схватываются и записываются правильно, а дальше начинается отставание пишущего от поющего, повторения не фиксируются, память не удерживает всей строки точно; теряется строфика, искажается строка. Полевая запись должна обязательно проверяться, сверяться по

¹² Песенное творчество Калужского края / Зап. А. В. Ермаченко; под ред. В. М. Сидельникова. Калуга, 1959, № 66.

магнитофону перед переписыванием набело. Этого не делается, и тексты публикуются в изуродованном виде. Именно первые, правильно записанные строки песни показывают, какой была ее подлинная форма, пока записывающий не отстал и не сбился.

Так, свадебная величальная песня вдове в опубликованной записи студентов и последующей магнитофонной записи, сделанной позднее по нашей просьбе от жительницы того же села, выглядит так:

Запись

Публикация

Ой, чье-то полё, чье-то полё
Негороженоё, негороженоё!

Чье-то поле, чье-то поле
Негороженое.

Ой, чей-то дом, чей-то дом
Непокрытой стоит (2)

Чей-то дом, чей-то дом
Непокрытый стоит.

Ой, чья-то вдова, чья-то вдова
Тут одна за столом (2)

Чья-то вдова тут одна
За столом, за столом.

Свет Валентина, свет Валентина
Да Михайловна (2)

Я не одна, есть и милый со мной,
Много со мной

Я не одна, я не одна
На пруду за столом (2)

И князей, и бояр,
И княжеских жеп,
И княжипских жен.

Много со мной, много со мной
И князей, и бояр (2)

Еще-то со мной
Есть мой-то милый сын
Милый сын Николай.

Только нет со мной, только нет со
мной

Только нет милой ладушки
Свет Михаила Васильевича
Свет у Александры Петровны-души,
Да души.¹³

Милой ладушки (2)

Свет и Алексея, свет и Алексея
Николаевича (2)

Что у Валентины, что у Валентины
Свет Михайловны (2).

Вторая часть опубликованной песни, лишенная строфики и четкого деления на стихи, невольно вызывает сомнение: пелась ли песня? Или была в конце продиктована? Давно известны случаи, когда одна и та же певица при пении сохраняет песенную строфику, а при устном рассказе, естественно, нарушает ее.

Возможны случаи (редчайшие), что одна и та же песня в исполнении разных певиц имеет разное строфическое строение, но в том-то и дело, что песня всегда строфику имеет, не важно, какую. В публикациях же, подготовленных к печати без участия музыковедов, без нотных приложений, строф нет, тексты публикуются столбцом. К сожалению, у нас мало работ по типологии стиха народной песни и совсем нет исследований песенной строфы. Вопрос о строфическом строении народных песен затрагивался Б. М. Добровольским и А. М. Новиковой,¹⁴ но специальных исследований, сделанных совместно исследователями и текстов и напевов, не существует, а необходимость в них велика. Ведь далеко не каждая студенческая запись может быть проконтролирована преподавателем. Наконец, не каждый руководитель фольклорной практики студентов сам в состоянии разобраться в песенной строфике. Это вопрос опыта, квалификации, исследовательской культуры. Но сейчас существует реальная возможность несколько раз прослушать текст, выверить его по магнитофонной записи. Такая сверка текстов совершенно необходима при подготовке текстов к публикации, и она делается соста-

¹³ Народные песни Пермского края, т. 1, № 216; ср.: РО ИРЛИ, кол. 229, п. 2, № 213/5.

¹⁴ Добровольский Б. М. Цепная строфика русских народных песен. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1966, вып. 10, с. 237—247; Новикова А. М. О строфической композиции народных традиционных лирических песен. — Там же, 1968, вып. 12, с. 47—54.

вителями, понимающими во всем объеме свою ответственность за публикацию.

Распространенным недостатком песенных публикаций стало произвольное, случайное деление текста на стихи, смешение стихов и полустихий. Нередко один и тот же текст вначале делится на стихи, затем на полустихия (каждое помещается как целый стих в новой строке), затем снова на стихи. Текст песни выглядит как дом с мезонином. Такой «мезонин» из полустихий может пристраиваться в любом месте текста. Никаких объяснений этим загадочным препарированиям стиха читатель не найдет ни в статье, ни в комментариях.

Значительное количество разного рода других искажений текста происходит по трем причинам: 1) ошибки слуха, допускаемые собирателями в процессе записи, ошибки внимания при переписывании; 2) ошибки памяти певца; 3) опечатки, возникающие при подготовке текстов к печати и не устранившиеся в корректуре; есть группа искажений «традиционных», которые определяются как «темные места» текста, не объясняемые певцами, запомнившими механически то или иное непонятное слово или словосочетание. Такие «темные места» возникают и тогда, когда певец, запоминая текст в процессе хорового исполнения, не выяснил для себя смысл выражения. Так, в Пермской области одна из певиц спела вместо «Знаю, ворон, твой обычай» — «Знаю, ворон, твою бучу» и на вопрос, что это значит, ответила: «Не знаю, слыхала, что так пели. У нас семья была большая, на вечерки да на гулянки не пускали, надо было с младшими водиться (т. е. пянчиться), а я любила песни слушать. Как услышу, так сама и пою».

Конечно, неполноценные в художественном отношении тексты публиковать не следует. Но если есть в этом научная необходимость, то к «темным местам» текста нужно дать поясняющие их примечания с цитатами из близких вариантов. Читателю должно быть ясно, что произошло с текстом. Печатаемая искажения без всяких объяснений и примечаний, составитель ставит себя на один уровень с малограмотным певцом, сводя сложную работу подготовки текста до степени простой бездумной его фиксации. Между тем в сборниках стало почти правилом печатать без всяких объяснений разные словесные абракадабры:

— Молодой чумачик, где ты зародился?
— Из волны *пристолой*.

(Русский фольклор Удмуртии, № 28)

В окопах жизнь будет премила —
Бандейца с фронта наблюдать.

(Народные песни Перм. края, т. 2,
№ 410)

Вышли-повышли девушки поиграть на улицу,
Вынесли-повынесли соловья в *раковке* (рукаве? — З. В.).

(Песенное творчество Калужского края, № 52)

Казакн молодые, в *армиее* полевые
Нам в *лазаре* стоять.

(Русская песня в Дагестане, № 103)

Ошибки слуха ведут ко множеству искажений хорошо известных текстов:

Он женился, милый, разорился:
Ста четыре он денег издержал, —

говорится в песне; т. е. разорился, истратив на свадьбу около четырехсот рублей. Собиратель бездумно записывает «сто четыре», и в таком

виде текст публикуется.¹⁵ Между тем «сто четыре» и по смыслу малоубедительно.

В известной плясовой частушке

Эх, пол пробью,
Потолок пробью,

На доске остапуть —
С милым не расстапуть!

две первые строчки создают гиперболизированный образ лихой пляски. Так этот текст напечатан десятки раз. Но если современные собиратели слышат не «пробью», а «пропью», то разрушается весь смысл частушки, образа пляски нет, вместо веселой плясуньи пьяница?¹⁶ Для лирической любовной частушки такой образ попросту не типичен. «Перевейся, хмельюшка, на мою сторонушку» — известнейшая песня в среднерусских областях. А. В. Ермаченко публикует не «перевейся», а «перевеспла»¹⁷ — такая замена несомненно ухудшила текст.

В популярном романсе «Накинув плащ, с гитарой под полою» в публикации М. М. Багизбаевой, наряду с необъяснимыми обрывами второго и третьего стихов, появляются следующие: вместо «Но не страшись меня, младая дева» — «Не утратишь ты, молодая дева»; вместо «Нестовством разгульного папева» — «Здесь существо разгульного папева».¹⁸ Стоило ли публиковать такой изувеченный текст?

Ошибки памяти возникают чаще всего в случаях, когда слово, еще звучащее в памяти собирателя, вытесняет ранее пропетое, с ним рифмующееся. Вместо двух рифмующихся слов механически фиксируется одно. Поясню это примерами из совместной работы со студентами во время фольклорной практики. Поется: «Кареты золотые, кучера молодые, галуны голубые», записывается: «Кучера голубые, галуны голубые». О кузнецах поют: «Куют, дуют, все наваривают, / К себе Дупю приговаривают», записано: «Куют, дуют, приговаривают, К себе Дупю приговаривают». Здесь позднее прозвучавшее слово вытеснило из памяти предшествующее. Ошибка памяти часто встречается при записи свадебной песни «Вьюн», где есть группа рифмующихся глаголов:

Волга-река разливается,
Вьюн над водой извивается,
Зять у ворот набивается.

Последовательный порядок не удерживается в памяти, и возникают искажения: либо «вьюн набивается», либо «зять разливается» или «извивается».

И ошибки слуха, и ошибки памяти и внимания обязаны знать и учитывать и составители, и редакторы фольклорных песенных сборников, чтобы своевременно проверить текст и устранить искажение. Иногда искажения такого рода допускают сами певцы. В любом случае ответственность за публикацию ложится целиком на составителя и редактора книги. Нельзя возводить в принцип публикации явные искажения известных текстов, не отметив специально в комментариях, как эта песня звучит в других бесспорных вариантах.

Есть группа искажений, возникающих при небрежной полевой записи и последующем невнимательном переписывании: о кудрях жениха или холостого гостя поется:

По плечам лежат,
Словно жар горят;

Развиться хотят,
Жениться велят.

¹⁵ Народные песни Пермского края, т. 2, № 106.

¹⁶ Русский фольклор Удмуртии, № 187.

¹⁷ Песенное творчество Калужского края, № 16.

¹⁸ Фольклор семипалатинских казаков. Ч. II. Алма-Ата, 1980, № 272.

При публикации появляется бессмысленная строчка: «Разбить его хотят». В свадебных песнях текст устойчив, в них почти никогда не встречается искажений при исполнении песен, так как в песне обычно воплощаются не только хорошо знакомые, но и прочувствованные, пережитые каждым лично ситуации. Поэтому искажение возникло скорее всего при невнимательном переписывании (студенческая запись).¹⁹ Когда в песне невеста «била ручьи об дубовый стол», а в публикации «била ручьями» — ясно, что ошибка произошла не при исполнении песни, а опять-таки при небрежном, бездумном отношении к тексту при переписывании его или перепечатке.²⁰

Наконец, необходимо указать еще на один вид, на первый взгляд невинных, искажений текста — на неправильную расстановку ударений. Она совершенно необходима при публикации фольклорных текстов. В этом отношении (а также и во многих других) заслуживают похвалы составители сборника «Русский фольклор в Удмуртии». Но уж коли ударения ставятся, они должны быть проверены и прослушаны неоднократно. Трудно поверить, чтобы в плясовой песне с классическим, хорошо известным типом строфы, ударение было таким, как оно показано в тексте № 79:

Башмачки новы, новые,
Верхи золотые;

Верхи́, верхи́ золотые,
Пяточки́ литые.

Должно быть: ве́рхи, ве́рхи золотые, так как ударение переносное. Сомнительна постановка ударения в тексте № 79 «на камень».

Искажения, ошибки и опечатки наносят произведениям фольклора больший ущерб, чем изданиям художественной литературы. При неоднократных переизданиях авторское произведение всегда рано или поздно дойдет до читателя в его подлинном виде. Фольклорные же тексты издаются, как правило, один раз в столетие. Искаженный при публикации текст остается таким почти навсегда в сознании исследователей и читателей. В изуродованном виде он попадает иногда в антологии и хрестоматии. Когда-то К. Д. Кавелин писал в рецензии на известную книгу А. В. Терещенко «Быт русского народа»: «Бедная русская археология! (так тогда называли иногда устную словесность — *З. В.*). Чего она не должна вытерпеть, пока, наконец, наступит и для нее черед строгого, серьезного, добросовестного изучения! А время уходит, факты исчезают, и их не воскресить!»²¹ Спустя сто лет, мы снова можем с полным основанием повторить эти слова.

Чтобы опубликовать текст так, как услышал, не надо ни квалификации, ни эрудиции, ни ученой степени. Появление публикаций, подготовленных на низком научном уровне, порождает множество охотников до издания сборников фольклора, обивающих пороги издательств, архивных учреждений, институтов. Они требуют консультаций, рецензий, оплаты за сомнительный составительский труд, обижаются на отказы и не могут понять, почему предлагаемый ими материал не имеет научной ценности, когда такой же («даже хуже!») был издан там-то. В связи с этим необходимо остановиться еще на одной существенной стороне публикаций — критериях отбора материала для печати.

Изучая современные процессы, происходящие в устном народном творчестве, мы стремимся возможно шире охватить и учесть все явления, так или иначе влияющие на устный фольклорный репертуар, разобратся во всей массе разнородных в художественном отношении про-

¹⁹ Народные песни Пермского края, т. 1, № 194.

²⁰ Там же, № 106.

²¹ Кавелин К. Д. О сочинении г. Терещенко. — Современник, 1948, кн. 9—12; то же: Сочинения К. Д. Кавелина. СПб., 1900, т. 4, с. 57.

изведений. Естественно поэтому, когда собиратель фиксирует все, с чем сталкивается. Но значит ли это, что и публиковать нужно все?

В репертуаре любой социальной группы, среди населения любого села, поселка, районного центра встречается много произведений случайных, мимолетных, проходных, и среди них — лишь единичные произведения представляют художественную ценность. Несколько десятков полноценных текстов в пределах одного сельсовета — уже богатство. В пределах района — это уже сотни, а если сборник представляет фольклор не района, а области, края? Критерий художественности не вполне надежен, так как допускает известную долю субъективности, проистекающей от личных вкусов и взглядов составителя. Когда составители сборника «Народные песни Пермского края» поставили цель «представить сегодняшнее бытование народной песни в его реальном состоянии и составе», они дали широкий охват песенного материала во всем его тематическом разнообразии и в значительной полноте вариантов. Но понятие «народная песня» не было строго определено, поэтому в сборник попали весьма сомнительные произведения, вроде следующего:

Ох, понесут меня во гробе,	И телеса мои не встанут,
Душа взнесется в небеса,	И не промолвят словеса.

(т. 2, № 408)

А. Н. Веселовский писал, что «между литературой и народом лежит серая колеблющаяся масса, которую можно назвать, с одной стороны, вырождением народного творчества, а с другой — искажением литературы народом. Разобраться в этой массе, нам кажется, никогда не представится возможным».²²

Задача фольклориста — выбрать в этой массе подлинно художественные ценности. В связи с этим необходимо учесть еще один, очень существенный историко-фольклорный аспект, который может служить дополнением и уточнением критерия художественности произведения. Важно вести учет сюжетов исчезнувших, но когда-то зафиксированных в данном регионе, и сюжетов редких, исчезающих. Учет исчезнувших сюжетов, известных лишь по старым публикациям и архивным записям, изучение их соотношения с еще живущими, встречающимися достаточно часто или относительно редко в собирательской практике, сделал бы более целенаправленной работу по отбору текстов для публикации. Необходима специальная картотека сюжетов, составляемая в процессе экспедиционной практики. Она дала бы материал для полной картины устно-поэтического репертуара в определенном районе, для изучения судеб народной песни в прошлом и настоящем на конкретном материале, помогала бы следить за движением сюжетов в пределах изучаемого жанра. Такая картотека должна пополняться при практической работе студентов в областных архивах и краеведческих музеях, если там имеются фольклорные фонды и коллекции.

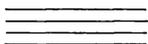
Необходимо заботиться об улучшении качества студенческих полевых записей; проводить практические занятия, обучая перед экспедицией студентов записыванию песен с голоса, с последующей проверкой записанного текста.

Готовя песни к публикации, важно учесть все доступные варианты текста по архивным и печатным источникам. Только в процессе изучения вариантов возникает полное представление о тексте, правильное и глубокое понимание его смысла и художественных достоинств. Абсолютное понимание публикуемого текста должно быть обязательным условием работы составителя. Не следует спешить с публикацией вариан-

²² Веселовский А. Н. Любвиная лирика XVIII века. СПб., 1909, с. 166.

тов, имеющих искажения и «темные места», которые составитель пока не в силах объяснить. О них можно упомянуть в статье, указать в примечаниях.

Мы становимся свидетелями величайших процессов создания нового сельского быта и ломки последних остатков натурального хозяйства, исчезновения последних его элементов. Вместе с ним исчезают последние следы патриархального быта и сознания. Процесс великого создания народного хозяйства страны на новой технической основе ведет к ломке привычных когда-то представлений. Время меняет не только понятия и представления. Изменяются карты районов и областей. Меняется и лицо страны, и характер народа. Старый крестьянский быт становится достоянием музеев. Вместе с ним уходит из памяти целый комплекс понятий, слов, названий, действий — они становятся уже непонятными архаизмами. На фоне этих колоссальных перемен происходят необратимые процессы в жизни традиционного фольклора. Он завершает свою грандиозную историческую роль, переходя на эстраду в немногих, не всегда лучших образцах. В этих условиях трудно переоценить значение фольклорных публикаций. Бережное и любовное отношение к поэзии и языку старой деревни, «у нас на глазах исчезающей и гибнущей Атлантиды народного говора», — долг и первоочередная задача фольклористов и диалектологов. Этой задаче в какой-то мере служат и сборники областного и краевого фольклора. Тщательная, добросовестная и вдумчивая работа с фольклорным текстом — обязанность каждого, желающего внести свою лепту в дело сохранения народной устно-поэтической культуры в ее подлинном виде.

А. Н. РОЗОВ

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ РАБОТА ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. (ОБЗОР ИНФОРМАЦИИ)

Собирательской работе в советской фольклористике всегда уделялось большое внимание, но наиболее полную и исчерпывающую характеристику получила экспедиционная деятельность середины 50—60-х гг. в статье В. В. Митрофановой «Экспедиционная работа за последние десять лет»,¹ где исследовательница подвела итоги собрания русского фольклора по всему Советскому Союзу, выделила основные коллективы собирателей, записывающих фольклор в различных областях страны.

За время, прошедшее после опубликования статьи В. В. Митрофановой, собрание фольклора стало еще интенсивнее. Поэтому представляется целесообразным обобщить опыт собирательской деятельности за последнее десятилетие, выяснить, в какой мере экспедиционная работа отражена в печати.

Более $\frac{2}{3}$ всей информации содержится в различных газетах от центральных до районных. Именно этот материал наименее поддается картографированию, так как чаще всего содержит самые скудные сведения об экспедициях. Однако для целого ряда учреждений, собирающих фольклор, именно газетная публикация является единственной возможностью обнародовать экспедиционный отчет. Кроме того, подобные публикации позволяют наладить контакты с исполнителями.

Некоторые вузы страны информируют об итогах состоявшихся экспедиций на страницах периодических сборников, издаваемых ими в 70-е гг., или журналов: Московский государственный университет — в «Вестнике МГУ» (Филол. сер., 1971—1979); Казахский университет — «Филологический сборник» (Алма-Ата, 1973, 1974, 1976, вып. 12—14, 17); Башкирский университет — «Фольклор народов РСФСР» (Уфа, 1974—1979, вып. 1—6); Пермский педагогический институт — «Фольклор и литература Урала» (Пермь, 1971, вып. 1; 1975—1979, вып. 2—6); Свердловский университет — «Фольклор Урала» (Свердловск, 1976, вып. 1—2; 1977—1978, вып. 3—4); Омский педагогический институт — «Фольклор и литература Сибири» (Омск, 1974, вып. 1; 1975, вып. 2; 1977, вып. 3); Московский областной педагогический институт — «Проблемы изучения русского устного народного творчества» (М., 1976, вып. 2—3; 1977—1980, вып. 4—7). Но этот материал далеко не всегда дает исчерпывающее представление о собирательской деятельности того или иного учреждения. Большинство же вузов не использует свои научные труды или ученые записки для обнародования результатов полевого сезона.²

Информация о собрании фольклора нередко содержится во вступительных статьях к сборникам текстов устного народного творчества. В ка-

¹ См.: Русский фольклор. Л., 1964, вып. 9, с. 215—228.

² Имеются подробные сведения о собрании фольклора в Читинском педагогическом институте (Левашов В. С. Собрание устной поэзии казаков Забай-

честве примера можно привести удачные статьи З. Е. Семеновой «Современное состояние русского народно-песенного творчества в Чувашии» в сб. «Русские пародные песни и частушки в Чувашии» (Чебоксары, 1975) и Н. К. Митропольской «Современное состояние русской песенной традиции в Литве (по записям 1960—1972 гг.)» в сб. «Русский фольклор в Литве» (Вильнюс, 1975). В последней книге имеется карта обследованных за 13 лет населенных пунктов, составленная Н. К. Митропольской.

С 1972 г. редколлегия сборника «Русский фольклор» и годом позже журнала «Советская этнография» взяли на себя задачу периодически информировать о полевых исследованиях. С 1973 по 1979 г. в «Советской этнографии» было опубликовано 22 отчета 12 учреждений. Чаще всего хронику давали Московский и Горьковский университеты, Институт русской литературы (ИРЛИ). Другие организации, ведущие собирательскую работу, в первую очередь периферийные, мало используют возможность публикации в центральном органе советских этнографов, поэтому количество сообщений о деятельности фольклористов очень невелико. В сборнике «Русский фольклор», издаваемом сектором фольклора ИРЛИ, с 1972 по 1977 г. напечатано 32 отчета 19 учреждений. Рубрики «Результаты экспедиций года» и «Экспедиционная работа за год» позволили дать довольно полное представление об ежегодной полевой работе главных собирательских центров, но начиная с XVIII т. экспедиционная хроника перестала публиковаться.

От анализа главных источников информации о фольклорных экспедициях перейдем к характеристике основных коллективов собирателей.³

Как и раньше, в 70-е гг. большую экспедиционную работу проводили сектора (отделы, группы) фольклора научно-исследовательских учреждений АН СССР. Так, сектор фольклора ИРЛИ за последние десять лет провел около 30 экспедиций в различные районы страны: в Новгородскую (1969—1971, 1974, 1979, 1980 гг.),⁴ Горьковскую (1969—1972, 1978—1980 гг.),⁵ Ленинградскую (1976 г.),⁶ Архангельскую области и Карельскую АССР (1975—1978, 1980 гг.),⁷ Астраханскую (1976—1978 гг.),⁸ Смоленскую (1978—1980 гг.)⁹ области, в Якутскую АССР.¹⁰

калья. — В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973, вып. 2, с. 38—58) и в Мичуринском педагогическом институте (Попков В. И. Ежегодные фольклорные экспедиции. — В кн.: По законам жанра. Тамбов, 1978, вып. 3, с. 115—117).

³ В статье используется только та информация по собиранию русского фольклора на территории СССР, которой располагает справочно-библиографический кабинет сектора народно-песенного творчества ИРЛИ. Возможно, экспедиционная работа некоторых собирательских центров, отраженная главным образом в местной периодике, осталась вне поля зрения.

⁴ Власова З. П., Митрофанова В. В. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, вып. 13, с. 271; Жекулина В. П., Митрофанова В. В. Экспедиции ИРЛИ в Новгородскую область в 1971 г. — Там же, 1974, вып. 14, с. 289; Розов А. И. Экспедиция ИРЛИ в Новгородскую область в 1974 г. — Там же, 1976, вып. 16, с. 303; см. также предисловие к сборнику «Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963—1976 гг.)» (Л., 1979, с. 5—11).

⁵ Лобанов М. А. Песенная культура Горьковской области (По материалам экспедиций 1969—1972 гг.). — В кн.: Современность и фольклор. М., 1977, с. 242—254; Лобанов М. А., Хомчук Н. И. Полевая собирательская работа сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР в Горьковской области в 1971—1972 гг. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1974, вып. 14, с. 290; Лобанов М. А. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1973, № 6, с. 156.

⁶ Мацевский П. В. Комплексные экспедиции в междуречье Волхова и Сяси. — В кн.: Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980, с. 211—214.

⁷ Выходцев П. С. Современное состояние фольклора на Беломорье (Проблема регионального обследования). (Статья публикуется в данном сборнике).

⁸ Горелов А. А. [Отчет об экспедиции ИРЛИ в Астраханскую область в 1976 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 17, с. 202—203.

⁹ За песнями, за сказками. — Веч. Ленинград, 1979, 15 июня; Хомчук Н. И. Фольклорная экспедиция. — Рабочий путь, 1980, 3 июня.

¹⁰ Союз композиторов СССР. Комиссия музыки народов СССР. Всесоюзная ко-

Часто сектор участвует в совместных экспедициях со специалистами из других учреждений. Например, в 1976 г. сотрудники сектора вместе с группой фольклористов Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), студентами-этнографами Ленинградского университета и представителями других ленинградских вузов и организаций работали в составе комплексной фольклорно-этнографической экспедиции, организованной Ленинградским отделением Всесоюзного общества охраны памятников искусства и культуры в Тихвинском районе Ленинградской области; в 1977 г. — в межреспубликанской экспедиции ИРЛИ, Института языка и литературы Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР и Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству.

Неоднократно к собирательской деятельности ИРЛИ в Горьковской и Новгородской областях подключались преподаватели и студенты Горьковского университета и Новгородского педагогического института.¹¹ В результате такого сотрудничества в 1979 г. вышли в свет сборники «Песни и сказки Пушкинских мест» и «Традиционный фольклор Новгородской области». Сейчас сектор готовит к изданию второй выпуск фольклора Горьковской области.

Интенсивно ведется собирательская работа фольклористами Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Ежегодно несколько отрядов собирателей работают в различных областях и республиках страны: в Латвийской и Литовской ССР,¹² на русском Севере,¹³ в центральной полосе России и Поволжье (Калининская область — 1969—1971 гг.,¹⁴ в Костромской — 1972—1974 гг.,¹⁵ Московской — 1973¹⁶ и Ярославской — 1977¹⁷ областях).

Обращает на себя внимание четко разработанная в Институте этнографии форма печатных отчетов о полевой работе, которая позволяет

миссия по народному музыкальному творчеству: Информационное письмо. М., 1978, № 6—7, с. 33—34.

¹¹ В ряде случаев в подобных экспедициях работали представители других учреждений: Ленинградской и Горьковской консерваторий, Горьковского и Новгородского областных Домов народного творчества, студенты Ленинградского университета и т. д.

¹² Макашина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979

¹³ Дмитриева С. И. 1) Материалы по традиционному фольклору русских Архангельской области. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971, с. 49—60; 2) Фольклорные исследования на Мезени летом 1971 г. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972, ч. 2, с. 260—268; Бернштам Т. А., Лапин В. А. Поморы Кандакшского и Терского берегов Белого моря. — В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974, ч. 1, с. 16—26; Дмитриева С. И. К соотношению фольклорных, этнографических и антропологических ареалов в бассейне реки Мезени. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Краткие сообщения. Л., 1978. (В основе сообщения материалы экспедиций 1971, 1974—1976 гг.).

¹⁴ Шаповалова Г. Г. 1) Материалы по обрядовому фольклору Андреапольского района Калининской области. — В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972, ч. 2, с. 278—284; 2) Традиционный фольклор сегодня. (По материалам экспедиций в Калининскую и Костромскую области). — В кн.: Современность и фольклор, с. 271—280

¹⁵ Дмитриева С. И. Фольклорно-этнографические исследования в Костромской области — В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г., ч. 1, с. 37—45; Шаповалова Г. Г. 1) Материалы фольклорно-этнографического обследования Костромской области — В кн.: Новое в этнографии и антропологии: Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 г. М., 1975, с. 84—93; 2) [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1974, № 5, с. 166.

¹⁶ Погранцева Э. В. [Коротко об экспедициях]. — Там же, № 2, с. 140.

¹⁷ Тер-Саркисянц А. Е., Тульцева Л. А. Экспедиции Института этнографии в 1977 г. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии в 1977 г. М., 1979, с. 254.

без особых промедлений подготовить к изданию результаты всех экспедиций, в том числе и фольклорных. Фольклористы института принимают участие в ежегодных общепитетутских конференциях, посвященных итогам экспедиционного сезона. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность института на протяжении многих лет ориентирована в первую очередь на создание столь необходимых фольклористам и этнографам атласов по русским свадебным и календарным обрядам.

По традиции в фольклорных экспедициях Института этнографии принимают участие сотрудники других учреждений. Так, в 1972 г. в составе Северного отряда (ленинградская часть) работал музыковед В. А. Лацин — сотрудник сектора фольклора ЛГИТМиК. Однако, судя по опубликованным отчетам, число совместных фольклорных экспедиций по сравнению с 50—60-ми гг. заметно сократилось.

С середины 60-х гг. активно и планомерно ведется собирание русского фольклора в Карелии сектором фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Итогом этой работы стали сборники текстов и исследовательских статей, которые заняли заметное место в советской фольклористике.¹⁸

В это же время заметно оживилась экспедиционная работа сектора фольклора Института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Работая под руководством Л. Е. Элиасова над подготовкой к изданию Свода русского фольклора Сибири, сотрудники сектора осуществили в 60-70-е гг. более 40 экспедиций в Бурятскую, Тувинскую, Якутскую АССР, Приморский, Хабаровский, Красноярский, Алтайский края; Амурскую, Хакасскую, Горно-Алтайскую, Сахалинскую области¹⁹ и т. д.

С 1954 г. ведут собирательскую работу этнографо-филологические экспедиции Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. С 1967 г. в составе этой экспедиции был выделен фольклорный отряд, который неоднократно публиковал свои отчеты.²⁰ Сектор фольклора Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР за рассматриваемый период опубликовал только один отчет (за 1969 г.).²¹ Очевидно, это учреждение постепенно сворачивает некогда большую работу по фиксации фольклора русского населения Татарской АССР. Газетной заметкой исчерпывается информация о собирании русского фольклора Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.²²

Среди вузов, занимающихся собиранием русского народного творчества, в первую очередь следует отметить кафедру фольклора филологи-

¹⁸ Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971; Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974; *Криничная Н. А.* Северные предания (Беломорско-Онежский регион). Л., 1978; Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. В последнем из перечисленных трудов опубликована статья А. П. Разумовой «Об изучении современного состояния традиционного фольклора Карельского Поморья». Автор анализирует работу 15 экспедиций (с 1963 по 1975 г.) в районах Поморья.

¹⁹ *Элиасов Л. Е.* Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3. Локальные песни. М., 1973. В первой главе «Современное состояние фольклора и фольклористики Сибири» подведены итоги экспедиционной работы с 1960 по 1971 г. Последующая работа института находит свое отражение в основном лишь на газетных полосах.

²⁰ *Фегисова Л. Е.* Некоторые итоги работы фольклорного отряда Дальневосточной этнографо-филологической экспедиции 1969 г. — В кн.: Труды Дальневост. науч. центра АН СССР. Сер. ист. Владивосток, 1971, т. 8, с. 133—135; *Обшарина Е. С., Фегисова Л. Е.* Из истории изучения славянского фольклора на Дальнем Востоке. — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 127—131.

²¹ *Павлова В. Ф.* [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, вып. 13, с. 273.

²² *Атанова Л.* Командировка за песнями. — Сов. Башкирия, 1970, 1 авг.

ческого факультета Московского университета,²³ которая, на протяжении двух десятилетий организуя параллельно студенческие научные экспедиции и фольклорную практику студентов-русистов, периодически публикует отчеты собирателей, как преподавателей, так и студентов.

Заслуживает внимания сложившаяся в МГУ практика отражения в печати результатов полевого обследования. После сжатой информации в журнале «Советская этнография» или в сборнике «Русский фольклор» в «Вестнике МГУ» публикуется развернутый обзор записанного фольклорного материала и, наконец, подготавливается сборник фольклорных текстов.²⁴ Информация исчерпывающе показывает целенаправленную работу экспедиций МГУ последнего десятилетия в бассейнах крупных рек Архангельской области: Северодвинский бассейн (1969 г.);²⁵ Пинежский (1970—1972 гг.);²⁶ Вычегодский (1973—1974 гг.);²⁷ Мезенско-Вапшский (1975—1977 гг.);²⁸ Печорский (1978 г.),²⁹ а также по районам Калужской области.³⁰

Интенсивную собирательскую работу ведут преподаватели и студенты историко-филологического факультета Горьковского университета, активно сотрудничающие со всеми городскими организациями, занимающимися сборанием произведений народного творчества. По инициативе специалистов университета в 1977 г. был создан областной совет по координации фольклорной работы, объединивший представителей университета, педагогического института, консерватории, областного Дома народного творчества, музыкального училища и т. д. Этот центр руководит планомерным обследованием современного состояния фольклора Горьковской области, а также граничащих с ней областей и автономных республик.³¹ За анализируемый период было проведено немало совместных экс-

²³ Многолетняя экспедиционная работа фольклористов МГУ обобщена в статье Н. И. Савушкиной и А. В. Кулагинной «Экспедиционная работа кафедры русского народного творчества» (Вестн. МГУ. Сер. 10. Филология, 1977, № 5, с. 63—67).

²⁴ На сегодняшний день вышел только один сборник, подготовленный студентами под руководством Н. И. Савушкиной, — «Обрядовая поэзия Пинежья» (М., 1979). Это издание открывает планируемую кафедрой фольклора серию изданий «Традиционный фольклор в записях советского времени».

²⁵ Ремезова Е. А. Результаты экспедиции 1969 г. в Архангельскую область. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 269—270.

²⁶ Ремезова Е. А., Савушкина Н. И. Фольклорная традиция на Северной Двине и Пинеге. (Итоги экспедиций 1970—1971 гг.). — Вестн. МГУ. Сер. 10. Филология, 1972, № 4, с. 74—81; Ведерникова Н. М., Савушкина Н. И. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1973, № 5, с. 154—155.

²⁷ Ведерникова Н. М., Кочетов В. П., Савушкина Н. И. [Коротко об экспедициях]. — Там же, 1974, № 2, с. 140—141.

²⁸ Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И. [Коротко об экспедициях]. — Там же, № 4, с. 173—174; Денисова Л. В., Жукова И. Л., Калакуцкая Е. Л. и др. Фольклорная традиция на Мезени. — Вестн. МГУ. Сер. 10. Филология, 1977, № 2, с. 72—78; Воюшина И., Еремина Н., Жукова И. и др. Современное состояние жанров фольклора в Лешуковском районе Архангельской области. — Там же, 1978, № 6, с. 50—56; Кулагина А. В., Савушкина Н. И. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1978, № 3, с. 166—167.

²⁹ Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М. [Коротко об экспедициях]. — Там же, 1980, № 2, с. 157.

³⁰ Круглов Ю. Г., Кулагина А. В., Морозова Л. А. Современное состояние фольклора в Калужской области. — Вестн. МГУ. Сер. 10. Филология, 1971, № 5, с. 68—73; Круглов Ю. Г., Кулагина А. В., Токарева Е. И. Современное состояние фольклора в Калужской области. — Там же, 1973, № 1, с. 72—77; Бородейко Р. Г., Круглов Ю. Г., Яцунок Е. И. Современное бытование фольклора в Калужской области. — Там же, 1975, № 4, с. 68—73; Кулагина А. В., Селиванов Ф. М. Фольклор в Юхновском районе Калужской области. — Там же, 1976, № 6, с. 39—44; Смирнов В. А., Щербанов Н. М. Фольклор современной калужской деревни. — Там же, 1977, № 2, с. 67—71.

³¹ Подробнее см.: Морозин В. Н. V областная фольклорная конференция «О задачах собирания и пропаганды фольклора в Горьковской области». — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 142—144.

педиций, в которых наряду с фольклористами-словесниками принимали участие и музыковеды.

Как уже отмечалось, Горьковский университет тесно сотрудничает с фольклористами ИРЛИ, кроме того, поддерживает контакты со специалистами Института мировой литературы АН СССР (ИМЛИ), результатом чего явилась, например, совместная разработка плана экспедиции 1975 г., в которой наряду со студентами Горьковского университета работали студенты Марийского университета.³²

Собирательская работа преподавателей и студентов университета ежегодно отражается в отчетах К. Е. Кореповой на страницах журнала «Советская этнография», в областных газетах.

Большая работа по записыванию фольклора промышленных районов Урала ведется студентами и преподавателями Уральского университета (Свердловск) под руководством В. П. Кругляшовой. Подробная информация об этих экспедициях содержится не только в XIII, XVI и XVII томах «Русского фольклора», но и в статьях тематических университетских сборников, в которых перечислены все обследованные населенные пункты.³³

Более 30 лет (со времени организации фольклорного кружка) собирают фольклор студенты Воронежского университета. Обследованы многие районы области, по экспедиционным материалам подготовлено и издано несколько сборников воронежских песен, два из которых содержали записи последнего десятилетия.³⁴ Однако вся информация о многолетней работе воронежских фольклористов исчерпывается краткими предисловиями к сборникам и паспортными данными к текстам. Продолжается экспедиционная деятельность в Саратовском университете.³⁵ Собирается и изучается местный фольклор, проводятся литературно-фольклорные экспедиции в населенных пунктах, связанных с жизнью и творчеством русских писателей. В 1976 г. студенты работали в Калининской, Тульской и Орловской областях.

Многолетняя экспедиционная работа Пермского и Куйбышевского университетов отражена в печати недостаточно.³⁶ Тот же самый упрек

³² Синюгин В. Предапья старины глубокой. — Горьковская правда, 1978, 2 июля.

³³ Новые записи преданий на Урале / Публ. В. П. Кругляшовой, О. Климовой, С. Арутюнян. — В кн.: Фольклор Урала: Народная проза. Свердловск, 1976, с. 42—55; Ворошилова В. П., Третьякова В. В., Усова Г. Г., Зубова Н. П. Новые записи песен в промышленных районах Среднего Урала. — В кн.: Народно-песенное творчество: Фольклор Урала. Свердловск, 1977, с. 5—28. Отмечу также монографию В. П. Кругляшовой «Жапыр несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора» (Свердловск, 1974), во введении к которой перечислены маршруты всех экспедиций Уральского государственного университета с 1948 по 1973 г., фиксировавших предания.

³⁴ Народные песни Воронежской области / Под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1974; Воронежские народные песни в современной записи. Воронеж, 1978.

³⁵ Акимов Т. М. Деятельность Саратовского университета по собиранию произведений народного творчества. — В кн.: Проблемы фольклористики, истории литературы и методики ее преподавания. Куйбышев, 1972, с. 6—8; Бахтина В. А. 1) [Результаты экспедиций 1973—1974 гг.]. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1976, вып. 17, с. 306—307; 2) [Экспедиционная работа]. — Там же, с. 203; Колосова И. А., Наумова Н. А. Литературно-фольклорные экспедиции Саратовского университета. — В кн.: Живые традиции: Из истории и теории литературы. Саратов, 1978, с. 155—163.

³⁶ Ганина М. А. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 274; Смышляева Н. За песнями народными. — Звезда (г. Пермь), 1976, 25 июля; Василенко В. А. Современное состояние русской фольклорной прозы в Куйбышевской области. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975, вып. 2, с. 154—160. (В этой статье подведены итоги четырех фольклорных практик в Куйбышевском университете с 1970 по 1973 г.).

можно сделать и фольклористам ряда других университетов: Новосибирского,³⁷ Томского,³⁸ Ивановского,³⁹ Калининградского,⁴⁰ Кубанского.⁴¹

Лишь газетными заметками отражена активная работа студентов и преподавателей Челябинского университета под руководством А. И. Лазарева.⁴² Судя по этому материалу, челябинские специалисты имеют опыт в организации совместных фольклорно-этнографических экспедиций с Институтом культуры и Челябинским краеведческим музеем.

Подробные отчеты об экспедициях содержатся в работах руководителей студенческих экспедиций Калининского университета А. В. Гончаровой и В. Г. Шоминной.⁴³

Русский фольклор союзных и автономных республик записывают студенты национальных университетов. Плодотворно работает на протяжении более 20 лет Башкирский университет.⁴⁴ За это время обследовано большинство районов Башкирской АССР, некоторые районы областей, граничащих с республикой.

В упомянутой вступительной статье З. Е. Семенович к сборнику «Русские народные песни и частушки в Чувашии» содержится полная информация об экспедициях Чувашского университета с 1968 по 1974 г.

Приступили к собиранию фольклора недавно созданные Алтайский⁴⁵ и Сыктывкарский⁴⁶ университеты.

Некоторые университеты союзных республик, без должного научного основания, не сообщая заранее о своих планах учреждениям, которые постоянно работают в данной местности, проводят студенческую практику в областях РСФСР. Так, например, студенты Кишиневского университета в 1971 г. работали в Новгородской области,⁴⁷ а студенты Латвийского в 1970 г. — в Ульяновской.⁴⁸ Однако Латвийский университет, на протяжении 16 лет изучавший фольклор русского населения Латгалии,⁴⁹ отчеты за эти годы не опубликовал.

³⁷ Изучая старину. — Веч. Новосибирск, 1977, 27 дек.

³⁸ Казаркин А. П., Колесникова Р. И., Корокотина А. М. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 275.

³⁹ Андреев В. Фольклорная экспедиция студентов. — Рабочий путь (Иваново), 1978, 25 авг.

⁴⁰ Папко Н. Сокровищница народной поэзии. — Калининградская правда, 1970, 16 окт.; Константинова Ж. Экспедиция за песнями. — Там же, 1978, 10 окт.

⁴¹ Миронов В. Фольклорная экспедиция студентов. — Сов. Кубань (Краснодар), 1972, 28 июля; Макаренко П. Сила песни: Заметки о фольклорной экспедиции. — Кубань, 1974, № 4, с. 97—99.

⁴² Лазарева Л. Н. Поход за песнями. — Челябинский рабочий, 1977, 9 авг.; Палагинская Т. Когда возвращаются экспедиции. — Там же, 1978, 16 сент.; Ерисова С. Экспедиция... за песнями. — Там же, 1979, 18 янв.; Борохов В. Частушки бабушки. — Сов. культура, 1979, 3 февр.

⁴³ Гончарова А. В. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 271—272; Шомина В. Г. 1) Фольклор на родине В. И. Симакова. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974, вып. 1, с. 200—204; 2) Современное состояние фольклора на родине В. И. Симакова. (По материалам фольклорной экспедиции 1971 г.). — В кн.: В. И. Симаков и народное творчество. Калинин, 1977, с. 45—61.

⁴⁴ Барга Л. Г. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 274; Брянцева Л. И. Традиционная свадьба в селе Отраде Кумертауского района БАССР. — В кн.: Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1976, вып. 3, с. 195—211 (статья написана на материале экспедиций 1971, 1974 гг.); 2) Песни фольклорного фонда кафедры русской литературы Башкирского университета (1960—1976 гг.). — Там же, 1977, вып. 4, с. 149—158.

⁴⁵ Василенко В. А. Из истории собирания русского народно-поэтического творчества на Алтае. — В кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1975, вып. 2, с. 3—22.

⁴⁶ Кудряшова В. М. [Экспедиционная работа]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 17, с. 204.

⁴⁷ Кобясов А. За фольклором. — Новгородская правда, 1971, 29 июля.

⁴⁸ Сергеев И. Студенческие экспедиции. — Ульяновская правда, 1970, 16 июля.

⁴⁹ Макашина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии, с. 50

Имеются сведения об экспедициях украинских университетов — Киевского⁵⁰ и Черновицкого.⁵¹

О собирании русского фольклора студентами Вильнюсского университета с 1960 по 1972 г. подробно рассказано в уже упомянутой вступительной статье Н. К. Митропольской к сборнику «Русский фольклор в Литве».

Известно, что в 1971—1973 гг. на территории Латгалии проходила фольклорная практика студентов Тартуского университета.⁵²

Казачий фольклор записывался студентами Чечено-Ингушского⁵³ и Казахского⁵⁴ университетов. По материалам экспедиций казахские фольклористы выпустили сборник народной поэзии семиреченских казаков.⁵⁵

В русских селах Алтая работали студенты Киргизского университета.⁵⁶

В ряде педагогических институтов собирание фольклора до введения в 1978 г. обязательной экспедиционной практики осуществлялось в фольклорных кружках. Значение этих кружков трудно переоценить. Многие студенты приобщались здесь к собирательской работе. Став преподавателями сельских школ, они прививают интерес к фольклору школьникам, создают школьные кружки любителей фольклора и этнографии.

Среди педагогических институтов, имеющих богатый собирательский опыт, следует в первую очередь отметить деятельность кружка Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ), уже на протяжении более четверти века руководимого А. М. Новиковой. Продолжая начатое со второй половины 50-х гг. изучение фольклора Подмосковья, студенты МОПИ работали в 1971—1979 гг. и в Тульской области. Результаты этих экспедиций в достаточной мере отражены в печати.⁵⁷

В Рязанском педагогическом институте с 1951 г. проводятся ежегодные экспедиции фольклорного кружка (руководитель В. К. Соколова). За эти годы обследованы многие районы области, сделано большое количество записей. Однако информация о деятельности рязанских фольклористов явно недостаточна.⁵⁸ Такое же явление характерно и для Вологодского педагогического института, фольклорный кружок в котором работает под руководством М. А. Вавиловой с 1961 г.⁵⁹

Следует также отметить общую как для университетов, так и для педагогических институтов сложность в публикации собранных материалов. Сборники, подготовленные еще в середине 70-х гг. преподавателями

⁵⁰ *Россовецкий С. К.* [Экспедиционная работа]. — В кн.: *Русский фольклор*, вып. 17, с. 203.

⁵¹ *Маргулис М.* Песни Белой Криницы. — Труд, 1974, 26 янв.

⁵² *Макашина Т. С.* Фольклор и обряды..., с. 50—51.

⁵³ *Мальсагов А.* В поход... за фольклором. — Грозненский рабочий, 1972, 13 авг.

⁵⁴ *Багизбаева М. М., Карлухин О. И.* Об устном творчестве русских переселенцев озера Маркаколь (на материале поселений Урунхайки и Алексеевки Восточно-Казахстанской области). — В кн.: *Филологический сборник*. Алма-Ата, 1973, вып. 12, с. 71—79; *Багизбаева М. М., Абдуллина А. Б.* Песенное творчество семиреченских казаков. — Там же, 1974, вып. 13—14, с. 44—58; *Абдуллина А. Б., Багизбаева М. М.* Песенное творчество семиреченских казаков. — Там же, 1976, вып. 17, с. 83—104.

⁵⁵ *Фольклор семиреченских казаков* / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. М. М. Багизбаевой. Алма-Ата, 1978, вып. 1; 1980, вып. 2.

⁵⁶ *Лаптева В.* Экспедиция за былинами. — Сов. Киргизия, 1969, 24 июля.

⁵⁷ Итоги десятилетней работы в Московской области обобщены в статье: *Новикова А. М.* Фольклор Московской области. — В кн.: *Проблемы изучения русского устного народного творчества*. М., 1977, вып. 4, с. 105—121. Кроме того, А. М. Новиковой опубликованы отчеты об экспедициях в 13, 14, 16, 17-м томах «Русского фольклора», в журнале «Советская этнография» (1973, № 6, с. 156—157).

⁵⁸ *Соколова В. К.* [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: *Русский фольклор*, вып. 13, с. 272; *Малахов А.* 1) Преданья старины глубокой. — Приокская правда (г. Рязань), 1972, 17 окт.; 2) Рязанские фольклористы. — Учит. газ., 1973, 4 янв.

⁵⁹ *Тархов А.* В походах за песней. — Красный Север, 1976, 14 дек.

и студентами Рязанского, Вологодского, Московского областного и ряда других вузов, до сих пор не опубликованы. Но в то же время имеется опыт некоторых институтов, которые не только печатают отчеты об экспедициях, но и издают наиболее интересные записи. Так, фольклористы Омского педагогического института на протяжении последнего десятилетия наряду с публикацией кратких отчетов⁶⁰ помещают в тематическом сборнике «Фольклор и литература Сибири» развернутую информацию о полевой работе и здесь же знакомят читателя с собранным материалом.⁶¹

В 70-е гг. фольклорные тексты изданы фольклористами Иркутского,⁶² Московского,⁶³ Пензенского,⁶⁴ Глазовского⁶⁵ педагогических институтов. Некоторые вузы сотрудничают со специалистами других учреждений, чаще всего с фольклористами-музыковедами, что позволяет вести запись песен на высоком научном уровне. Так, например, с 1968 г. работают вместе Кировский педагогический институт и Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных.⁶⁶ В результате совместной работы Астраханского педагогического института с консерваторией в 1978 г. был издан сборник «Русские народные песни Астраханской области».

Имеется также информация различного характера от научных сообщений в тематических сборниках до газетных заметок о многолетней собирательской работе Читинского⁶⁷ (с 1965 г.), Стерлитамакского⁶⁸ (с 1966 г.), Арзамасского⁶⁹ (с 1972 г.), Владимирского⁷⁰ (с 1972 г.), Мичуринского⁷¹ (с 1973 г.) институтов.

⁶⁰ Новоселова Л. В. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 275; Леонова Т. Г., Новоселова Л. В., Белкина Л. И., Фролова Н. Поездки Омского пединститута. — Там же, 1976, вып. 16, с. 304—305; Леонова Т. Г. [Экспедиционная работа]. — Там же, вып. 17, с. 207; Новоселова Л. В. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1977, № 6, с. 128—129.

⁶¹ Леонова Т. Г. Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения. (К итогам фольклорной экспедиции 1973 г. в Знаменский район Омской области). — В кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1975, вып. 2, с. 23—44; Новоселова Л. В. Итоги фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области. — Там же, 1976, вып. 3, с.; Леонова Т. Г., Белкина Л. М. Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области. — Там же, с. 31—46. Итоги экспедиционной работы обобщены в статье: Леонова Т. Г. Обзор материалов фольклорных экспедиций Омского пединститута за 20 лет. — Там же, 1974, вып. 1, с. 69—98.

⁶² Шастина Е. И. 1) Сказки Ленских берегов. Иркутск, 1971; 2) Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975; 3) Сказки Приленья. Иркутск, 1974. Кроме того, в 12—14, 17-м томах «Русского фольклора» помещены отчеты Шастинной об экспедициях Иркутского педагогического института.

⁶³ Фольклор Московской области. (Вспомогательный материал по устному народному поэтическому творчеству для практических занятий. Тексты и методические указания). Календарный и детский фольклор. М., 1979, вып. 1. Отмечу, что МГПИ им. В. И. Ленина проводит также музыкально-фольклористические экспедиции (Исаев В. Экспедиция за песнями. — Ленинское знамя, 1973, 14 апр.).

⁶⁴ Фольклор Пензенской области. Рязань, 1977.

⁶⁵ Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1977.

⁶⁶ Мохирев И. А. Фольклорный фонд кафедры литературы Кировского педагогического института им. В. И. Ленина. (Результаты собирательской работы в 1957—1969 гг.). — В кн.: Современное состояние народного творчества. Л., 1970, с. 43; Браз С. Опыт изучения фольклора Кировской области. — В кн.: Музыкальный фольклор. М., 1974, с. 30—64.

⁶⁷ Левашов В. С. Собрание устной поэзии казаков Забайкалья. — В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья, с. 38—58.

⁶⁸ Карпухин И. Е. Сказки из фольклорного фонда кафедры русской литературы Стерлитамакского педагогического института. — В кн.: Материалы и исследование по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, вып. 1, с. 195—196.

⁶⁹ Морозин В. Н. V областная фольклорная конференция «О задачах собирания и пропаганды фольклора в Горьковской области». — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 143.

⁷⁰ Баранова С. Родник народного творчества. — Призыв (Владимир), 1972, 25 нояб.

⁷¹ Попков В. И. Экспедиционная работа. — В кн.: Русский фольклор, вып. 17, с. 206.

В 70-е гг. регулярно проводились экспедиции в Карельском,⁷² Ростовском,⁷³ Нижнетагильском,⁷⁴ Южносахалинском⁷⁵ институтах.

Публиковались отдельные сообщения о полевых исследованиях Курганского,⁷⁶ Архангельского,⁷⁷ Ульяновского,⁷⁸ Ставропольского,⁷⁹ Горно-Алтайского⁸⁰ педагогических институтов.

В 1977 г. в Псковском педагогическом институте был создан фольклорный кружок, и в том же году состоялась первая экспедиция, а в 1979 — вторая.⁸¹

Судя по отчетам других учреждений, собирательской деятельностью занимались Новгородский⁸² и Горьковский⁸³ институты.

Ряд вузов дал информацию в местную периодику о результатах первой обязательной студенческой практики в 1978 г. (Калужский,⁸⁴ Курский,⁸⁵ Петропавловский,⁸⁶ Бурятский,⁸⁷ Павлодарский⁸⁸ педагогические институты).

Активно занимаются записью фольклора, преимущественно песенного, музыковеды, композиторы, преподаватели и студенты консерваторий, музыкально-педагогических институтов, институтов культуры, педагоги и учащиеся музыкальных средних учебных заведений, руководители народных хоров. Созданная в 1972 г. при Союзе композиторов СССР Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству организовала ряд ежегодных отчетно-экспедиционных сессий по результатам фольклорных экспедиций на территории СССР. Кроме того, Комиссия провела несколько всесоюзных семинаров для собирателей, каталогизаторов и исследователей музыкального фольклора. На состоявшихся конференциях разработаны рекомендации по координации собирательской деятельности и согласованию перспективных экспедиционных планов фольклористов-музыковедов.⁸⁹

⁷² *Лойтер С. М.* 1) Экспедиции Карельского педагогического института в 1971—1972 гг. — Там же, вып. 14, с. 290; 2) Экспедиции Карельского педагогического института. — Там же, вып. 16, с. 306.

⁷³ *Семенов В.* Записываются песни о Разине. — Веч. Ростов, 1970, 16 февр.; *Тумилевич Т.* У нас песен целое море (Очерк о фольклоре Багаевского района). — Комсомолец (Ростов-на-Дону), 1971, 13 марта; *Максимов А.* За донским фольклором. — Молот (Ростов-на-Дону), 1973, 15 апр.

⁷⁴ *Зубова Н. П.* Рабочий фольклор, его собрание и изучение. (Ответы на аккету). — В кн.: Фольклор Урала. Рабочий фольклор. Свердловск, 1978, с. 19—27.

⁷⁵ *Казакова Н. И.* Протяжная песня Сахалина времен царской каторги и ссылки (По материалам фольклорных экспедиций). — В кн.: Литература Дальнего Востока и проблемы реализма. Хабаровск, 1976, с. 22—30; *Парагин Ю.* За песнями народныхмп. — Сов. Сахалин, 1979, 16 авг.

⁷⁶ *Федорова В. П.* Современное состояние фольклорной традиции Зауральского Приобья. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971, с. 63—65.

⁷⁷ *Федорова Л. В.* Результаты фольклорных экспедиций по Северной Двине. — В кн.: Современное состояние народного творчества: Программа конф. и тез. докл. Л., 1970, с. 42—43.

⁷⁸ *Макарова Л.* В поход за песнями. — Комс. правда, 1976, 21 окт.

⁷⁹ *Суслов В.* В село за песнями. — Ставропольская правда, 1971, 5 нояб.

⁸⁰ *Явнинский В.* Живые голоса сказителей. — Сов. культура, 1976, 8 окт.

⁸¹ *Горюнова Л., Дроздова Г.* Начинающие собиратели фольклора. — Псковская правда, 1978, 23 мая; *Амаев И.* Песни по наследству. — Сов. культура, 1979, 30 окт.

⁸² Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.). Л., 1979.

⁸³ *Морохин В. Н.* С магнитофоном и блокнотом по области. (К 60-летию Горьковской фольклористики). — Записки краеведов, Горький, 1979, вып. 4, с. 177—184.

⁸⁴ *Пыжиков Е.* За песнями в Ульяново. — Знамя (Калуга), 1978, 19 нояб.

⁸⁵ *Малютин С.* За народной поэзией... экспедиция. — Курская правда, 1978, 31 дек.

⁸⁶ *Мухлынин М.* Родники фольклора. — Лепинское знамя (Петропавловск), 1978, 9 авг.

⁸⁷ *Ярневский И.* Прикосновение к слову народному. — Правда Бурятии, 1978, 22 авг.

⁸⁸ *Кабдрахманов Б.* Изучают фольклор. — Звезды Прииртышья (Павлодар), 1978, 14 июля.

⁸⁹ Хроника о состоявшихся конференциях и семинарах периодически публи-

В 70-е гг. заметно оживилась собирательская работа Союза композиторов СССР и РСФСР. Организованные фольклорными комиссиями при СК СССР и РСФСР экспедиции записывали русский песенный фольклор в самых различных уголках нашей страны: в Новгородской,⁹⁰ Псковской,⁹¹ Томской⁹² областях; в Красноярском⁹³ и Краснодарском⁹⁴ краях; на Алтае,⁹⁵ в Якутии⁹⁶ и т. д. Обработанные экспедиционные материалы легли в основу сборников.

Одновременно в нескольких областях работают отряды собирателей из Московской консерватории.⁹⁷ За десять лет были обследованы: русские села Азербайджанской ССР,⁹⁸ населенные пункты Брянской,⁹⁹ Воронежской, Тульской, Курской, Сумской, Рязанской, Горьковской¹⁰⁰ областей, деревни по берегам рек Сибири.¹⁰¹ Но информация об этих экспедициях ограничивается в основном газетными заметками.

В результате создания в 1966 г. в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных первого в стране отделения руководителей народных хоров намного увеличилось количество экспедиционных отрядов, ежегодно выезжающих в различные области РСФСР. Наряду с порайонным изучением в течение ряда лет песенного фольклора Кировской, Ульяновской и Костромской областей¹⁰² преподаватели и студенты института записывали произведения народного творчества в Воронежской,¹⁰³ Архангельской, Вологодской, Владимирской, Пермской, Белгородской, Брянской, Орловской, Псковской, Новгородской и Витебской областях.¹⁰⁴ На сегодняшний день обобщен большой опыт изучения вятского и ульяновского фольклора,¹⁰⁵ собранный же в других областях материал еще ждет своего часа.

На протяжении многих лет обследовали районы Вологодской области экспедиции Ленинградской консерватории.¹⁰⁶ Сейчас работа ведется в Архангельской области.¹⁰⁷ Записывались народные песни и в Ленинградской области.¹⁰⁸

Однако и в Ленинградской консерватории, подобно другим музыкальным вузам, ежегодные устные экспедиционные отчеты предпочитают

куется в «Информационном письме», издаваемом Комиссией по народному музыкальному творчеству СССР.

⁹⁰ Костин С. Из Москвы за песней. — Новгородская правда, 1970, 4 сент.

⁹¹ Залульская С. Фольклорная экспедиция. — Псковская правда, 1970, 16 июля.

⁹² Мехнецов А. М. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 275—276.

⁹³ Чернышева М. Б. [Результаты экспедиций 1969 г.]. — Там же, с. 276.

⁹⁴ Мазо М., Новик Е. Конференция, семинары, встречи. — Сов. музыка, 1977, № 2, с. 138—140.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Бродский И. Фольклорные сокровища. — Красноярский рабочий, 1974, 15 нояб.

⁹⁷ Например, в 1979 г. маршрут экспедиции проходил по восьми областям РСФСР (Андреотти Ю. По карте фольклора. — Правда, 1979, 18 авг.).

⁹⁸ Свиридова Н. Экспедиция за песнями. — Известия, 1970, 6 авг.

⁹⁹ Кузнецов Ю. Экспедиция за песнями. — Там же, 1969, 22 авг.

¹⁰⁰ Гоголь Н. Куда? За песней. — Комс. правда, 1975, 12 окт.

¹⁰¹ По следам песен. — Сов. Россия, 1979, 19 авг.

¹⁰² Кирюшина Т. За песнями и сказками. — Северная правда, 1979, 24 февр.

¹⁰³ Гурков В. Больше внимания сельской теме. — Сов. культура, 1971, 16 янв.

¹⁰⁴ Союз композиторов РСФСР. Комиссия музыки народов СССР. Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству: Информационное письмо. М., 1978, № 6—7, с. 26.

¹⁰⁵ Браз С. Опыт изучения песенного фольклора Кировской области. — В кн.: Музыкальный фольклор. М., 1974, с. 30—64; Егорова М. Ульяновская песня в истории русской фольклористики. — Там же, с. 130—150.

¹⁰⁶ Мазо М. [Результаты экспедиций 1969 г.] — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 270; Алексеев Т. Экспедиция за фольклором. — Красный Север (Вологда), 1971, 15 июля; Шевченко А. В Вологду за песней. — Там же, 1977, 3 марта.

¹⁰⁷ Потехин В. Поклон старым песенникам. — Правда Севера (Архангельск), 1979, 21 февр.

¹⁰⁸ Слонимский С. Богатство русской песни. — Лужская правда, 1975, 26 авг.

письменным. Поэтому столь же неперiodична экспедиционная хроника из других консерваторий страны: Горьковской,¹⁰⁹ Уральской,¹¹⁰ Новосибирской,¹¹¹ Казанской,¹¹² Астраханской,¹¹³ Петрозаводского филиала Ленинградской.¹¹⁴

В экспедиции отправляются не только преподаватели и студенты вузов, но и учащиеся ряда музыкальных училищ. Так, с 1968 г. под руководством С. В. Пьянковой записывают фольклор учащиеся Смоленского музыкального училища, где в 1970 г. открыт кабинет народного творчества.¹¹⁵

В Ленинградском музыкальном училище им. Н. А. Римского-Корсакова с 1971 г. проводятся ежегодные летние и зимние фольклорные экспедиции (руководитель Е. Н. Разумовская). Работая в основном в Усвятском районе Псковской области, учащиеся обследовали соседние районы Псковской и Смоленской областей и Белоруссии.¹¹⁶

С 1974 г. в районах своей области работают экспедиции Пермского музыкального училища.¹¹⁷

Собирается фольклор фольклористами-музыковедами институтов культуры, Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Для сектора фольклора ЛГИТМиК характерна организация с начала 70-х гг. комплексных экспедиций, в состав которых входили представители разных специальностей из разных учреждений. Сектор много экспериментировал в области методики записывания фольклора, разрабатывая такую систему фиксации произведения народного творчества, которая одновременно удовлетворяет требованиям как фольклористов-филологов и музыковедов, так и хореографов, этнографов и искусствоведов. Из всех многочисленных экспедиций сектора наиболее широко отражены в различных печатных источниках от районных, областных газет до «Советской этнографии» и «Русского фольклора» экспедиции в Ярославскую (1969 г.) и Ленинградскую (1970 г.) области.¹¹⁸ Результаты других экспедиций обнародованы на страницах секторских трудов.¹¹⁹

Среди институтов культуры, участвующих в собирательской деятельности, в первую очередь следует отметить Ленинградский, который в 70-е гг. работал в районах Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.¹²⁰ Имеются отдельные газетные заметки об экспедициях Мос-

¹⁰⁹ *Бордюг Н.* Отзовутся ли песни? — Горьковская правда, 1976, 19 авг.

¹¹⁰ *Левит И.* В поисках голосов. — Сов. культура, 1976, 1 окт.

¹¹¹ *Пархоменко Н.* Старинная сибирская песня — памятник культуры. — Красное знамя (Томск), 1972, 16 февр.

¹¹² *Любовский Л.* В поисках песни. — Сов. Татария, 1972, 18 июля.

¹¹³ См.: [Предисловие]. — В кн.: Русские народные песни Астраханской области, с. 3—8.

¹¹⁴ *Таскаева Т.* Экспедиция за песнями. — Ленинская правда (г. Петрозаводск), 1969, 21 сент.; *Краснопольская Т.* Фольклорное поле (заметки о народном творчестве). — Там же, 1972, 7 сент.

¹¹⁵ *Пьянкова С.* Песня — душа народа: По маршрутам фольклорных экспедиций. — Рабочий путь (Смоленск), 1972, 12 янв.

¹¹⁶ *Разумовская Е. Н.* [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1979, № 6, с. 157—158; *Ивашева Л. Л., Разумовская Е. Н.* Усвяцкий свадебный ритуал в его современном бытовании (по материалам экспедиций 1971—1979 гг. в Псковскую область). — Сов. этнография, 1980, № 1, с. 80—95.

¹¹⁷ *Стерн Я.* Из Усоля — с песнями. — Звезда (Пермь), 1978, 5 сент.

¹¹⁸ Назову лишь наиболее важные публикации: *Некрылова А. Ф., Арапова Е. Г.* 1-ая комплексная экспедиция Ленинградского семинара молодых фольклористов. — Сов. этнография, 1971, № 1, с. 115—119; *Некрылова А. Ф.* [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 272—273. По материалам экспедиций в Ярославскую область выпущен сборник «Угличские народные песни» (М., 1974).

¹¹⁹ Актуальные проблемы современной фольклористики, с. 211—220.

¹²⁰ *Степанов Ю.* В поход за песнями. — Сов. Россия, 1971, 5 авг.; *Васильева Е.* Сокровище народного духа. — Новгородская правда, 1978, 12 нояб.; Экспедиция за

ковского института в Псковскую область,¹²¹ Челябинского — в Челябинскую,¹²² Хабаровского — в Хабаровский край.¹²³

Так же, как и в 50—60-е гг., продолжается запись народных песен руководителями и исполнителями народных хоров. Государственный народный хор им. М. Е. Пятницкого работал в Калужской области.¹²⁴ В 1970 г. при Сибирском народном хоре был создан фольклорный кабинет, основной задачей которого является систематизация работы по записи народных песен и подготовка к изданию песенных сборников.¹²⁵ В том же году участники хора отправились в комплексную экспедицию по старому московскому тракту вместе с представителями других учреждений: Новосибирского отделения Союза композиторов, краеведческого музея, педагогического института, областного управления культуры, областного Дома народного творчества.¹²⁶ Сибирский народный хор участвует и в работе Координационного совета по исследованию народного творчества Сибири. Экспедиционная группа Уральского народного хора выезжала в Челябинскую, Пермскую и Свердловскую области.¹²⁷ С 1967 г. систематически записывает и расшифровывает народные песни Северный народный хор.¹²⁸

Интенсивной собирательской деятельностью занимается фольклорный ансамбль Союза композиторов РСФСР под управлением Д. Покровского.¹²⁹ Сочетая в себе собирателей-исследователей и исполнителей народной песни и инструментальной музыки, этот ансамбль пропагандирует русское народное творчество широкой аудитории.

В 70-е гг. заметно оживилась экспедиционная работа областных Домов народного творчества (ОДНТ), которые либо принимали участие в экспедициях других учреждений (например, Новгородский, Псковский, Костромской, Смоленский ОДНТ), либо сами организовывали экспедиции. С 1968 г. записывает фольклор казаков-некрасовцев Ростовский ОДНТ.¹³⁰ Активно работал Краснодарский краевой ОДНТ, прошедший совместно с местным отделением Всероссийского хорового общества несколько экспедиций.¹³¹ Информировали о своей собирательской деятельности Волгоградский,¹³² Ставропольский,¹³³ Горьковский,¹³⁴ Новосибир-

песней. — Ленинградская правда, 1979, 8 июля; *Просекоев Д.* Интересные записи. — Сельская жизнь, 1979, 26 авг. Материалы экспедиций по Ленинградской области вошли в книгу: *Ивановский В. А.* Русские народные песни. (К вопросу об организации фольклорных экспедиций): Методическое пособие. Л., 1974.

¹²¹ *Залужская Э.* Путешествие за стариной. — Псковская правда, 1972, 8 сент.

¹²² *Брянская И.* Сказ-живинка. — Лит. Россия, 1975, 11 июля; *Михнюкевич В.* Современная жизнь фольклора. — Челябинский рабочий, 1976, 16 окт.

¹²³ Сов. Россия, 1979, 3 авг.

¹²⁴ *Кирюхин В.* В Калугу за фольклором. — Знамя (Калуга), 1978, 22 дек.

¹²⁵ Лаборатория народного творчества. — Веч. Новосибирск, 1970, 18 сент.

¹²⁶ *Новиков А.* Сокровища народного творчества. — Сов. Сибирь, 1972, 14 мая.

¹²⁷ *Ворошилова В.* Устная летопись народа. — Веч. Свердловск, 1973, 7 июля; *Субботина Е.* По Уралу за танцем и песней. — Там же, 1977, 25 апр.

¹²⁸ *Носков А. К.* Практическое использование песенного фольклора в профессиональных и самодеятельных народных хоровых коллективах. — В кн.: Фольклор и современность: Материалы 1-й Архангельской научно-практической фольклорной конференции. Архангельск, 1972, с. 25—36.

¹²⁹ СК СССР, Комиссия музыки народов СССР. Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству. Информационное письмо; *Сафонов А.* Экспедиция за песней. — Белгородская правда, 1979, 3 февр.

¹³⁰ *Аракелян Е. Т.* О музыкальной культуре казаков-некрасовцев: (Методическая разработка в помощь лектору). Ростов н/Д., 1973.

¹³¹ *Слепов А.* Создадим антологию кубанской песни. — Сов. Кубань (Краснодар), 1979, 8 мая.

¹³² *Коробков Г.* Песенница (родники народные). — Волгоградская правда, 1972, 1 дек.

¹³³ *Тимофеев С.* В село за песнями. — Ставропольская правда, 1974, 5 нояб.

¹³⁴ *Леонидов Л.* Экспедиция за песнями. — Горьковская правда, 1969, 4 февр.

ский,¹³⁵ Владимирский¹³⁶ ОДНТ. Тем не менее далеко не все областные дома народного творчества включились в собирательскую работу. Возможно, что осуществленное в 1979 г. преобразование ОДНТ в научно-методические центры по народному творчеству будет способствовать повсеместному усилению экспедиционной работы.

Произведения народного творчества являются памятниками народной культуры. Поэтому Закон об охране памятников истории и культуры обязывает в первую очередь Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) внимательнее и активнее относиться к фольклору.

В некоторых областных отделениях Общества созданы фольклорно-этнографические отделения или секции, участвующие в полевой работе. Несколько больших экспедиций с участием различных учреждений было организовано Ленинградским и Новосибирским областными отделениями ВООПИК.¹³⁷ Собирали фольклор члены Новгородского,¹³⁸ Владимирского¹³⁹ областных отделений Общества. Ряд экспедиций провела Купавинская районная организация Новосибирского областного отделения ВООПИК.¹⁴⁰ Но все же многочисленные областные отделения Общества могли бы развернуть более широкую деятельность по собиранию произведений народного творчества.

Продолжается собирание фольклора школьниками. При правильном руководстве со стороны учителей, обладающих опытом экспедиционной работы, записи школьников могут представлять научную ценность. Особую помощь науке, как отмечала В. В. Митрофанова, школьники могли бы оказать в собирании «малых» жанров фольклора (пословиц, загадок, считалок и т. д.), которые фольклористами обычно не фиксируются в полном объеме.

В 1976 г. в городе Орджоникидзе состоялся 1-й Всероссийский фестиваль юных этнографов.¹⁴¹ Среди 261 докладчика были и юные фольклористы, работавшие по особой программе, составленной в Институте этнографии. В работе фестиваля участвовали школьники Лесногорской школы Одинцовского района Московской области, которые сначала собирали фольклор Подмосковья, а затем, по заданию Института этнографии, провели несколько экспедиций по областям РСФСР, а также в ряд других союзных республик.¹⁴²

Работают фольклорные кружки в школах Ростовской,¹⁴³ Кировской,¹⁴⁴ Вологодской,¹⁴⁵ Воронежской¹⁴⁶ областей, Красноярского края.¹⁴⁷ Но необходимо объединить собирательскую работу школьников с работой местных фольклористов и позаботиться о сохранении собранного материала.

¹³⁵ Экспедиция в прошлое. — Веч. Новосибирск, 1970, 26 сент.

¹³⁶ Баранова С. Родник народного творчества. — Призыв (Владимир), 1972, 25 нояб.

¹³⁷ Мацневский И. В. Комплексные экспедиции в междуречье Волхова и Сяси. — В кн.: Актуальные проблемы современной фольклористики, с. 211—214; Мельников М. Н. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1973, № 5, с. 155—156.

¹³⁸ Иванов В. Песни изглубоко. — Новгородская правда, 1971, 1 авг.

¹³⁹ Грунский Н. Памятники музыкальной культуры. — Призыв (Владимир), 1978, 12 февр.

¹⁴⁰ Поход за народным фольклором. — Сов. Сибирь, 1972, 6 авг.

¹⁴¹ Джарылгасимова Р. Ш., Рождественская С. Б. 1-й Всероссийский фестиваль юных этнографов. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 140—146.

¹⁴² Иванов С. Одинцовские собиратели. — Семья и школа, 1976, № 4, с. 19—20.

¹⁴³ Ковешников П. Под диктовку народа. — Молот (Ростов-на-Дону), 1970, 11 авг.; Касимов Н. Имя воспитателя — фольклор. (Казачья народная песня в эстетическом воспитании учащихся). — Комсомолец (Ростов-на-Дону), 1972, 1 сент.

¹⁴⁴ Савельев Н. На «охоту» за сказками. — Кировская правда, 1979, 25 марта.

¹⁴⁵ В поход за песнями. — Учит. газ., 1973, 14 апр.

¹⁴⁶ Гродницкая М. Музей русской песни. — Коммуна (Воронеж), 1972, 15 апр.

¹⁴⁷ Ануфриев А. Плывет над селом песня. — Пионер. правда, 1972, 12 дек.

Большую роль в собирании фольклора продолжали играть в последнем десятилетии отдельные собиратели, как профессионалы (В. С. Бахтин,¹⁴⁸ И. В. Ефремов,¹⁴⁹ И. В. Зырянов,¹⁵⁰ Е. И. Коротин,¹⁵¹ Ю. Е. Красовская,¹⁵² И. А. Мохирев¹⁵³ и др.), так и любители, представители разных специальностей (М. Екимов,¹⁵⁴ А. В. Ермаченко,¹⁵⁵ И. С. Коровкин,¹⁵⁶ О. А. Славянина¹⁵⁷ и многие другие).

Некоторые из собирателей-любителей поддерживают тесные отношения с учреждениями, занимающимися фольклором. Так, записи О. А. Славяниной имеются в архиве сектора фольклора ИРЛИ. М. Екимов передал свои записи в сектор фольклора ЛГИТМиК.

Иногда фольклор записывают организации, не имеющие к собирательской работе прямого отношения. Например, в течение ряда лет члены Союза художников РСФСР записывали песни, сказки, обряды и поверья, бытующие в среде мастеров каргопольской игрушки.¹⁵⁸ Фольклорные материалы хранятся в личных архивах участников экспедиций, а поэтому не могут быть введены в научный оборот. В 1978 г. в трех районах Ленинградской области работала фольклорная экспедиция областного объединения музеев. Информация об этой экспедиции исчерпывается несколькими газетными строками,¹⁵⁹ а кроме того, совершенно неизвестно, где находятся собранные материалы.

По сравнению с предыдущим десятилетием экспедиционная деятельность по русскому фольклору в 70-е гг. заметно оживилась. Значительно увеличилось количество различных учреждений и организаций, собирающих произведения народного творчества,¹⁶⁰ все меньше остается необследованных областей, районов. В ряде областей (Горьковской, Новосибирской) созданы советы по координации фольклорной работы. Но вместе с тем до сих пор сохраняется известная хаотичность и бесконтрольность в сборе и хранении фольклорных материалов в масштабе всей страны.

В настоящее время всеми осознается необходимость создания единого координационного центра, планирующего и контролирующего всю собирательскую деятельность по русскому фольклору на территории СССР. Только при этом условии появится возможность централизованно решать все, сложнейшие проблемы собирательской деятельности в СССР, и прежде всего организовать планомерное распределение отрядов и групп фольклористов-собрателей по всем областям и районам СССР, обязать руководителей отрядов и групп публиковать отчеты о проделанной работе, поскорее ввести в научный оборот записанные материалы, привлечь к собирательно-научной работе свежие силы из числа учащейся молодежи.

¹⁴⁸ Бахтин В. Чудо — рядом! (Записки фольклориста). — Аврора, 1978, № 1, с. 65—67.

¹⁴⁹ Ефремов И. В. 1) [Результаты экспедиций 1969 г.]. — В кн.: Русский фольклор, вып. 13, с. 274—275; 2) Песни Быковского и Семьтинского сельсоветов Новгородской области. — Там же, 1971, вып. 12, с. 268—270.

¹⁵⁰ Курелла Т. Песни Прикамья. (Остановка в пути). — Социалистическая индустрия, 1970, 27 сент.

¹⁵¹ Хранитель мелодий. — Веч. Москва, 1972, 18 сент.

¹⁵² Кожухова Е. Из экспедиции. — Москва, 1971, № 2, с. 194—196; Евпатов В. Песенная память народа. — Там же, 1979, № 5, с. 217—218.

¹⁵³ Газаринова Т. За песней. — Кировская правда, 1978, 3 марта.

¹⁵⁴ Щербина Г. Ищет песни человек. — Известия, 1980, 13 янв.

¹⁵⁵ Монастырев Б. Учитель-фольклорист. — Учит. газ., 1970, 14 июля.

¹⁵⁶ Тюрина Н. Ищу Коровкина. — Комс. правда, 1970, 23 сент.

¹⁵⁷ Белоусов В. Родниковое слово мое. — Учит. газ., 1971, 21 авг.

¹⁵⁸ Дурасов Г. П. [Коротко об экспедициях]. — Сов. этнография, 1976, № 6, с. 134—135.

¹⁵⁹ Поход за песнями. — Известия, 1978, 22 авг.

¹⁶⁰ В 50—60-е гг. полевою работу вели 9 университетов и 17 пединститутов; в 70-х гг. хронику об экспедициях опубликовали 28 университетов и 32 пединститута.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Н. МАРТЫНОВА

О ПОДГОТОВКЕ СПРАВОЧНИКА «ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФОНДЫ СССР»

Сектор пародно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР¹ приступил к подготовке Всесоюзного справочника «Фольклорные фонды СССР. Т. 1. Русский фольклор». Справочник будет содержать краткие сведения о фольклорных хранилищах, фольклорных коллекциях и фольклорных материалах в составе архивных, музейных и библиотечных фондов при научно-исследовательских учреждениях, кафедрах литературы вузов как в СССР, так и за рубежом. Предполагается также поместить краткие данные о крупнейших собраниях, находящихся в личной собственности фольклористов. В издании будут даны краткие сведения о составе, содержании, объеме и принципах систематизации фольклорных материалов каждого из хранилищ.

Для организации работ по подготовке Справочника будут распространены опросные листы с вариантами анкет, разработанных для различных категорий хранилищ. Предлагаем следующую схему описания фольклорного хранилища (фонда).

1. Полное наименование хранилища (фонда), его подчиненность

2. Дата основания (возникновения) хранилища _____

3. Методы комплектования: экспедиции, командировки, покупки, обмен _____
(просьба нужное подчеркнуть, при необходимости дописать)

4. Состав фольклорных материалов: тексты, ноты, звукозаписи, изобразительные материалы, микрофильмы _____

(просьба нужное подчеркнуть, при необходимости дописать)

5. Принцип систематизации фольклорных материалов в хранилище (в коллекциях, фондах): жанровый, географический, хронологический, национальный, по собирателям _____
(просьба нужное подчеркнуть, при необходимости дописать)

¹ Предполагается, что дальнейшая работа над справочником будет производиться совместно с ЛО Архива АН СССР.

6. а) Количество фольклорных фондов, коллекций _____

б) Общее количество (приблизительно) отдельных записей в хранилище _____

7. Краткая характеристика жанрового состава фольклорных материалов:

а) количество записей песенного эпоса: былины _____, исторических песен _____,

баллад _____, духовных стихов _____ (при невозможности указать число записей подчеркнуть наименования имеющихся в архиве жанров)

б) наличие записей по другим жанрам (подчеркнуть): сказки, несказочная проза, календарно-обрядовая поэзия, семейно-обрядовая поэзия, необрядовые песни и романсы, частушки, пословицы и поговорки, загадки, заговоры, детский фольклор, народная драма

8. Годы записей материалов (крайние даты) с _____ по _____

9. Территория, на которой производились записи (перечислить области) _____

10. Научно-справочный аппарат архива: а) неопубликованные каталоги, описи фондов или коллекций, путеводители, описания архива; б) опубликованные путеводители или другое (просьба дать полные названия и выходные данные) _____

11. Порядок использования хранящихся материалов: а) материалы, используемые сотрудниками Вашего учреждения, учащимися Вашего учебного заведения, сторонними исследователями _____

(просьба нужное подчеркнуть, при необходимости дописать)

б) место использования материалов: читальный зал хранилища, архива, само помещение хранилища, общая библиотека учреждения

12. Почтовый адрес архива _____

13. Фамилия, имя, отчество, должность и учебное звание зав. хранилищем, ответственного за хранение фольклорных материалов _____

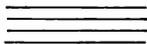
14. Фамилия, имя, отчество составителя справки _____

Дата

Подпись

Ответы на анкеты, которые будут разосланы в различные учреждения страны, послужат основой для справочника «Фольклорные фонды СССР. Т. 1. Русский фольклор».

Такой справочник выполнит одновременно несколько задач: наладится учет имеющихся фольклорных материалов и документов по истории фольклористики, упорядочится использование фольклорных материалов и учет такого использования, упрочатся связи между хранилищами, а также Научного совета по фольклору АН СССР с ранее не зарегистрированными фольклорными хранилищами.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ПО КООРДИНАЦИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ И АРХИВНОМУ ХРАНЕНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

На конференции 1979 г., материалы которой легли в основу данного тома, ряд докладов и сообщений был посвящен собирательской работе на местах и связанным с ней региональным изучением местного материала.

О наблюдениях собирателей песенного фольклора Орловской области рассказала преподаватель Орловского педагогического института Р. М а с л е н н и к о в а:

В 70-е гг. кафедра русской литературы института систематически организовывала фольклористические экспедиции. В селах Кромского, Урицкого, Мценского районов записаны устные рассказы, легенды, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, частушки, притчи. Хорошо сохранились песни: солдатские, тюремные, разбойничьи, антикрепостнические, проходные, покосные, трудовые, шуточные, подблюдные, хороводные. Особенно богат край свадебными песнями: из общего количества песен, записанных в экспедициях 1978 и 1979 гг., они составили больше половины, причем преобладают свадебные, величальные, меньше лирических, еще меньше причитаний. Сохранились и некоторые моменты старинного свадебного обряда, однако в меньшей мере, чем песни.

Были обследованы тургеневские края: пос. Серебряный, Воля, д. Приволье, Ерино-Миловая, Гамаюново и др. Среди исполнителей здесь есть подлинно поэтические натуры. От Устиньи Наумовны Захаровой, 1889 г. рождения, замечательной хранительницы народной мудрости, записано 53 песни: солдатские, тюремные, покосные, хороводные, шуточные, свадебные. Она родилась и выросла в орловской деревне, в Хомутово вышла замуж и принесла свои песни, которые прижились и здесь. В д. Ерило-Миловая Мценского района (бывшие тургеневские выселки) записан богатый песенный репертуар от М. И. Фарафоновой, в том числе и величальные («Роза бело-розовая», «Во рюмочке во серебряной» и др.), которые особенно любят в Орловском крае. В этих и других песнях, записанных от исполнителей разных возрастов, сохраняется имя Ивана Сергеевича. Большую часть песенного репертуара М. И. Фарафоновой составляют песни свадебные.

В селах Орловщины сохранилось сольное, дуэтное и хоровое исполнение народных песен. В д. Фарафоново Мценского района особый интерес вызвал талантливый лирический дуэт: Е. Н. Половцева, 1902 г. рождения, и ее племянница К. А. Половцева, 1910 г. рождения. Их репертуар богат и жанрово разнообразен. От них записана и историческая песня о смерти Александра I в Таганроге, единственная запись этой песни на Орловщине.

Среди исполнителей-мужчин особо популярны песни о Степане Разине, солдатские. Некоторые исполнители владеют довольно богатым песенным репертуаром, например сорокалетний А. А. Масленников из д. Овсянниково Мценского района.

Богатства народной поэзии Орловского края еще недостаточно полно учтены и изучены. Каждая экспедиция дает новые материалы. Наряду с наиболее популярными старинными песнями активной жизнью живут на Орловской земле песни литературного происхождения, вошедшие в народную песенную культуру во второй половине XIX—начале XX в. В хорошем исполнении они записаны в Мценске, Орле, Волхове, в населенных пунктах близ больших дорог и по старому Курскому большаку.

Некоторая часть собранных в последние годы песен (около 300) подготовлена к публикации. Началась обработка собранных материалов по русскому свадебному фольклору.

С. В. Фролов (Ленинград) сообщил о записях поминальных стихов в Смоленском районе Смоленской области (зафиксировано 20 сюжетов в значительном числе вариантов).

О. Н. Гречина и М. В. Осорина (Ленинград) поделились наблюдениями над записями детских «страшилок», собранными преимущественно в Ленинграде в 1970-е гг.

В. Г. Шомина (Калинин) посвятила доклад состоянию собирательской работы в Калининской области.

Основные жанры, которые записывались в прежней Тверской губернии, — это песня и частушка. В советское время здесь побывали многие экспедиции, собравшие разнообразный, интересный материал. В 60—70-е гг. в эту работу активно включились преподаватели и студенты Калининского университета, музыкального училища, работники Дома народного творчества и Областного хорового общества. В Калининском университете собирательская работа ведется в двух направлениях: записываются устная проза, рассказы о Великой Отечественной войне (в северных районах области) и песенные жанры (в южных и юго-западных районах). Все материалы хранятся в рукописном отделе кафедры русской литературы, используются в научной работе преподавателей и студентов.

Работа второго направления велась в Кашинском, Старицком и Торжокском районах.

В Торжокском районе проведено шесть экспедиций, обследовано около двадцати деревень вокруг с. Никольского (бывшее имение Н. А. Львова) и с. Грузины (бывшее имение Полторацких, где часто бывал А. С. Пушкин). Установлено, что на родине Н. А. Львова хорошо сохранилась и широко бытует традиционная бытовая лирика. Некоторые песни, имеющиеся в сборнике Львова — Прача, вошли в современный репертуар («Высоко сокол летал», «Во поле елочка стоит» и др.). Причина сохранности песен, по-видимому, следующая: в 1918 г. в с. Арпачево был организован хор, который существует до сих пор. Он является основным хранителем старинной песни, причем сохраняет не только текст, но и манеру исполнения. Материал, записанный на родине Львова, явно говорит об изменении репертуара исполнителей: мещанские, городские романсы, пасторальные песенки XVIII в., имеющиеся в сборнике Львова — Прача, исчезли, а традиционная классическая песня бытует и сегодня.

В с. Грузины и находящихся вокруг него деревнях записи проводились три раза. Там тоже существует хор старинной песни и сохранилась специфическая манера исполнения. Очень широко бытует обрядовая поэзия: похоронные и свадебные причитания, свадебные песни, величальные и корильные. Хранителями этих песен являются старейшие участники хора. В репертуаре жителей есть и песни социально-бытовые, и песни литературного происхождения. В Торжокском и Старицком районах рас-

пространены песни, в основе которых лежат пушкинские «Под вечер осенью ненастной», «Узник», «Сквозь волнистые туманы», «Буря мглою», «Черная шаль» и др. В с. Грузины, где бывал Пушкин, очень хорошо сохранилась песня «Ты воспой, воспой, жавороночек», которую, по предположениям фольклористов, знал Пушкин. Здесь паряду с общерусскими песнями бытуют и чисто тверские («Как по этой по Твери» и др.).

В с. Челагино Кашинского района постоянно жил и работал В. И. Симаков, поэтому перед экспедицией в Кашинском районе ставилась задача сравнить новые материалы с записями В. И. Симакова. Результатом работы явился сборник «Симаков и народное творчество» (Калинин, 1977). В него вошли материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы, ранее не опубликованные. Уже в первые две недели экспедиционной работы на родине Симакова было записано более 1000 частушек, среди них и те, которые есть в своде Симакова, в его сборниках. Можно сказать, что в Кашинском районе обнаружено частушечное гнездо. В записях есть «симаковские» песни, которые объединяются зачинами «Я деревенькой иду» или «Скоро, скоро я уеду». Сравнивая эти записи с симаковскими, можно сделать вывод о хорошей сохранности текстов и об изменениях эстетических вкусов и духовных интересов народа в разные исторические периоды.

Другим жанром, занимающим важное место в репертуаре жителей Кашинского района, является песня. В последние десять лет здесь записаны почти все ее жанровые разновидности, но более всего свадебных песен и романсов. Необходимо было выяснить, сохранилась ли традиция в песенном жанре в Кашинском районе с тех времен, когда записывал здесь Симаков. Он писал о разрушении песни и в качестве примера брал два варианта песни «В лес девицы за грибами», записанной им в 1929 г. в Тверской губернии и Н. П. Колпаковой в Заонежье. Сравнение нынешних записей данной песни с заонежским вариантом убеждает, что за 50 лет она не разрушилась, элементы сюжета оказались весьма устойчивыми. Хорошо сохранились и другие традиционные старинные песни Кашинского района, и особенно свадебные. Песенный репертуар Кашинского, Торжокского и Старицкого районов различен, но свадебные песни тут однотипны по манере исполнения, мотивам и художественным средствам. На родине Симакова записано большое количество песен литературного происхождения и романсов. Эти романсы своей драматичностью, развернутым психологизмом, трагедийностью напоминают баллады; их поют люди разного возраста.

Многолетнее обследование одного и того же района дает интересный, многообразный материал для исследования историко-фольклорного процесса, соотнесенного с различными формами и сторонами народной жизни, с движением народной культуры в целом.

Музыковед Е. Мельник (Ленинград) рассказала об интенсивной собирательской работе последнего времени.

Начиная с 1969 г. Ленинградская консерватория ведет систематическое экспедиционное обследование Вологодской области.

Наиболее продуктивными и важными для понимания песенных традиций на территории Вологодской области оказались экспедиции 1974—1978 гг. (в 1977 и 1978 гг. экспедиции проводились и зимой, и летом). Экспедиционные материалы позволяют выделить несколько стилевых зон внутри восточной части Вологодской и юго-восточной части Архангельской областей. Разумеется, границы таких зон точно очертить невозможно, так как переход от одной зоны к другой происходит постепенно. К тому же стилевые ареалы, отмечаемые по отдельным жанрам, часто не совпадают. Поэтому зоны того или иного местного песенного стиля определяются по преобладающим в традиции жанрам. На обследованной территории по своеобразию песенного стиля выделяются традиции в бас-

сейнах крупных рек — Сухоны, Юга, Кокшеньги и Кулоя, Устья. По материалам экспедиций 1976—1978 гг. можно уже наметить перспективы «выхода» зафиксированных местных стилей за пределы Вологодской области. Видимо, южская традиция уходит на юго-восток, в Костромскую и Кировскую области, а традиции восточной части бассейна р. Ваги (Кокшеньга, Кулой, Устья) — на север, к Двине и Пинеге.

В Устьянском районе Архангельской области обнаружена удивительно развитая и хорошо сохранившаяся традиция исполнения лирических песен. Необходимо отметить, что сохранность старинных традиций четко проявляется и в быту, например в семейных отношениях, в отношениях соседей между собой и т. д. Показательно для живой традиции наличие местных «песенных школ», сохраняющих своеобразие репертуара и индивидуальные особенности распева песен. Среди многих прекрасных исполнителей особенно выделяются ансамбли деревень Кузоверская, Березник и Бережная, Фомин Починок, Рыжково, Красный Бор, Михалево, Бритвино, Илатово. Репертуар устьянских певцов поражает обилием «песенной классики» («Горы», «Эко сердце», «Не сон долит меня, не дремотушка», старинные баллады «Не во елиничке», «Мать-монашка» и др.). Показательно, что многие тексты более позднего происхождения распеваются в одном строе со старинными, образуя с ними единую в музыкально-стилистическом отношении систему.

Материалы студенческих фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории представляются в ежегодных научно-творческих отчетах участников экспедиций, используются в студенческих дипломных работах, вошли в репертуар этнографического ансамбля Лаборатории народного музыкального творчества консерватории. По материалам экспедиций подготовлено к печати несколько сборников народных песен Вологодской области (Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области. М.; Л., 1975; Народные песни Вологодской области: Песни средней Сухоны. Л., 1981). Экспедиционное обследование Вологодской, Архангельской и Ленинградской областей продолжается.

Состоянию русского фольклора в Карельском Приморье посвятила доклад А. П. Разумова (Петрозаводск).

С 1963 г. сектор фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР проводил систематическую работу на Карельском побережье Белого моря (прибрежные населенные пункты трех районов — Лоухского, Кемского и Беломорского). Неоднократные выезды и длительное пребывание в обследуемых деревнях позволили собрать значительный и разнообразный материал. Записано более тысячи песен, около пятисот сказок, а также и другие жанры. В четырех книгах уже опубликованы лучшие образцы песен и сказок, описание свадьбы, включающее песни и причитания (Русские народные песни Поморья. М., 1966; Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971; Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974; Русская народная свадьба Карельского Поморья. Петрозаводск, 1980). Каждая книга содержит и общую характеристику публикуемого жанра, раскрывает состояние бытования его в настоящее время.

Собранный в Поморье материал показал, что здесь до настоящего времени сохраняются многие жанры традиционного фольклора, но бытование каждого из них, степень сохранности неодинаковы. Несомненный интерес представляют сказки, довольно полные их тексты записаны и в последние годы. Большой интерес в Поморье проявляется к волшебной сказке, здесь известны разнообразные сюжеты общерусской традиции, но тексты отличаются некоторой сложностью. Стремление к контаминации сюжетов и мотивов наблюдается в сказках целого ряда исполнителей. Встречаются сказки, почерпнутые из литературных обработок или заимствованные из лубочных изданий. Менее разнообразны сказки о животных;

следует особо отметить великолепное мастерство исполнения: интонационные диалоги, сопровождение текста песнями, насыщение его местными деталями. Вместе с тем сказки стали более реалистичны, а лексика подверглась влиянию литературного языка. Но активной жизнью они уже не живут. Из жанров несказочной прозы сохранились былички и бывальщизны (знают их люди старшего поколения, преимущественно женщины). Связанных с ними верований давно нет среди преобладающей части населения, и отношение к быличкам у исполнителей иное, чем было раньше. Записаны рассказы о вредоносной магии, — о порче, о глазе, о людях, умевших что-то «сделать» (снять недуг, заговорить и отговорить). Но тексты заговоров знают лишь редкие лица и произносят их с большим нежеланием.

Большинство жанров фольклора записывается в основном по просьбе собирателей. Но записаны в живом, непосредственном бытовании часть пословиц, поговорки, загадки, приметы, частушки, в небольшом количестве детский фольклор. В отдельных селах сохранилось загадывание и отгадывание загадок (Нюхча). В старом крестьянском быту Поморья загадки загадывались на беседах во время постов, когда песни и пляски запрещались. Это развлечение здесь было широко распространено. И хотя в настоящее время посты не соблюдаются, такая форма бытования загадок кое-где сохранилась.

Почти не встречается в повседневном бытовании семейно-обрядовая и календарно-обрядовая поэзия, сохранность ее в памяти народа тоже различна. Из семейно-обрядовой поэзии хорошо сохранились свадебные песни, их можно записать в каждой деревне, в худшем состоянии свадебная причетъ. Старинного свадебного обряда в быту поморов давно нет. Местное население утверждает, что последние «старинные» свадьбы играли примерно по 30-е гг. включительно. Вместе с обрядом исчезал из памяти и свадебный фольклор, но участники бывшего свадебного хора прекрасно помнят песни, исполнявшиеся на свадьбе, их записывали от того состава хора, который был в их молодости.

Былины, старшие баллады и духовные стихи уже не бытуют. В 60-е гг. былины записаны лишь от тех лиц, которые были выявлены ранее, тексты оказались кратки, в них утрачены общие места, художественные описания. В памяти считанных лиц сохранились духовные стихи.

Самое большое место в традиционном фольклоре Поморья занимают внеобрядовые лирические песни. Прекрасно знает эти песни старшее поколение, известны они и среднему возрасту. Исключительно бережно сохраняются не только тексты, но и напевы. Песенный репертуар Поморья разнообразен, сохранились все песенные жанры: протяжные, частые, игровые, хороводные, колыбельные, записано немало частушек на самые разнообразные темы. Любимым жанром в Поморье, особенно среди женщин, продолжают оставаться лирические песни. Многие песенные тексты, записанные в последние годы, выгодно отличаются от более ранних записей, они полнее. В процессе работы почти в каждой деревне, селе были выявлены прекрасные мастера — исполнители песен, от некоторых из них записано более чем по 100 песен. В некоторой степени сохранению песенной традиции способствуют местные хоры, народные группы, где обычно собираются лучшие певческие силы разных возрастов. Но постоянно действующих хоровых коллективов в Поморье мало, их деятельность активизируется лишь перед смотрами художественной самодеятельности.

Планомерное и систематическое собирание фольклора определенного региона дает возможность для более глубокого его осмысления и дальнейшего теоретического изучения.

В. П. Кузнецова (Петрозаводск) сообщила интересные данные о бытовании быличек в Пудожском районе Карельской АССР.

Хотя в последние годы среди фольклористов утвердилось мнение, что быличка исчезла из устного репертуара исполнителей, данные фольклорных экспедиций по Карельской АССР, в частности по Пудожскому району, за последние семь лет свидетельствуют об обратном. Действительно, в настоящее время суеверные представления почти отсутствуют у носителей традиционной фольклорной культуры, однако специфика былички, относящейся к меморатам (в особенности уверенность информатора в достоверности необычного и загадочного происшествия, о котором идет речь в быличке), такова, что она по-прежнему представляет интерес для исполнителей и продолжает свое бытование.

Это подтверждается материалом Архива Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, где имеется более 30 записей быличек из различных населенных пунктов Пудожского района. С 1973 по 1979 г. здесь ведется наиболее интенсивная собирательская работа сотрудниками института. Более 200 текстов быличек записано в эти годы. Их основной сюжетный состав следующий: о колдунах и колдовстве — 106, о лешем — 101, о домовом — 38, о водяном — 21, о русалке — 11, о черте — 10, о мертвецах — 8, прочих — 24. Одними из наиболее распространенных являются сюжеты быличек о колдунах и колдовстве, почти не привлекавшие ранее внимание собирателей и исследователей. Из общего количества записей быличек Пудожского района эти сюжеты составляют $\frac{1}{3}$.

Необходимо заметить, что перед собирателями никогда не ставилась задача специальной записи быличек. Активное собирание этого жанра среди русского населения Севера и сопоставление его с карельским материалом может дать плодотворные результаты. Второстепенность эстетической функции былички значительно облегчает задачу собирания этого жанра. Особенность выявления былички в собирательской работе заключается в том, что она включается в разговорный контекст. Отношение самого исполнителя к этому жанру не однозначно, зачастую трудно предусмотреть, как будет встречен вопрос собирателя на данную тему.

Необходимы большая работа по собиранию быличек для выявления их полного сюжетного состава и издание сборника, в котором могут быть представлены наиболее типичные, художественно сохранные тексты.

Л. В. Федорова (Архангельск) произвела сопоставление результатов двух фольклорных экспедиций, разделенных интервалом почти в 20 лет, но осуществленных в один и тот же Холмогорский район Архангельской области (в обоих случаях работа велась студентами Архангельского педагогического института под руководством докладчицы). При повторном обследовании района (в 1979 г.) не обнаружено больших демографических сдвигов, хотя идет быстрый процесс уменьшения численности сельского населения, особенно молодежи.

Все свадебные и необрядовые лирические песни, записанные в 1960 г. (часть их, как и описание свадебного обряда, вошла в сборник: Народное творчество Северной Двины/Сост. В. Митрофанова, Л. Федорова. Архангельск, 1966), удалось записать и теперь. Самыми распространенными свадебными песнями остаются «На горы на высокою», «Золото золотом сыкала», «Дружки вы, дружки, хоробры мои», «Через реченьку рябинушка лежала», «Не кума жалобилася», «Ты прощай, наша обманщица», «Чарочка моя серебряная», «Из трубки в трубку вилося». Необрядовые лирические песни, прежде всего «Отлетаюшко», песни литературного происхождения «Орелик», «Шумел, горел пожар московский», бытуют и сегодня. Помнят здесь и песни местного содержания, песни и частушки с шутливой характеристикой молодежи окрестных деревень.

Все сюжеты, зафиксированные в 1960 г., обнаружены теперь в очень близких вариантах.

Однако изменения в состоянии фольклора существуют. Прежде всего заметно, что у нынешних носителей другой жизненный опыт и отсюда — иное отношение к традиционному фольклору, к старине. Тогда песенницы могли показывать, как вошла невеста, как «хлястала руками об лавку», как водили хороводы, и потому делили песни на «зимние» и «летние»; песенницы доставали из сундуков наряды, скатерти, полотенца своей работы. Теперь песенницы говорят, что их молодость «прошла под гармонь», в годы становления колхозов. Тогда подробно рассказывали, как в Иванов день собирали букеты, сушили их на крыше крыльца и зимой подмешивали в пойло заболевшей корове, рассказывали, как ходили в рождественские праздники «со звездой» и вспоминали тексты колядок. Теперь же даже связно рассказать об этих обрядах могут немногие. В 1960 г. участники экспедиции на свадьбе в с. Сельцо видели, как полно соблюдалась обрядность в день «приезда жениха в дом невесты». Теперь же, судя по рассказам, даже этот момент свадьбы игратся не всегда. В последнее время стали приглашать женщин, знающих песни, на свадьбу в лесопункт «для интереса», а не потому, что как принято, заведено.

Из традиционного фольклора уходят остросоциальные мотивы, меняется и контекст. В 1960 г. среди исполнителей было поколение людей, хорошо знавших дореволюционную жизнь. Они рассказывали о солдатчине, первой мировой войне, о гражданской войне на Севере (в Холмогорском районе были англо-американские интервенты в 1918—1919 гг.). Много записей было произведено от мужчин, в связи с этим остросоциальные, общественные темы звучали отчетливо: это и рассказы о жизни в Соловецком монастыре, и рассказы на сюжет «два века в полвека», и пословицы о бедности и богатстве, о попах-захребетниках и т. д. Теперь исполнители — преимущественно военные вдовы, одни женщины; они имеют другие представления о военной службе, о войне, почти не помнят дореволюционной жизни. Их обращение к традиционным сюжетам, к обряду не связано уже с достаточным собственным знанием прежнего уклада жизни. Традиционные песни и обряд для них только старина.

Но петь женщины очень любят. Часто рассказывают, что пение помогло им выстоять войну. Петь любят не в одиночку, понимают, что владеют редким искусством («Мы-то это знаем, а после нас — нет»). В Холмогорах и больших селах есть попытки поставить старинную свадьбу на клубной сцене. Однако значение этих выступлений не следует переоценивать: они редки и не отличаются высоким вкусом. Экспедиционные наблюдения показывают, что подлинный интерес и любовь к фольклору пробуждает в первую очередь семейная традиция. Студентки, выросшие в Холмогорском районе, старинные песни записывали здесь очень свободно, как нечто хорошо знакомое; петь же никто из них не умеет. Очевидно, исполнительское мастерство уходит раньше, чем сами поэтические тексты. Хотя традиционный песенный фольклор в Холмогорском районе бытует и сегодня, о признаках его угасания можно говорить со всей определенностью.

Л. С. Головченко (Ижевск) на материале записей Удмуртского университета предложил свой опыт классификации частушек.

О записи фольклора в разноязычном целинном совхозе Кустанайской области сообщила Н. В. Потявина (Кустанай).

В связи с задачей изучения фольклорного репертуара целинного села Кустанайский педагогический институт летом 1979 г. проводил фольклорную практику в совхозе «Краснопресненский» Боровского района. Совхоз основан в 1954 г. и название получил от первоцелинников с Крас-

ной Пресни Москвы. В дальнейшем он пополнялся выходцами с Украины, из Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Чувашии, Башкирии и других мест. Это предоставляло возможность выявить особенности бытования фольклора в условиях многоязычия. При обследовании записывались все виды прозаического и песенного фольклора. От лиц украинской национальности среднего и пожилого возраста записаны колядки и щедривки. Исконное значение их утеряно, так как не поддерживается самим обрядом. Из украинского обрядового фольклора весенне-летнего цикла удалось записать купальские песни и петривки. Но если календарная поэзия фактически ушла из живого бытования, то этого нельзя сказать о свадебных песнях. В Красной Пресне всем известны три талантливые песельницы украинки, которых приглашают на любую свадьбу — сестры Паталахи и Е. Л. Ширицкая. В репертуаре сестер Паталах в хорошей сохранности русские свадебные песни, варианты которых в свое время были опубликованы П. Шейном.

Русский традиционный необрядовый песенный фольклор значительно превосходит обрядовый по количеству записей. Это любовные, семейно-бытовые, солдатские, рекрутские, казачьи, тюремные, ямщицкие песни, баллады, песни рабочих; решительно преобладают в репертуаре жестокие романсы и песни литературного происхождения. Много баллад гражданской и Великой Отечественной войн, являющихся переделками литературных произведений. При записи фольклора Великой Отечественной войны наблюдалось включение одних жанров в другие (пословицы или песни в рассказ). Так, белоруска О. Ф. Манькова, 47 лет, пережившая оккупацию в Брестской области, в свой рассказ об убитом фашистами партизане вставила песню о гибели партизана («В чистом поле, поле под ракитой»).

Помимо песен, бытующих повсеместно, в поселке найдены целинные песни местного происхождения; записано восемь текстов. Несколько песен имеют форму письма — приглашения на целину. Это материал малохудожественный, он уже исчезает из репертуара, но само стремление живо откликнуться на современность и выразить народные чувства закономерно. Участники художественной самодеятельности Краснопресненского клуба В. И. Зайченко, Н. В. Матвеевко, В. И. Булгаровский создали песню «Ветераны», которая затем вошла в кинофильм «Красная Пресня в степи журавлиной». В песне выражена идея дружбы целинников на казахстанской земле, форма песни литературная.

Во время экспедиции студенты записали 21 устный рассказ об освоении целины. Это воспоминания первоцелинников. Самостоятельное бытование их текстов, оторвавшихся от очевидцев описываемых событий, не зафиксировано. Но такие рассказы имеют определенную документальную и этнографическую ценность. Они не лишены фольклорных мотивов, например мотива помощи природы человеку, используют народнопоэтическую лексику, пословицы, фольклорные фразеологизмы. Интересны рассказы-воспоминания о самодеятельном народном театре в первые годы освоения целины (временном, сколоченном из горбылей). Участниками выступлений и авторами сценок были сами первоцелинники. Содержание этих сценок полностью восстановить не удалось, но записан краткий пересказ некоторых из них.

Специфика фольклорных процессов, наблюдаемых на целине, связана с образованием новых многонациональных общественных коллективов, с возникновением семей разных национальностей. В результате тесных культурных контактов происходит взаимообогащение фольклорного репертуара: записи русских песен и частушек сделаны от русского и нерусского населения Красной Пресни; зафиксировано исполнение молдавской казахской народной песни, а русскими — украинских и белорусских песен.

Основными формами бытования народных песен в селе является их исполнение в семейных, трудовых коллективах и в клубной самодеятельности.

Формы бытования и состояние фольклорных традиций обследуемого района отражают общие процессы в современном народном творчестве. Но эти явления в целинном селе представляются более наглядными, чем в других местах, и объясняются рядом причин (оторванность от вековых и устойчивых традиций разных мест, многонациональный состав целинников, новый быт и новые формы труда и т. п.). Но есть одна общая особенность — пристрастие к тем старым и новым песням, в которых поэтизируются люди труда. Следует также учитывать, что костяк села — выходцы из города, потомки передовых рабочих с революционными традициями, поэтому здесь более интенсивно исчезают из репертуара элементы, связанные с суеверием, религиозными и консервативными представлениями.

Современное состояние фольклорной традиции в Целиноградской области охарактеризовала Т. В. Кривошапова (Целиноград).

Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Целиноградского педагогического института насчитывает более восьми тысяч текстов различной жанровой принадлежности. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в области ведется в течение двух лет: работали группы фольклорной практики (1978, 1979 гг.) и зимняя фольклорная экспедиция (1979 г.). Частичному обследованию подверглись три района Целиноградской области, в которых заселение русского населения было наиболее ранним (вторая половина и конец XIX в.), — Астраханский, Балкашинский, Целиноградский районы.

Эпическая поэзия представлена исторической песней о Платове и традиционными балладными песнями. Былинный эпос обнаружен лишь в жанре богатырской сказки, включающей изложение большинства сюжетов об Илье Муромце и сюжета былины о Василии Игнатьевиче.

Значительный интерес представляет народная проза. Большинство сказочных текстов укладывается в традиционный русский сказочный фонд и находит соответствие в сборнике А. Н. Афанасьева и указателе сказочных сюжетов. Имеются контаминированные сюжеты.

Достаточно распространенным является жанр былички. Среди пожилых людей еще сохраняется вера в сверхъестественную силу, приметы, гадания, магию слова. Многочисленные сюжеты быличек о духах природы и домашних духах находят соответствие в указателе С. Айвазян (в кн.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 162—181); некоторые сюжеты дополняют этот указатель.

Разнородность населения особенно отчетливо отразилась в текстах календарной поэзии. Так, в с. Семеновка Целиноградского района, заселение которого происходило в течение ста лет тремя потоками, были записаны и традиционные северно-русские виноградья, и овсени, и южно-русские колядки. В архиве имеются тексты веснянок, купальских, жнивных песен. Не менее разнообразна и свадебная поэзия. В архиве есть практически все жанры и жанровые разновидности свадебного фольклора, некоторые записаны в двух и более вариантах.

Не прекратили своего существования и заговоры (записано 40 текстов от восьми исполнителей). Все исполнители заговоров родились и выросли за пределами исследованного региона. Особенно широко в каждом населенном пункте распространены средства народной медицины. Заговор воспринимается как одна из ее разновидностей, поэтому записаны в основном лечебные заговоры. В архиве есть ряд устных рассказов, повествующих о заговорах — «от сглазу», от побоев, присушках и отсушках. Связь слова и жеста, характерная для традиционного заговора,

в них утрачена, в некоторых случаях исчезло и слово как источник магического действия. Осталось лишь воспоминание, рассказ о заговоре.

Необрядовая лирика включает значительное количество текстов традиционных, а также песен литературного происхождения и «жесточких романсов». Передко наблюдаются взаимодействие и взаимовлияние различных жанров обрядовой и необрядовой лирики.

Удивительная сохранность присуща жанру загадки (записано более двухсот текстов в основном традиционного характера, связанных с крестьянским бытом и земледельческим трудом). Этот жанр до сих пор находится в стадии активного бытования и является важным средством народной педагогики. Детский фольклор представлен как традиционными его жанрами (заклички, считалки, дразнилки), так и довольно популярными в настоящее время «страшилками», художественная природа которых близка быличке.

Начало собирательской работы в Целиноградской области свидетельствует о наличии богатого и разнообразного фольклорного материала. Его специфические особенности связаны с тем, что русский фольклор записывался в районах со смешанным национальным составом (русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы, мордва). Собранный материал нуждается в тщательном изучении, которое позволит учесть возможные процессы взаимовлияния различных фольклорных традиций. В настоящее время тексты сказок, календарной и свадебной поэзии, необрядовой лирики, загадок подверглись сопоставительному анализу, который поможет уяснить особенности народно-поэтического материала и специфику трансформационных процессов.

В сообщении Л. В. Новоселовой содержалась характеристика новых записей календарного фольклора Омского педагогического института.

Календарный фольклор славянского населения Западной Сибири довольно долго не привлекал внимания собирателей. Положение изменилось только в последние десятилетия благодаря активному включению в собирательскую деятельность педагогических институтов и университетов региона. В 1979 г. в архив кафедры литературы Омского педагогического института поступило около 170 текстов календарного фольклора, записанных студентами и преподавателями. Впервые сбор материала в части групп осуществлялся по составленным автором программам-вопросникам. Целенаправленность работы способствовала улучшению качественных и количественных характеристик собранного материала.

Большая часть произведений календарного фольклора записана в деревнях и селах, основанных во второй половине XIX в. выходцами из европейской части страны. Особенно богат календарный фольклор потомков переселенцев из Киевской, Харьковской, Черниговской губерний, в специфических условиях Сибири частично воспринятый представителями других этнических групп. У русских старожилов Омской области записаны только рождественские рацейки, новогодние «посевания», вербные приговоры, словесные формулы гадалий и гиластических магических действий.

С точки зрения жанрово-тематического состава в материалах 1979 г. лучше представлена календарно-обрядовая поэзия зимнего цикла. Это колядки, щедрилки, рацейки, «посевания», «Меланки», гадальные формулы, заклинания мороза, «Терешка», масленичные лирические и корильные песни, часть из которых записана в нескольких вариантах: «Сею, сею, посеваю» (16), «Колядки, колядки» (8), «Щедровичка щедровичка» (7), «Коляда, коляда, колядница» (6), «Щедрик-ведрик» (5), «Как на речке на Йордани» (4), «Сето, сето на новое лето» (4), «А в поле, поле сам плужок ходит» (4), — всего более 120 текстов. Около 40 песен относятся к весенне-летнему периоду. Это веснянки-заклички, «весня-

ные» лирические; благовещенские, пасхальные, радуницкие, троицкие хороводно-игровые песни; песни, исполняющиеся во время проводов русалки и в праздник Ивана Купалы. Сделаны также единичные записи живых песен.

Почти все песни отличаются высокой степенью сохранности, хотя большинство из них исчезло из живого бытования еще в предвоенные годы. Лишь некоторые шуточные колядки, щедривки и новогодние «посевания» исполняются до сих пор с развлекательными целями.

В. Д. Осипова (Улан-Удэ) сообщила о состоянии собирательской работы в области музыкального фольклора Восточной Сибири, который стал записываться лишь в годы Советской власти, особенно в 50—70-е гг. Появились публикации песен, аналитические статьи. Тем не менее Восточная Сибирь в фольклорном отношении изучена недостаточно. Только по Красноярскому краю есть солидное издание народных песен, осуществленное под руководством А. В. Рудневой и В. И. Харькова (Русские песни Красноярского края. М., 1959, вып. 1; М., 1962, вып. 2).

Планомерную собирательскую работу в Восточной Сибири в течение многих лет осуществляют филологи Сектора русского народного творчества Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Ими обследованы почти все значительные районы региона. Однако музыкальные записи зачастую носят характер территориальной случайности. Выбор объекта исследования диктуется не единым планом фольклорной работы, а нередко личным желанием или возможностями собирателя. Подобное состояние фольклорной изученности региона может привести к неверным выводам о сохранности отдельных жанров песенного фольклора в Восточной Сибири и об их бытовании в прошлом.

В настоящее время здесь работает целый ряд музыкантов (музыковедов, хоровиков, композиторов), которые вносят определенный вклад в изучение русского фольклора. Одновременно идет интенсивная запись фольклора национальных меньшинств. Формируется довольно устойчивый отряд фольклористов, который может вести более организованную планомерную работу по собиранию и изучению фольклорного богатства края. Тормозом является отсутствие объединяющего центра, который сгруппировал бы энтузиастов собирания фольклора. Многие из них работают в различных учреждениях, часто не имеют своевременной информации о работе друг друга. Объединяющим центром мог бы стать Сектор русского фольклора БФ СО АН СССР или одно из учебных заведений (Восточно-Сибирский государственный институт культуры г. Улан-Удэ, Красноярский институт искусств).

Обработка и хранение записей народных песен требуют упорядочения. Довольно много записей народных песен на магнитофонную ленту делается филологами, но напевы, как правило, не нотируются, иногда «за ненадобностью», стираются, часто приходят в негодность из-за неправильного хранения. Примеры такого рода не единичны, это характерно как для частных, так и для государственных коллекций. Одним из недостатков фольклорной работы является то, что многие замечательные записи народных песен из-за разобщенности собирателей не введены в научный оборот.

Стихийно возникают определенные взаимодействия между собирателями музыкального фольклора. Намечались сдвиги в организации экспедиций: БФ СО АН СССР, например, включает в свои экспедиции музыковеда, Республиканский научно-методический центр (г. Улан-Удэ) планирует организацию комплексных экспедиций в районы Бурятии, краевой Дом народного творчества (г. Красноярск) предпринимает концертно-фольклорные поездки с целью перенять песни и манеру пения в наиболее певческих селах края.

Насущно необходимы в настоящее время налаживание контактов между собирателями, организация регулярного обмена информацией, создание центра собирательской работы в регионе, выработка единых методических требований по записи песен. Только работа всех собирателей по скоординированному плану может принести ощутимые результаты.

О состоянии и перспективах собирания фольклора (преимущественно сказок) в Иркутской области рассказала Е. И. Шастина (Иркутск).

Характеристику русского фольклора Приморья в записях дальневосточной этнографо-филологической экспедиции дала Л. Е. Фетисова (Владивосток).

К систематическому собиранию русского фольклора в Приморском крае сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока дальневосточного научного центра АН СССР приступили в 1967 г.

Первоначально экспедиционные поездки имели целью сплошное обследование фольклорного фонда данной местности. Работа велась с людьми, родившимися и выросшими в Приморье. В последнее время внимание исследователей привлекли переселенцы с севера Черниговщины (ныне значительная часть этой территории входит в состав Брянской области). Это самая многочисленная в Приморье группа русских. Они живут компактными «гнездами», преимущественно в сельской местности, что способствует сохранению устно-поэтической традиции.

Число записей, произведенных среди брянских переселенцев в Приморье, невелико: около тысячи единиц. Однако материал достаточно своеобразен, особенно в его классической части. Более ста лет в условиях Дальнего Востока складывался местный фольклорный репертуар на основе традиционного фонда, вступившего во взаимодействие с музыкально-поэтической культурой переселенцев из различных областей России.

В Приморье некоторые процессы, начинавшиеся еще в европейской части страны, активизировались и достигли своего логического завершения. Здесь раньше, чем к западу от Урала, были забыты календарные обрядовые песни: традиционный народный календарь не вполне соответствовал специфическим условиям Дальнего Востока. Наряду с этим наблюдается хорошая сохранность большой группы хороводных и игровых песен, некогда сопровождавших весенне-летние празднества, а позже утративших связь с обрядом.

В местной традиции достаточно полно представлена свадебная лирика. Наблюдается известная консервация самого обряда и его песенного сопровождения. Свадебный репертуар сохраняет свою самобытность и практически не поддается воздействию со стороны иных традиций, в частности украинской, получившей в крае широкое распространение. Для русской свадьбы характерно параллельное отправление обрядов, обращенных к невесте и к жениху. Свадебные причеты здесь не встречаются. Их функцию берет на себя немногочисленная группа обрядовых песен, исполнявшихся от лица невесты ее родителям. Сюда же можно отнести сиротские песни.

Необрядовая лирика представляет собой самый обширный пласт русского фольклора Приморья. Он оказался наиболее подверженным внешним воздействиям, что, с одной стороны, привело к размыванию традиционных жанровых границ, а с другой — способствовало его обогащению. Так, раздел семейной и любовной лирики значительно пополнился за счет украинских народных песен. К этой же группе примкнули песни балладного происхождения с традиционными сюжетами: жена разбойника; вдова и ее сыновья-корабельщики; похищение и сожжение девушки чужеземцами. Особенно большим числом вариантов представлена баллада о дочке-пташке.

Весьма цельным дошел до нас пласт солдатской лирики. Записаны старые песни о рекрутчине, в некоторых произведениях встречаются отголоски столкновений с татаро-монголами. В многочисленных вариантах известен сюжет о гибели воина на чужбине. Этим исчерпывается классическая часть репертуара.

Народное творчество позднего времени представлено образцами солдатской лирики русско-японской и первой мировой войн. Далее идут партизанская поэзия гражданской войны и песни Великой Отечественной. В фольклорном быту приморцев продолжает занимать определенное место жестокий романс. Из других жанров следует назвать частушку, популярность которой до недавнего времени была очень велика.

Активность бытования названных типов народной песни далеко не одинакова. Произведения позднего происхождения являются общим достоянием всех певческих гнезд Приморья и обладают некоторой продуктивностью, тогда как классический репертуар, хотя и отличается своеобразием у каждой из этнических групп, дальнейшего развития не получает и составляет пассивный запас местной традиции.

А. П. Селявская (Иркутск) посвятила доклад народному красноречию, в котором она видит «вторичную жизнь» фольклора. Это прозвища, отражающие миграцию образов народной сказки, и философские обобщения социального быта (например: «Разлад разный бывает, один разлад в лад, другой — ешкина мать»), и рассказы о рассказанном («А у нас говорят...»). Трансформация классического фольклора в народное красноречие продлевает его жизнь, такие жанры требуют особой собирательской методики.

У. Б. Далгат (Москва) говорила о важности комплексных фольклористических записей, фиксирующих не только собственно текст, но и «внефольклорный текст». Текстологическая оценка эпических текстов нартского эпоса, например, требует знания общего состава эпоса (бытовых реалий, пояснений и оценок исполнителей). Необходимо фиксировать нарушения традиции в сюжетах, лексике, изменение состава общих мест, пересказы содержания исполнителем и т. д. В записях традиционного фольклора в наше время необходимо фиксировать все явления, но нельзя подменять прошлые тексты и контексты современными.

Сообщение Ф. Т. Евсеева (Нежин) было посвящено специфике собирания фольклора русско-украинско-белорусского пограничья (почти вся территория Брянской области РСФСР, северные районы Черниговской области УССР и восточные Гомельской и Могилевской областей БССР). В фольклористическом отношении регион характеризуется общностью процессов формирования фольклорного репертуара, для него показателен единый диалект, который оказывает значительное влияние на язык и стиль фольклорных произведений.

Мнения о межвосточнославянском фольклорном репертуаре как о целостном явлении, отличающемся своими закономерностями и признаками, появились лишь сегодня. Прежде народно-поэтическое творчество Брянской и Черниговской областей, восточной части Белоруссии изучалось обособленно.

В 1978 и 1979 гг. кафедра русской и зарубежной литературы Нежинского педагогического института им. Н. В. Гоголя провела две фольклорные практики студентов в нескольких селах Черниговской области. Кроме того, Ф. Т. Евсеевым в августе 1979 г. совершена поездка в с. Хоромное (Брянская обл.), с. Ключы (Черниговская обл.) и с. Веселовка (Гомельская обл.). Одна из особенностей края заключается в том, что исполнители, разговаривая на диалекте русского языка и передавая произведения по-русски, называли себя украинцами; следовательно, критерием определения национальности здесь является фактор территориальный, а не языковой. Отмечено также недифференцированное (по нацио-

нальному признаку) отношение исполнителей к произведениям русского, украинского и белорусского фольклора. Записи охватывают почти все жанры и жанровые разновидности восточно-славянского фольклора, за исключением былин, исторических песен, дум, народной драмы, причем особенно хорошо представлена обрядовая поэзия. Песни, частушки, половицы и поговорки, бытующие наиболее активно, были обследованы в аспекте их национального соотношения. Статистическое сопоставление показало, что наибольшее число произведений относится к русскому фольклору.

Дальнейшее исследование региона позволит дать дополнительные материалы для изучения мировоззрения восточных славян, генетических и культурных взаимодействий между народами.

П. П. О х р и м е н к о (Сумский педагогический институт им. А. С. Макаренко) в своем сообщении остановился на результатах обследования русского песенного фольклора в Сумской области. Он отметил, что бытование русского устно-поэтического творчества в инонациональной среде, пусть даже такой близкой, как украинская, имеет свои специфические особенности. В ряде районов Сумщины, граничащих с Россией, где живет значительное количество русских, русское устно-поэтическое творчество довольно продолжительное время собирается отдельными энтузиастами-фольклористами и студентами-филологами Сумского педагогического института.

В активно бытующих фольклорных произведениях отражены переходные говоры от русских к украинским и наоборот, что докладчик проиллюстрировал примерами.

Ряд произведений относится и к русскому, и к украинскому фольклору. Они становятся «чисто русскими» по мере продвижения вглубь России и «чисто украинскими» в глубине Украины. На северной и восточной Сумщине зафиксированы украинские и русские варианты одного и того же фольклорного произведения (песни, частушки).

Нередко русские песни (в частности, периода Великой Отечественной войны) «приспосабливаются» к украинской обстановке («Над озером чаечка вьется», «Раскинулись рельсы широко» и др.), в них наблюдается контаминация русских и украинских сюжетно-композиционных песенных элементов («Катерина по базару ходила»). Подобное встречается и в фольклоре соседних с Сумщиной Курской и Белгородской областей («Сидел голубь на калине», «За горами горы высоки» и др.).

Элементы русских песен часто проникают в украинские народные песни не только нового, но и древнего происхождения (в давно утраченной обрядовое значение и исполняющейся в качестве лирической песни украинской колядке «Як ходили та блудили три коляднички», записанной в нескольких местах Сумщины в середине 70-х гг., после каждой строки звучит припев: «Виноград, ой красна-зеленая!»).

Возникшие по взаимным образцам песни обогащают современную духовную культуру братских народов. Докладчик особо отметил в этой связи украинские песни Сумщины, появившиеся на тематической основе русских («Стоить дуб зелений», «Ой одна я, як билинонька»; первая перекликается с «Рябиной», вторая — с «Кирпичиками»), а также новые песни на русском языке, которые относятся, судя по их содержанию, к украинскому народному творчеству («Я слышу, Оксана, твой голос печальный» — песня, сложенная городским жителем Украины на русском языке).

Выступление П. Х. Чурловской (Баку) познакомило аудиторию с состоянием русского фольклора в Азербайджане, о котором почти нет данных в научной литературе. Кавказ, как и Крайний Север, был местом ссылки не только декабристов, но и простых крестьян, главным образом сектантов (молокане, баптисты, субботники, духоборы и т. д.), ко-

торы, обосновавшись в Азербайджане, сохранили свой язык, обычаи, обряды, праздники, материальную культуру (русская печка, прядка, ухват и т. д.). Они ревностно стремились сохранить в нетронутом виде все, чем жили на родине.

На территории Азербайджана находится ряд русских сел, жители которых переселились сюда в середине XVIII в. из Воронежской, Саратовской, Курской, Самарской, Нижегородской, Таврической губерний, с Дона и Кубани. Села эти разбросаны по всей республике. С 1961 г. обследовано 20 сел девяти районов Азербайджана (Кедабекский, Шемахинский, Ленкоранский, Кубинский, Хачмасский, Худатский, Астрахан-Базарский, Исмаиллинский, Физулинский). В фольклорном архиве кафедры истории русской литературы Азербайджанского университета около двух тысяч (вместе с вариантами) записей песен, несколько сот частушек, более ста сказок, пословицы, поговорки, загадки и другие жанры русского устного народного творчества. Богаче всего представлена песенная лирика.

Пребывание русских в течение двух веков на чужой стороне не могло пройти бесследно: в русском фольклоре появились черты, отражавшие реалии быта, природы их новой родины. Произошло влияние лексических, а в какой-то мере и морфологических, фонетических элементов азербайджанского языка на русский. В фольклоре потомков русских переселенцев отмечено влияние сюжетных мотивов и отдельных элементов стилистики народной поэзии Востока.

Подчас азербайджанский фольклор бытует в русском изложении. Так, например, записанные на русском языке азербайджанские сказки «Армуды хан» и «Девушка-гранат». Ряд азербайджанских пословиц, поговорок калькирован в русской речи («Кто не кушал горького, не знает сладкого»; «Что вылетает изо рта, бьет по голове»; «Будет удача — мацони пьем, не будет — выпью айран (разбавленное водой кислое молоко)»; «Беда что бурдюк — пробьет дырку и потечет»; «Сказавший слово умрет, а слово останется»; «Лес не без шакала»; «Ласкай осла не руками, а ячменем»; «Дареный укус слаще меда» и др.).

Можно отметить две тенденции фольклорного процесса в иноэтнической среде: 1) сравнительную устойчивость сохраняют произведения, возникшие до переселения, особенно в жанре лирической протяжной песни; проникновение в них инофольклорных элементов (образов) эпизодично; 2) заметное инофольклорное влияние испытывают произведения, сложенные в месте нового расселения, особенно жанры, быстро реагирующие на жизнь (частушки, загадки, пословицы, поговорки).

Процесс влияния русского фольклора на азербайджанский требует специального изучения.

С. И. Красноштанов на собираемых с 1966 г. материалах фольклорных экспедиций Хабаровского педагогического института проанализировал современное бытование традиционных русских и украинских народных лирических песен в Хабаровском крае.

Экспедициями обследованы отдельные села районов Хабаровского края — Комсомольского (1966 г.), Вяземского (1967, 1968 гг.), Октябрьского (1971 г.), Ленинского (1970, 1972 гг.), Лазовского (1978 г.). Среди исполнителей, которых более 100 человек, следует выделить Агафью Васильевну Гордееву из с. Дормидонтовка (87 песен) и Марию Егоровну Казынку из с. Капитоновка (100 песен). Всего записано 1200 песен и 300 частушек. Материалы паспортизованы и хранятся в фольклорно-диалектологическом кабинете института.

Традиционные лирические песни продолжают занимать большое место в духовной жизни населения Приамурья, а песенному жанру принадлежит ведущее место в современном фольклоре.

Докладчик остановился на общем состоянии песенного фольклора. Заселение Дальнего Востока (сюдашло переселение с Украины, из центральных губерний России, из Сибири и Забайкалья) способствовало формированию репертуара прежде всего из крестьянского песенного фольклора. В селах часто наблюдается смешанный русско-украинский репертуар. Во многих селах от русских и украинцев записывались одни и те же песни («Вы поля, вы поля», «Соловей кукушку уговаривал», «Калинушку с малинушкой вода поняла», «Ой хмелю, ты хмелю», «Распрягайте, хлопцы, конив», «Посадила розу край викна»). Прежде многочисленных (судя по свидетельству М. К. Азадовского) песен местного происхождения о заселении и освоении русскими местного края, о тяготах и невзгодах жизни в суровом крае нынешнее поколение уже не помнит. Изредка встречаются люди, которые припоминают первые строки таких песен.

Исторические песни в большинстве своем забыты. Свадебные сохранились лучше. Не встретилось исполнителей, которые могли бы вспомнить весь песенный цикл, звучавший во время свадьбы. По свидетельству фольклориста из Благовещенска Г. С. Новикова-Даурского, на Амуре в дооктябрьские годы широко исполнялись хороводные и игровые песни. Сейчас они забылись, так как игры в лугах, вечерки, хороводы окончательно ушли из быта дальневосточных сел. Ряд текстов «доживает век» в отрывках.

Богаче других традиционных жанров в современном репертуаре дальневосточников представлены лирические песни, особенно русские и украинские песни о любви, семейно-бытовые, шуточные. Популярны русские и украинские песни балладного типа, разнообразен репертуар солдатских песен. Из разбойничьих песен сохранилась украинско-русская песня о Кармелюке; от старожилго, преимущественно русского населения записаны тюремные песни. Из песен Советской эпохи большую группу составляют тексты эпохи гражданской войны.

Интересными сведениями об историческом бытовании русского фольклора в Тувинской АССР поделился доцент Кызылского педагогического института Г. Н. Курбатский.

Целенаправленное собрание и изучение русского фольклора населения Тувы началось сравнительно недавно. Определенную работу провел сектор фольклора и литературы Тувинского НИИ языка и литературы, но наиболее полный фольклорный материал собран Кызылским педагогическим институтом. При этом русский фольклор подчас записывали тувинцы, а тувинский — русские.

Русские селения на территории Тувы образовались только в конце XIX в. (1885 г. — Туран, Уюк). В настоящее время русские составляют менее половины проживающих в Туве (данные переписи 1979 г.). При этом по территории республики расселены они крайне неравномерно. Во множестве сел русских нет вообще. Нигде русские не составляют большинства, русский фольклор бытует в иноязычной среде. Старые потоки переселенцев шли из Украины и Белоруссии, из центральных областей России (Брянск, Рязань, Кострома, Саратов, Ростов, Пермь и др.). После установления царского протектората над Тувой (апрель 1914 г.) в крае появились отряды забайкальских, семипалатинских и сибирских казаков, что влило в русский фольклор Тувы казачью струю.

Привнесенный в Туву фольклор отличается стилистической и языковой пестротой, неоднородностью (довольно много украинского материала, особенно песен). В целом он имеет несомненный уклон в сторону обычного сибирского фольклора. Лучшие информаторы — переселенцы с юга Красноярского края, где широко бытовали произведения традиционного фольклора, содержание и образы которых прямо или косвенно связывались с местными природными, климатическими, социально-бытовыми

условиями. В фольклорные жанры, отличающиеся стабильностью текстов (пословицы, похоронные плачи, заговоры), порой вносились образы, навеянные жизнью на тувинской земле. Образцы нового фольклора, к сожалению, в количественном и качественном (художественном) отношениях уступают произведениям традиционного фольклора.

Собранный материал позволяет говорить о тувинских мотивах и образах в русском фольклоре Тувы (в пословицах, загадках, песнях, похоронных плачах, заговорах). Самым популярным жанром традиционного фольклора в Туве является песня. Среди записей есть исторические песни (в том числе о Захаре Чернышеве, староверческая редакция песни «Не туман с моря поднялся» о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.), песня «На местечке на простом», передающая патриархально-староверческое отношение к городской культуре как к порождению сатаны, рекрутские («Да не кукуй-ка, моя кукушечка» и др.), солдатские песни эпохи первой мировой войны («Вечер вечерееет, нас сборщики ведут», «Вечер вечерееет, орудия гремят», «Слушайте-послушайте» и др.), доносящие возрастание революционного сознания народа; многочисленные варианты тюремных песен о Ланцове («Звенит звонок насчет поверки»), Кочнев («Слышу-вижу дом огромный»).

Встречаются образцы городского жестокого романса («Маруся отравилась» и др.), литературных песен («Сиротинка возросла» И. Сурикова); редкие рабочие песни.

В годы гражданской войны среди красных партизан в новом, переосмысленном и актуализованном виде бытовали старые, чаще солдатские, песни (песня «Черный ворон» послужила основой для песен о Белоцарском 1919 г. и Тарлакынском 1921 г. боях, как и для песен о Варшавском, Читинском, Богдатском и других сражениях; песню «Утром ранней весной» пели как песню о красных командирах П. Е. Щетинкине и С. К. Кочетове). Правда, песни эти, как правило, не получали существенных изменений и дополнений. Многочисленны устные рассказы о переселении и жизни русских в Туве, о староверах, о тувинцах, их обычаях и верованиях, о событиях революции, гражданской и Отечественной войн, о новой жизни. Далеко не все из устных рассказов, содержащих ценный этнографический и диалектологический материал, можно отнести к произведениям фольклора. Ориентация на фольклорную традицию очевидна в стихах сельских пенсионеров (людей зачастую малограмотных), в частушках колхозной самодеятельности. Это факты индивидуального словесного творчества, характеризующие общие изменения в духовной культуре масс, происшедшие в Советскую эпоху.

В сообщении Е. П. Шемякиной (Удмуртский НИИ) была сделана попытка сгруппировать наблюдения над русским фольклором Удмуртии, позволяющие говорить о наличии в нем скоморошьей традиции.

Бытование песни о скоморохе на северо-востоке Европейской части РСФСР не случайно; память о фигуре скомороха и атрибутах скоморошьего искусства (гусли, скрипочка, балалайка, гудочек) жива в русском фольклоре Удмуртии. В архиве Г. Верещагина (хранится в Удмуртском научно-исследовательском институте) среди дореволюционных записей пахотятся сказки о скоморохе и несколько скоморошин. Из произведений последнего жанра широко бытуют сюжеты «Задумал комарочек жениться», песня о Фоме и Ереме, «Таракан дрова рубил». Записан и вариант сюжета о скоморошьей жене: «Баба ты баба, деревенская баба...». Скоморошины звучат в едином стилевом ключе с широко бытующими на указанной территории приговорами дружки и корильными песнями. Произведения с чертами скоморошьего искусства бытуют в особой среде — преимущественно у старообрядческого населения (так называемые беспоповцы, живущие в отдаленных районах республики).

Исследование основывалось на записи сюжета «Скоморох ходил да вдоль по улице» (девять вариантов с разночтениями за 1977—1979 гг.), распространенного в Удмуртии и в пограничных Пермской и Кировской областях, входивших в бывшую Вятскую губернию (см.: Народные песни Пермского края. Пермь, 1966, т. 1, с. 213; Вятские песни, сказки, легенды: Произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1957—1973 гг. Горький, 1974, с. 56). Песню «Скоморох ходил да вдоль по улице» вспоминали в связи с зимними играми, где песня сопровождала игру девушек, которые ходили взявшись за руки кругом, внутри круга находился парень. Инвариант сюжета составляет ситуация, когда скоморох на святках просится ночевать, но получает отказ со стороны старушки (вдовы, замужней женщины) и выпускается молодой девчонкой.

Обычный тип исполнителя скоморошин — озорные старухи, которым присуще в быту осмеивание самих себя.

В числе замечательных исполнительниц — Василиса Григорьевна Першина и Акси́нья Алексеевна Гордина из с. Сергино Балеизинского района Удмуртской АССР.

В выступлении Т. А. Крапивиной (Глазов) констатировалось, что современный русский фольклор, бытующий на территории Удмуртии, не только не последовался, но даже до 1970 г. целенаправленно не собирался, пока систематическую работу не предприняла кафедра литературы Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко. Сейчас в ее фольклорном фонде более 15 000 записей произведений. Наиболее типичные для территории Удмуртии тексты вошли в сборник «Русский фольклор Удмуртии» (1977). Из традиционных жанров фольклора первенство принадлежит необрядовой лирической песне (7932 текста), из «новых» — частушке (6540). Такое соотношение «нового» и «старого» проявляется и внутри жанра лирической песни: записано примерно равное количество песен любовной тематики — традиционных крестьянских (2830) и городских романсов (2520). Значительное место в современном репертуаре Удмуртии занимают солдатские и рекрутские песни (их записано 780), игровые, плясовые и хороводные (810), песни литературного происхождения (254) и социального содержания (168), песни советского времени (214). Записей обрядовых жанров меньше: свадебных песен — 512, произведений календарно-обрядовой поэзии — 360, заговоров и быличек — 120. Записаны также 86 сказок, 320 загадок и пословиц, 27 причитаний и некоторые другие, редко встречающиеся произведения. По своему жанровому составу русский фольклор Удмуртии близок общерусскому и особенно современному фольклору ряда областей Урала и Прикамья. С репертуаром Южного Урала русский фольклор Удмуртии сближает часть песен литературного происхождения, иногда почти дословно совпадающих с записями из Елабужского района Татарской АССР («Шла Машенька из лесочка», «Кругом я осиротела», «Не кукуй, моя кукушечка», «Калинушка со малинушкой», «Уродилась я как в поле былинка» и др.).

Одна из насущных задач собирателей — создание фольклористической карты республики. Должно быть продолжено и выявление взаимодействия русского и удмуртского устного народного творчества, начатое Н. П. Крапиной (исследование русско-удмуртских связей на материале пословиц и загадок). Назрела необходимость комплексного исследования всего собранного на территории Удмуртии фольклора с участием краеведов, диалектологов, этнографов, музыковедов.

Э. А. Тамаркина (Ижевск) в докладе «Русский фольклор Удмуртии в записях Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР» кратко охарактеризовала историю собирания русского фольклора в Удмуртии и подробно остановилась на работе фольклористов в 70-е гг.

С 1972 г. силами кафедры русской и советской литературы и студентами филологического факультета Удмуртского университета (не менее 50 студентов ежегодно) во время летней учебной практики проводится обследование разных районов Удмуртии (в 1972—1974 гг. работа велась в районах, лежащих южнее Ижевска, а с 1975 г. фольклорные экспедиции стали планомерно продвигаться на север Удмуртии). Обычно производится фронтальная запись всех фольклорных текстов, в основном от женщин старшего и среднего возраста. Хранителем русского фольклора является также и удмуртское население. Так, были сделаны записи традиционных русских лирических песен от женщин-удмурток старшего поколения, которые даже не знали русского языка. В итоге собрано около 4760 лирических песен и романсов, более 6200 частушек, около 1100 обрядовых песен, более 1000 малых жанров фольклора, около 30 сказок, более 250 произведений детского фольклора (общее число — более 13 300 текстов). На территории Удмуртии ни разу не были зафиксированы эпические песни, очень редко встречаются исторические песни. Не был записан и рабочий фольклор (исключение — песни о ремесленниках-чеботарях). Наибольшая сохранность старинных песен обнаруживается в северных районах республики, где есть старожильческое раскольническое население. Ценные записи обрядового фольклора, а также необрядовой традиционной лирики были сделаны в Игринском, Красногорском и Балезинском районах. Кроме большого количества свадебных песен неоднократно был записан и сам свадебный обряд, а в Красногорском районе — старобрядческая свадьба (деревни Ефремово и Барапы, 1978 г.). На свадьбах в с. Сергино Балезинского района песни обычно исполнялись, вплоть до причетов невесты, девушками-подругами певесты, жепщицами, а сама невеста на протяжении всего свадебного обряда не пела. В селе была группа особо талантливых девушек и женщин, без которых не обходилась ни одна свадьба. Традиционные свадебные песни перенимаются молодым поколением села. В этом же селе было записано в хорошей сохранности около 70 игрищных песен, которые знает как старшее поколение, так и сравнительно молодое. В последнее время игрищные песни пелись в основном летом — в Петров день и накануне его. Поэтому большая часть из них относится к циклу летних игрищ («У ворот девки играли», «Авдотьюшка», «Спойду, спойду под Иван-город каменный», «Выходили красны девушки из ворот было воротушек», «Данилушко во Москву да уехал», «Ой, да с по морю, да с по морю, да с по морю спенему» и др.). Записаны и зимние игрищные песни («По-за городу царь ходит, царь ходит», «Круг столба я хожу», «Дрема», «Во заводе были мы» и др.). На севере Удмуртии продолжают жить заговоры, но записать их удается довольно редко, так как хранители заговоров передают их только определенному лицу, причем строго соблюдая возрастную ступень: от старшего по возрасту — более молодому. В упомянутом Сергине было записано 6 заговоров (от колдунов, от порчи новобрачных перед свадьбой; от раны и болячки на теле; присушка; от рекрутского набора, при этом в последнем упоминается военкомат и пачальник милиции). Другие малые жанры фольклора записывались эпизодически.

Среди записей традиционных лирических песен, сделанных на севере Удмуртии, привлекает внимание вариант старинной «Лучинушки» объемом более 40 строф, причем несколько исполнителей знают текст примерно в одной и той же полноте, а также записи песен, относящихся к самым ранним из известных пауке («Ночи-почепьки, почи темные», «Ох, ты сад, мой садок», «Ой, да се спасибо, ой-да спенему кувшину», «Отдала меня мати от себя сподалеку», «Соловей кукушечке речи говорил», «По мосту было мосточку», «Ох, вы сени, мои сени», «Во саду ли, в огороде» и др.). Хорошо сохранились на севере Удмуртии тексты солдатских и рекрутских песен («Ой, не кукуй, моя кукушка», «Вы поля,

вы поля, поля чистые», «Зима лютая проходит, весна красна настает», «Ой, да ты, калинушка», «Вдоль по Питерской-Московской дорожке», «Да во вечер я был парнишка, да по утру я стал солдат» и др.).

Повсеместно делались записи песен литературного происхождения. Особенно популярен народный романс, и его прежде всего предлагают собирателям устного народного творчества. По всей территории Удмуртии активно бытуют частушки. Кроме четырехстрочной формы на севере были сделаны записи шести-восьмистрочных частушек.

Докладчица отметила отражение местной специфики края в русском фольклоре Удмуртии (пропикновение удмуртской лексики в отдельные жанры, взаимодействие русского и удмуртского фольклора в свадебном обряде).

Собранный фольклорный материал ждет детального и глубокого изучения. Он интересен как составная часть славянского фольклорного богатства Северо-Востока Европы и может быть полезен при составлении Свода русского фольклора.

С сообщением «О собирании фольклора среди русского населения Литвы» выступил преподаватель Вильнюсского государственного университета А. Ковтун (Каунас). Он отметил, что формирование русского населения на территории Литвы продолжается более трех веков, однако только в 1960-е гг. началось планомерное собирание фольклора русского старожильческого населения на территории Литвы студенческими полевыми экспедициями Вильнюсского университета (в северо-восточных и центральных районах республики), а также стационарно (группы русского населения г. Каунаса).

Материалы, расположенные в жанрово-хронологическом порядке, хранятся на кафедре русской литературы университета (40 тыс. единиц). Устная традиция русских старожилов Литвы отличается хорошей сохранностью, архаичностью. В то же время можно заметить отражение контактов с литовской и белорусской традицией. Лучше сохранены лирические любовные песни, сказки, частушки. Обрядовый фольклор представлен редкими записями: более текстов календарного обрядового фольклора, менее — семейного. На основе собранного материала в 1975 г. под редакцией Н. К. Митропольской была издана книга «Русский фольклор — в Литве». Часть материалов вошла в книгу под редакцией Э. В. Померанцевой «Фольклор русского населения Прибалтики» (М., 1976).

П. И. Чисталев (Сыктывкар) в докладе «Русские народные песни в Коми АССР» остановился на вопросе о характере проникновения русских песен в инонациональную среду.

Активное пропикновение славян в земли вычегодских пермян (коми) начинается с XII в. Распространение христианства (Стефан Пермский, 1379 г.) еще более способствовало приобщению местного населения к русской культуре. В Коми крае возникают отдельные русские поселения, складываются определенные регионы бытования русских народных песен: Усть-Цильма, где формы народной музыкально-поэтической культуры создавались поселенцами из русского Поморья, Новгородских и Московских земель; заводские поселки, заселявшиеся крепостными крестьянами и вольнонаемными рабочими Вятской, Вологодской, Пермской, Костромской губерний, — песенный фольклор старинных заводов представлял сложный сплав различных областных традиций; Прилузский район русских поселений, где песенная культура связана с культурой русских пограничных районов бывших Вятской и Вологодской губерний.

Разобщенность указанных северных регионов с районами прежнего бытования фольклора и относительная изолированность русских певцов и музыкантов в инонациональной (коми) среде способствовала консервации песенного репертуара, сохранению его первозданности.

Русские песни были широко распространены и среди коренного местного населения, так как в процессе длительного и постоянного общения с русскими коми перенимали и русскую культуру, язык.

Песня распространялась и при миграции населения.

Русские народные песни, записанные в инонациональной среде, дают возможность определить истоки, степень восприятия и консервации напевов (и текстов) песен, ибо коми сохранили русский репертуар в основном в том звучании, в каком он был усвоен в прошлом. Основной формой передачи фольклора была устная, но русские песни проникали к коми и письменным путем — через лубочные картины и песенники, распространялись и через систему школьного обучения пению.

Песни проникали в быт той социальной среды, в которой находились первопреемники русских песен: в солдатской среде преимущественно усваивались песни окружающего солдатского быта, отходники (лесные и горно-заводские рабочие, портные, валяльщики), торговые люди, прислуга привозили с собой песни различных социальных групп: крестьян, рабочих, мещанского сословия.

Немаловажное значение для становления русского репертуара коми певцов имели общность музыкального мышления, близость интонационно-ладовой основы русской и коми народной музыки. Можно также заметить, что «широкая дорога» русской песне прокладывалась в местах наибольших, длительных и разносторонних (географических, экономических, культурных) связей и контактов коми и русских.

В довольно разнородном общем составе репертуара преобладают лирические и семейно-бытовые песни: посиделочные («беседные», «вечерочные»), игровые (в наши дни разыгрывание песен почти не ведется); довольно редко встречаются песни свадебного обряда, песни детского быта; безвозвратно ушли в прошлое песни-заклинания. По характеру музыкального материала больше всего песен частых (скорох) с симметричными (куплетными) музыкальными построениями, четким ритмом.

Русские песни, пропикая в инонациональную сферу, воспринимались коми певцами и закреплялись в их памяти зачастую в трансформированном виде. Иногда наблюдается довольно сложный процесс творческой переработки русской песни, когда ее поэтический текст, переведенный на коми язык, ложится на совершенно другую по музыкальному содержанию мелодию. Так, популярная русская песня «Во саду ли, в огороде» — на коми языке «Сад йӱрыш пӧ ныв гуляйтӧ» (В саду девца гуляет) — зафиксирована с пятью различными напевами.

В национальной музыкальной культуре коми русская народная музыка занимает видное место. Песни, близкие коми народу по своему идейно-художественному содержанию и мелодическому строю, инструментальные пьесы, составляющие основу народной хореографии, значительно дополнили исполнительский репертуар и расширили его жанровое многообразие. Музыкально-поэтический материал русских песен во многих случаях явился источником новых коми песен, созданных в народе в виде различных творческих переработок, перетекстовок. В живой и музыкальной практике народа наблюдался и обратный процесс взаимного преобразования, когда сама русская песня-первооснова развивалась в традициях коми народного музыкального искусства. Такое взаимодействие межнациональных фольклорных традиций воспринимается в народе как естественный закономерный процесс, способствующий взаимоближению культур русского и коми народа.

В. И. Костин выступил с сообщением о собирании русского фольклора в финно-угорской среде экспедициями филологического факультета Мордовского университета в 1959—1979 гг. (районы Мордовии, села Удмуртии, Марийской, Карельской автономных республик, Горьковской, Пензенской, Ульяновской, Куйбышевской, Рязанской областей). Он отме-

тил важность изучения межэтнических связей, обратил внимание на то, что у финно-угорского населения значительная часть русских произведений оказалась в лучшей сохранности, чем у русских. Восприятие произведений нередко модернизируются исполнителями в содержании, бытовых картинах, в языке. Можно, таким образом, признать активность и жизнеспособность русского репертуара в финно-угорской среде.

Необходимо продумать вопрос об издании региональных фольклорных сборников, информационных бюллетеней о собирательской работе.

О состоянии русского фольклора Северного Кавказа и Прикаспия по записям экспедиций Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР рассказал В. С. Курюхин.

Около тридцати докладов и сообщений было посвящено вузовской фольклорной практике. Своим многолетним опытом собирательской работы и руководства студенческими экспедициями поделилась одна из старейших фольклористов страны профессор А. М. Новикова (Москва). В докладе «Собирательская работа педагогических институтов» она остановилась на характеристике типов собирателей (от любителей до крупных ученых), особенностях работы со студентами в полевых условиях, возросших трудностей и задач на современном этапе. Фольклорист-преподаватель должен соединять в своей деятельности не только собирательскую и исследовательскую работу, но и работу педагогическую, содействующую воспитанию и новых кадров собирателей, и будущих ученых-фольклористов. В наше время, когда происходит сложный процесс смены форм культуры, изменения судеб фольклора, собиратель должен чувствовать особую ответственность за свою работу, за то, чтобы на высоком научном уровне проследить до конца этот процесс, сохранить все то, что еще держится в памяти народа, записать еще имеющиеся в ней не только распространенные, но и уникальные произведения.

Подключение к этой работе больших масс студентов, новые технические средства записывания способствуют успешному решению этих задач. Однако в практике вузовской собирательской работы есть еще много недостатков, когда записанные тексты оказываются хуже тех, которые когда-то были сделаны под диктовку, когда преподаватели безответственно подходят к руководству полевой работой и сами практически не участвуют в ней, не учат конкретно, на живом опыте методике и технике собирания материалов. Один из больших недостатков — неравномерность собирательской работы в географическом плане. Есть немало районов даже в центре России, где собирание фольклора почти не ведется. Главными причинами этого является отсутствие в вузах специалистов по фольклору, большие трудности по организации студенческих экспедиций, невниманье руководства институтов к ответственной работе собирателей... Неупорядочены и программы филологических факультетов по фольклорной практике.

Считая проблему кадров коренной для улучшения собирательской работы, А. М. Новикова высказала ряд ценных практических предложений в адрес руководителей министерств, ведомств и вузов: о необходимости расширения возможностей подготовки специалистов через аспирантуру, содействия собирателям-фольклористам в публикации материалов, организации при вузах подготовительных семинаров руководителей фольклорной практики, о повышении роли курса по народному творчеству в вузовских программах, о приобщении вузовских фольклористов и студентов к общегосударственному делу — подготовке свода русского фольклора, предприняемого Институтом русской литературы АН СССР.

В докладах и сообщениях, посвященных опыту собирательской работы отдельных вузов, как бы иллюстрировались положительные и негативные стороны студенческой фольклорной практики. Почти все выступав-

шие говорили о трудностях работы, связанных с недостатком специалистов, слабым вниманием к организации экспедиций со стороны руководителей институтов и университетов, отсутствием или недостатком записывающей техники и другого снаряжения, фольклорных кабинетов и архивохранилищ, где бы систематически велась научно-собираТЕЛЬская работа, наконец, с публикацией собранных материалов. Вместе с тем докладчики демонстрировали и большие результаты работы вузовских собирателей, особенно после введения всеобщей фольклорной практики на филологических факультетах.

Так, например, в докладе Е. В. Щеголевой «Опыт экспедиций Ярославского пединститута» было сказано, что с введением фольклорной практики после многолетнего перерыва в 1978—1979 гг. возобновлена собираТЕЛЬская работа в области и она показала, какие большие возможности имеются в изучении своеобразия фольклора этого древнего русского края. Проведенное студентами и преподавателями обследование в двенадцати деревнях и селах области подтвердило наблюдения предшествующих собирателей о характерной для ярославской песенной традиции связи старокрестьянской и городской культуры, обусловленной издавна широким распространением отхожих промыслов. В отношении традиционного фольклора сделан вывод об отрыве песенной части свадебного обряда от самого обряда в результате разрушения последнего. Вместе с тем отмечена хорошая сохранность полноценных в художественном отношении вариантов свадебных песен, что свидетельствует о бережном отношении народных певцов к лучшим образцам старой культуры.

Значительные результаты дала фольклорная практика студентов Ивановского университета. В. А. Смирнов, отчитываясь об экспедиции, проведенной в 1977 г. в Луховском, Юрьеvecком и Заволжском районах Ивановской области, привел довольно значительные цифры: собрано 170 песен, 4500 частушек, 38 сказок (8 о животных, 12 волшебных, 18 социально-бытовых), 56 преданий, 78 быличек, 14 легенд, 15 устных рассказов, 32 «вьюнца» (окликальные песни, исполнявшиеся на фоминой неделе молодоженам, поженившимся в мясоед), 12 колядок, 4 масленичные песни, 16 троицко-семицких, 2 жатвенные. Во время практики студенты встретились с рядом интересных исполнителей, прекрасных знатоков фольклора. В большей части это люди преклонного возраста. Среди них выделяются Я. Е. Малов (д. Гари Юрьеvecкого района), Т. А. Ольшева (д. Дарки того же района), А. А. Смирнова (д. Жуково Юрьеvecкого района), от которых были записаны сказки, интересные по форме и содержанию. Собиратели пришли к выводу, что если в Юрьеvecком районе более сохранилась сказочная традиция, то в Луховском — песенная. Наибольшим репертуаром владеет М. В. Фролова (с. Порздни). В хорошей сохранности записаны песни хороводные, свадебные, календарные, среди них особую ценность представляют «вьюпцы». Удалось записать также ряд исторических преданий о татарском нашествии, церковных легенд о Тихоне Луховском — воине князя И. Ф. Бельского (конец XV в.), культ которого довольно распространен был в этих краях, а также остатки былых языческих верований, например о русалках. Собранный материал послужит основой для планируемого кафедрой русской литературы сборника «Сказки и песни Ивановского края».

В. И. Попков рассказал об итогах экспедиции 1978—1979 гг. Мичуринского педагогического института в Мордовский, Тамбовский, Сосновский, Бопдарский, Инжавинский и Моршанский районы Тамбовской области, где было записано большое количество песен разных жанров (582), частушек, легенд, устных рассказов.

В 1978 г. успешно проведены экспедиции также в Сампурском и Кирсановском районах (группы в составе 26 человек обследовали 24 насе-

ленных пункта, собрали 349 песен), а в 1979 г. в том же примерно составе записали в Пичаевском и Старо-Юрьевском районах 249 песен. Всего в семи фольклорных экспедициях приняло участие 80 студентов (записано 969 песен).

Своеобразие края (участие крестьян в борьбе с татарским игом, в пугачевском движении, в борьбе с антоновским мятежом в годы гражданской войны и пр.) наложило свою печать на фольклор. Собирателям удалось записать исторические песни, легенды и устные рассказы, в которых присутствуют исторические реалии разных эпох (песни «Ох ты, воля, моя воля», «Ой, горюшко-горе», «Прогремела труба», «Шумел, горел пожар Московский», «Как во полюшке елочка стоит», «Поле чистое турецкое» и др.). Записано немалое количество песен о ямщиках, торговцах скотом, охотниках, умельцах и даже песни о шахтерах («По улице темной ненастой») и паровозных машинистах («Мчится поезд под уклон»). Песни литературного происхождения разных времен продолжают активно бытовать.

Из старинных обрядовых песен хорошо сохранились в памяти старшего поколения свадебные песни (записано 50 свадебных величальных песен). Собраны также рассказы и легенды о деревнях и ее героях. Важное значение придается собиранию рассказов о Великой Отечественной войне (проводятся встречи с ветеранами, совершаются экскурсии по местам боевой славы и т. п.).

О развертывании организации собирательской работы в Курском педагогическом институте сообщил Ю. И. Юдин. Руководители фольклорной практики провели условную разбивку территории (по степени близости или удаленности от города и по историческим судьбам того или иного района), продумали систему подготовки студентов к экспедициям (инструктивные занятия, разбивка экспедиций на группы и звенья, проверка материальной части, практика ведения дневников и т. п.), а также формы отчетности (сведения о собранных материалах, характеристика этнического района, выводы и наблюдения и т. п.), начали обследование районов, близлежащих к городу. Проводится практическая классификация собранных материалов по схеме, разработанной руководителем практики. Пропаганда фольклора (печать, радио и т. п.) входит в систему отчета.

Руководитель фольклорной практики Ставропольского педагогического института А. М. Гирько на основании экспедиции 1978 г. пришел к выводу, что наиболее распространенными в крае фольклорными жанрами являются частушка и лирическая песня, свадебный же обряд в традиционном виде на Ставрополье не сохранился. Исключение составляют только некрасовские казаки, возвратившиеся из Турции в 1962 г. и поселившиеся в Левокумском районе. Это последние переселенцы из Турции. Они еще хранят свадебный обряд почти таким, каким его играли их далекие предки до ухода некрасовцев в 1740 г. на Дунай (Румыния) и затем в Турцию. Фрагменты свадебного обряда, записанные студентами в хуторе Новом, представляют определенную ценность своими лирическими песнями.

Студенты обращают внимание на историю населенных пунктов и получают интересные сведения о диалектных особенностях речи исполнителей, о жанровых чертах фольклорных произведений переселенцев из Рязанской, Тамбовской, Черниговской, Донской губерний и т. п. Отмечено наличие в крае развитых фольклорных ансамблей. Проводится запись на фольклорных фестивалях.

Примерно к тем же выводам о современном бытовании фольклора пришел Я. И. Гудошников (Воронежский педагогический институт), говоривший о преобладании в Воронежской области песни и частушки. Одной из особенностей фольклора этого края он считает широкое быто-

вание образцов смешанного русско-украинского народного творчества. Докладчик заметил, что в селах поиски были более продуктивными, однако практика в городах давала более индивидуально-своеобразный фольклорный материал. Например, в г. Калаче было записано несколько интересных полупрофессиональных самодеятельных песенных произведений, которые охотно исполняются местными певицами и хоровыми коллективами, но за границы района не попадают. В г. Острогжске записаны разнообразные духовные стихи и городские романсы. Фольклорные экспедиции Воронежского педагогического института, отметил докладчик, имеют и учебное, и научное значение. При этом практиканты ориентируются на запись всех жанров русского фольклора. С точки зрения Гудошников, следует считать неудачной такую постановку дела, когда у студентов не принимают в зачет городские романсы, духовные стихи и образцы других «одиозных» жанров русского устного народного творчества. Из песен литературного происхождения записывались только те, которые подверглись народной переработке.

Руководитель фольклорной практики студентов Белгородского педагогического института в 1978 г. в Алексеевском и Красногвардейском районах области Н. И. Грибанов обратил особое внимание на воспитательное и познавательное значение экспедиций. Несмотря на серьезные недостатки в организации экспедиции (отсутствие магнитофонов, кино- и фотоаппаратов, многочисленный состав (40 чел.) и др.), студенты, сказал он, впервые серьезно почувствовали ценность народного творчества, с энтузиазмом работали и подводили итоги своей практики.

В вузах, имеющих значительно больший опыт фольклорной практики, работа ведется более планомерно и результативно. Так, например, М. А. Ганина (Пермь) рассказала, что студенты Пермского университета, принимавшие с 1958 г. систематическое участие в собирании фольклора области, под руководством преподавателей последовательно изучили его современное состояние в Добрянском, Осинском, Соликамском, Усольском, Сивинском, Юрлинском, Кунгурском, Куединском, Еловском, Частинском и Чайковском районах. По матерпалам экспедиций 1958—1967 гг. издано два сборника «Народные песни Пермского края» (1966, т. 1; 1968, т. 2). Ежегодно участниками экспедиций записывается до 1800—2000 текстов разных фольклорных жанров (помимо частушек), больше половины из них — традиционные проголосные песни. Активно собирается детский фольклор (с 1969 по 1979 г. записано около 3000 текстов). К сожалению, прозаические жанры записываются лишь в небольшом количестве. Опыт последних лет подсказывает, что работа студенческой экспедиции одного срока (12—14 дней) в 40—45 населенных пунктах не может считаться плодотворной.

О. В. Шеляпина (Череповецкий педагогический институт) на опыте своей работы интересно поставила вопрос о подготовке студентов к фольклорной практике. С 1973 г. институт проводил собирательскую работу совместно с Вологодским педагогическим институтом. С 1978 г. он действует самостоятельно. Важно было определить последовательность изучения районов. В качестве первого руководителя практики избрали Череповецкий район, они поставили перед студентами цель более обстоятельно изучить фольклорные традиции и историко-этнографические особенности его. На помощь пришел областной краеведческий музей. Фольклорный кружок, организованный из студентов первого курса, начал систематическое изучение Вологодского края: студенты делали доклады об истории собирания фольклора на Вологодчине, о крупнейших фольклорных сборниках, о зпатных уроженцах края и т. п. Таким образом, они одновременно проходили школу таких собирателей, как Н. А. Иванецкий, Е. В. Барсов, Ф. Н. Лаговский, Б. и М. Соколовы и др. Практическая подготовка студентов по методике записывания по-

лучала солидное подкрепление. Итоги практики анализируются и обобщаются.

На вопросе о завершающем этапе работы экспедиции остановилась Л. Л. Ивашнева (Астраханский педагогический институт) в докладе «Организация и проведение студенческой научной конференции по результатам фольклорной практики». Собранный в экспедиции материал не только обсуждается в целом, но и распределяется между студентами для научных докладов на конференции. Так, по материалам экспедиции 1978 г. для конференции были подготовлены 9 докладов, которые раскрывали своеобразие фольклорных богатств края: «Предание о Каралате», «Устные рассказы, былички, сказки», «Эволюция и особенности поэтики лирической песни», «Современные частушки», «Каралатская свадьба», «Календарные обряды и песни», «Народные исполнители», «Астраханские частушки в записях начала XX в. (по материалам газет «Волга» и «Астраханские губернские ведомости)», «Свадебные обряды русских, украинцев, калмыков (по материалам местной периодической печати)». Доклады в необходимой мере сопровождались демонстрацией магнитофонных записей и исполнением произведений студентами (частушки). К конференции была подготовлена большая выставка: стенгазеты, фотомонтажи, образцы народного прикладного искусства, газеты дооктябрьского периода и т. д. Проведение конференции показало, что при надлежащей подготовке студентов к практике, при должной ее организации и хорошей работе научного фольклорного кружка возможно добиться не только учебных и воспитательных результатов, но и научных.

Достижениями фольклорной практики в Новокузнецком педагогическом институте поделился преподаватель института А. И. Чудояков. Здесь со студентами проводится большая предварительная работа: обучение методике записи, пользованию магнитофоном, ведению беседы с носителями народного поэтического творчества, правильному ведению дневника, паспортизации; ознакомление с этнографией, историей края, с его фольклором, если он издан, с особенностями экономики, культуры, географии края; изучение диалектных особенностей языка населения будущего места проведения практики, и т. д. Обращается особое внимание на психологическую, нравственную и идейную подготовку студентов к проведению фольклорной практики. Преподаватели стремятся довести до сознания каждого студента следующее: 1) фольклорная практика является продолжением учебного процесса, поэтому она ставит учебные цели; 2) студент является самым настоящим собирателем произведений фольклора, поэтому на него возлагается вся ответственность за качество всего собранного материала; 3) произведения фольклора, собранные студентами в период фольклорной практики, составляют основной фонд фольклорного архива института. Для того чтобы работа студентов над фольклором была не эпизодической, чтобы выработалась определенная преемственность в приобщении их к народной культуре, в институте разбили работу на три этапа и создали три группы: 1) фольклорная практика — самая массовая, охватывающая две или три академические группы, составляет первый этап и носит название поисковой группы; 2) научная группа студентов, состоящая из желающих, обрабатывает материал, готовит научные доклады, пишет курсовые работы; 3) творческая группа, также состоящая из желающих, но более массовая, разучивает песни, частушки, хороводы и т. д. Две последние группы работают параллельно после фольклорной практики, научная группа свою работу продолжает и в последующие годы.

В 13 деревнях Новокузнецкого района Кемеровской области за одну экспедицию студентами собрано 975 текстов: 460 частушек, 17 сказок, 171 песня, 61 загадка, 76 пословиц и поговорок, 81 произведение детского фольклора. Судьбы жанров примерно те же, что и в других ме-

стах: совершенно нет былин (знатоки их были, например, в д. Кузедеево, они исполняли их до недавнего времени). Материалы экспедиций систематизируют сами студенты под руководством преподавателей.

О собирательской работе студентов молодого Лесосибирского педагогического института в Енисейском районе в 1978 и 1979 гг. рассказала В. С. Заяц: о большой подготовительной работе, предшествующей экспедициям (распределение студентов по группам, обучение технике записи, специальные семинарские занятия и т. п.), о предэкспедиционных конференциях, на которых решаются вопросы конкретных задач и типа экспедиции, о работе со студентами по систематизации собранных материалов и т. п. Особенностью местного фольклора, как и вообще всей Сибири, сказала докладчица, является интернациональность состава исполнителей: в обследованных селах живут знатоки и любители татарского народного творчества, украинской народной песни, можно услышать и эстонскую, и белорусскую народные песни. Эта особенность ждет научного рассмотрения, пока этим вопросом здесь никто не занимается. К тому же есть немало сел, где никогда и никем не проводились тщательные исследования.

Студенческие экспедиции обнаружили наличие в этих районах «стихийных» и «организованных» фольклорных ансамблей. В институте создана исполнительская фольклорная группа из студентов, которая пропагандирует народные песни.

О совершенно недостаточной собирательской работе и низком ее уровне в Южной Сибири (Хакасии) говорил К. Ф. Антошин (Абаканский педагогический институт).

Две студенческие фольклорные экспедиции (1978 и 1979 гг.) показали, что при подобном положении дел выполнить задачи на надлежащем уровне невозможно. Необходимо усилить и организационную, и научно-воспитательную работу среди студентов, расширить пропаганду народной культуры, координировать собирательскую работу, особенно обратить внимание на взаимодействие русского и инонационального фольклора.

По существу те же проблемы стоят и перед руководителями фольклорной практики в Комсомольском-на-Амуре педагогическом институте, как сообщил И. Т. Баранов. Отсутствие специалистов-фольклористов, технического оснащения экспедиций, бездорожье при большой отдаленности населенных пунктов, богатых фольклором, — все это мешает нормальной собирательской работе, которая еще не сложилась в устойчивую традицию. Первые же экспедиции после введения фольклорной практики показали, что студенты с большой охотой и серьезностью относятся к работе.

Итоги первой фольклорной практики: записано около 600 текстов различных жанров народно-поэтического творчества. Самыми «урожайными» оказались песни (314 текстов), частушки (178 текстов), пословицы и поговорки (59 текстов), загадки (23 текста). Однако не все тексты удалось записать без изъянов. В одних случаях в этом сказался недостаток опыта у студентов, в других — память носителей фольклора, особенно старшего возраста (70—80 лет). В ходе первой практики обнаружилось просчеты в подготовке к ней, которые в дальнейшем будут устранены (непрочность навыков группового записывания сложных жанров и др.). Из-за отсутствия специалистов и пособий испытываются серьезные затруднения с обработкой привозимых материалов.

Вопросам специфики собирания русского фольклора в иноязычном окружении посветили ряд докладов преподаватели вузов Украины, Белоруссии, Молдавии, Татарии, Чувашии, Казахстана и других республик.

По сообщению преподавателя Николаевского педагогического института Е. Г. Мирошниченко, где систематически ведется собиратель-

ская работа в течение последних 10 лет, только в 1978 г. фольклорная студенческая экспедиция записала более двух тысяч текстов различных жанров фольклора (исключая песенный эпос и народную драму). Особый интерес представляют записи чумацких песен, в которых слились украинские и казацкие (донские) песенные традиции. В качестве примера сложного переплетения русско-украинских традиций докладчик рассказал о с. Владимировка Казанковского района Николаевской области, где велась работа экспедиции. Владимировка была основана в 1810 г. переселенцами из Курской и Владимирской губерний. Здесь бытуют традиционные жанры фольклора: семейно- и календарно-обрядовая поэзия, необрядовые песни и романсы, частушки, сказки, несказочная проза, заговоры, детский фольклор. Участники экспедиции 1979 г. записали в селе более тысячи произведений народного творчества. Особенно широко представлены необрядовые лирические песни — крестьянские, рекрутские, бытовые, любовные и семейные — протяжные и частые. Во Владимировке были записаны песни, родившиеся в фашистской неволе, песни современного самодетельного творчества.

В течение ряда лет (с 50-х гг.) преподаватели Черновицкого университета ведут наблюдение над бытованием русского фольклора в русских поселениях Черновицкой области (в прошлом старобрядческих, так называемых липованских) — Белая Криница, Нижний Лукавец, Грубна, Белоусовка, а также в городах Хотине и Старожинце. О том, как продолжается экспедиционное изучение этих поселений при проведении фольклорной практики студентов в последние годы, рассказала преподаватель университета Л. П. Волкова. На основе материалов этих экспедиций планируется издание сборника «Русский фольклор Черновицкой области УССР». К сожалению, докладчику больше пришлось говорить о трудностях в работе, чем о достижениях, потому что «техническая оснащённость экспедиций самая примитивная — карандаш и бумага».

Положительному опыту координации проведения студенческой практики трех учреждений — Ровенского педагогического института, областного Дома народного творчества и областного Общества охраны памятников истории и культуры — был посвящен доклад С. И. Шевчука (Ровенский педагогический институт).

Координирование работы названных учреждений особенно активизировалось в области собирания, исследования и популяризации фольклора после принятия Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1976), постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодетельного художественного творчества» (1978). Благодаря такой координации легче проводить филологическую практику студентов на всех этапах — подготовительном, в полевой работе, при обработке материалов и подведения итогов практики. Проводимые в области смотры-конкурсы фольклорных вокальных, музыкальных и хореографических ансамблей в сильной степени способствуют улучшению работы студентов в экспедициях. Их собирательская работа освещается в печати, по радио. «Защита практики» (с исполнением лучших образцов и анализом материалов) проходит публично, с приглашением местного населения. В настоящее время, заключил докладчик, разрабатывается единая система учета и координирования всех записей, имеющихся в том или ином фонде области.

Перед каждым вузом национальной республики возникают свои проблемы по собиранию русского фольклора. Преподаватель Тираспольского педагогического института Э. Н. Киреева сказала, что фольклорная практика выдвинула целый ряд проблем. На территории Молдавии и близлежащих районов Украины мало мест с чисто русским населением. Если учесть, что в Молдавии три педагогических вуза и один универ-

ситет, где ежегодная фольклорная экспедиция обязательна, а рядом — Одесский университет и педагогический институт в Измаиле, то становится понятным, что будет иметь место постоянное дублирование собранного материала. Вот почему одна из важнейших проблем — проблема места проведения фольклорной практики. В Тираспольском педагогическом институте считают, что целесообразно было бы в инструкции отворить возможность для педагогических вузов национальных республик проводить фольклорную практику в районах РСФСР. Иначе фольклорная практика будет носить только учебный (не научный) характер. Проведенная в 1978 г. фольклорная практика студентов института в селах Одесской области, где издавна живут русские (старообрядцы), подтвердила неотложность вопросов координации экспедиционной работы и научного изучения происходящих в фольклоре процессов, особенно в тех районах, где взаимодействуют не только его старые и новые формы, но и разные национальные традиции. Необходимо усилить обмен опытом между вузами.

Насколько актуальны эти вопросы, свидетельствует и опыт других вузов, когда студентам приходится выезжать на практику в другие, отдаленные республики. Так, например, студенты Нукусского университета (Каракалпакия) выезжали на первую фольклорную практику (1978) во Владимирскую область. О результатах этой экспедиции рассказала Л. Б. Хван.

Приезд нерусских студентов — целое событие для деревни, сказала она. Здесь активную позицию заняли не собиратели, а исполнители, которые охотно помогали разысканию талантливых знатоков фольклора. Студентам удалось записать ряд традиционных песен — календарных, свадебных, семейно-бытовых, солдатских (например, «В ущелье Карпатской горы», «Стонет, стонет дороженька», «Как по травке, по муравке» и др.). К сожалению, собирательская работа не имела целенаправленного научного характера, и в этом один из недостатков подобных экспедиций.

Напротив, когда экспедиции ставят перед собой задачу обстоятельного обследования одного или нескольких населенных пунктов, результаты оказываются более эффективными и надежными. В докладе «Песенный фольклор с. Танайка Елабужского района Татарской АССР (по материалам студенческой фольклорной практики)» Н. А. Вердеевская (Елабужский педагогический институт) поделилась опытом такой работы. Она не только приводила цифры и названия собранного материала (98 песен), но и подробно, со знанием дела характеризовала географические и социально-исторические условия развития с. Танайки, современные демографические и социально-экономические данные, бытование в селе фольклора и т. д. Поэтому более основательными оказались и общие выводы и наблюдения о жизни фольклорных жанров (например, хороводных песен), имеющие несомненное научное значение. По словам докладчицы, в большинстве русских сел ТАССР хороводы исчезли настолько, что даже воспоминания о них почти не сохранились. В частности, в самой Елабуге, старая часть которой включает в свой состав две пригородные деревни — Ерзовку и Подмонастырку, сохранившие свой облик и уклад, сделаны многочисленные записи семейных, рекрутских, шуточных и плясовых песен, но хороводных среди них нет. Почти нет хороводных песен в записях, сделанных в с. Мурзиха Елабужского района. Судя по записям 50-х гг., опубликованным в сборнике «Старинная русская песня Прикамья», хороводные песни совершенно отсутствуют в Мензелинске и всей западной части Мензелинского района (села Коноваловка, Старое Мазино, д. Феонówka). В Танайке же число записей хороводных песен превышает число шуточных и плясовых и почти равно числу протяжных лирических, семейных и любовных.

Хороводы в Танайке водили до начала Великой Отечественной войны, и воспоминания о них еще живы. В Танайке было семь «концов». Их названия забылись, и восстановить удалось лишь некоторые и, возможно, неточно: Село, Дубовка, Гора, Подгора, Калаевка. По свидетельству Кашиной Елизаветы Михайловны (74 г.), в каждом «конце» собирался «малый хоровод», и каждый из этих хороводов имел свои песни — очень короткие. От Кашиной записаны две такие песни: «Я поставлю на пече горшок» и «Две дедеутушки летели» — обе четырехстрочные, вторая с припевом «О деделада». Из каждого малого хоровода выбирались две девушки «на поклон», которые водили большой хоровод. В большом хороводе песни были иными.

Свидетельство Кашиной вряд ли относится к предвоенным годам — очевидно, оно характеризует более ранний период: 20-е—начало 30-х гг. Более поздний этап отразился в воспоминаниях И. Т. Балобановой. Перечислив места, где собирались «малые хороводы», она сообщает, что хороводы эти ходили друг к другу и постепенно собирались в один хоровод в определенной, раз навсегда установленной последовательности: загорские, или горские — в Подгору; подгорские — в Село, Село — за реку. Конец хороводных «маршрутов» был в Дубовке. Центром же, где происходили основные хороводные игры и куда собирался народ смотреть на хороводы, было пространство перед магазином — «Магазея».

Существовал, однако, и еще один, последний этап живого бытования хороводных песен, завершающийся или только завершившийся. До недавнего времени (включая весну 1978 г.) на Заговенье и Троицу там, где раньше водились «малые хороводы», собирались пожилые женщины. Сидя на скамейке или на бревнах, они пели песни «большого хоровода» — всегда одни и те же и в одинаковой последовательности: «Ты пчела ли моя пчелынька...», «На горе лужок зеленёшенек...», «Как у наших широких у ворот...», «Как по морю, морю синему...», «Вянули, вянули, вянули ветры по полю...».

Неудивительно, что именно перечисленные пять песен пользуются среди старых женщин Танайки очень большой известностью: их записи во время работы группы неоднократно повторялись. Песни не имеют игрового характера.

Менее известны игровые песни «Ходил барин по хороводу...», «Пойду, пойду под Сырь-город каменной...», «Семик да троица — ию, ию...», а также песни «У ворот море сколебалося...», «Дедеутушки летели, у них крылышки гремели...», «На горе-то дождичек крокает...» Почти все они входят в репертуар И. Т. Балобановой. Немало записано и других жанровых разновидностей песен, в том числе и баллад, «докучных» песен и др.

Таким образом, проведенная работа позволяет ставить вопрос о сравнительной характеристике состояния песенных жанров в разных населенных пунктах и об их исторических судьбах.

Планово-фронтальное собрание русского фольклора ведется в Татарской АССР Казанским университетом. В докладе И. Андреевой приведены были такие данные: за последние 5 лет фронтальное обследование проведено на территории 5 районов (Верхне-Услонского, Высокогорского, Алексеевского, Арского, Лаишевского, Тетюшского), им охвачено 43 деревни. Записано около 3000 частушек, свыше 1500 лирических песен, около 250 произведений обрядовой поэзии, более 200 загадок, столько же пословиц и поговорок, свыше 200 произведений детского фольклора, 48 сказок, 10 топонимических преданий, 9 исторических песен, а также целый ряд произведений других жанров (стихотворений, баллад, быличек, легенд, «жесточких» романсов). Кроме того, записано много народных примет, обрядов (свадебный, похоронный) и праздников (рождество, масленица, Пасха, Семик, Троица). Всего сделано свыше

6000 записей (около 50 — магнитофонных). Успешной работе способствуют и Министерство просвещения республики, и местные партийные и советские органы, с которыми университет поддерживает постоянную связь, и, конечно, большая предэкспедиционная подготовка (предварительные разведывательные выезды в районы будущей практики, инструктаж руководителей студенческих групп, специальные занятия со студентами, обеспечение участников экспедиции программами-методиками и т. п.) и общественно-пропагандистская работа студентов в местах собрания фольклора, и, наконец, созданный в 1977 г. фольклорный кабинет. Обязательные итоговые (отчетные) конференции повышают научный уровень студентов и вовлекают в экспедиционную практику других студентов. Описывая впечатления от экспедиций в своих зачетных работах, студенты, как правило, признаются в исключительно большом для них значении фольклорной практики как школы научного и гражданского воспитания.

Систематически, начиная с 1968 г., ведут собрание русского фольклора студенты и преподаватели Чувашского университета. З. Е. Семенова подробно рассказала о подготовке к экспедициям, которая включает следующие моменты: а) составление маршрута экспедиций; б) знакомство по печатным, музейным и архивным материалам с историей места, выбранного для проведения экспедиции, с картиной его современного хозяйственно-экономического и культурного состояния; в) изучение лексико-грамматических и фонетических особенностей диалекта, на котором придется слушать и записывать фольклорные произведения; г) ознакомление с рукописными фольклорными фондами кафедры русской и зарубежной литературы университета, с их систематизацией и хранением; д) изучение сборника «Русские народные песни и частушки в Чувашии» (сост. З. Е. Семенова. Чебоксары, 1975); е) проведение тренировочных записей различных жанров фольклора с ленты магнитофона и непосредственно от исполнителей; ж) ознакомление с методикой записи фольклорных произведений различных жанров и с их паспортизацией; з) изучение вопросника для наблюдения над современным состоянием русского народного поэтического творчества в Чувашии; и) знакомство с требованиями, предъявляемыми к отчету по завершении учебной экспедиции.

Проведя работу в 69 русских селах 14 районов республики, экспедиции собрали более 20 тыс. фольклорных текстов различных жанров (в том числе и более 3 тыс. текстов детского фольклора), в этой работе приняли участие 600 студентов и 36 преподавателей. Большое внимание уделяется не только традиционным жанрам, но и современным (песни и устные рассказы о гражданской и Великой Отечественной войнах и т. п.). Обработка собираемых материалов ведется участниками научного фольклорного кружка. Составляется сплошной жанровый каталог. Эти материалы являются основой для научной работы студентов (докладов, сообщений, курсовых и дипломных работ). В 1975 г. был издан сборник «Русские народные песни и частушки в Чувашии» — первая публикация русского песенного творчества Чувашской АССР. Подготовлен к печати второй сборник: «Русское народно-поэтическое творчество Чувашии». Настоятельной необходимостью является координация работы вузов Чувашской АССР, Татарской АССР и Горьковской области.

Иное положение сложилось в фольклорной практике Павлодарского педагогического института (Казахская ССР). Преподаватель института С. Ф. Нуркенова в докладе «Об итогах первой фольклорной студенческой практики Павлодарского педагогического института (1978)» отметила, что в Павлодарской области фольклор никогда никем не записывался, поэтому первой студенческой экспедиции прежде всего предстояло

выявить, бытует ли здесь фольклор, есть ли здесь свои песенники и сказители.

В результате изучения истории заселения и этнографии края местом первоначального обследования фольклора было определено старинное с. Ямышево на Иртыше, бывшая казачья станица, откуда началось заселение Прииртышья от Усть-Каменогорска до Омска. Еще в 1617 г. в Ямышеве находился первый соляной острог. Здесь же в XVII—XIX вв. была мощная ярмарка, где сталкивались культуры народов Севера, Востока и Средней Азии. Оседали в Ямышеве чувашаи, башкиры, мецерыки, мордовцы, а также переселенцы с Украины и из Централь-ных районов России в годы интенсивного заселения Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.). Люди разных национальностей СССР приезжали сюда и в годы Великой Отечественной войны, и в период освоения целинных земель.

Сохранился ли здесь казачий фольклор, и какими текстами он представлен — местными или завезенными? Происходило ли взаимовлияние фольклора различных народов? Отразилась ли история Ямышева и окрестных сел в творчестве народа? Развивается ямышевский фольклор в общем русле или есть какие-то отклонения? Таков далеко не полный круг вопросов, которые предстоит выяснить.

Привезенные экспедицией материалы (417 текстов) пока не дают возможности делать решительные выводы, но уже ориентируют в направлении дальнейших поисков: сохранилось немало местных преданий, есть возможности записать свадьбу (русскую и украинскую), достаточно развита своеобразная лирическая казачья песня.

Общее для всей фольклорной вузовской практики значение имел доклад профессора Н. М. Гринчика (Гомельский университет) «Перспективы изучения регионального фольклора в студенческой научно-исследовательской лаборатории».

Дальнейшая интенсификация научно-исследовательской и собирательской деятельности в области фольклора требует максимального привлечения к этой важной работе студенческой молодежи как наиболее активного и подготовленного резерва, способного пополнять ряды фольклористов-профессионалов, а также вести весьма полезную работу по собиранию и пропаганде фольклора на корреспондентских пунктах, в Домах культуры и народного творчества. Как известно, ныне действующая вузовская учебная программа не обеспечивает такой подготовки, поэтому выход следует искать в организации научных кружков, факультативов, в процессе проведения специализации студентов-филологов.

В периферийных вузах, тесно связанных с определенными административными регионами, целесообразно организовать постоянную студенческую научно-исследовательскую лабораторию (СНИЛ) по фольклору при кафедрах литературы. В условиях вуза эта форма собирания, обработки и изучения фольклора имеет известные преимущества: создается определенная система сбора и хранения народных произведений.

В условиях современной подготовки молодых специалистов-филологов студенческая научно-исследовательская лаборатория по фольклору органически сочетается с учебным процессом. На начальном этапе, в I и II семестрах формируется наиболее инициативная группа студентов-энтузиастов — своеобразный резерв для пополнения состава СНИЛ по фольклору, а затем штата так называемых корреспондентов-фольклористов, кафедральной аспирантуры.

Под руководством преподавателей-фольклористов члены СНИЛ изучают материалы новых поступлений, систематизируют их по жанрам, топографическим признакам, хронологической последовательности и др. Здесь же готовятся выборочные публикации архивных материалов в научных изданиях или сборниках. Подготовка материалов к печати — важ-

ный этап в теоретическом росте членов СНИЛ, он требует свободной ориентации в фольклорных жанрах, умения отобрать наиболее характерные для данного региона произведения, разместить их в определенной системе, дать необходимые комментарии и др. Так, публикация цикла полесских баллад и песен в межвузовском научном сборнике «Беларуская літаратура» (вып. 6, 1978 г.), а затем цикла полесских лирических песен в том же сборнике 1979 г. не только укрепила престиж СНИЛ, но и значительно повысила чувство личной ответственности студентов в период проведения учебных практик, она значительно углубила понимание непреходящей ценности фольклора как неповторимого памятника духовной жизни нашего народа. Логическим завершением пропаганды произведений народного творчества является проведение фольклорных вечеров силами студентов, смотр народных хоровых коллективов, так называемых гуртов, широко бытующих в полесском крае (например, известный Тонежский народный гурт).

К сожалению, в публикации и изучении регионального фольклора в периферийных вузах имеются серьезные трудности организационно-технического плана — нет квалифицированных специалистов-музыковедов для нотной расшифровки магнитофонных записей, да и сами записи проводятся еще не на должном техническом уровне. Как известно, в штатное расписание кафедр литературы музыковеды не входят. Поэтому весьма острым становится вопрос координации имеющихся резервов в масштабе отдельных областей, республик. Соответствующие сектора центральных академических научно-исследовательских учреждений, консерваторские кафедры, областные филармонии могут оказать существенную помощь в расшифровке тысяч неповторимых мелодий и мотивов.

Начиная со второго семестра необходимо определить наиболее перспективные в научно-теоретическом отношении темы с тем, чтобы закрепить их за отдельными членами СНИЛ — в качестве научных конкурсных работ, а затем курсовых и дипломных. . .

Изучение региональных особенностей фольклора, кроме теоретического, имеет важное практическое значение. Оно органически связано с идейно-воспитательной и научно-исследовательской работой в области краеведения, а также с процессом изучения курса отечественной истории, проведением учебных и производственных практик, когда региональный материал может особенно широко использоваться. При этом эмоциональный фактор, личная заинтересованность и энтузиазм неизбежно активизируют индивидуальную инициативу членов СНИЛ, они заметно повышают профессиональную заинтересованность в изучении культурного наследия своей области и края. И в этом — надежный залог дальнейших успехов работы СНИЛ на базе регионального фольклора.

Большое внимание участников конференции привлекли вопросы методики полевой работы, организации экспедиций, координации деятельности различных культурных учреждений в совершенствовании собирания, хранения и пропаганды народного творчества и т. п.

К. В. Чистов остановился на различных формах организации фольклорных экспедиций, создании библиографических работ и системе архивного хранения произведений народного творчества. Отметив важность настоящей конференции и большой размах собирательской деятельности, он заострил внимание на необходимости координации усилий всех фольклористов страны, на разработке единых методических пособий для собирателей, подготовке квалифицированных кадров и других неотложных вопросах практической фольклористики. Одним из главных условий повышения уровня собирательской деятельности, по мнению ученого, является соединение полевой практики и научно-исследовательской ра-

боты. Региональный метод изучения фольклора открывает новые возможности в осмыслении характера бытования и исторических изменений фольклорных жанров, всего процесса развития народного творчества. В связи с этим К. В. Чистов поставил и другой важный вопрос — о влиянии самих собирателей-фольклористов на общекультурный процесс в эпоху активного взаимодействия различных видов искусства. Докладчик признал необходимым обсудить и такие вопросы, как реконструкция старинных обрядов по памяти исполнителей, детальность и точность описания собирателями путей добывания фольклорных материалов, обстоятельность работы фольклористов в стационарных экспедициях и др. Для совершенствования общего уровня собирательской деятельности, сказал в заключение К. В. Чистов, необходимо создание авторитетной фольклорной комиссии, которая координировала бы и организационно-собирательскую, и издательскую, и архивную работу фольклористов. Необходимы обмен информацией, согласованность в обследовании регионов, архивном хранении материалов, гласная отчетность о результатах экспедиций на том высоком уровне, какой мы видим, например, у археологов. В качестве примера разносторонней и продуктивной работы собирателей и хранителей фольклора он назвал фольклористов Горьковской области под руководством К. Е. Кореповой.

Н. И. Савушкина (Москва) в сообщении «Типы экспедиций и методика собирания фольклора» поделилась опытом многолетней собирательской работы кафедры фольклора МГУ, где регулярные ежегодные экспедиции проводятся с 1947 г. За более чем тридцатилетний срок они дали материал, составляющий ныне один из крупнейших фольклорных архивов страны.

Первое десятилетие организовывались преимущественно одноразовые экспедиции. Обобщение и реализация материалов по итогам таких поездок оказались затруднительными. Повторные же экспедиции дали возможность достаточно полно выявить региональный репертуар и подготовить к печати антологию областного фольклора в новейших записях.

С 1956 г. собирательская работа кафедры концентрируется на русском Севере. Обследование Карельской АССР, Архангельской области, Коми АССР осуществляется последовательно по районам и сельсоветам прежде всего по бассейнам крупнейших северных рек — Онеги, Двины, Пинеги, Вычегды, Мезени, Печоры, что связано с особенностями расселения на этой территории. Во многих случаях маршруты экспедиций пролегли «по следам» собирателей-предшественников: П. А. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Б. М. и Ю. М. Соколовых и т. д. Подобные экспедиции научно значимы и перспективны, так как сравнение результатов экспедиций (хотя и не во всем равнозначных) дает возможность проследить жизнь и эволюцию фольклорной традиции.

Основной задачей экспедиций является запись местного традиционного фольклора, изучение его исторически сложившегося жанрового состава, репертуара, их современного состояния, связанных с особенностями исторического прошлого (заселение и пр.) и изменением хозяйственно-экономического и культурного облика района.

Очень важными являются методические предпосылки экспедиции. Основой методики фольклорных экспедиций МГУ служит сплошное обследование местности, сочетаемое по возможности с наблюдениями над естественной жизнью фольклора, а также обследование, проводимое в «искусственной» обстановке (беседы с отдельными исполнителями или группами, семьями), которое предполагает: 1) максимальный охват исполнителей (коренного населения разных возрастов); 2) опрос каждого исполнителя по всем жанрам; 3) выявление сюжетного состава и возможных вариантов не только широко бытующих в наши дни, но и редких произведений; 4) многократная запись вариантов одного сюжета, повтор-

ные записи с разными интервалами (от одних и тех же исполнителей, одного произведения от разных членов семьи, в разной аудитории); 5) экспериментальная форма работы, практикуемая пока что в небольшом объеме.

Студенты и преподаватели, работая в экспедициях, сталкиваются с целым рядом трудностей: преобладание ручной записи над магнитной; сложности в организации высококачественных музыкальных записей напевов и хореографического материала, а также драматического и игрового исполнения произведений; неразработанность методики собирания в этой области. Это приводит к большим и невозполнимым потерям, снижает ценность записанного материала, что в свою очередь ведет к затруднениям в работе над реальным бытовым комментарием при издании материалов экспедиций. В экспедиционных записях часто можно отметить недостаточность и разрозненность сведений об исполнителях, а также сведений по истории хозяйства и культуры местности, всех многообразных факторов, определивших сложение и жизнь фольклорной традиции.

Координация собирательской работы по фольклору должна предусмотреть общие принципы при составлении программ, инструкций, вопросников, методических требований, определяемых типом экспедиции, критериев точности записи и т. д., унификацию сопутствующих сведений о текстах (не только паспорта). Это поможет эффективнее организовать архивную обработку и усовершенствовать хранение материалов, послужит гарантией добротности, высокого качества будущих публикаций и надежности исследований по фольклору.

Л. С. Шептаев (Ленинград) остановился на экспедициях разного типа: экспедициях общего характера, когда записывается все, что встречается по пути экспедиции (такие поездки организуются чаще всего с учебными целями); специальные экспедиции (например, музыковедческие, вспомогательные экспедиции вокруг какого-то предприятия археологов либо историков с целью собрать иллюстративные данные по интересующим их раскопкам или событиям).

К последним относятся и тематические экспедиции, на которых докладчик остановился подробнее, продемонстрировал их особенности на опыте собирания разинского фольклора со студентами Ленинградского педагогического института им. Герцена с 1959 по 1971 г. Подобная экспедиция требует тщательной научной подготовки, включая работу над планом маршрута.

Важно с самого начала определить общую задачу на разные годы и порядок обследуемых регионов. Нередко общая схема охваченной местности выявляется в самом процессе экспедиции по мере обследования региона.

Было решено следовать по путям развития разинского движения. Начать путь с сердцевины разинского маршрута, с Жигулей, участники экспедиции сочли малопродуктивным. Обследование началось с Борского района на р. Самаре. Сюда ушли самарские разинцы после разгрома под Симбирском. Здесь оставили своих потомков. Сам Разин здесь не был, но разинцы создали рассказы и легенды о нем, которые затем развивались и обогащались.

За два года экспедиция объехала южные районы Заволжья и Куйбышевской области, охватив места отступления самарских разинцев в 1670—1671 гг. Разведывательная поездка показала: чем дальше на восток — тем меньше материала о Разине. Экспедиция 1959 и 1960 гг. доехала до г. Бузулука Оренбургской области.

В следующие годы — с 1961 до 1964 записывали на Жигулях и вокруг Жигулевского полуострова. Ездили и ходили не только по полуострову, но и по всем берегам «северной» и «южной» Волги, обследовали не

только все села и деревни, но и каждый дом. Вниз по Волге шли выборочно и почти только по прибрежным селам.

Материалы экспедиции дали возможность заметить, что в живом, развивающемся фольклоре происходит (неуловимая, на первый взгляд, для обычных экспедиций) постоянная диффузия, взаимодействие, взаимопроникновение разных жанров и видов. Так, сюжет из девичьих песен о смерти любимого в далекой разлуке принимает образ Разина («Девушка тоскует по Разину» — фактически по сыну Разина, разбойнику). Песни о том, как птица приносит девушке руку милого — злую весть о смерти милого, вырастает в песню «Девушка оплакивает Разина». Здесь обширен раздел топонимических преданий, связанных с местами стоянок Разина, его сторожевыми постами, урочищами и местами тайного проживания.

Топонимические предания оживляют и образ самого легендарного атамана. По ним можно было бы восстановить поэтическую биографию Разина. Эти народные «семейно-биографические очерки» не связаны в единство, случайны. Об отце Разина, Разине на Дону, о жене и их отношениях с преданным ею атаманом, начало «гулящей» биографии Разина на Волге («Уранов бугор»), Разин и женщина (персиянка, варианты: сербиянка, персютка, негрятючка). По некоторым данным, народ считал Разина «сбежавшим из Сибири». Ряд преданий рассказывает о последних днях Разина, вплоть до того, что сделался невидимым. Часто останавливаются сказители на моменте ареста Разина. Особенно сильное взаимодействие заметно в «кладовой» литературе Поволжья, сказах о разинских кладах.

К явлениям «разинской» этнографии относятся народные празднества на Волге. Самостоятельным оказался ряд сказов о «памятных надписях» атамана. Наши современники связывают деятельность Разина даже с текущими проблемами экономической жизни страны. Так, Разин выступает первооткрывателем нефти в недрах Приволжья.

Длительная тематическая экспедиция дает возможность записать образцы народной публицистики. Досконально ознакомившись за 10 лет с разинским фольклором, участники нередко задавали сказителям вопросы, которые помогали глубже и непосредственнее выразить отношение к тому или иному разинскому преданию. В ответ получали не сюжеты, не художественные произведения, а мысли о них, отношение к ним.

В обстоятельном докладе А. П. Евгеньевой «Вопросы языка устных произведений народного творчества в собирательской и издательской работе фольклористов» был освещен один из актуальнейших вопросов в деятельности фольклористов — точность научного фиксирования диалектных форм языка при записывании и издании фольклорных текстов. Имея в виду особую ответственность собирателей за судьбы фольклора в современную историческую эпоху и за подготовку предпринимаемого свода русского фольклора, А. П. Евгеньева обратила особое внимание на необходимость понимания собирателями значения языка в развитии народного творчества. Фольклор — это материальное выражение национальной культуры, поэтому Свод — сокровищница не только фольклора, но и истории, этнографии и языка. В понятие «национальный язык» входят и диалекты, и устная и письменная речь. Язык фольклора — один из важнейших пластов национального языка, он находится в сложных связях со всеми областями национального языка. Вопрос о роли языка фольклора в создании национального языка был и остается одним из важнейших, особенно при изучении истории культуры. Он хранит очень древние черты национального языка, поэтому важно при записи произведений фольклора не упустить и не исказить его исторические формы. Издание фольклорных произведений также должно быть научно точным.

Только при этих условиях можно решить такую, например, важную проблему, как соотношение языка фольклора и диалектов (является ли язык фольклора наддиалектным). На ряде фольклорных текстов, записанных в разное время, докладчик убедительно показала, какое значение имеет точная запись различных вариантов одного сюжета. Затем А. П. Евгеньева остановилась на вопросах объединения усилий диалектологов и фольклористов в собирании произведений народного творчества, разработки единой и наиболее простой для практического пользования транскрипции.

На некоторых вопросах специфики собирания музыкального фольклора остановился А. М. Мехнецов (Ленинград).

Специфика народной песни состоит в том, что в ней проявляются особенности синкретического вида искусства. В силу этого в создании художественной формы приобретают значение не отдельные составляющие ее элементы, а их взаимообусловленность, дающая новое качество каждому из этих элементов. При этом в разных жанрах существует своя иерархия отношений элементов в системе. Если в песнях, связанных с движением, жанровая специфика получает выражение в ведущей роли ритмической организации песни (ритм слогапроизнесения и ритм композиционных структур), то в эпосе решающая роль принадлежит речевым построениям. В других жанрах, например в лирической песне, мы сталкиваемся с преобладанием собственно музыкальных закономерностей. Здесь ведущей становится интонационная сфера. В обрядовых песнях, будь то календарь или свадьба, выявляются особые структуры (звуквысотные комплексы — ладовые образования, отдельные попевки и типы сопряжения попевок), которые обладают свойством жанрово-представительного признака, имевшего, по-видимому, некогда смысл конструкций-символов. Все элементы музыкально-поэтической речи (поэтическое слово, ладо-интонационный контур, музыкальная ритмика и ритм слогапроизнесения, композиция строфы и периодичность структур и др.), занимая свое место в системе слово-напев-бытовая функция песни, обладают подвижной значимостью. Устойчивые формы сочетаний отдельных компонентов оказываются ориентированы не только на жанровую специфику песен, но и имеют наджанровый характер, составляя основу песенного языка местных традиций и, шире, диалектных зон. В настоящее время фольклористика располагает материалами для картографирования некоторых стилевых явлений.

Специфика народной песни состоит также и в том, что в ней проявляются черты, указывающие на историчность закономерностей музыкально-поэтического мышления, динамику эстетических критериев и общественных воззрений.

Специфика записи песенного фольклора заключается в выявлении жанрово-функциональной природы песни и музыкально-поэтической стилистики как комплекса языковых закономерностей, связанных с особенностями местного песенного диалекта. Эта работа предусматривает необходимость изучения песни с учетом истории формирования и дальнейшей судьбы локальных традиций народной культуры. Иными словами, в наши дни уже стало ясно, что силами только музыковедения или филологии без привлечения истории и этнографии, а также без выработки единой согласованной проблематики мы никогда не овладеем предметом в его полном объеме.

О плодотворности опыта работы областного координационного совета по фольклору на примере Горьковского областного Дома народного творчества говорил В. Н. Морхин (Горький).

4 декабря 1970 г. был учрежден Совет по координации фольклорной работы. В его состав вошли представители университета, консерватории, педагогического института, творческих организаций области (писателей

и композиторов), а также энтузиасты собирательской работы из некоторых районов (Болдино, Богородск, Вад, Городец, Пильна). Планируя работу по собиранию фольклора, Совет обратил внимание на использование наряду с экспедиционной формой, которая в Горьковской области регулярно осуществляется с 1955 г., стационарной формы, дающей возможность вовлечь в это дело как можно больше собирателей.

Были созданы группы стационарного собирания народного творчества в районах области. Такие группы помогают полнее собрать фольклор глубинных мест и открыть новые имена талантливых создателей и исполнителей фольклора. Наряду со стационарной формой собирания фольклора Совет, как и в 60-е гг., особое место отводит экспедиционной работе. Ежегодно в районы области и к соседям — в автономные республики Поволжья, в Ивановскую и Ульяновскую области — выезжают студенты университета, консерватории, двух пединститутов. Совет координирует этот вид работы, рассматривает планы экспедиций, заслушивает отчеты об итогах деятельности отдельных отрядов. Большую помощь в деле финансирования экспедиций в последние годы оказывал ОДНТ.

Вместе с организацией работы по собиранию фольклора Совет планирует и проводит ряд мероприятий, связанных с пропагандой народно-поэтического творчества: по инициативе членов Совета ряд районных газет стал печатать «Фольклорные страницы» («Городецкая правда», «Восход», «Ленинская победа»); члены Совета выступают с лекциями о народно-поэтическом творчестве в Домах культуры, клубах, музеях, вузах, школах, организуют телепередачи о местных носителях фольклора А. А. Амбарове, А. А. Пучкове, А. В. Алексеевой, о народной драме и др., по областному радио передаются материалы о Нижегородских преданиях и легендах, о сказках и песнях родного края и т. д. Немалое значение в пропаганде устного народно-поэтического творчества имеют вечера встречи молодежи с исполнителями произведений фольклора и областные фольклорные фестивали, в организации и проведении которых члены Совета по координации принимают самое непосредственное участие.

Определенное место в организаторской работе Совета занимала подготовка и проведение областных научно-практических конференций и совещаний носителей и собирателей фольклора, а также разработка и издание методических пособий для лиц, занимающихся собиранием произведений устно-поэтического творчества. Советом были запланированы также областные конференции фольклористов раз в три года.

Среди прочих мероприятий, проводимых Советом, необходимо отметить областные конкурсы собирателей фольклора. Конкурсы привлекают внимание широкой общественности к собиранию народной поэзии, способствуют выявлению талантливых исполнителей и помогают ярче представить картину современного состояния фольклора области. Конкурсы содействуют популяризации лучших образцов фольклора среди широких масс и существенно пополняют фольклорный фонд ОДНТ. На все эти конкурсы было прислано большое количество произведений народно-поэтического творчества, в результате чего фольклорный фонд ОДНТ значительно пополнился.

Опыт почти девятилетней работы областного координационного Совета по фольклору при Горьковском ОДНТ убеждает, что был избран правильный путь. И как бы пока ни были скромны результаты проведенного труда, важно подчеркнуть, что Совет занимается полезным делом, главное направление которого — собрать и сохранить для грядущих поколений фольклор народа труженика и творца.

Специальной темой выступления Л. А. Мячевой (Горький) были областные конкурсы и смотры-фестивали в Горьковской области.

Фестивали здесь проводятся с 1969 г. В 1978 г. был проведен V областной фестиваль фольклора. Фестиваль проходил в три этапа с января по июль 1978 г. В 40 районах области предварительно прошли районные смотры фольклорных коллективов. Всего в фестивале приняли участие 45 районов. На зональных концертах было просмотрено 77 коллективов. Репертуар каждого коллектива был прослушан, и были отобраны произведения, наиболее характерные для данного района. Основу репертуара фольклорных коллективов составляют песни хороводные, лирические, плясовые, свадебные. Они и были представлены на фестивале наиболее широко. Пять коллективов показали на зональных концертах фрагменты свадебного обряда. Все они отличались друг от друга, так как свадебный обряд в области очень разнообразен.

В целях расширения и активизации работы по собиранию словесного и музыкального народного творчества областной Дом народного творчества, Совет по координации фольклорной работы и Горьковское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры проводят конкурсы собирателей фольклора; которые ставят перед собой следующие задачи: 1) привлечь внимание широкой общественности к собиранию произведений словесного и музыкального творчества народа; 2) организовать запись и последующее хранение произведений фольклора, бытующих в наше время на территории Горьковской области; 3) расширить репертуар художественной самодеятельности за счет собранных в ходе конкурса материалов; 4) выявить талантливых исполнителей и знатоков произведений народно-поэтического творчества; 5) популяризировать лучшие образцы фольклора.

Конкурсы собирателей фольклора Горьковской области открытые. О них сообщается в газетах и по радио. На конкурсы могут быть представлены записи фольклора разных жанров. Особое внимание уделяется произведениям, связанным с тематикой данного конкурса. К каждому конкурсу разрабатывается Положение и высылается участникам.

Конкурсы собирателей фольклора привлекают все большее количество участников, и все большее количество материалов поступает в архив ОДНТ. Для сравнения можно привести такие цифры: I конкурс (1975 г.) — 1000 произведений, II конкурс (1977 г.) — свыше 4000 произведений, III конкурс (1978 г.) — около 9000 произведений.

О музыкальных фольклорных текстах фонограммархива горьковского ОДНТ рассказала Е. М. Черногоубова (Горький).

В области собирательской работы фольклорным отделом Горьковского Дома народного творчества выработаны самые различные формы. Это и работа методистов-членов Совета по координации фольклорной работы — поездки в область в течение всего года для записи фольклора и помощь студентам-вечерникам Горьковского университета, и поручение им конкретных заданий, областные конкурсы собирателей фольклора, каждый из которых дал огромное количество материала. Кроме этих форм собирания фольклорный отдел поддерживает связь с любителями народного творчества, которые ведут запись фольклора на местах — в своих деревнях и селах.

Из поступившего материала только часть записана на магнитофонную пленку. Качественные записи и составляют фонд фонограммархива ОДНТ. В настоящее время он насчитывает около двух тысяч записей произведений музыкального фольклора различных жанров.

Обрядовый фольклор представлен традиционной свадьбой, святочными играми и песнями, масленичными, весенними закличками, семицким обрядом, похоронными причитаниями.

Среди произведений необрядового фольклора большая часть — лирические песни; представлены также исторические песни, баллады, романсы, песни хороводные, игровые, плясовые, шуточные, колыбельные,

частушки. Инструментальный фольклор представлен записями найгршей на гармошках, балалайках, ложках и пастушеских инструментах.

По своему жанровому составу, исполнительским традициям, особенностям бытования Горьковская область далеко не однородна. На ее территории можно выделить несколько регионов: южный (Приокский, Поволжье), Заволжье (Керженец) и северный. В каждом из этих регионов бытующие жанры и обряды имеют свои особенности, исполнительские традиции, свой музыкальный язык.

В настоящее время фольклорным отделом Дома народного творчества ведется большая работа по выяснению особенностей бытования и музыкального стиля жанров и обрядов этих регионов Горьковской области.

А. И. Кретов, Л. Н. Шепелевич (Воронеж) рассказали о Воронежском «Клубе любителей русской народной песни».

«Клуб любителей русской народной песни» был создан в 1968 г. совместными усилиями Воронежской композиторской организации, хоровым обществом, Домом народного творчества и областной библиотекой им. И. С. Никитина, о чем писалось в периодической печати.

Его цель — сохранение и пропаганда русской народной песни. Он опирается в своей работе не столько на профессиональные народные коллективы, сколько на самую массовую современную форму народного искусства — самодеятельность. В 1975 г. в Воронежской области имелось 900 хоровых коллективов, из которых одну треть составляли самобытные фольклорные хоры.

Клуб стал новой действенной формой пропаганды как традиционного, так и современного народного песенного творчества. Он с самого начала своего существования неустанно расширяет связи со зрителями, настойчиво помогает все новым и новым самодеятельным коллективам, пропагандируя их самобытное искусство. Особенностью Клуба является и то, что он не имеет постоянного места пребывания и свои заседания проводит в самых разнообразных аудиториях. Такие заседания иногда носят тематический характер и позволяют познакомиться с местными песенными традициями различных коллективов. Заседания Клуба, как правило, имеют не только познавательный, пропагандистский, но и воспитательный характер. Этой цели служат предваряющие выступления этнографические и исторические сведения, вызывающие обычно особый интерес у молодежи, и характеристики, которые знакомят с творческими народными коллективами.

Организован филиал «Клуба любителей русской народной песни» в рабочем поселке Хохол. Предполагается создание таких же филиалов и в некоторых других районах.

С. М. Лойтер (Петрозаводск) посвятила свое выступление специфике собрания «малых» фольклорных жанров.

Собрание русского фольклора в Карелии, отметила она, в настоящее время осуществляется сектором фольклора Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, который ведет систематическую, целенаправленную работу по собиранию, хранению, изучению и изданию различных фольклорных жанров. Только в 70-е гг. вышел в свет целый ряд фундаментальных научных сборников песен, сказок, преданий, готовятся к изданию эпические песни Карелии, свадебный фольклор. Архив Карельского филиала АН СССР — одно из богатейших и основательнейших фольклорохранилищ страны.

В этих условиях, чтобы не дублировать, а каким-то образом дополнять работу главного фольклорного центра республики, кафедра литературы Карельского педагогического института в течение последних лет на фольклорной практике сосредоточивает усилия на «малых» и так называемых периферийных жанрах (паремиях, детском фольклоре, заговорах, отдельных видах сказочной прозы), которые в Карелии меньше

записывались и издавались. Собрание осуществляется в наименее обследованном и ближайшем к Петрозаводску регионе — пригороде Соломенное и Прионежском районе (деревни Заозерье, Лехнаволоок, Логмору-чей, Тихнаволоок, Шликино, Ялгуба, Святозеро).

Собрание детского фольклора осуществляется в двух аспектах: собрание старинного, традиционного — у взрослых и современного — в детской среде. Запись же заговоров производится в их обрядовом окружении, со всеми комментариями информаторов.

О собрании и издании песенного творчества гражданской войны рассказала Е. С. Громова (Балашов).

К настоящему времени в Приморье и Приамурье проведено несколько специальных экспедиций по сбору народного песенного творчества гражданской войны: в 1925 г. А. Н. Соколовой, в 1940 г. П. Г. Кречотеней (Благовещенский педагогический институт), в 1965—1966 гг. С. И. Красноштановым (Хабаровский педагогический институт) и, наконец, в 1970 г. Н. П. Дубовиком (Дальневосточный университет). Остальные собиратели и исследователи фиксировали интересующий нас материал лишь попутно и выборочно.

Опубликованный дальневосточными исследователями материал — наглядная иллюстрация успехов и недостатков фольклорной текстологии. В этом отношении особого внимания заслуживает сборник «Тропами таежными» (1969), выпущенный Хабаровским краевым издательством (подготовлен С. И. Красноштановым). Даже в этой, на сегодня лучшей публикации партизанского творчества встречаются серьезные нарушения, казалось бы, уже утвердившихся правил фольклорной текстологии. В сборнике к каждому тексту приводится библиография вариантов. Работа эта, как известно, трудоемкая. На первый взгляд, солидный перечень вариантов заставляет думать о якобы действительном обилии вариантов и соответственно широком бытовании этих песен. На проверку же оказывается, что часто мы имеем дело с одним и тем же текстом, а разночтения — не что иное, как редакторская правка (публикаторов или издателей). Нередко авторы публикаций «новых» партизанских песен (особенно публикуемых в газетах и журналах) в погоне за «новыми» иллюстрациями размаха народного творчества эпохи гражданской войны и партизанского движения на Дальнем Востоке в юбилейных статьях перепечатывают уже обнародованный текст, но вносят в него некоторые изменения, предлагая читателю, таким образом, скрытую перепечатку. В этих случаях, как правило, не приводятся паспортные данные о текстах.

Нередко при перепечатке текст подвергается коренной перестройке: произвольно меняется строфика (по воле редакции или публикатора), стихотворение-песня разбивается на двух- или четырехстрочные куплеты или же вообще снимается разбивка на строфы за счет выбрасывания нежелательных куплетов (строф). С самой разнообразной строфикой публикуются в различных изданиях такие известные произведения (речь идет о механических перепечатках), как: «Бороздой широкой», «Старый Гомон», «Вот полночь наступает», «На смерть Погодаева» и др.

Кратко изложенные соображения позволяют внести несколько предложений. 1. Желательно создать при Дальневосточном научном центре координационный центр по народному творчеству с постоянным архивом. Добиться, чтобы копии записей фольклора, осуществляемых учебными заведениями, Домами народного творчества и даже отдельными собирателями накапливались в этом архиве. 2. Необходимо установить деловые контакты с дальневосточным издательством с целью более активного (и планомерного) издания фольклорных материалов Дальнего Востока. 3. В связи с подготовкой Свода русского фольклора следует выработать единые (и обязательные для всех издательств!) правила

издания фольклорных текстов применительно к различным типам изданий фольклорных материалов.

Несомненный интерес для собирателей представило выступление Ю. А. Новикова (Вильнюс) на тему «Работа с информатором в условиях иноязычного окружения».

Факультет русского языка и литературы Вильнюсского государственного педагогического института начиная с августа 1975 г. регулярно организует экспедиции в один и тот же регион — местечко Салакес и близлежащие деревни Зарасайского района, где значительный процент населения составляют русские старожилы, потомки раскольников, высланных в Литву в XVII—XIX вв. Живут они вперемешку с литовцами, в близком соседстве с латышами, белорусами и поляками; многие свободно владеют несколькими языками. Давние экономические и культурные связи с представителями других национальностей наложили заметный отпечаток на русскую фольклорную традицию; в песнях, сказках и особенно в произведениях несказочной прозы, пословицах, поговорках, афоризмах нередко встречаются прямые заимствования и другие следы активного взаимодействия фольклора разных народов. Всего записано более 9500 текстов, в том числе свыше 8000 пословиц, поговорок, народных афоризмов, присловий.

Самой большой удачей экспедиций была встреча с 60-летней Елизаветой Ивановной Колесниковой. Елизавета Ивановна — не только знаток и исполнитель фольклорных произведений, но и собиратель-самоучка. С конца 40-х гг. по совету местной учительницы Сыркиной Колесникова начала записывать песни, частушки, загадки, пословицы и поговорки, которые входят в ее репертуар. Сперва записывала русские слова латинскими буквами (Колесникова три года училась в литовской школе), потом самостоятельно освоила, как она выражается, «славянскую грамоту», начала записывать и от соседей. В научном отношении наибольшую ценность представляют собранные Колесниковой народные пословицы, поговорки, афоризмы.

Собрание Колесниковой интересно во многих отношениях. Во-первых, это преимущественно самозапись, в которой отражены основные особенности местного говора. Во-вторых, это пословицы из одного небольшого района; в других собраниях, как правило, представлены тексты, записанные на большой территории, в десятках, а то и сотнях населенных пунктов. В-третьих, салакесские пословицы — прекрасный материал для изучения взаимовлияния русского, литовского, польского и белорусского фольклора.

Важную роль играет правильная ориентация собирательницы. После встречи с фольклористами она заметно активизировала свою деятельность и за четыре года увеличила фонд записанных пословиц с 2700 до 8000. Но в ее собрание попадают только такие тексты, которые она знает сама или слышала от земляков.

Важный этап работы — комментирование собранных материалов. В беседе с Колесниковой фольклористы выясняют семантику диалектизмов и заимствованных слов, общий смысл пословичного речения. Комментируя тот или иной текст, Колесникова подробно объясняет значение областных слов, использует другие народные пословицы, фразеологизмы, порой не зафиксированные ею; а иногда пословицы «приводят» за собой народные анекдоты, обычаи, поверья, бывальщины, бытовые сказки и т. п.

Несколько сот наиболее интересных русских пословиц из собрания Е. И. Колесниковой опубликованы: Пословицы в самозаписи Е. И. Колесниковой. — Учен. зап. выспих учеб. заведений Лит. ССР. Литература. Вильнюс, 1981, 23(2), с. 84—97.

Т. В. Тополевская (Рига) на материале фольклорной практики

студентов Латвийского государственного университета им. П. Стучки рассмотрела вопрос о строфике в записях русских народных песен. Анализ архивных материалов фольклорных практик студентов Латвийского государственного университета показал, что при записи русских народных песен допускается ряд ошибок. Не учитывается, например, строфическое деление песни. Факт этот не может быть неожиданным, так как вопросы строфики представляют собой одну из наименее изученных областей стиховедения.

Однако существует ряд весьма определенных строфических закономерностей и правил, руководствоваться которым необходимо во время записи песен. Прежде всего следует обратить особое внимание студентов на специфику строфики русской народной песни.

Уже в процессе чтения лекций по поэтике русских народных песен необходимо подчеркнуть тесную связь стихотворного текста с напевом, которая, обуславливая специфику народной русской песни так таковой, оказывает существенное влияние на ее строфическое строение. Значительную помощь студентам в решении вопросов строфики сможет оказать статья А. М. Новиковой «О строфической композиции традиционных лирических песен» (Русский фольклор, т. XII).

Студенты должны научиться в процессе прослушивания песни в ее естественном звучании выделять в напеве несколько одинаковых частей. Правильность членения песни на строфы должна быть проверена путем многократного прослушивания ее магнитофонной записи. Наиболее наглядно нарушение строфических закономерностей прослеживается на примере записей поздних народных песен (особенно городского происхождения), строфическое строение которых близко литературным куплетам. В рифмованном стихе песен такого типа границы каждой строфы имеют ярко выраженный характер, поэтому их нарушение проявляется особенно отчетливо.

Наиболее распространенным типом строфических ошибок является запись песни так называемым сплошным текстом, т. е. без какого-то бы ни было строфического членения. Довольно часто в связи с неверной записью строфики студенты произвольно меняют ее форму, например, записывают четырехстрочную строфу в форме восьмистрочной и т. п. Распространенным типом строфических ошибок является изменение величины стихов внутри строфы, вследствие чего соответственно изменяется ее тип.

Все типы ошибок связаны с наиболее простым строфическим членением песни, обусловленным законами силлабо-тонической системы стихосложения и периодичностью музыкального напева. Следуя рекомендациям, приведенным ниже, можно относительно легко научиться их избегать.

Гораздо сложнее дело обстоит с записью традиционных лирических протяжных песен и прежде всего потому, что, как верно заметил Д. М. Балашов, «в протяжной песне часто отсутствует точная куплетная повторяемость напева». Кроме того, такие специфические особенности традиционной протяжной песни, как вставки междометийных возгласов, повторы, словообрывы, внутрислоговые распевы, в значительной степени усложняют строфическое строение песни, затрудняют ее восприятие. Это приводит к тому, что студенты либо игнорируют эти особенности протяжной песни при записи поэтического текста, либо в значительной мере искажают их. Требование И. И. Земцовского к «дробному делению» строфы, с наибольшей точностью отражающему ее музыкальное звучание, как известно, не нашло широкого практического применения. Причина этого в том, что филологи, особенно студенты-филологи, несомненно не в состоянии улавливать на слух конец стихотворной строки, приравненной И. И. Земцовским к музыкальной фразе. Т. е., при-

зная несомненную научную ценность такой записи строфы протяжной песни, следует констатировать с сожалением, что студентам-филологам, не имеющим специальной музыкальной подготовки, «дробное деление» строфы оказывается не под силу. Что же касается остальных рекомендаций И. И. Земцовского, А. В. Рудневой и других специалистов по протяжной песне, то их выполнение должно стать общепризнанной нормой. Следует с удовлетворением констатировать, что результаты фольклорных практик последних лет студентов Латвийского госуниверситета свидетельствуют о закрепившихся навыках правильной фиксации междометийных возгласов и словообрывов. Хуже обстоят дела с записью повторов различных видов. Наиболее типичной является здесь ошибка, указанная в свое время А. М. Новиковой, которая, подчеркивая композиционное значение повторяющихся строк в песне, говорила о необходимости точного указания их места в строфе. Однако цифровое обозначение повторяющихся строк приводит к записи песни «сплошным» текстом, которая не позволяет определить тип строфики данной песни (двух-, трех- или четырехстрочный). И еще одна сложность в записи протяжной песни связана с фиксацией одной из самых замечательных ее особенностей — внутрислоговых распевов, которые никаким образом не отражаются в студенческих записях поэтического текста песен. Причина этого объективна: у филологов не существует никакого условного обозначения этого феномена.

Распев — это чисто музыкальное явление, со всей полнотой и точностью фиксируемое собирателями-музыкантами в нотной записи. Обозначение внутрислогового распева в стихе той или иной песни необходимо точно так же, как и обозначение словообрывов, ибо и то и другое, формируя строфику песни, позволяет с большей ясностью видеть характер ее исполнения.

Подводя итоги анализу строфики в студенческих записях русских народных песен, следует сделать следующие выводы. Строфические ошибки всех указанных типов свидетельствуют о недостаточной теоретической и практической подготовленности студентов к фольклорной практике. Поэтому преподаватель должен, во-первых, обращать особое внимание студентов на вопросы жанра, композиции, ритмики, строфики (специфики протяжной лирической песни — в особенности) во время чтения лекций о русской народной песне и, во-вторых, посвятить несколько последних занятий общего курса фольклора практической работе студентов по указанным вопросам с целью их действенной подготовки к фольклорной практике.

Т. В. Пименова (Ленинакан) посвятила свое выступление исключительно важной проблеме — учету диалектного материала в записях фольклорных произведений.

Общезвестно, что система языка устно-народных произведений не совпадает с системой говора, в пределах которого они бытуют, что отбор языковых средств в них идет в основном по линии общенародных элементов. Но это не исключает отражение диалектных черт в языке фольклорных произведений. При этом национальное окружение играет определенную роль в организации материала фольклорных произведений.

Обращение к малым жанрам народно-поэтических произведений (частушки, пословицы, поговорки, поверья, загадки), в которых, благодаря их издавна закрепившейся форме, устойчиво сохраняются диалектные особенности, позволяет говорить о широкой возможности извлечения диалектного материала и привлечения его при исследовании функционального статуса диалектного слова, а также при изучении бытования фольклора.

Малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки, загадки, поверья, частушки, прибаутки и т. д.), как правило, отражают различные сто-

роны жизни носителей говора. Ср.: «В копнах не сено, в горстях не хлеб», «Май — рукавицы не снимай, коням сено дай, а сам на печку полезай», «Охоту тешить, не беду платить», «Вошкается, ни в горсть, ни в сноп» (суетливо, без видимых результатов); «Съел не худо, всего полпуда, осталось фунтов семь, завтра съем». Пословицы и поговорки связаны с определенной социальной средой, поколением, географическим местом.

Малые фольклорные жанры содержат значительное число диалектных лексических элементов. В определенной степени это обусловлено и жанровыми особенностями рассматриваемых фольклорных произведений, и условиями бытования самого говора. Последнее особенно наглядно проявляется при контактировании носителей русского говора с нерусским населением, бытованием говора в нерусском окружении.

Характер взаимодействия устно-поэтической речи с системой говора дает возможность увидеть в диалектном материале фольклорных произведений отражение ряда функциональных особенностей слова диалектной речи. В практике записи фольклорных произведений очень важно ориентировать собирателя на определенный характер диалектных включений, ибо без этого не всегда верно могут быть представлены и сюжет произведения, и его эмоциональный фон, и образная основа фольклорного произведения, и ситуация его использования. Широкое вовлечение в научный оборот диалектного материала, извлеченного из фольклорных произведений; не только сохраняет для диалектолога, составителя областного словаря диалектные слова, но и расширяет базу исследования лексики говора в функциональном плане, представляя реальную языковую практику носителей говора во всем ее многообразии. Это означает также, что изучение фольклорных произведений, языка их, сферы бытования их должно опираться и на знание диалектной речи, особенно в условиях контактирования русского населения с нерусским.

Поэтому рациональной представляется практика проведения совместных фольклорных и диалектологических учебных экспедиций в одном и том же населенном пункте с последующей целенаправленно организованной работой по собиранию фольклорного и диалектного материала и его обработке.

Интересный и малоизученный вопрос поставила Л. С. Соболева (Свердловск) в выступлении, посвященном освоению фольклора в рукописной традиции региона. Спецификой отдельных районов Урало-Сибирского региона является сохранение в среде крестьянского и горнозаводского старообрядческого населения активной рукописной традиции. Археографические исследования этих районов выявили большое количество рукописей (в основном сборники), принадлежащих авторам-переписчикам из народной среды. Эти рукописи, собранные в древлехранилище страны, нуждаются во внимательном изучении не только археографами и медиэвистами, но и исследователями фольклора.

Наряду с материалами исторического плана в сборниках XVIII—XX вв. дошли до нас произведения древнерусской литературы и целый ряд фольклорных жанров. Так, в рукописях территориальных собраний Уральского университета находится большое количество хорошо известных фольклорных жанров — духовных стихов, апокрифов. Помимо них старообрядчество обращается к созданию новых типов произведений — «Родословий» различных согласий (поморского, часовепного, федосеевского), основанных на использовании фольклорных исторических преданий и традиций древнерусской литературы. Подробное изучение «Родословия поморского согласия» — своеобразной повести, созданной в 60-е гг. XIX в. в Курганской области, выявило несколько различных по времени и месту первоначального появления исторических преданий. Под рукой автора повести они получают значительную обработку, но

сохраняют свои основные жанровые признаки. Круг их бытования определяется географическими границами локализации поморского согласия в Свердловской и Курганской областях. Выявленные фольклорные материалы формируют направление полевого поиска. В результате при работе с исполнителями старообрядцами поморского толка обнаружались новые варианты исторических преданий, лежащие в основе повести.

Подобного рода материал дает возможность поставить проблему взаимодействия устной и письменной традиции региона, более глубоко разрабатывать характеристику массовой «низовой» крестьянской культуры. Учитывая данные рукописей, в совокупности с археографическими сведениями о времени, месте создания памятников, их авторах, можно реконструировать состояние фольклора предшествующего времени. Закономерный этап исследования — проверка знаний рукописных текстов в устном исполнении носителями фольклора отразит жизнеспособность отдельных жанров.

Фольклорные материалы письменного происхождения, подобно текстам, полученным в экспедиции, должны фиксироваться в тематических, географических каталогах, причем не только жанры типа духовных стихов, исторических песен, апокрифов, но и отдельные фольклорные мотивы, получившие обработку в духе рукописной традиции.

В выступлении М. М. Красикова (Харьков) на тему «К вопросу о тенденциях бытования традиционного фольклора в последние годы» поставлен вопрос об активном и пассивном бытовании фольклора.

Специфика пассивной формы жизни фольклорного произведения требует, по мнению докладчика, первоочередного его изучения, поскольку тенденция «пассивного» существования некоторых жанров может в будущем оказаться доминирующей тенденцией фольклора в целом. Разделение фольклористами фиксируемых текстов на бытующих «активно» и «пассивно» в достаточной мере условно. Нет четкого критерия, окончательно не выяснена сущность самого явления, определяемого как «пассивное» существование фольклора.

Часто получается парадоксальная ситуация: жанр, бытующий пассивно, активно живет в памяти. И, естественно, он ищет какие-то иные выходы. Например, хотя ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что частушка уходит из жизни современной деревни, вряд ли можно считать ее не соответствующей идейно-эстетическим запросам современного человека. Произведение не исчезает из долговременной памяти, оно только получает различные способы функциональной перекодировки. Частушка начинает употребляться в афористической функции, заменяя при этом поговорку (поговорку), сближаясь с прибауткой. В таких случаях частушка не поется, не выкрикивается, а произносится как обыкновенное четверостишие, иногда в убыстренном темпе.

Нельзя не отметить также фактов цитации по различным житейским поводам песенных текстов точно так же, как цитируются, допустим, удачные выражения из художественной литературы. Проявлением «пассивного» бытования является также прозаический пересказ исторических песен и былин, а также передача содержания сказок вместо их обстоятельного рассказывания.

Есть свои особенности и в «пассивном» бытовании жанра обрядовой поэзии. Свадебный обряд люди 50—80 лет вспоминают без труда. Почти во всех селах есть женщины, которые помнят свадебные песни; родители жениха и невесты специально приглашают их на свадьбу, чтобы старинные «правильные» песни звучали за столом паравне с необрядовыми. Таким образом, наблюдается отрыв свадебных песен от действий, которые они сопровождали. Вслед за сдвигом в области функции последовали изменения в сфере поэтики обрядовой песни: ее образный строй сближается с образностью лирических необрядовых песен, участились коп-

гаминаций — все это нашло выражение во многих записанных нами вариантах.

Приходится встречаться и с явлением бытования фольклора как литературы (именно таково восприятие его младшим поколением и большей частью среднего). Это свидетельствует не об «умирании», «затухании», «деградации» фольклора в целом, не о вытеснении его авторской литературой, как спешат заявить некоторые фольклористы, а исключительно об утрате им прежней широкой бытовой функции. Другими словами, наблюдается трансформация традиционного фольклора из бытовой формы культуры во «внебытовую» форму, т. е. возникающую «за пределами быта первичной контактной социальной группы» (слова К. В. Чистова), но функционирующую в ней. Большое значение приобретает исследование хранения в памяти информаторов эмоционально окрашенного, этически и эстетически значимого фольклорного текста. Память в процессе бытования произведения устного народного творчества останется доминирующим фактором даже при всеобщей грамотности населения, ибо фольклор как раз и отличается «вещественно-незакрепляемой формой образности» и не требует фиксации.

Активность, динамичность predetermined уже тем, что память является психическим процессом, а не свойством или состоянием. Активное творческое начало памяти находит яркое выражение не только в жанре мемората, не только в принципах ассимиляции фольклором литературных поэтических текстов, но и в «жанре» пересказа прозаических и драматических произведений (рассказов, повестей, романов, газетных и журнальных статей, спектаклей, радио- и телепередач, кинофильмов и т. п.). Наличие фиксированного инварианта позволяет проследить, что и как запомнил исполнитель, что он «не хотел» и что «слишком» хотел запечатлеть в памяти, что объективно могла и не могла вместить долговременная память.

Итак, напрашивается вывод о необходимости дефиниции фольклора как искусства активной творческой памяти. Уяснение специфики фольклора под таким углом зрения позволит, думается, разумно объяснить бытование тех жанров, которые принято относить к сфере «пассивного» существования.

Преподаватель Городецкого педагогического училища Горьковской области краевед Н. М. Галочкин поделился своим многолетним опытом собирателя-любителя. Он рассказал о своих увлечениях фольклором, начиная со студенческих лет (30-е гг.), об изучении истории своего народа, организации фольклорного кружка в педучилище, о том, какие порой редкие произведения им удавалось записывать от местных жителей (в том числе и исторические песни, отражающие события XIII—XVIII вв., — о татаро-монгольском нашествии, о Дмитрие Пожарском, Разине и Пугачеве). Н. М. Галочкин рассказал также о собирании современных форм народного творчества, включая многочисленные варианты широко известных литературных песен («Катюша» и др.).

Опытом систематизации фольклорных жанров поделились фольклористы Ленинграда, Петрозаводска, Горького, Душанбе, Иркутска, Таллина, Вильнюса. Эти доклады и выступления также имели общий интерес.

О систематизации материалов фольклора в Иркутском университете рассказали В. Зиновьев, Н. Новикова (Иркутск). Материалы, составившие фонд русского фольклора кафедры советской литературы Иркутского университета, были собраны во время экспедиций 1969 и 1974—1979 гг. За этот период обследовано большинство сел Сретенского, Шилкинского, Шелопугинского и Карымского районов Читинской области. В Нерчинском районе работа велась во всех населенных пунктах, при-

чем в 1978 и 1979 гг. был повторен маршрут 1969 г. и вновь записаны многие произведения фольклора от ряда сказителей, исполнивших их (сказки, былички, устные рассказы, песни) десять лет назад. Собранный материал расписан на карточках.

Так, тексты сказок распределены по основным жанровым разновидностям (о животных, волшебные, социально-бытовые, в том числе анекдоты). Название разновидности написано на центральных разделителях. На левых и правых разделителях — названия сюжетных групп по указателю В. Я. Проппа (о диких животных — 1—99; о диких и домашних животных — 100—149) или Н. П. Андреева, если сюжет отсутствует в сборнике Н. А. Афанасьева. «Шапка» первой карточки содержит графы: номер сюжета по указателям Проппа или Андреева; жанр, жанровая разновидность; сведения об исполнителе (фамилия, имя, отчество, место и год рождения, образование); примечание (от кого рассказчик перенял произведение, часто ли его исполняет, как сам оценивает; особенности исполнения; детали обстановки). Под «шапкой» пишется название сказки, как его определил сказитель. Для примечаний с правой стороны карточки под соответствующей графой отчеркнуто свободное от текста место. Под текстом указывается, когда, где, кем была сделана запись.

Произведения со сходными сюжетами (варианты) располагаются хронологически, т. е. тексты, записанные позднее, следуют за собранными ранее.

Основательно разработана и полно представлена картотека по жанрам быличек и бывальщин. Систематизация материала производилась здесь на основе указателя С. А. Айвазян.

Тексты произведений других жанров (кроме песен) систематизированы пока по экспедиции («Газимуро-Ундинская, февраль, 1975», «Шилкинская, февраль, 1976»).

Помимо текстов картотека собранного фольклорного материала включает также следующие отделы: сведения об исполнителях, историко-этнографические данные о селах, где собирался материал, отчеты участников экспедиций, каталог фонотеки. Каталог исполнителей составлен в алфавитном порядке и кроме данных о жизни сказителей, об особенностях их творческой манеры включает перечень произведений, исполняемых ими. Историко-этнографические справки иллюстрированы фотографиями и содержат данные о возникновении и развитии села, о своеобразии быта жителей. Карточки расположены хронологически, по времени проведения экспедиций, которые работали в данных селах, а внутри — по названиям сел в алфавитном порядке.

Отчеты участников экспедиции включают в себя дневниковые записи и перечень собранных материалов. Карточки с отчетами расположены по экспедиции и по фамилиям их участников.

При наличии указанных отделов исследователь, обративший внимание на конкретный текст, может быстро получить сведения об исполнителе, о его полном репертуаре, о местности, где он живет, и обстановке, в которой производилась запись, а также и о собирателе.

Особо нужно сказать о фонотеке, которую составляют 75 магнитных лент с записями практически всех жанров устного народного творчества, бытующих в Забайкалье.

По мере увеличения фонотеки расширяется и ее каталог. Карточки здесь тоже распределены по жанрам, внутри жанров — по жанровым разновидностям, далее — по сюжетам, темам или названиям (в зависимости от наличия или отсутствия общепринятой научной классификации).

Каталог фонотеки освобождает собирателя от трудоемкой работы по расшифровке магнитофонных записей. Он дает возможность быстро по-

лучить представление о содержании фонотеки, легко найти необходимый текст и самым тщательным образом переписать его на бумагу непосредственно с магнитофона. Вместе с тем картотека позволяет сопоставить несколько вариантов произведения (или несколько произведений на одну тему). Каталог легко можно подготовить к публикации.

В связи с начавшейся работой над созданием свода русского фольклора с особым вниманием был заслушан доклад Р. Амонова (Душанбе) «Полевые записи в своде фольклора», где говорилось об опыте подготовки издания свода Таджикского фольклора.

К таджикскому фольклору уже давно приковано внимание специалистов всего мира, так как он содержит богатейшие произведения повествовательного репертуара, дошедшие до наших дней из огромного региона древней культуры. Однако бытующий ныне в устах таджикского народа фольклор по ряду причин пока еще недостаточно доступен науке.

Чтобы использовать все возможности в создавшейся обстановке, чтобы реализовать перспективы, открывающиеся при сравнении сопоставимых материалов, накопленных наукой в других регионах мира, а также для лучшего понимания местных явлений культуры, необходимо было поставить дело изучения народного творчества в Таджикистане на уровень, соответствующий проблематике и методике современной науки. Всеми этими соображениями было обусловлено решение, принятое в 1965 г. Институтом языка и литературы АН Тадж. ССР, как можно скорее и полнее издать накопившийся фольклорный материал, чтобы этим изданием ввести его в научный обиход. В результате ознакомления с опытом советских и зарубежных фольклористических центров и рекомендациями отдельных специалистов была принята специальная система, выдвинутая И. Г. Левиным.

При подготовке фольклорного материала к изданию в виде свода было необходимо прежде всего заново обработать архив. Архив является не просто хранилищем поступивших материалов, но и центром по организации собирания фольклора. Из правильно систематизированного архива исследователь получает весь необходимый ему материал, к тому же в проработанном виде.

Новая организация архива была осуществлена в течение одного года (1965). Стало точно известно количество всех представленных в нем записей произведений и жанров (500 тыс.); топографическая, социальная и возрастная структура собранного материала. Существует возможность вносить новые материалы, учитывать сразу же их количество и содержание, объективно оценить репрезентативность материала, т. е. степень типичности его для таджикского народа. После создания систематического архива отдел приступил к выявлению типологии и к единственно возможной для научного издания подачи материала в своде.

В течение 1966—1967 гг. был создан каталог мотивов народных рубаи. По его типу в дальнейшем были созданы каталоги мотивов других поэтических жанров. В 1970 г. — каталог пословиц и поговорок, в 1973 г. — каталоги бейтов и сурудов (песен). В настоящее время завершена работа по созданию каталога загадок и ашула (четырёхстрочные песни типа частушек). Все названные каталоги имеют не только значение источниковой базы для создания сводов определенных жанров, но являются ценнейшими справочниками, представляющими самостоятельную научную ценность. Такие справочники предоставляют ученым готовый материал для изучения языка народной поэзии, содержания в географо-историческом развитии.

В процессе подготовки к изданию томов свода прозаического фольклора была создана классифицированная картотека. Эта уникальная картотека включает в себе огромный объем определенной научной информации, которая может быть использована не только в фольклористиче-

ских, но и в этнографических, социологических, лингвистических и исторических исследованиях. Созданная источниковая база в виде каталогов разных жанров дала возможность приступить непосредственно к составлению томов Свода. Основной эдиционный принцип Свода состоит в публикации произведений с группами вариантов каждого типа (произведения). В результате исследователь получает не случайную запись («образец»), а множество вариантов каждого произведения. Все имеющиеся в фонде варианты (записи) отдельного произведения сводились воедино в пределах каждого жанра путем специальной аналитической и текстологической работы. Благодаря такой многогранной систематизации материала тексты поданы с максимальной объективностью и отвечают требованиям текстологической науки.

В 1975 г. отдел фольклора завершил подготовку к изданию первой серии Свода таджикского фольклора в 20-ти томах. Это тома прозаического фольклора: том сказок о животных и три тома юмористических рассказов (латифа). Они имеют обстоятельные введения, содержание, историю собирания и изучения каждого жанра, обзор существующих в мировой фольклористике мнений об этих древних видах народной прозы. Документация томов состоит из картограмм ареала распространения типов и хроносоциограмм, указателей собирателей и сказителей, регистров мотивов, типологических анализов сюжетов по международным каталогам.

Таджикский поэтический фольклор вошел в четырехтомный Свод рубои, четырехтомный Свод бейтов, двухтомный Свод сурудов и пятитомный Свод пословиц и поговорок. К жанровым сводам поэзии отдельными томами прилагаются предметно-частотные словари, созданные на основе всех имеющихся в архиве записей поэтических произведений. Предметно-частотные словари на фольклорном материале созданы впервые в фольклористике Таджикистана. Они представляют возможность исследовать язык, стиль, содержание, образы и поэтику жанров.

В обширных введениях к сводам выясняется степень изученности соответствующего жанра за столетие, а также представляются результаты исследований, проведенных уже на материале сводов. Целью Свода было дать науке не только значительную источниковую базу по фольклору, но и подвести итог изученности каждого жанра, т. е. создать Свод фольклористики в интересах дальнейшего развития науки.

В процессе подготовки Свода в отделе была составлена библиография таджикской фольклористики, соответствующие разделы которой прилагаются к томам Свода. На основе этой библиографии написано исследование, в котором библиографический материал был подвергнут обработке вычислительными машинами, а полученные данные использовались для количественного анализа и выявления закономерностей развития таджикской фольклористики, прослеженной за столетний период. Научно аннотированная библиография, снабженная аналитическим аппаратом и введением, подготовлена к изданию отдельным томом Свода.

В настоящее время появилась возможность собирать таджикский фольклор в соседних зарубежных странах, например в Афганистане. Мы знаем, что в Афганистане очень интересуются нашими научными разработками, инструкциями по сбору и обработке фольклора. Афганские ученые, посетившие Таджикистан, проявили большую заинтересованность в нашей работе.

Запланировано издание обширной инструкции на арабской графике по сбору и обработке фольклора, благодаря которой афганцам и иранцам станет доступной наша научная методика. Уже издан на арабской графике сборник «Таджикские народные рубои», который является как бы проспектом четырехтомного Свода рубои. Большое предисловие к сбор-

нику и содержащийся в нем материал информируют о принципах нашего Свода.

Многолетняя работа над Сводом убедила в том, что именно совокупность подлинно распространенных вариантов дает лучшее представление о народности, чем один уникальный вариант одаренного мастера, так как если мы хотим изучить действительность в ее современном выражении, т. е. культуру народа в целом, то методы сбора информации (поиск мастеров, случайные опросы и сплошные записи всего), сами по себе весьма ценные, должны быть теперь в новых — советских условиях усовершенствованы, было бы рационально уже теперь перейти к репрезентативным демокопическим опросам.

Из вышеизложенного видно, что программа исследований и публикаций в отделе выполняется по всем видам таджикского фольклора в соответствии с принятым планом издания Свода. Совершенствование исследовательской базы даст возможность углубить научный анализ закономерностей, познание которых представляется сложным диалектическим процессом. Столь масштабные синхронические исследования ведутся в нашей фольклористике впервые. Это вынуждает фольклористов ставить новые задачи и искать пути к оптимальному решению актуальных проблем филологии.

На вопросе о разыскании неизданных записей былин для сводного издания остановился в своем докладе С. Н. Азбелев (Ленинград).

Известно, что далеко не каждая из трех с лишним тысяч записей былин обладает высоким художественным совершенством; но исследователи не могут пренебрегать ни фрагментарными вариантами, ни прозаическими пересказами. Общий объем таких записей сравнительно невелик. Необязательно помещать их в основном корпусе сводного издания: можно дать в приложении или поместить среди примечаний к текстам корпуса; в каких-то случаях, может быть, достаточно ограничиться упоминанием. Но охватить надо по возможности все зафиксированные варианты былин. Чрезвычайно важно при подготовке сводного издания разыскать и привлечь записи, находящиеся в государственных архивах, других хранилищах и в личных коллекциях собирателей.

Что в этом направлении уже сделано и что предстоит сделать? Непосредственной задачей уже проведенной работы был учет основного массива неопубликованных записей былин для комментирования избранных текстов, издаваемых в академической серии «Эпос народов СССР». Но ученный материал оказался нужен и для подготовки сводного издания былин. В связи с этим библиография неизданных записей (с их паспортными данными), систематизированная по сюжетам былин и по регионам собирательской работы, снабженная сводной таблицей и картой регионов, была напечатана («Русский фольклор», т. XX). Она отражает результат выявления записей по всем былинным сюжетам. В ходе выявления были обследованы фольклорное хранилище Рукописного отдела ИРЛИ, фонограммархив Пушкинского Дома, Архив Карельского филиала АН СССР, фольклорный кабинет Московского университета, кабинет звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, фольклорное собрание Государственного литературного музея в Москве. Частично обследованы Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве и Архив Якутского филиала АН СССР. Благодаря содействию собирателей учтены записи, хранящиеся в Архиве Института этнографии АН СССР в Москве, в Карельском педагогическом институте (Петрозаводск) и в личных архивах некоторых ученых. Охвачены хранилища, где можно было ожидать максимальное число неизданных записей. С достаточным основанием можно говорить, что основная масса существующих записей былин теперь зарегистрирована.

Каков конкретный итог разысканий на сегодняшний день? По 60 былинным сюжетам оказалось 850 неизданных вариантов, записи их осуществлены в 20 регионах собирательской работы. Таким образом, более четверти известного теперь фонда былинных записей составляют варианты, никогда не издававшиеся. Исследователи должны по возможности скорее получить широкий доступ к этим текстам. Такая масса неизданных материалов, разумеется, намного повысит научную ценность сводного издания русских былин.

Что предстоит еще сделать? 850 записей — это, конечно, не все существующие в архивах неопубликованные варианты былин. От исследователей, работавших в других архивах, и от некоторых собирателей получен ряд конкретных указаний, касающихся вероятного или возможного местонахождения еще не выявленных записей. Эти данные чрезвычайно важны, но, чтобы их должным образом использовать, необходимо обследование значительного числа архивов, разбросанных по разным городам и, как правило, еще не имеющих достаточных для такой цели каталогов и указателей. Не всегда записи былин (особенно их фрагментов) могут быть узнаны по заглавию или внешнему облику текста. Полезно обращаться в архивы с письменным запросом, но только положительный ответ имеет бесспорное практическое значение. Отрицательный ответ архива — не всегда гарантия отсутствия в нем записей былин: установить это может только знаток былинного материала. Хорошо, если он работает в самом архиве или живет в городе, где находится архив, и согласен его обследовать. Такая работа специалистов на местах могла бы быть важным участием в деле подготовки сводного издания былин.

Маловероятно, чтобы удалось обнаружить много неизвестного материала. Но дело не в количестве, а в том, что среди будущих находок могут оказаться весьма ценные записи. Кроме того, даже записи «малоценные», если они подлинные, все необходимы исследователям: исследования былин должны опираться на совокупность зафиксированных вариантов. Нужно сделать все возможное, чтобы сводное издание было подготовлено на основе максимального учета существующих записей. Неосмотрительно выпускать первые тома, не проведя достаточной работы по выявлению материала, который должен войти в них. Архивные разыскания призваны выявить не только неопубликованные записи, но и записи уже изданные. Местонахождение архивных оригиналов очень многих изданных текстов былин пока неизвестно. Это относится и к классическим собраниям (П. И. Рыбникова, А. Д. Григорьева и др.). Между тем сводное издание былин по возможности должно, конечно, основываться на рукописях собирателей. Издавая уже существующие необходимо сверять с архивными оригиналами, так как даже если собиратель сам напечатал свои записи, это не всегда гарантия точности. А. М. Астахова справедливо отмечала «перьяшливость» сборника Н. Е. Опчукова «Печорские былины». Но мы не знаем, где паходятся и сохранились ли сами записи Н. Е. Опчукова. Пока мы их не найдем или не исчерпаем реальные возможности поиска их, преждевременно переиздавать материал, напечатанный в этом сборнике, хотя он и содержит основные записи былин на Печоре.

Может быть задан вопрос: стоит ли вообще приступать к изданию, если подходить с такими «максималистскими» требованиями? Следует пояснить, что это — не максимализм. Это необходимые условия, если мы хотим, чтобы издание полностью отвечало современным научным требованиям и мировому значению русского народного эпоса.

Общий план работы был напечатан (Русский фольклор, т. XVII, с. 21—23). Реализация этого плана позволила бы в течение пяти лет силами десяти человек подготовить вчерне корпус текстов, оформив два первых тома для издательства. Затем — сдавать по два тома ежегодно. Таким образом, при объеме корпуса в двадцать томов сам выпуск его за-

нял бы десять лет. Эти наметки — результат реального расчета, с которым следовало бы соотнести и планирование архивных разысканий. Нет, конечно, необходимости откладывать издание былин до полного обследования всех архивов страны. Следует составить перечень хранилищ, с которыми связаны достаточно взвешенные шансы найти былины. В ходе работы он будет пополняться; основа этого перечня уже есть. Важно его продолжить, определив разумный рубеж, которым можно себя ограничить на период, пока будет подготавливаться корпус текстов. Затем — вести разыскания «второй очереди» параллельно с изданием томов. Находки этих лет могут быть напечатаны как дополнение в конце последнего тома.

Таким путем можно выпустить сводное издание былин без существенных пропусков материала, но лишь при условии, что архивным разысканиям будет уделено специальное внимание. Их следует проводить не эпизодически, постоянно и планомерно. Кроме того, нужно иметь в виду, что записи былин могут обнаружиться и в частных собраниях. На страницах центральной печати необходимо рассказать о ведущейся работе и обратиться с призывом, который стимулировал бы корреспонденцию от всех, кто захочет участвовать в этом важном деле. Разумеется, нужно не только искать былины в архивах, но и продолжать их записывать, когда возможно. Собиратели это делают и без специальных призывов. Но не всегда их записи быстро становятся известны. Вместе с тем совершенно очевидная имитация, названная новой былиной, попала не так давно на страницы одной из центральных газет. Конечно, научной ценности подобные «материалы» не имеют. Но подлинные новые записи при работе над изданием были бы полезны.

Надежность исходного материала и полный учет его важны для любой научной публикации, особенно для такой ответственной, как сводное издание народного эпоса. Из этого нам и следует исходить при его подготовке, каким бы ни было окончательное решение других, связанных с публикацией вопросов.

Об опыте составления каталога эстонских народных сказок о животных рассказала П. Киппар (Таллин).

При определении любого фольклорного жанра необходимо выявить его основные признаки. Определения ясны до тех пор, пока не приходится систематизировать все записи. В случае исчерпывающей систематизации нельзя ограничиться «чистыми сюжетами» и отбрасывать остальной материал, так как неизбежно встречаем смешение двух или нескольких жанров, и в том же типе в одних вариантах доминируют признаки одного, а в других вариантах — другого жанра.

Сказки о животных переплетаются прежде всего с этимологическими преданиями, народными анекдотами, сказаниями и сказками о глупом черте; меньше имеют они соприкосновения с мифологическими преданиями и новеллистическими сказками. Сказка о животных охотно использует и сюжеты басен, а для большей выразительности также пословицы, поговорки, загадки и народные песни.

В ходе составления каталога эстонских народных сказок о животных были просмотрены все рукописные собрания эстонского народного творчества (начиная с 1832 г.), а также прослушаны звукозаписи. Приняты во внимание и все издания эстонских народных сказок, а кроме того, большое количество иных публикаций, напечатанных в течение двух столетий, всего более 4000. Учтено и свыше 350 иноязычных публикаций.

Выяснено, что эстонские сказки о животных были напечатаны в 400 эстонских и 60 иноязычных публикациях, т. е. издано 1300 текстов на эстонском языке и 350 на иных языках. В каталоге отмечены и эстонские сказки о животных в обработке писателей (Ю. Парыныги, Э. Петерсон, А. Якобсон).

Эстонские народные сказки о животных представлены в данном каталоге по типам согласно системе Аарне-Томпсона: название сказки, краткое описание ее сюжета, комментарии и перечень рукописных и печатных вариантов соответствующей сказки. В комментариях приводятся ссылки на исследования, рассматривающие указанный тип, параллельные сюжеты в других разделах каталога и региональные особенности. Сведения о рукописных вариантах даны в традиционном порядке по приходам, опубликованные материалы же — по языкам и по времени издания. Каждый рукописный вариант по возможности снабжен данными о собирателе и о сказочнике, датой записи текста, сведениями о рукописных оригиналах напечатанных текстов, а также об идентичности или сходстве двух рукописных текстов. В отличие от других каталогов системы Аарне здесь отмечены и коптамации.

В каталоге зарегистрировано 334 типа и редакций эстонских сказок о животных. Сводный каталог Ст. Томпсона приводит лишь 224 типа. 110 впервые зарегистрированных типов помещены в соответствующих разделах по действующим лицам.

Путь эстонской сказки от сказочника до каталога не прост и даже проблематичен. Из живого обихода, где она на протяжении многих веков была в народе и наукой и забавой, эстонская народная сказка стала посредством печати лишь чисто развлекательным явлением. Полная публикация этой части духовной культуры эстонского народа, собранной в течение полутора веков, пока неосуществима. Поэтому исчерпывающие каталоги, снабженные многочисленными регистрами, являются хотя бы на первых порах наиболее целесообразным путем к каждой отдельной сказке. Здесь имеется материал для монографического изучения отдельных сюжетов, даны сведения о публикациях, данные о собирателях и сказочниках. Желательна систематизация всех групп народных сказок в виде таких каталогов, это было бы значительным шагом в изучении эстонского фольклора, а вместе с тем и положительным развитием в советской фольклористике.

Доклад А. Ионина (Вильнюс) «Рукописный фонд литовского фольклора (Вопросы систематизации)» также интересен был тем, что в нем обобщен опыт одного из лучших фольклорных архивов страны.

Рукописный фонд литовского фольклора, сказал докладчик, состоит как бы из трех основных частей: рукописных записей всех видов и жанров произведений литовского народного поэтического творчества и всевозможных этнографических наблюдений, фототеки и фототеки. К этому надо причислить и старинные уникальные издания, в которых сохранились первые, пусть еще скромные и немногочисленные, записи творчества литовского народа. В настоящее время общее количество материалов литовского фольклора, хранящегося в Рукописном фонде литовского фольклора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР приближается без малого к миллиону записей, фототека рукописного фонда в настоящее время насчитывает около 5000 снимков. На фотографиях запечатлены лучшие народные певцы и сказители, известные собиратели и организаторы собирательской работы, многие моменты полевых исследований на местах и т. д.

Из всех источников, пополняющих в настоящее время Рукописный фонд литовского фольклора, основным являются ежегодные экспедиции сектора фольклора Института литовского языка и литературы. Они, как правило, направляются в те места, где народное творчество в прошлом собиралось реже всего. Теперешние экспедиции с научной точки зрения отличаются несколькими чертами, которые характеризуют уровень не только собирательской работы, но и современной литовской фольклористики в целом. Перед экспедициями ставятся разные научные задачи. Например, экспедиции 1964—1967 и 1970—1972 гг. были ориентированы

на соби́рание материалов, отражающих литовско-латышские и литовско-белорусские фольклорные связи. Они проводились в пограничных районах Литвы, Латвии и Белоруссии в сотрудничестве с фольклористами трех республик (эти экспедиции дали весьма ощутимые и ценные результаты: например, в 1968 г. вышел сборник исследований «Фольклор балтийских народов»). Экспедиция 1973 г. прошла по следам известного собирателя повествовательного фольклора второй половины XIX в. М. Давайниса-Сильвестрайтиса. В 1975—1978 гг. собирался в основном мифологический фольклор в Жемайтии, в западной Литве и т. д.

Для организации рукописного фольклорного фонда и облегчения пользования им очень важна первичная обработка поступающих материалов. С самого начала организации рукописного фонда литовского фольклора весь в него поступающий материал сразу регистрируется в единую инвентарно-каталожную книгу, где каждый сборник получает свой порядковый номер. В книге отмечаются данные, которые в немалой мере характеризуют данный сборник и в нем находящийся материал. Из инвентарно-каталожной книги видно, от кого и когда сборник получен, кто и когда материал собирал, его величина, объем и жанровое распределение материала. Каждая магнитофонная лента получает отдельную стандартную карточку, в которую наносится номер ленты и каждого на пей записанного произведения, его название и фамилия исполнителя. В фонде фотографий помогает разобраться специальная, для этого составляемая картотека.

Опыт по первичной обработке вновь поступающих фольклорных материалов литовских, как и латышских и эстонских, фольклористов изложен в 1964 г. Институтом литовского языка и литературы в изданной «Методической записке по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов». «Записка» была подготовлена по поручению научного совета по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР под общей редакцией В. Я. Проппа. В настоящее время в секторе фольклора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР проводится широкая классификация всех основных видов литовского фольклора. Этот труд уже приносит определенные результаты. Уже создан каталог народных песен, классифицируются пословицы и поговорки и повествовательный фольклор.

Самым значительным достижением в области классификации является создание каталога литовского народного песенного творчества.

Каталог охватывает более чем 400 000 записей песенных текстов и около 55 000 вариантов их мелодий, сюда включены все песни из печатных источников и более крупных рукописных фондов. Уже одно это указывает на общенациональный характер каталога, на исключительно большое научное и практическое его значение. Для классификации литовских народных песен в ходе истории применялись разные принципы: алфавитный, географический, тематический, функциональный. Однако ни один из упомянутых принципов не дает возможности выявить самые существенные, самые необходимые для исследования данные о песнях: связь песни с жизнью народа, богатство и разнообразие тематики, жанровый состав, символику, идейно-художественные особенности и т. п. И главное, ни один из вышеприведенных принципов классификации не позволяет достигнуть самого важного результата классификации — установить тип каждой песни с учетом всех его известных вариантов. К этой цели ведет только функционально-тематический принцип классификации песенного фольклора. Установление типа песни и является одной из главных задач классификации. Тип песни — это основная, самостоятельная и частично устойчивая структурная единица каталога.

Функция и тематика самым теснейшим образом выявляют связь песен с бытом народа и позволяют создать довольно стройную, логичную

каталогизационную систему. Таким образом, песни, которые имеют непосредственную связь с народными обычаями или обрядами и выполняются только при известных обстоятельствах, систематизируются по функции (трудовые, календарно-обрядовые, свадебные, крестильные и некоторые другие). Песни, которые не связаны с определенной функцией и целись независимо от нее, систематизируются по тематике (например, военно-исторические, любовные, молодежные). Хотя основополагающими принципами классификации являются функция и тематика, при практическом построении каталога учитывались и другие моменты, важные для понимания самой песни и ее бытования в народе. Нельзя создать научно обоснованную систему каталога военно-исторических песен без соблюдения хронологии исторических событий. При расположении материала в каталоге также принимаются во внимание время исполнения песен в течение суток, учитывается ход работы в процессе исполнения песни и т. д. В некоторых случаях имеется в виду и форма песен, способ их исполнения. Словом, функционально-тематический принцип классификации применяется не механически, а с учетом жанровых особенностей. Далее, в подразделах классифицируемый материал объединяется по темам или мотивам — создаются тематические и мотивные группы, которые дают возможность разобраться в чрезвычайно обильном материале и, главное, довольно полно раскрывают идейное содержание каждой песни, т. е. ее типа. Все богатство литовских народных песен сведено в двадцать три основных раздела.

Проблема генезиса и развития песен, вопросы их распространения, изучение взаимоотношений функции и тематики, исследование структуры целых жанров и отдельных песен отныне получают твердую, фактами обоснованную почву. Каталог даст стимул для исследования связей литовских народных песен с песнями других, особенно соседних, народов для нахождения новых методов исследования народной песни. Каталог необходим и в издательской практике, он является единственной основой, дающей возможность подготовить песенный свод, академический много томник литовских дайн. В 1980 г. вышел в свет первый том свода — «Детские песни». По каталогу отобран и распределен материал первых двух томов пятитомника «Литовский фольклор». Эти тома благодаря каталогу в большей степени, чем другие песенные сборники, дают научно обоснованную картину жанрового, тематического, художественного многообразия дайн. Каталог сыграл исключительно положительную роль в обновлении концертных программ разных этнографических — профессиональных и самодеятельных — ансамблей.

Уже несколько лет в секторе фольклора составляется каталог повествовательного фольклора. Сказки классифицируются по международной системе сказочных сюжетов А. Аарпе и Ст. Томпсона применительно к литовскому фольклору. Это особых теоретических трудностей не составляет. Гораздо труднее создать стройную, всеобъемлющую систему классификации для богатой и многочисленной несказочной народной прозы. Но и эта проблема, опираясь на международный опыт, в известной степени уже решена, а печатные и рукописные материалы несказочной народной прозы в основном уже систематизированы. В недалеком будущем будет начата подготовка каталога литовского народного повествовательного фольклора к изданию.

Третий крупномасштабный каталог, который создают литовские фольклористы и который имеет большое научное и практическое значение, — это каталог пословиц и поговорок. Этот каталог, содержащий в настоящее время не менее 100 000 записей, составляется по специально для него разработанной системе. Значение его увеличивает то, что он в отличие от каталога дайн и сказок содержит в аутентичном виде весь пословичный материал и дашные о нем и, таким образом, дает возможность

пользоваться им независимо от рукописного фонда. Каталог пословиц и поговорок является научной основой для подготовки капитального сводного издания литовских паремий.

Несмотря на большое богатство фонда литовского народного поэтического творчества, собрание фольклора, который все еще обильно бытует в народе, остается одной из самых неотложных задач исследователей. Тем более что понятие объема собираемого материала заметно расширилось. Один пример: в последние годы литовские фольклористы начали интенсивно и планомерно собирать могильные записи на кладбищах. Их накоплено уже несколько тысяч. Заслуживает внимания то, что они уже нашли применение для создания новых гражданских похоронных обрядов и таким образом приобрели практическое применение в прямом смысле этого слова. Это является заметным шагом в направлении применения достижений фольклористики для практических целей. А это как раз и отвечает насущным требованиям нашего времени.

Доклад В. В. Сидорова (Уфа) «Материалы по русскому народному творчеству и русско-башкирским связям в архиве башкирского филиала АН СССР» был особенно интересным для русских фольклористов, работающих в национальных республиках.

Начало изучению русского фольклора советской Башкирии было положено в 1938 г. фольклорной экспедицией Башкирского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. М. Гафури (впоследствии Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР). Участница этой экспедиции ленинградская фольклористка Н. П. Колпакова записала в юго-восточных районах БАССР (Белорецком и Баймакском) свыше тысячи текстов, среди которых песни исторические, обрядовые, сказки, легенды, частушки, загадки, пословицы, детский фольклор, исторические рассказы и предания, новые песни о социалистическом строительстве, о Красной Армии, о советской молодежи, отдельные собственные сочинения исполнителей (о Ленине, Чапаеве).

По результатам экспедиции планировалось выпустить сборник, однако он не был издан. Лишь небольшая часть записей Н. П. Колпаковой была опубликована. Материалы экспедиции находятся в архиве Башкирского филиала АН СССР.

В 1948 и 1949 гг. Башкирский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. М. Гафури организовал совместно с кафедрой фольклора МГУ фольклорные экспедиции, целью которых была запись произведений устно-поэтического творчества русского населения Башкирии. Руководила экспедициями Э. В. Померанцева. В северных и северо-восточных районах БАССР — Караидельском, Покровском, Благовещенском, Салаватском, Кигинском, Дуванском — было записано свыше 5000 текстов разных жанров фольклора. Результаты экспедиции 1948—1949 гг. нашли отражение (частично) в изданном в Уфе в 1957 г. сборнике «Русское народное творчество в Башкирии», а также в сборнике «Русских народных сказок» (издание МГУ, 1956).

Среди имеющихся в архиве Башкирского филиала АН СССР записей представлены русские традиционные жанры, особенно сказки (в том числе волшебные и исторические о Петре I и царице Екатерине) и лирические песни. Преобладающее место занимают частушки. Имеются редкие варианты исторических песен о Суворове, Платове, о войне 1812 г., большое количество песен эпохи империалистической войны, гражданской и Великой Отечественной. Гражданской же войне посвящено большое число записей-рассказов участников и очевидцев.

Следует обратить внимание (особенно это проявляется в бытовых сказках, менее устойчивых по своей форме) на творческое воздействие местного иноязычного фольклора (в частности, башкирского) на русский.

Русский фольклорный фонд архива Башкирского филиала АН СССР не исчерпывается материалами упомянутых экспедиций. Здесь имеются отдельные записи, произведенные от русского населения. Таковы, например, единственная русская песня о национальном герое башкирского народа Салавате Юлаеве — «Салават паш воевал», записанная в 1924 г. в Белорецке Касьяновым, «Славен, славен Белорецкий наш завод» — запись 30-х гг. Р. Алферова и др.

Следует также упомянуть о записях казахских сказок, легенд, а также пословиц, поговорок и загадок, сделанных писателем Н. А. Крашенинниковым в начале нашего века на русском языке и имеющих параллели в башкирском, узбекском, калмыцком, а также в русском народном творчестве.

Однако, несмотря на большое количество материалов по русскому народному творчеству в архиве Башкирского филиала АН СССР, значительная часть их практически не изучена и находится в неудовлетворительном состоянии: записи не разобраны, размещены в разных фондах и т. д. Ближайшая задача — их систематизация, изучение и публикация.

Доклады и сообщения вызвали оживленную и плодотворную дискуссию. Кроме участников конференции выступили многочисленные гости: профессор Л. Л. Христиансен (Саратов) горячо поддержал работу конференции и внес ряд дополнений в Резолюцию; кандидат филологических наук А. И. Балацкий (Москва) предложил создать координационный центр по собиранию и архивному хранению фольклора в Институте русской литературы; профессор И. Г. Левин (Ленинград) говорил о подготовке сводов национального фольклора и значении семинарских занятий по ним; Ю. А. Амосов (Ленинград) высказал мысль о необходимости использования фольклористами-собираателями опыта других близких наук, например палеографии, в организации экспедиционной работы; В. И. Калугин (Москва) говорил о недостатках в издании былин; доктор искусствоведения И. И. Земцовский (Ленинград) рассказал о задачах фольклористов-музыковедов; Б. И. Рабинович отстаивал необходимость создания информативной летописи собирательской работы (по типу журнальной), создания Института фольклора и отдела общего каталога при нем, и т. д.

Конференция приняла после детального обсуждения развернутую резолюцию, реализация которой должна помочь повышению уровня всей фольклористической деятельности в стране в соответствии с новыми жизненными и научными задачами.

* * *

Русское народное художественное творчество, имеющее богатейшие традиции, переживает новый этап в своем историческом развитии. Произведения народного творчества являются отражением истории и социального быта, хранителями коллективного опыта народной художественной культуры. Высокое историко-культурное и актуальное общественное значение фольклора отмечал основатель Советского государства В. И. Ленин. Неопределима роль народного творчества в условиях строительства коммунистического общества как средства идеологического воспитания новых поколений советского народа в духе верности Родине и высокой гражданственности.

Резолюция XXV съезда КПСС, положения новой Конституции СССР, принятый Верховным Советом СССР «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры», Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самостоятельного художественного творчества» (1978) и «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспита-

тельной работы» (1979) ставят перед деятелями культуры новые задачи и требования в освоении культурного наследия, в социально-правственном воспитании современников. Существенное значение для развертывания собирательской и научной работы фольклористов имеет решение Министрства просвещения СССР о введении обязательной фольклорной практики в вузах страны (1977).

Своеобразие нынешнего этапа развития народной культуры заключается в смене ее типовых форм, что требует безусловного подъема работы фольклористов на уровень возросших государственных интересов.

Проанализировав сильные и слабые стороны работы фольклористов-собрателей и постановку учебной фольклористической практики в вузах, учитывая опыт фольклорных архивов в отношении хранения и систематизации материала, а также имея в виду, что собрания и собираемые фольклорные материалы должны в конечном счете обеспечивать издание Свода русского фольклора (издание будет осуществляться под руководством Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР), Всесоюзная конференция принимает следующую резолюцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО КООРДИНАЦИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И АРХИВНОГО ХРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

1. Рекомендовать руководителям экспедиции и собирателям придерживаться в своей деятельности единых научных принципов.

2. Просить ОЛЯ АН СССР под эгидой Научного совета по фольклору на базе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР создать единый координационный центр для осуществления планирования, контроля и помощи в области собирания народного творчества; организовать соподчиненные координационному центру зональные советы (в том числе по Северо-Западу, Центру, Северо-Востоку РСФСР, Среднему и Нижнему Поволжью, югу европейской части РСФСР, Среднему Уралу, Южному Уралу, Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнему Востоку); разработать Положение о правах и обязанностях названных координационных организаций (предусмотрев, в частности, выдачу разрешений на фольклорные экспедиции, методический контроль, санкционирование отчетов, контроль за хранением записанных материалов и их обработкой и т. д. — аналогично статусу Комиссии археологических экспедиционных исследований АН СССР).

3. Просить РИСО АН СССР закрепить за координационным центром 5 авторских листов ежегодно для выпуска информационного «Вестника фольклорной работы», где будут публиковаться сведения о собирательской работе в СССР. Рекомендовать всем организациям и собирателям фольклора регулярно (раз в год) обмениваться с помощью «Вестника» информацией о результатах работы (место собирания, количество и качество записанных материалов, по жанрам) в текущем году и о планах на будущий год.

4. Руководителям фольклорных экспедиций и отдельным собирателям определить районы, в которых предполагается в ближайшие годы проводить планомерное собирание фольклора, и сообщить об этом в координационный центр, а также в соответствующий зональный Совет для согласования работы с другими собирателями и получения рекомендаций.

5. Просить министерства высшего и среднего специального образования, просвещения и культуры СССР предусмотреть в структуре гуманитарных вузов (и прежде всего филологических факультетов университетов и педагогических институтов) организацию лабораторий и кабинетов фольклора (с выделением штатных единиц заведующего кабинетом или старшего лаборанта), на которые возложить подготовку и проведение фольклорной практики, экспедиций и содержание записей в соответствии с правилами архивного хранения.

6. Просить министерства высшего и среднего специального образования, просвещения и культуры СССР включить работу вузовских фолькло-

ристов-собирателей (с учетом последующей подготовки материалов записей для научного использования) в план важнейших научных исследований этих министерств.

7. Просить Научный совет по фольклору по крайней мере один раз в 2—3 года созывать в разных городах Советского Союза отчетно-экспериментальные сессии по фольклорно-собирательской и архивной работе фольклористов-русистов.

8. Довести до сведения вышестоящих инстанций, в составе которых находятся учреждения и организации, занятые собиранием фольклора, о необходимости — в связи с соответствующими положениями Конституции СССР и «Закона об охране и использовании памятников истории и культуры» — принять меры к безотлагательному материально-техническому оснащению фольклорных экспедиций на современном уровне (обеспечение фольклорных лабораторий и кабинетов магнитофонами, фото- и киноаппаратами, пленочными материалами и т. д.).

9. Просить Госплан обязать Министерство радиопромышленности наладить выпуск совершенных портативных и стационарных магнитофонов для оснащения фольклорных экспедиций и кабинетов современной аппаратурой высокой надежности.

10. Считать одной из важнейших задач современной фольклористики развитие исследований, обобщающих опыт собирательской деятельности фольклористов XIX—XX вв. и разрабатывающих проблемы методики записи и издания произведений русского фольклора; поручить Сектору народного творчества ИРЛИ АН СССР создание инструкции по методике собирания, обработки и хранения фольклорных материалов и обеспечить указанной инструкцией все заинтересованные учреждения; просить министерства высшего и среднего специального образования, просвещения и культуры СССР предусмотреть подготовку и издание учебных программ и пособий по фольклорной практике, по проведению фольклорных экспедиций.

11. Рекомендовать проведение различных типов фольклорных экспедиций, обратив особое внимание на необходимость комплексных экспедиций и стационарных обследований, а также на планомерность и систематичность записей фольклора по районам.

12. Обратить особое внимание на недопустимость хаотичных массовых «набегов» на фольклор, которые не имеют никакого воспитательного значения для студентов и лишь деморализуют исполнителей на местах.

13. Учитывать важность проблемы «Русский фольклор в иноязычной среде» для создания Свода русского фольклора, обратив вместе с тем внимание русских фольклористов на их ответственность за сбор и сохранение фольклора других народов РСФСР.

14. Рекомендовать фольклористам-собираателям активно содействовать пропаганде фольклора через художественно-самодеятельные коллективы и оказывать помощь в развитии последних.

15. Привлечь внимание общественности, партийных, комсомольских, профсоюзных и культурных организаций (средствами периодической печати, радио и телевидения) к собирательской деятельности фольклористов, пропаганде народного творчества как одного из важных элементов идейно-эстетического, нравственного и патриотического воспитания.

II. ОБ АРХИВНОМ ХРАНЕНИИ И ИЗДАНИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Считать первостепенной задачей фольклористов обеспечить всесторонний учет фольклорных фондов страны, имея в виду их последующую концентрацию в специализированных архивах.

2. Просить Научный совет по фольклору ходатайствовать перед Президиумом АН СССР, министерствами высшего и среднего специального образования, просвещения и культуры СССР, об укреплении организационной и материальной основы фольклорных хранилищ, включая и вузовские.

3. Поручить Сектору народного творчества ИРЛИ разработать с привлечением специалистов правила обработки, систематизации и хранения произведений фольклора; обобщить и распространить опыт работы лучших архивохранилищ научных и учебных учреждений страны (Рига, Вильнюс, Тарту, Таллин, Петрозаводск и др.). Рекомендовать систематический обмен опытом.

4. Поручить сектору народного творчества ИРЛИ, кафедре фольклора МГУ, кафедрам народного творчества Московской и Ленинградской консерватории в ближайшее время разработать принципы систематизации фольклорных жанров для единого практического пользования собирателями.

5. Создать при Координационном центре Совет по комплектованию и учету фольклорных архивов; разработать Положение о принципах архивного хранения фольклорных материалов; практиковать издание справочных пособий; систематически организовывать обмен опытом (на постоянно действующих семинарских занятиях, факультетах повышения квалификации и др.) и стажировку преподавателей-фольклористов (при МГУ, ИРЛИ, Московской, Ленинградской и других консерваториях и музыкально-педагогических институтах РСФСР).

6. Конференция считает, что ученые и преподаватели вузов должны взять на себя ответственность за выявление, хранение и публикацию всех имеющихся в областях и республиках фольклорных фондов.

7. Обратит внимание на необходимость нотирования имеющихся записей музыкального фольклора, в первую очередь высокохудожественных произведений.

8. Рекомендовать Научному совету по фольклору при ОЛЯ АН СССР взять на себя осуществление контроля за областными изданиями народного творчества.

III. ОБ УСИЛЕНИИ ВНИМАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ И ПРОПАГАНДЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Конференция вновь подтверждает необходимость создания в системе Академии наук СССР Института фольклора — по аналогии с соответствующими зарубежными учреждениями — и превращения ежегодника «Русский фольклор» в журнал (типа литературоведческого журнала «Русская литература»).

2. Конференция ходатайствует перед Минвузом, Минпросом, Министерством культуры СССР о расширении подготовки фольклористов, компетентных в вопросах фольклора (организация факультетов народного творчества в институтах культуры, кафедр фольклора в университетах), а также просит ВАК рассмотреть вопрос о расширении круга ученых советов, принимающих к защите диссертации по специальности «фольклористика».

3. В целях улучшения преподавания фольклора в вузах страны, в связи с недостатком фольклористов высшей квалификации, просить Минвуз, Минпрос и Министерство культуры СССР расширить подготовку специалистов по фольклору через целевую аспирантуру, активно привлекая к научному руководству аспирантами докторов наук, профессоров, работающих в системе АН СССР и университетах.

4. Просить министерства культуры СССР и РСФСР включить в штатные расписания краеведческих и этнографических музеев должность фольклориста, собирающего в данном регионе образцы народного творчества и имеющего статус работника фондов.

5. Рекомендовать отделам культуры облисполкомов поощрять создание молодежных фольклорно-этнографических коллективов. Распространить опыт Москвы, Новгорода, Воронежа, Горького, Саратова, Беломорска, Ленинграда и других городов, где молодежные хоровые и хореографические фольклорные коллективы успешно развиваются на основе бережного отношения к древней народной культуре.

6. Считать одной из важных задач фольклористов активно и систематически содействовать возрождению к новой художественной жизни произведений народного творчества, а также контролировать их использование в современных публичных выступлениях самодеятельных и профессиональных исполнителей.

7. Найти возможность для установления и укрепления связей в деятельности научно-исследовательских учреждений, государственных архивов, в работе домов народного творчества, краеведческих музеев и творческих организаций (писателей, музыкантов, художников, журналистов) по сборанию, изучению, хранению и пропаганде народной художественной культуры.

ХРОНИКА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. НОВИКОВОЙ

21 декабря 1982 г. исполнилось 80 лет известному советскому фольклористу Анне Михайловне Новиковой, доктору филологических наук, профессору кафедры русской литературы Московского ордена Трудового Красного Знамени областного педагогического института им. Н. К. Крупской.

А. М. Новикова является вдумчивым исследователем и неутомимым собирателем русского устного народного творчества, а также блестящим педагогом, воспитавшим уже не одно поколение фольклористов. Научная и педагогическая деятельность Новиковой, продолжающаяся более 50 лет, не ограничивается изучением и преподаванием фольклора, не менее успешно она занимается русской литературой XVIII и XIX вв.

А. М. Новикова родилась в с. Боровково Тульской области в крестьянской семье. До Октябрьской революции в школу ходить ей не пришлось. После революции несколько лет она заочно обучалась на общеобразовательных курсах (так называемый Рабфак на дому). В 1928 г. без специальной школьной подготовки Новикова успешно сдала вступительные экзамены в Тульский педагогический техникум, по окончании которого в 1931 г. поступила в Воронежский педагогический институт на факультет русского языка и литературы.

Для Новиковой путь в науку начался еще в студенческие годы. В 1935 г. во время одной из фольклорных экспедиций ей удалось записать от замечательной воронежской сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой много новых и ценных текстов русских народных сказок. Эти материалы затем легли в основу составленного ею (в соавторстве с лингвистом И. А. Оссоветским) сборника «Сказки Куприянихи» (1937), который продолжил линию монографического изучения творчества выдающихся сказочников, начатую работами М. К. Азадовского.

Сборник «Сказки Куприянихи», не потерявший своего научного значения до настоящего времени, обратил на себя внимание крупнейших советских фольклористов, в том числе и академика Ю. М. Соколова. По рекомендации Ю. М. Соколова Новикова была зачислена в аспирантуру Московского института истории филологии и лингвистики и в 1938 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Народные варианты стихотворений русских поэтов конца XVIII—начала XIX века». В этой диссертации исследовалась судьба стихотворений И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, М. М. Хераскова, Г. А. Хованского, А. Ф. Мерзлякова, Н. Г. Цыганова и других русских поэтов, ставших популярными в народной среде и подвергнувшимся фольклорной переработке. Исследование Новиковой находилось в русле важнейших теоретических проблем, интересующих современную фольклористику. Вопрос взаимосвязи русской литературы и устного народного творчества не был новым для дореволюционной и советской фольклористики, но рассматривался он главным образом со стороны влияния фольклора на литературу, воздействие же литературы, книжной поэзии на устное народное творчество было мало исследовано.

Определенный вклад в разработку данного вопроса в 30-е гг. внесли советские фольклористы Н. П. Андреев и И. Н. Розанов. В диссертации А. М. Новиковой по сути дела впервые поставлены вопросы о причинах заимствования народом тех или иных стихотворений, о характере творческой работы над ними народа, кроме того, в ней имеются важные сведения об авторах, времени создания и первых публикациях стихотворений русских поэтов, ставших народными песнями.

С этой работы четко определился особый интерес Новиковой к проблеме взаимосвязей литературы и фольклора, к которой в том или ином плане она обращается на протяжении всей своей научной деятельности. В дальнейшем расширился включенный в исследование материал, уточнялся круг разрешаемых вопросов, но основное направление научной работы и научных интересов — изучение книжной и народной лирики — остается неизменным на протяжении многих лет.

После окончания аспирантуры Новикова была направлена в Харьковский государственный университет, где работала доцентом до 1941 г. Затем — Великая Отечественная война, эвакуация, работа в Оренбургском (Чкаловском) педагогическом институте. Но и во время войны она не прекращала научную и собирательскую деятельность.

С 1943 по 1949 г. Новикова возглавляет кафедру русской литературы Тульского педагогического института, а в 1955 г. защищает в Институте мировой литературы им. А. М. Горького докторскую диссертацию на тему «Стихотворения русских поэтов XIX в. в устном народном творчестве». В этом исследовании влияние литературы на фольклор, идейное и художественное воздействие стихотворений русских поэтов XIX в. на народные лирические песни было показано на обширном и в ряде случаев впервые введенном в научный оборот материале. Ею исследовались некоторые повые, неизвестные ранее стихотворения революционного содержания, раскрывались литературные источники ряда песен, были высказаны новые аргументированные предположения об авторстве некоторых песен литературного происхождения.

Таким образом, Новиковой принадлежит крупная заслуга широкой теоретической и конкретной историко-литературной разработки проблем взаимосвязей фольклора и литературы. В этой области она лишь в известной части опиралась на результаты имевшихся исследований, особенно на труды И. Н. Розанова, который был одним из пионеров в изучении литературных источников русских народных песен. И не случайно, что именно Новикова написала проникновенную книгу об этом выдающемся филологе, исследователе русской литературы и фольклора, обладателе уникальной библиотеки, ныне переданной в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве — «Иван Никонорович Розанов». М., 1966 г. (Сер. «Замечательные ученые Московского университета»).

Не только в диссертациях, но и в статьях разных лет («Роль и значение революционной литературной песни в рабочем фольклоре» (1965), «Стихотворения М. Ю. Лермонтова в устном народном творчестве» (1968), «Стихотворения Н. А. Некрасова в русском революционном движении» (1968), «Идейно-художественное воздействие революционной поэзии на рабочие песни» (1971), «Творческая история трех песен литературного происхождения» (1978) и многих других) Новикова с особой обстоятельностью собрала и осмыслила многочисленные факты фольклоризации стихотворений русских поэтов в соответствии с принципами фольклорной эстетики, закономерностями перехода стихотворений в народную песню.

Исследования Новиковой в ряде случаев расширяют и уточняют сложившиеся представления о месте и значении произведений русских поэтов в устном репертуаре народных масс. Так, долгое время создавалось впечатление, будто песни А. В. Кольцова почти совсем не поются в кре-

стьянской и рабочей среде. Это мнение прочно держалось в дореволюционной фольклористике. Только в последнее время благодаря материалам, собранным советскими фольклористами, в том числе и самой Новиковой, удалось внести коррективы в обычное представление о судьбе песенного наследия А. В. Кольцова, а заодно и о самом А. В. Кольцове как собирателе фольклора (немалую роль сыграли здесь ее статьи «Песни А. В. Кольцова в устном народном творчестве» — 1958, «А. В. Кольцов — собиратель песен Московской губернии» — 1971). Примеров нового и творческого подхода Новиковой к установившимся в науке представлениям можно было бы привести множество.

Однако проблема взаимосвязей литературы и фольклора не единственная в научном наследии А. М. Новиковой. Каждый, кто знаком с ее трудами по фольклору, отмечает прежде всего исключительную широту и разносторонность научных интересов, глубину эрудиции. По существу нет ни одного жанра фольклора, изучением или собиранием которого Новикова не занималась бы. Здесь и лирические песни, и частушки, и сказки, и произведения рабочего фольклора, календарно-обрядовая и свадебная поэзия, детский фольклор, пословицы и поговорки и т. д. По каждому из этих жанров А. М. Новиковой написана или книга, или статья, или глава в учебнике по фольклору для вузов. И всякий раз исследование того или иного жанра в работах Новиковой приводит к новым и плодотворным выводам, является весомым вкладом в разработку проблем, интересующих современную фольклористику.

Новиковой принадлежат содержательные работы о народной лирике. Составленный ею и вышедший в свет в 1957 г. сборник «Русские народные песни» до сих пор является настольной книгой для фольклористов, вузовских преподавателей устного народного творчества, для всех любителей народной поэзии. Сборник этот, снабженный обстоятельным научным комментарием, содержит сюжеты почти всех известных науке народных традиционных лирических песен и песен литературного происхождения, причем многие из текстов записаны самой Новиковой во время фольклорных экспедиций.

Ни один исследователь народной лирики не пройдет и мимо небольших по объему, но чрезвычайно содержательных статей Новиковой «О строфической композиции традиционных лирических песен» (1971), «Народные тюремные песни второй половины XIX—начала XX века» (1975), «Народные кумулятивные песни» (1979) и многих других, опубликованных в XII и XV выпусках ежегодника «Русский фольклор», в различных периодических изданиях.

Заметным событием в современной фольклористике стал выход в свет в 1981 г. сборника «Свадебные песни Тульской области», составителями которого являются А. М. Новикова и музыковед С. И. Пушкина. Сборник этот запечатлел не одномоментную картину. Свыше 50 лет копились для него материалы. Сюда включены записи, сделанные Новиковой еще в 20-е годы, и варианты тех же песен, записанные в 60—70-е гг. Сравнивая варианты одних и тех же песен, записанные в разное время (порой в одних и тех же местах), можно судить о процессах, протекающих в фольклоре, и в частности в свадебной поэзии в советскую эпоху. Записи эти интересны и в другом отношении. Они выполнены по предложенной Новиковой методике, учитывающей строфическую композицию традиционных песен. Это позволило дать потную расшифровку многих песенных текстов. Очень содержательны и комментарии к сборнику, в которых дается история бытования каждого текста.

Свой юбилей Анна Михайловна ознаменовала выходом в свет новой книги «Русская поэзия XVIII—первой половины XIX в. и народная песня» (1982). И в этом учебном пособии теоретические проблемы взаи-

мовлияния фольклора и литературы проанализированы, как это присуще всем работам Новиковой, глубоко, многопланово, разноаспектно.

Особо следует отметить благородную, неустанную, поистине подвижническую работу Анны Михайловны по воспитанию все новых и новых поколений фольклористов, по подготовке научных кадров для высшей школы и научно-исследовательских институтов. Во всех концах Советского Союза — на Дальнем Востоке и в Прибалтике, на Севере и в южных областях РСФСР, в Сибири, в Чувашской и Удмуртской АССР — можно встретить преподавателей вузов, научных работников, которые под руководством Новиковой прошли аспирантуру, защитили кандидатские и докторские диссертации, причем не только по фольклору, но и по древнерусской литературе, русской литературе XVIII и XIX вв.

С 1955 г. по настоящее время Анна Михайловна работает в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской (МОПИ), из них свыше 15 лет — с 1955 по 1970 г. — заведующей кафедрой русской литературы. Закономерно, что именно при кафедре русской литературы МОПИ создан республиканский научно-методический центр по фольклору, руководителем которого является Новикова. В МОПИ проведено несколько семинаров для преподавателей русского народного поэтического творчества педагогических институтов РСФСР, ежегодно издается республиканский сборник трудов по актуальным теоретическим проблемам современной фольклористики, по вопросам преподавания фольклора в школе и в вузе (уже издано 8 выпусков). В этих сборниках самое активное участие принимают преподаватели и аспиранты не только кафедры русской литературы МОПИ, но и других литературоведческих кафедр педагогических институтов республики. А. М. Новикова — бесменный ответственный редактор этих сборников и один из постоянных его авторов.

А сколько поколений студентов Анна Михайловна открыла прекрасную и вечно влекущую к себе страну народной поэзии! И не только на интереснейших лекциях и практических занятиях. Во всех педагогических вузах республики студенты изучают фольклор по учебнику и хрестоматии «Русское народное поэтическое творчество», выдержавших уже два издания и получивших высокую оценку преподавателей и студентов. В создании этих учебных пособий принимали участие известные советские фольклористы: академик Б. А. Рыбаков, Т. М. Акимова, М. А. Вавилова, В. А. Василенко, В. И. Игнатов, М. Г. Китайник, А. И. Лазарев, Л. Г. Орлов, В. М. Сидельников. А. М. Новикова — редактор и автор многих глав и разделов этих учебных пособий. Ею же составлены программа «Русское устное народное творчество» для педагогических институтов (1978), в соавторстве с Е. А. Александровой семинарий «Фольклор и литература» (1978), в соавторстве с С. А. Джанумовым практикум по курсу «Устное народное поэтическое творчество» (1980).

Вот уже более 25 лет на факультете русского языка и литературы МОПИ в системе Научного студенческого общества активно работает созданный по инициативе профессора А. М. Новиковой фольклорный кружок. И все эти годы Анна Михайловна — его постоянный и бесменный руководитель. Можно без преувеличения сказать, что фольклорный кружок является одним из самых популярных и авторитетных кружков среди студентов факультета. В этом кружке студентам представляется полная возможность проявить свою творческую индивидуальность, найти себя, свое место в науке еще в стенах вуза. За свои научные работы многие студенты из кружка Анны Михайловны награждались грамотами, дипломами как на республиканском, так и на Всесоюзном конкурсах студенческих работ. Немало членов фольклорного кружка, окончив институт, стали аспирантами, кандидатами наук, преподавателями вузов.

За годы существования фольклорного кружка под руководством Новиковой проведено 36 фольклорных экспедиций. Маршруты самые разнообразные: Калужская, Тульская, Орловская и другие центральные области РСФСР. Основная же цель фольклорных экспедиций — изучение современного состояния фольклора Московской области. По материалам экспедиций публикуются отчеты в ежегоднике «Русский фольклор», подготовлен к печати сборник «Фольклор Московской области» под ред. А. М. Новиковой, написаны многочисленные статьи. Многие записи, сделанные Анной Михайловной и студентами во время экспедиций, приведены в упомянутых выше книгах — хрестоматии «Русское народное поэтическое творчество», сборнике «Свадебные песни Тульской области». Таким образом, экспедиции не просто являются своеобразной фольклорной практикой для студентов, но и имеют определенную научную ценность.

Накопец, нельзя не сказать и о той большой общественной и научно-методической работе, которую ведет Анна Михайловна, являясь в течение нескольких десятков лет членом ученых комиссий Министерств просвещения СССР и РСФСР, членом специализированных ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в МГПИ им. В. И. Ленина и в МОПИ им. Н. К. Крупской.

За свою многогранную плодотворную деятельность, за свои трудовые свершения Новикова награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», значками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР», медалью «Ветеран труда».

Состоявшееся 22 декабря 1982 г. торжественное заседание Ученого совета факультета русского языка и литературы МОПИ им. Н. К. Крупской, посвященное чествованию профессора А. М. Новиковой в связи с ее юбилеем, показало, каким уважением и признанием пользуется научная и педагогическая деятельность Анны Михайловны в широких кругах научной общественности, как высок ее авторитет среди преподавателей вузов, аспирантов и студентов. Это признание Анна Михайловна Новикова заслужила не только как крупный исследователь и собиратель русского фольклора, но и как неутомимый труженик, прекрасный педагог и воспитатель, доброжелательный, строгий и принципиальный научный руководитель, отзывчивый, скромный и обаятельный человек.

С. А. Джанумов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Выходцев П. С.</i> (Ленинград). Современное состояние русского фольклора на Беломорье. (Проблема регионального обследования)	5
<i>Сорокин В. Б.</i> (Москва). О собирании фольклора в подмосковном этнографическом регионе	30
<i>Лобанов М. А.</i> Старинные обряды и традиционный фольклор в деревнях и селах по р. Кулой, Абрамовскому и Зимнему берегам Белого моря	35
<i>Лазарев А. И.</i> (Челябинск). Современное состояние фольклора Челябинской области	50
<i>Матвеева Р. П.</i> (Улан-Удэ). Собрание русского фольклора Сибири	61
<i>Мельников М. Н.</i> (Новосибирск). Региональное своеобразие фольклора сибириков	68
<i>Новоселова Н. А.</i> (Красноярск). Собрание фольклора в Приангарье	77
<i>Федорова В. П.</i> (Курган). Собрание фольклора в Зауралье	87
<i>Кудряшова В. М.</i> (Сыктывкар). Сказки о былинном Илье среди коми (зырян)	92
<i>Тресков И. В.</i> (Нальчик). Былины и сказы на Тереке	97
<i>Власова Э. И.</i> (Ленинград). О принципах публикации современных песенных записей	107
<i>Розов А. Н.</i> (Ленинград). Экспедиционная работа по русскому фольклору на территории СССР за последнее десятилетие. (Обзор информации)	121

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Маргынова А. Н.</i> (Ленинград). О подготовке справочника «Фольклорные фонды СССР»	136
Из выступлений на Всесоюзной научной конференции по координации собирательской работы и архивному хранению произведений русского народного творчества	139
Резолюция конференции	198

ХРОНИКА

К 80-летию со дня рождения А. М. Новиковой	202
--	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР, Т. XXII

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Н. Немцова*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Л. М. Егорова, И. А. Корзмина*
и *О. В. Олендская*

ИБ № 20641

Сдано в набор 19.10.83. Подписано к печати 20.06.84.
М-18458. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага книжно-
журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 18,20. Усл. кр.-отт. 18,45.
Уч.-изд. л. 19,06. Тираж 1850. Тип. зак. 881.
Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12